

к. 635 (2)
939

Николай Ядринцев

**Сибирь
как колония**

Николай Михайлович ЯДРИНЦЕВ

Сочинения

*Под редакцией С.Г. Пархимовича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

К 60. 9

Николай Михайлович
ЯДРИНЦЕВ

Том первый

Сибирь как колония

Современное положение Сибири.
Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее

Нижегородское
МУ "БИС"
ИНВ. № 96805/1-1-КО

Ю. МАНДВИКИ

Тюмень, 2000

Я 32 ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович

Сочинения: Т. I. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 480 с. — (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Книга «Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее» — переиздание работы известного ученого, общественного деятеля и писателя Н.М. Ядринцева.

Адресована всем, кто интересуется историей края, Сибири.

- © Мандрика Ю.Л. (составление), 2000.
- © Пархимович С.Г. (комментарии), 2000.
- © Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2000.
- © Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-076-9
ISBN 5-93020-084-X (том I)

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович
(1842—7.06.1894)

Из племени областников

Накопление научных знаний о Сибири началось задолго до присоединения этого края к России. Первыми сибирскими красавцами были арабские географы, западноевропейские путешественники, купцы, миссионеры и дипломаты (Марко Поло, Плато Карпини, Сигизмунд Герберштейн, Матвей Меховской и др.) и русские первопроходцы, участники новгородских и московских военных экспедиций за Урал.

Авторы научных трактатов и летописцы этого периода, как правило, знали о Сибири понаслышке, получая сведения из вторых, третьих уст. Поэтому в их описаниях реальные сведения перемежались с фантастическими, а Сибирь была окутана ореолом таинственности, развеять который предстояло грядущим поколениям исследователей.

Начиная с конца XVI века, колонизационный поток увлекал за Урал тысячи и десятки тысяч русских поселенцев, каждый из которых открывал для себя Сибирь. Постепенно прежняя terra incognita становилась для новых сибиряков осозанной, зримой, родной страной. Постоянно общаясь с аборигенами края, русские жители знакомились с их языками, обычаями, фольклором. В их повседневную жизнь прочно вошли местные названия рек, тор и урочищ...

Новые знания закрепились в устной традиции и в течение нескольких десятилетий были достоянием лишь самих русских сибиряков, доходя гулким эхом до европейцев.

Семнадцатый век в сибирской историографии по праву можно назвать летописным. Именно в летописях — общесибирских и городских — в сжатой форме были сконцентрированы реальные сведения о сибирских народах, хроника похода Ермака и «поставления» первых русских городов и острогов в Сибири. Эти сочинения должны были ответить на сакраментальный вопрос, поставленный еще в «Повести

временных лет»: «кто... ..первое княжити начал, и откуда пошла есть земля Русская» (читай — сибирская).

К концу семнадцатого века третье поколение русских сибиряков воспринимало этот край как свою Родину, поэтому интерес к его истории был вполне понятен. Первые собственно сибирские краеведы проявили себя в петровскую эпоху: историк, картограф и этнограф, уроженец Тобольска Семен Ульянович Ремезов и сибиряк поневоле, сосланный из Малороссии Григорий Новицкий — автор «Краткого описания о народе остяцком». Однако их начинание не было подхвачено земляками: грамотные люди в Сибири были большой редкостью. Долгое время Северную Азию изучали просвещенные «варяги», в большинстве своем иностранцы: Н. Спафарий, Н. Витсен, Ю. Крижанич, Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер и другие.

Наконец, к середине девятнадцатого века Сибирь созрела для изучения «самого себя». Прервавшуюся традицию местных летописцев Ремезова и Новицкого возродил Петр Андреевич Словцов. Его фундаментальный труд «Историческое обозрение Сибири» (1838—1844) современники оценили как «эпоху в сибирской исторической науке». Его видение особого места Сибири в российской истории и идея сибирского патриотизма были с восторгом и энтузиазмом подхвачены земляками.

К концу 50-х—началу 60-х годов созрело поколение молодых исследователей-сибиряков, идейных последователей П. В. Словцова: Г. Н. Потанин, Н. С. Шукин, С. С. Шашков, Н. М. Ядрищев и другие. Для них, ровесников «Исторического обозрения Сибири», этот огромный край был не только объектом научного изучения, но и родным домом. Поэтому их отношение к природе и истории Сибири, судьба ее народов, в отличие от холодной академичности и бесстрастности заезжих профессоров, было в высшей степени эмоциональным. Более того, их волновало не только прошлое, но и настоящее, и будущее Сибири.

В 1860 году, будучи студентами, эти молодые люди создали в Санкт-Петербурге кружок сибирского землячества, в недрах которого вскоре оформились идеи нового общественно-политического движения, получившего название «сибирское областничество». Областники считали Сибирь колонией России и призывали к отделению ее от метропо-

лии. По их мнению, Сибирь, добившись экономической и политической независимости, могла пойти по пути Соединенных Штатов Америки и достичь процветания. Полагая, что немедленное отделение от России нереально, они требовали для начала отменить уголовную ссылку в Сибирь, открыть там университет и т.п.

Одним из лидеров областников был Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894), уроженец Омска. После трех лет учебы в Санкт-Петербургском университете он вернулся на родину, где вместе с Г. Н. Потаниным продолжил активную пропаганду идей областничества. Их многочисленные публичные выступления и статьи в «Томских губернских ведомостях» имели заметный общественный резонанс. Просветительская деятельность Ядринцева «сотоварищи» до поры, до времени не вызвала особых нареканий со стороны властей. Гром грянул лишь в 1865 году, когда уличенные в пропаганде сепаратизма областники были арестованы и заключены в омскую тюрьму. По делу «Об отделении Сибири и образовании республики, подобно Соединенным Штатам» были осуждены 19 человек, в том числе и Ядринцев.

Три года заключения и последовавшие шесть лет ссылки не прошли даром для Николая Михайловича. Он продолжал собирать научные материалы, написал ряд научных и публицистических статей, в которых продолжал отстаивать идею особого места Сибири в российской истории, но ее будущее видел уже только в составе России.

В 1876 году Ядринцев вновь вернулся в Омск и поступил на службу в Главное управление Западной Сибири. Позднее он благодарил судьбу за то, что она свела его с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Н. Казнаковым, который сочувственно относился к идеям своего подчиненного и всячески поддерживал его инициативы. Неугомонный Ядринцев сразу же развернул активную общественную и научную деятельность. Спустя год в Омске при его участии был создан Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, а в 1882 году Ядринцев основал газету «Восточное обозрение» с приложением «Сибирский сборник», где краеведческая тематика было приоритетной. Кипучая энергия, разносторонность научных интересов и работоспособность Николая Михайловича поразительны. Посвятив вторую половину жизни изучению быта и решению проблем коренно-

го населения Сибири и переселенцев из европейской части России, он совершил в то же время несколько комплексных экспедиций на Алтай, в Минусинский край и Монголию. В 1891 году за успешную и плодотворную научную деятельность Ядринцев был награжден золотой медалью Русского географического общества. Певец Сибири и «друг переселенцев» регулярно печатал публицистические статьи в «Востоковом обозрении», «Вестнике Европы», «Русских ведомостях», «Русской жизни» и других изданиях.

Главным результатом его изысканий и раздумий о прошлом и будущем Сибири явились две монографии — «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы: их быт и современное положение» (1891). В них он предстает одновременно как ученый и публицист, причем вторая ипостась превалирует. И сегодня, спустя более ста лет, эти работы читаются с интересом и, несомненно, представляют собой не только историографическую ценность. Их автор собрал богатый фактический материал, использовал работы многих ныне забытых исследователей. Ряд поднятых им проблем, в частности — вымирание коренных народов, актуальны и по сей день, хотя и приобрели новую окраску.

В то же время современному читателю наверняка смутят некоторые обобщения Ядринцева и небезупречная терминология («этнологическая борьба», «высшие и низшие расы и племена» и т.д.). Но из контекста все же видно, что повода для обвинения его в расизме нет: под «высшей расой» (культурой) Ядринцев подразумевает просвещенную европейскую цивилизацию, до высот которой должны в конечном счете подняться «дикие» сибирские аборигены (в необходимости этого пути и способности их к достижению названной цели он не сомневается). Не всегда тезисы Ядринцева согласуются с приводимым им же фактическим материалом (заметно преобладают данные по Забайкалью и Восточной Сибири). Так, приводя примеры голода среди русских и инородцев, он делает вывод о вымирании последних. В другом случае, декларируя культурное превосходство русской национальности над аборигенами Сибири, исследователь на ряде примеров доказывает неспособность представителей «высшей расы» не только поднять аборигенов на свой уровень, но и сохраниться среди них как этнос.

С другой стороны, Ядринцев безусловно добился главного: он привлек внимание к сложной сибирской пробле-

матике широких кругов научной общественности и власть предержащих, призвал к безотлагательному принятию необходимых мер для улучшения жизни «несчастливого края». Мрачную и безотрадную панораму сибирской жизни лидер сибирских областников завершает строками, полными надежд на светлое будущее этого края, когда в нем вопарятся гражданские права и свободы, прекратятся злоупотребления властей, ссылки в Сибирь, распространится образование и т.д. Отрадно сегодня сознавать, что многое из перечисленного стало явью...

С. Пархимович

*Колонии посвященного общества, утверждающиеся
в безлюдной и малонаселенной стране,
скорее всякого другого человеческого общества движутся
к богатству и благосостоянию.*

Адам Смит

От автора

Посвятив большую часть жизни изучению края ипересного, но малоизвестного, мы решились соединить в одно целое все наши наблюдения и плоды литературных работ о Сибири, чтобы дать картину современной жизни нашего Востока, поучительную для русского общества. Если склад народной жизни в европейской России вызывает ныне особое внимание, то не менее интереса может представить проявление той же жизни русского народа на обширных окраинах среди новых условий и новой обстановки. Несомненно, что здесь, среди девственной природы, характер того же населения должен проявляться оригинальнее и самобытнее. Передать некоторые черты из жизни этого края и познакомить с ним ввиду недостатка сочинений и существования смутных представлений о Сибири было нашей целью.

Мы имели в виду рассеять предубеждение и ложное понятие о нашем Востоке, сложившееся по его печальному прошлому, и показать, что этот край мог бы при лучших условиях быть страшной довольства, богатства и счастья.

Наши владения на Востоке и обширные пространства Сибири получают особое значение теперь, когда поднимается «переселенческий вопрос», на котором сосредоточено одинаково внимание правительства и общества. Русский народ стремится издавна проложить тропу в Сибирь, и ввиду чувствозмой потребности переселений этот край несомненно будет играть в будущем еще большую роль. Избыток населения и потребность в земле не только не ослабляют, но постепенно будут возрастать, и поэтому места, свободные для переселений, будут цениться более и более. Малонаселенные земли, по выражению Литтре, призваны играть огромную роль в будущности человечества.

Мы имели в виду рассмотреть положение Востока именно с этой точки зрения. Затем мы не могли не коснуться того этнологического процесса и всех изменений, какие со-

вершаются в обстановке новой страны. Необходимо изучить все особенности ее, влияние на человека, все оригинальные проявления быта для того, чтобы составить понятие об условиях человеческого существования здесь. Наконец в этой стране мы видим зарождающееся общество, в котором проявляются те же человеческие стремления, постепенно формируются кости и мускулы живого организма, совершается промышленный и культурный рост, пробуждаются гражданская жизнь и духовные потребности, которые требуют удовлетворения.

Конечно, трудно было дать полную картину жизни и всех оттенков ее ввиду разнообразия племен и народностей, раскиданных на обширнейших в мире пространствах. Но мы старались хоть отчасти обобщить добытые этнографические наблюдения в различных местностях края, сознавая, что подробная научная разработка еще впереди. Наши очерки имеют скорее в виду возбудить любознательность и интерес к изучению Востока. Имея перед собой наступающее трехсотлетие исторического существования края, мы считали не бесполезным представить некоторые итоги, познакомить с насущными потребностями и с вопросами, выступающими в его жизни.

Касаясь современного положения Сибири, рядом с исследованиями в своих текущих литературных работах мы должны были часто давать ответы на немолчные запросы жизни, поэтому тон нашего изложения не всегда является объективным и спокойным; но едва ли мы заслуживаем упрека в том, что, приходя на зов жизни, мы стремились ответить на него всеми силами души и полагали здесь весь жар своего сердца. Принадлежа к поколению, стремившемуся сознательно отнестись к нуждам своей родины и быть ей полезным, мы старались внести посильную дань в изучение ее вопросов, веруя, что другие поколения, одушевленные тою же любовью, выполнят последующие задачи гораздо полнее и лучше нашего.

1881 — 1882 гг.

С.-Петербург.

Русская народность на Востоке

I.

Естественные и географические условия Сибири. — Климат и топография. — Естественные богатства. — Удобства жизни. — Реки как пути сообщения. — Будущность края в условиях географического положения. — Расплавление русского населения, его распространение. — Отношение к инородческому элементу. — Взаимные влияния. — Вырождение и результат смешения. — Культурное влияние. — Пропорция русского населения к инородческому. — Средства сохранения национальности и свойства высшей расы.

Немного найдется стран, представляющих столько нового, оригинального и любопытного, как в естественноисторическом, так и этнологическом отношениях, подобно нашей восточной окраине, и в то же время едва ли существует страна, о которой бы соотечественники знали менее и имели более смутные и неопределенные понятия. Несмотря на то, что уже три столетия, как край этот приобретен русскими и более полутора века открыт для исследования науки*, несмотря на то, что первейшие светила европейской учености, как Гумбольдт, Лелебур¹, Эренберг, Розе², Бернард Котта и другие, удостоили его исследованиями и оставили здесь свои блестящие имена, несмотря на то, что со временем Мессершмидта и Палласа в Сибири пребывало множество путешественников и экспедиций; Гмелин, Георги, Клапрот, Кастрен изучали здесь азиатские народности, а в последнее время география Азии, и в том числе Сибири, освещена великими трудами Риттера; несмотря на это, познания о Сибири весьма слабо проникли в русское общество. Многие доселе верят еще, что громадная плю-

* Первые сведения о Сибири занесены в Книгу большому чертежу 1627 г., а вообще Зауралье было известно русским с 1465 г. О Сибири упоминается в космографии Себастьяна Мюнстера в 1544 г.

Списки, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены на С. 474—478. К словам, обозначенным астериском (), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы. — Прим. издателя.*

щадь, лежащая к востоку от Урала, представляет негостеприимную пустыню с суровым климатом, вечными зимами, неудобную для культуры и страшную для жизни. Это предубеждение невежества доселе тяготеет над злосчастною страной.

Отдаленность края, его нетронутость, подавляющая природа, могучее проявление стихий и трудность борьбы с природою в новых местах, как и сознание бессилия, чувствуемое не подготовленным для борьбы человеком, в связи с мифом о неизвестном и таинственном, всегда устрашающим, действительно заставляли видеть в этом крае нечто негостеприимное, но эти предубеждения день ото дня разрушаются жизнью, и несомненно придется когда-нибудь пожалеть, что наше незнание помешало оценить настоящее значение столь богатого края для государства.

Поэтому, приступая к описанию жизни и истории распространения русского населения на Востоке, мы считаем нелишним хотя бегло познакомиться с географическими и топографическими условиями нашего Востока по современным данным.

Пространство Сибири от Урала и до Восточного океана и от южных степей, входящих в состав края, до Ледовитого океана, т. е. между 45° и 77° северной широты, определяется пыпе в 245700 кв. миль, или 11885400 кв. верст, причем должно сказать, что все исчисления дают только приблизительное понятие о величине территории за неприведением в известность всех земель на этом огромном протяжении*. Во всяком случае должно признать, что территория азиатской России, или Сибири, превосходит европейскую Россию вместе с Финляндией и Царством Польским более чем вдвое; мало того, она занимает пространство большее, чем вся Европа, составляет четвертую часть Азии, превосходит Австралию и немного менее половины Африки. Такое протяжение территории заставляет приравнивать ее скорее к частям мира, чем к областям государства. Одна из губерний, далеко не самая большая, — за Уралом, Томская, составляет 18% всей России, превосходит Великобританию в $2\frac{1}{2}$ раза, Пруссию — в 3 раза, Францию — в $1\frac{1}{2}$ раза. Эта губерния равняется 15688 кв. милям, но рядом с нею Тобольская занимает уже 25749 кв. миль.

* По последним сведениям, пространство Сибири показывается в 226924 кв. м, но здесь не принимаются во внимание две области, Акмолинская и Семипалатинская. По исчислениям г. Венюкова, пространство азиатской России равняется 268855 кв. м. Кроме 245000, указанных нами, 61400 кв. м приходится на туркестанские владения.

Все протяжение Западной Сибири равно 2964649 кв. верстам и Восточной Сибири 8654000 кв. верстам. Такая часть мира едва ли может почтяться когда-либо излишнею и ненужною для человечества. Раскидываясь от Полярного круга до среднеазиатских степей, эта страна заключает все климаты — от вечных полярных львов до среднесизиатских жаров, от безжизненной тундры и ледяных пустынь с ископаемыми мамонтами, усеявшими своими костями побережья Ледовитого моря, до цветущих благословенных уголков у подножия Алтая, до роскошных оазисов Чуйской долины и озера Иссык-Куля, до берегов поражающего южною растительностью Амура. Эти изменения в климате сопровождаются самыми причудливыми изменениями природы с самой разнообразной флорой и фауной. Таким образом, только разве часть Сибири в широтах полярного холода, под 70°, может быть признана суровой по климату и труднодоступной для жизни, но и это можно признать, только игнорируя тот факт, что торговцы и промышленники уже основали здесь свои фактории и что здесь издавна существует значительное инородческое население со своим промыслом. Что касается средней и южной Сибири, то она обладает умеренностью климата, не уступающей средним губерниям России; мы не говорим уже о тех уголках, дышавших южною природою, которым может позавидовать Малороссия и которые влекут ныне к себе целые потоки русского крестьянства.

Все, что можно сказать, — это то, что континентальный климат Сибири обладает крайними переходами от суровых зим к жаркому лету, но это жаркое, почти тропическое лето вознаграждает человека за леденящий мороз, как яркие цветы Сибири награждают за бледные покровы зимы.

Для человека, привыкшего к климату Великороссии, зимы Сибири не кажутся более тягостными. Вскрытие рек в апреле и замерзание в октябре и ноябре не представляет ничего необыкновенного*. Напротив, в различных широтах Си-

* Недавно напечатанные таблицы замерзания сибирских рек в записках Зап.-Сиб. отдела Географического Общества, кн. 2, 1880 г. дают следующие указания:

	Вскрытие	Замерзание	
Юг Сибири: Бия — в Бийске	11-13 апреля,	2 ноября	28 октября
Омь — в Омске	12-22 «	1 «	28 «
Обь — Барнаул	12-19 «	24 «	27 «
Иртыш — Усть-Каменигорск	10-18 «	10 ноября	11 ноября
Средн. Сибирь: Томь — Томск	21-22 «	16 октября	27 октября
Тобол — Тобольск	13-25 «	8 ноября	3 ноября
Север: Обь — Обдорск	19-24 мая	22 октября	28 октября
Обь — Нарым	30 апреля	12 октября	3 ноября

бири, как доказывает сама жизнь, легко акклиматизовывается самое разнообразное по привычкам население, начиная с малоросса и бессарабца, кончая архангельцем; малороссы при этом выбирают более южные степи Сибири. Вообще же полоса между 60° и 45° представляет слишком достаточно простора на огромном протяжении в 8000 в., чтобы найти место для жизни и развернуть известную культуру*.

Природа и топография Зауралья представляет крайнее разнообразие. На большом протяжении здесь чередуются равнины, степи, огромная лесная полоса и наконец на юге и востоке проходят несколько значительных горных хребтов, придающих многим местностям Сибири горный характер. Степи средней Сибири весьма отличаются от среднеазиатских и киргизских степей; так называемая барабинская, ишимская и кулундинская степи составляют не что иное, как равнины, покрытые роскошной травяной растительностью и усеянные берсозовыми рощами, плодородие которых изумило академика Миддендорфа. Некоторые степи можно назвать пампасами Сибири, среди них помещаются огромные водные бассейны вроде озера Чаны, занимающего 2910 кв. верст, окруженного массой других второстепенных озер. Озера эти усеяны табунами сибирской дичи. К югу степи покрыты солеными озерами.

Благодаря обширным пастбищам на севере и юге Сибири в ней пропитывается, по последним сведениям, только в одной западной половине 11249900 голов скота, в том числе 2703300 лошадей, 93500 оленей, 170500 верблюдов, 1606000 рогатого скота и 5679300 баранов. При этом верблюды, 1300000 лошадей, 700000 рогатого скота и 4200000 баранов приходится на киргизскую степь, а остальное — на земледельческую полосу. Если мы прибавим к этому половину такого количества скота в Восточной Сибири, мы поймём, что скотоводческие богатства Сибири замечательны и превосходят австралийское скотоводство, считавшее недавно до 10000000 голов скота.

Лесная полоса Сибири, начинающаяся с 57° с. ш., простираясь к северу, представляет сплошные урманы и тайги. Северная тайга сменяется к югу в Кузнецком и Бийском округах Томской губернии так называемой «чернью».

Эти девственные леса изобильны вековыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойных

* Пространство, удобное по климатическим условиям для жизни и для культуры, между 60° и 45° исчисляется в 115152 кв. миль.

деревьев, а в южной черни — береза, тополь, осина и даже липа увеличивают разнообразие; множество ягод, кустарники, как таволга, жимолость, аргай, и другие породы прибаллают растительность, а дикий хмель и выюпные растения, обвивая эти леса лианами, напоминают кущи девственной Америки.

Лесная площадь Западной Сибири в 11 округах Томской и Тобольской губерний считается в 56 миллионов десятин, не считая лесов Семипалатинской и Акмолинской областей, имеющих около 1 миллиона десятин. Такое количество превышает пространство казенных лесов трех крупных северных губерний России, Олонечкой, Вологодской и Пермской, имеющих только 55000000 десятин. Мы не говорим о лесах Восточной Сибири и Амура, превышающих приведенные цифры более чем вдвое.

На юге Сибири обилие рек, падающих с высоких гор в плодородные долины, составляет ирригацию этой местности. В то же время долины Бухтармы или часть Забайкалья и Амура пользуются благословенным климатом.

Цветущая альпийская растительность здесь покрывает дуга и склоны гор, благоприятствуя развитию скотоводства и пчеловодства, которые представляют ныне уже богатые зачатки жизни. Многие горные местности Алтая и Минусинского края по своей живописной природе не уступают Швейцарии, а течение Иртыша в горах напоминает Рейн. Горный район одной Западной Сибири равняется пространству пяти европейских Швейцарий и представляет несравненно более разнообразия. В ней те же альпийские озера, величественные водопады и вершины гор, увенчанные облаками и вечным снегом*. На юге Сибири, в Катунских альпах, находится свой Монблан, не менее живописный, со спускающимися в долину глетчерами. Горы Сибири достигают высоты 10 и 12 тыс. футов над поверхностью моря. Хлебопашество на них простирается до высоты 4000 ф. Обращаясь вообще к полосе, доступной для земледелия, мы не можем не признать, что ввиду протяжения Сибири полоса эта не может быть незначительной. Почвенные условия в большинстве крайне благоприятны. Десять округов Тобольской губернии и почти вся Томская, исключая северные

* Алтайская флора роскошна и разнообразна: фиалки, жасмин, белая и желтая роза, сибирские лилии, лионы, дельфикум, роскошные махвы, гиацинты, великолепные рододендроны покрывают горы.

части Нарымского округа, находятся в земледельческой полосе; точно так же и значительная часть Енисейской, Иркутской губерний и всё Забайкалье. Земледелие распространяется ныне в степях и горных местностях Сибири, где азиатские народы издавна употребляют орошение.

Почва Сибири по своей тучности не требует удобрения. Брем выразился, что настоящее золото Сибири — это её чернозем. Урожай на девственной почве огромный.

Таких способных к хлебопашеству земель Министерство Государственных Имуществ высчитало в Западной Сибири 660915 кв. в., или 69465866 десятин, или 32,4% общего пространства, а в Восточной Сибири 1612390 кв. верст, или 167890110 десятин. Несмотря на этот поверхностный расчет, одни цифры поражают воображение. По сведениям казенных палат, в числе крестьянских надслов пахотных земель к 1878 г. в Тобольской губернии было 5773272 дес. и вдвое более в Томской.

Но русское население ежегодно еще завоевывает множество земель из-под лесов, и земледельческое пространство все более расширяется. Приняв во внимание эту земледельческую полосу Сибири, мы должны признать, что в будущем здесь может найти пропитание население в несколько десятков миллионов, и Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения европейской России.

Огромные расстояния и континентальная замкнутость Сибири мешали долго её открытию и сообщениям с ней.

Морские берега её долго были недоступны, береговой континент беден расчленениями, но с другой стороны, внутренние пространства богаты наделены озерами и реками. Некоторые озера, как Байкал, составляют род внутреннего моря, оно равняется 576 кв. м. Озер величиною от 300 до 10 миль считается 17.

Что касается рек, то они еще более представляют удобства сообщения, и по ним издавна двигалась колонизация.

Сибирь обладает четырьмя первоклассными речными бассейнами, которые могут уподобиться только величине американских рек; три из них текут с юга на север и могут облегчить обеспечение продовольствия бесплодному северу произведениями юга. С другой стороны — огромные реки богатством притоков составляют сеть водного сообщения между западом и востоком. Совокупность всех четырех бассейнов,

обнимающая 152500 кв. миль, то есть $\frac{3}{5}$ всей азиатской России, показывает, что рано или поздно предоставится возможность обнять речным сообщением большую часть Сибири, от Якутска и Восточного океана до Камско-Волжского бассейна, и от Туруханска и Обдорска до Митусинска, Кяхты, Бийска, Зайсана и Уссурийского края. Ничтожность волоков давно возбуждает мысль о соединении небольших промежутков капалами; таких волоков на всем протяжении насчитывается не более двух.

Эти же волоки могут быть легко соединены ныне железными дорогами*.

Сами моря, как Ледовитый океан, являясь не столь недоступными, судя по последним экспедициям Норденшельда и опытам сношений Европы с Сибирью. Точно так же есть основание надеяться, что побережья Амура не всегда будут пустынными и торговля на Восточном океане получит оживление.

Что касается южных границ Сибири, отделенных от азиатских государств хребтами Тянь-Шаня, Алтая и Саян, как и среднеазиатскими пустынями, то нельзя сказать, чтобы сообщения с Азией не были доступны чрез них, хотя они и способствовали изолированию Сибири в древнее время. Намеченные уже русскими торговые тракты в Китай, Монголию и Туркестан при условиях новейшей цивилизации могут только совершенствоваться; поэтому азиатские государства не могут считаться для нас более чуждыми.

Такое географическое положение азиатской России, смыкающейся с одной стороны с европейским миром и соприкасающейся с другой — с внутренней Азией, не может не указывать в будущем важной политической и культурной роли, которая намечается её исторической жизнью.

Все будет зависеть от того, насколько русское население на Востоке сумеет овладеть своим положением и развить свои внутренние общественные силы. По естественным и экономическим произведениям Сибирь давно заслуживала внимание и обладает дарами природы в завидной степени.

* Соединение Камско-Волжского бассейна с Обским уже осуществляется проведением Тюменской железной дороги. А соединение Обского и Енисейского — каналом по пути, открытому Фунтусовым, подтвердилось изысканиями инженеров Сиденсера и Аминова и признано вполне осуществимым (см. Экспедиция Мишнер. Путь Сообщения на водоразделе Оби и Енисея 1875 г. капитан-лейтенанта Сиденсера. Изв. И.Р.Г.О., т. XIV, вып. 3).

До сих пор её богатства в виде пушнины, дорогих мехов, золота и минералов не всегда расчетливо эксплуатировались и, исчезая бесследно из страны, не создали прочной местной промышленности, но такое положение не всегда будет продолжаться.

Без сомнения, этому краю предстоит еще промышленное развитие, причем его естественные богатства будут открываться более и производительность увеличиваться.

Природные и естественные условия края таким образом открывают нам богатую страну вместо безжизненной пустыни. После того, как четырехмиллионное население, раскинувшись в различных широтах, создало здесь начало оседлости и формируется в гражданское общество, едва ли придет кому-либо в голову отвергать здесь возможность жизни. Напротив, обширные потоки колонизации и увеличивающееся влечение русского населения на Восток указывают, что ей предстоит когда-нибудь играть весьма важную роль в будущем. Вот почему на положение Востока, его жизнь, состав населения, его насущные нужды и потребности более, чем когда-либо, предстоит обратить внимание.

Рассматривая по этнографической карте распространение русского населения восточной окраины, от Урала к Восточному океану, мы видим следующую картину: по югу всей Сибири, тотчас по переходе через Урал, вплоть до границ верхней Тунгуски, впадающей в Енисей, тянется сплошная лента русского населения; эта сплошная масса занимает пространство между Верхотурьем и Троишком, Тобольском и Петропавловском, суживающемся между Тарой и Омском и несколько расширяющемся между Томском и Бией; далее, в Енисейской же губернии, по рекам, впадающим в Енисей, около Нижнеудинска она резко обрывается. Остальное пространство — пустыня; только по течению рек в этой пустыне тянутся еще тонкие красные нити населения по Оби, Енисею, Лене до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва разветвляясь кое-где в паутину, как, например, к Виллойску, или с Амура по правой стороне Усури и к Николаевску. Остальное пустынное пространство отмечено кое-где разбросанными крапинками и гнездами, как бы пикетами русской народности. В сущности, это распределение можно сравнить сдвигающейся на Восток колонной; сначала сплошной, потом суживающейся, наконец, совершенно теряющейся в пустыне, как теряется река в песча-

ной степи; неприятеля здесь изображает отгесняемый по ту и другую сторону инородец; армия эта ведет ожесточенную борьбу с природой; она намечает дороги, наводит мосты, рубит леса, и сс разведчики, часто удаляясь далеко вперед, не успевают оглянуться, как леса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются, и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдаленная от прочего населения.

Крутом этого русского населения и между ним по пустыням расположены инородцы, остатки финских³ и тюркских племен. На этнографической карте — по обе стороны красной ленты русского населения — пустыни Сибири отмечены этими азиатскими инородцами. Мы видим здесь самые разнообразные типы туземцев, примыкающих с юга и севера к русскому населению. Прежде всего тотчас за Уралом встречается с русскими племя вогулов, далее сибирские татары, потомки Маметкула; севернее — остяки, самоеды, тунгузы, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, гилаки; к югу окружают русских киргизы, алтайцы-калмыки, сойоты, буряты, корейцы, китайцы, а на западе — сарты и узбеки Туркестанского края.

Некоторые из этих инородцев, несмотря на то, что своими поселениями занимают обширные пространства, довольно малочисленны в сравнении с русскими, как тунгузы, чукчи, камчадалы; некоторые же — киргизы, буряты — составляют довольно значительное сплошное население, представляющее все задатки крепкого и прочного существования. В общей же сложности все инородцы, окружающие русское племя, своею численностью немного уступают русским.

Колонна русского населения прошла, как мы сказали, в середину, она раздвинула инородцев. Некоторые из них остались еще почти неприкосновенными, другие совершенно исчезли; есть и такие, которые перемешиваются с русскими или уцелели в самой середине, окруженные русским племенем. Несмотря на свое преобладание и расовое превосходство, русская народность не могла, однако ж, поглотить инородцев, не смешиваясь с ними, не купив свою победу слитием, т.е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом. Смешение это происходило и происходит по преимуществу там, где русское население теснее сталкивается с инородческими племенами и где оно уступает численностью, т.е. преимущественно по окраинам своей колонны.

Восприимчивая инородцев по сторонам, русское население в середине быстро всасывает, претворяет их и поглощает. Поэтому только около самых границ мы встречаем резкие инородческие помеси, а в середине идет уже сплошной слой русского племени, переваривший и переработавший уже смешанные элементы.

Такие ассимиляция и смешение с инородцами русского населения, закинутого за Урал около трех столетий назад и медленно освежаемого прилоками колонизации, не могли не наложить особой печати на тамошнее население. Мы знаем, что такая ассимиляция, смешение между расами, происходили у многих народов, и когда-то русское население смешивалось и претворяло в себя инородческие элементы и по сию сторону Урала. Теперь оно претворяет их за Уралом, и пред нами живой анатомический разрез старой исторической картины.

До сих пор о подобных изменениях народностей, о перерождении их под влиянием природы, новой обстановки и, наконец, о соединении в новые типы при смешении с чуждыми расами, существовали различные мнения и строились гипотетические теории, которые, правда, дают приблизительное объяснение процесса, каким шло формирование народности, но не могут достаточно осветить некоторых подробностей этого процесса. На нашем Востоке происходит один из подобных процессов, чрезвычайно важный и интересный для исследователя — этнографа и историка. Кроме того, мы можем здесь, так сказать, по живым следам, проследить, какими средствами обладает русское население на Востоке для сохранения своей расовой самобытности, а также каковы сила и значение нашего колонизационного движения.

Путешественники-этнографы дают довольно ясное понятие о том, как меняется характер и склад жизни населения на Востоке под влиянием новой обстановки. «Чувствительную разницу замечаете вы, — пишет один из них, — когда из середины России перенесетесь чрез Уральский хребет и очутитесь где-нибудь на равнинах Иртыша и Оби или на холмистых берегах Томи: другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но тем не менее чувствуете. Затем едете до Красноярска и далее по Енисейской губернии — и новых особенностей уже не встречаете и, только вступив в Иркутскую губернию и еще более приближаясь к г. Иркутску, встречаете новый тип. Преобладание черных волос

перед русыми, черные или карие с томным выражением глаза, значительно выдающиеся скулы, широкий нос — все эти признаки очень ясно указывают на примесь монгольской расы*.

Другой автор так рисует довольно наглядную картину сохранения и изменения славяно-русской народности в различных географических и этнологических сферах её колонизационного распространения: «В Западной Сибири, особенно по центральной географической линии колонизационного распространения русского населения от Урала до Енисея, славяно-русская народность, по-видимому, не подверглась резко заметным изменениям. Но и здесь такие наблюдательные путешественники, как Эрман, Кастрен и другие, замечали некоторые вариации или оттенки в национальном типе и характере туземного русского населения. Особенно заметны физические и нравственные особенности в русско-сибирском населении Приалтайского и Северо-Поморского края, с одной стороны, в верховьях Иртыша и Оби, а также по рекам Таре, Тоболу и другим, вблизи татар, киргизов и алтайских калмыков или бурутов-теленгитов, а с другой — в низовьях Оби и за северо-восточным склоном Урала, в прежнем средоточии вогуличей, обско-приморских самоедов и остяков. По Иртышу и Оби многие ясачные остяки и вогулы, вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения». Точно так же во многих западносибирских деревнях, бывших некогда «ясачными татарскими селениями», в настоящее время живет совершенно обруселое или переродившееся смешанное потомство татар и русских**.

Таким образом, смешение и перерождение на Востоке совершалось двумя путями: при посредстве кровного родства и примеси к русской народности инородческого элемента, а также вследствие восприятия самими инородцами русского языка, образа жизни, смешения с русскими, а затем полного слияния и исчезновения среди русской народности. Такое смешение происходит на Востоке с очень давнего времени, под влиянием различных исторических обстоятельств. Оно началось немедленно по завоеванию Сибири, может быть, потому, что как завоеватели, так и завоеванные в ту эпоху стояли на довольно

* Ровинский, путеш. в Восточн. Сибирь. Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.

** Под именем татар разумеется в Сибири и часть алтайских народностей. Волости обрусевших и выродившихся татар находятся в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах Томской губернии.

близком уровне культуры и развития. Происхождение большей или меньшей массы такого смешанного населения в Западной Сибири по географическим и историко-географическим условиям было неизбежно. Просматривая даже немногие сибирские акты первой половины XVIII века, мы и в них находим довольно указаний на ближайшее и непрерывное бытовое общение и физиологическое смешение русских с азиатами, в особенности с татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкие, бухарские и киргизские купцы постоянно приезжали с товарами в Тобольск и Ирбит, разъезжали и проживали по другим сибирским городам и по деревням партиями человек по 170 и более, имели здесь своих дружков. Многие из них селились в сибирских городах и деревнях, принимали русскую веру и женились на русских. По словам Миллера, «многие из бухарского народа поселились в сибирских городах».

Сибирские казачьи команды нарочно отправляются в улусы или юрты калмыцкие и киргизские, чтобы, по словам актов, захватывать в полон калмыцких и киргизских баб, девок и ребят, и сибирская губернская канцелярия «взятую добычу людей отдавала им в раздел». Многие русские покупали киргизских и калмыцких девушек и мальчиков; нередко сами урянхайцы или калмыки дарили русским старшинам и сержантам близлежащих сибирских крепостей «баб и девок и ребят калмыцких, круглых сирот», особенно в голодные годы. Таким образом, в состав населения западносибирских городов и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другие инородцы, которые, принимая русскую веру и женись на русских женщинах, постепенно русели: одни из них находились в услужении и на работах у своих хозяев, другие обучались разным ремеслам и записывались в цехи и т. п. Такой способ обрусения калмыков и других племен утвержден был высочайшим указом от 16 ноября 1737 г. Русские, в свою очередь, женились на киргизках, калмычках и других. С другой стороны, и в самые центры поселений или кочевьев сибирско-азиатских племен невольно вносился больший или меньший контингент русского племени и тем способствовал образованию и выделению обруселых поколений. Русские частью попадались в плен, а частью и сами добровольно уходили в кочевья калмыков и киргизов и там нередко женились. Так, например, в кошах калмыцких находились, между прочим, русские яицкие казаки, женатые на кал-

мычках. Иногда беглые русские солдаты укрывались у киргизов и женились на киргизских женщинах. У калмыцких родоначальников, зайсанов или нойонов, русских пленников находилось человек по 25; некоторые были мастерами, устраивали заводы для плавки серебра, меди и литья пушек. Еще больше, кажется, было русских женщин в плену у калмыков и киргизов.

Вообще, по свидетельству исторических актов, с начала XVII века славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подвергалась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами, и особенно с вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже в первой четверти XVII века физиологическое смешение первых русских колонистов с азиатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужным прекратить или ограничить этот естественноисторический организационный процесс. Точно так же в первой половине XVIII века митрополиты тобольские нередко вопияли против такого же беззастенчивого смешения русских с женщинами вогуличками, остячками, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вот вследствие такого физиологического смешения с разными сибирскими азиатскими племенами славяно-русская народность и в западносибирском русском населении, естественно, более или менее подверглась некоторым изменениям в самом своем физическом типе, усвоила некоторые признаки или оттенки физического очертания татарского, киргизского, калмыцкого, остяцкого и вогульского. Эти новоприобретенные особенности замечены были уже в прошлом столетии. «В них (т. е. в жителях Западной Сибири), — писал еще Татищев¹, — довольно в лице смуглых, калмыковатых и довольно от природы смешанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смешение с азиатскими инородцами, конечно, должно было сильнее отразиться на окраинах. В середине, как замечают исследователи, русское население еще остается чистым, но на севере, например в Обдорском или Березовском краях, смешение русских колонистов с остяками, самоедами и татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев. Кастрен напел в этом крае русских, совершенно смешавшихся с самоедами. Наиболее любопытные данные в позднейшее время по этому предмету дала туруханская экспедиция, которая, кроме наглядных наблюдений, делала различные анатомические и кра-

ниологические измерения. Север Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусские торговые и промышленные ходоки, вышедшие преимущественно из уездов Холмогорского, Устюжского и Вологодского. Вместе с русскими поселились там и зыряне. Впрочем, главная масса переселенцев состояла из русских. Физиологическое смешение малочисленного русского населения с разными туземными племенами в Туруханском крае началось с первого десятилетия XVII века и более или менее продолжается и до сих пор. В начале русской колонизации все инородческие племена Туруханского края были, по выражению актов, «не мирны», т. е. возмущались против русских служилых, торговых и промышленных людей. Потом, после усмирения немирных племен, между ними и русскими торговцами и промышленными людьми установились более или менее мирные торгово-промышленные отношения. И вместе с тем началось более тесное бытовое сближение и физиологическое смешение русских и инородцев, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, заметить, что в Туруханском крае физиологическое, или брачное, смешение русского племени с инородческими племенами, по-видимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяков, вероятно, слишком низкая степень развития в них домохозяйственных способностей и привычек и отталкивающая неприятность этого племени, а относительно других инородцев — их наибольшая изолированность от русских, недоступность вследствие их уединенности и разбросанности в тундрах и лесах. При всем том, хотя и поодиночное и медленное, но неизбежное, непрерывное и повсеместное смешение инородцев с русским населением и в Туруханском крае составляет существенный исторический или этнологический факт. Начиная с Верхнеимбацка (63° с. ш.) до Дудинки (69° с. ш.) простирается область племенной метисации сравнительно более слабой или менее заметной. С Дудинки же по низовью Енисея и за Тундрой, по уверению туруханского миссионера священника Доброхотова и долго находившихся там казаков, представляется настоящая область смешения или, как говорят туруханские казаки, «смешитцы» племен. Как ни мало заметно смешение русских с остяками и другими азиатцами в имбацких пределах, но «мы, — говорит г. Шапов, член туруханской экспедиции, — даже при самом скором проезде от Верхнеимбацка то Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь воп-

росом о смешении русских с туземными племенами, видели уже несколько примеров русскоинородческой метисации, резко бросавшихся в глаза. Так, в Верхнеимбатке один поселенец из духоборцев женился на остячке и до ранней смерти её прижил с нею пять детей с смешанным русско-остяцким обликом». На низу Енисея и за Тундрой русские, по недостатку своих женщин, еще чаще женятся на инородках или, как говорят туруханцы, на «азиятках». Туруханские казаки, долго жившие там вахтерами при хлебных магазинах, единогласно утверждали этот факт. Вот слово в слово их рассказ: «На низу — народ смешица: русские берут азияток, азиятшы берут русских женщин. За Тундрой тоже; самоеды женятся на тунгузках и долганках, долганы (помесь тунгузов с якутами) и тунгузы берут и самоедок, и тунгузок, и якуток; русские всех берут — и самоедок, и тунгузок, и якуток, и долганок, и юраток, и остяток. Дальше до Анбары — тоже народ все смешица; долганы, якуты и крестьяне, друг у друга берут баб». Так, по общему наблюдению самих туруханских жителей, русское население в их крае довольно сильно смешивается с инородческими племенами. Точных и подробных статистических сведений об этой метисации, конечно, в туруханском «отдельном управлении» нет да и собрать их чрезвычайно трудно. Но и за отсутствием общих числовых показаний представленные нами факты, при всей их отрывочности и неполноте, с полной достоверностью и достаточной убедительностью подтверждают то общее заключение, что и на севере Енисея, и по сторонам его славяно-русская народность постоянно более или менее смешивалась и смешивается с туземными азиатскими племенами.

Такое же смешение с инородцами мы находим и далее на Востоке. «Если мы взглянем на русскую народность в Якутской области, — сообщает журнал Сибирского отдела географического общества, — то увидим и там, быть может, еще более поразительный пример ее физического и психического видоизменения. Здесь в видоизменении ее опять действовали вместе физико-географические и этнологические края. Русские колонисты, при их малочисленности в сравнении с туземным якутским населением, неизбежно и невольно должны были утратить свою национальную самобытность и устойчивость, и во всем, зводно с якутами, подчиняться местным физико-географическим и этнологическим условиям. И вот они почти совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным смешением и образовали

всоеобразную, смешанную якутско-русскую народность. Черты лица и всего физического строения русского или обрусевшего и смешанного якутско-русского населения почти вполне усвоили признаки племенного типа якутов. Природные якутские уроженцы, проживающие в Иркутске и сами в своем лице довольно заметно представляющие облик природных, чистых якутов, так характеризовали нам физический тип обруселых якутов и русских, происшедших от смешанных якутско-русских браков: «Народ этот более сухопавый, как и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не так, как настоящие якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистых, природных якутов, черные, даже «светят», и жестки, а у обруселых якутов или у якутских русских — весьма темно-русые и менее жестки, но нередко бывают также и очень черны и жестки. Беловолосых или рыжеволосых вовсе нет ни между чистыми якутами, ни между обруселыми. Глаза у обруселых якутов и у природных якутских русских жителей больше похожи на глаза природных чистых якутов, чем на глаза российских поселенцев, но менее узки, чем у китайцев или монголов. У обруселых якутов, равно как и у давнишних, природных русских якутских жителей, скулы несколько выпуклы, но менее, чем у природных, чистых якутов; нос плосковатый, но «не чрезвычайно». Якутки красивее буряток, и потому русские сплющ и рядом берут их за себя замуж. Оттого природные якутские русские жители, представляющие четвертое, пятое или шестое туземное смешанное поколение, по наружности несколько не разнятся от якутов или весьма мало в чем разнятся».

Но если мы находим смешавшееся и почти превращающееся в инородцев русское население на севере Сибири, поглощение которого могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобной же бедностью и недостатком русского элемента оно не может быть объяснено на юге, куда русское население подошло к инородцам, так сказать, сплошную стеною. А между тем здесь совершаются те же явления, как на севере: русские смешиваются с тунгузами, якутами, бурятами. Смешение населения здесь происходит также двумя путями: обрусением некоторых инородцев, браками их с русскими жепцинами и внесением своих национальных признаков в среду русскую; точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к инородческому.

В юго-восточной Сибири, говорят известия сибирского отдела, в верховьях Ангары до Братского порога, особенно в

верховьях Лены до р. Илги, по р. Иркуту, в окрестностях Байкала и во всем Забайкалье до Амура, славяно-русская народность подверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь в изменении ее главным образом действовали не столько физико-географические, сколько этнографические условия, не столько климат, почва или вообще физическая экономия края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгусским племенем. Самое характеристическое явление в этнографической организации восточносибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах или иногда на крещеных бурятках и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских улусов. Они частью поселены в особых селениях или деревнях, частью рассеяны по русским селам, деревням и даже городам. Так называемые «ясачные селения» большей частью целиком населены одними «ясачными», т.е. оседлыми и обруселыми бурятскими поколениями. Таких селений, например, в Балаганском округе 13, в Верхотенском — 7; едва ли не больше всего их в Забайкальской области. Другие ясачные водворены вместе с русскими крестьянами в русских селениях. Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина — из обруселых бурят или ясачных.

Вот эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, так называемые «ясачные» и «оседлые инородцы», во всей наглядности представляют нам самый типический пример видоизменения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с азиатским племенем, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на представителя этого ясачного, бурятско-русского населения Восточной Сибири и сравнить его с родоначально-русским типом или с болгаром, чехом, сербом, поляком, чтобы увидеть, до какой степени видоизменился чистый славянский тип в этом восточносибирском ясачном населении, вошедшем в состав русской народности и год от году пополняющемся новыми поколениями, привходящими в состав его из бурятского и тунгусского племен. Но и помимо ясачных селений везде в Иркутской губернии, и особенно в Забайкальской области, постоянно совершается естественнo-исторический процесс местного этнологического видоизменения русской народности, вследствие постоянного сожительно-бы-

тогового смещения русского населения с бурятским племенем. Вероятно, многие, а местами, быть может, и большая часть крестьян, которые, числясь под этим именем в ревизских сказках и церковных ведомостях, живут вместе с ясачными в одних поселениях, не что иное, как «выродки» (по туземному сибирскому выражению), или потомки более древних ясачных, живших еще в XVII и XVIII столетиях, а теперь уже совершенно слившихся с русским населением или мало-помалу перешедших в состав и категорию сословия крестьян или же разночинцев, купцов и мещан. Иначе ничем нельзя объяснить, например, таких сплошь и рядом встречающихся явлений, как брацковатый⁵ тип многих из старинных уроженцев так называемых чисто русских крестьянских сел и деревень, и, в частности, часто встречающийся, особенно в Нерчинском крае, в духовенстве и его потомстве. Эрман также описывает, как замечательную местную этническую особенность, почти повсеместное распространение в русском населении города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятского типа. В самом городе Иркутске, не только в простонародье, но и в среднем сословии, он встречал множество лиц, как мужчин, так и женщин, которые поражали его своим монголо-бурятским обликом. А в Забайкальской области он сплошь и рядом видел мещан, купцов и особенно крестьян и казаков, почти совершенно обурятившихся по наружности, языку и быту*. Доктор медицины Шперк, долго занимавшийся медико-топографическими исследованиями и наблюдениями в Восточной Сибири, в забайкальских казаках также заметил сильное изменение русской народности под влиянием бурятской крови. «Забайкальский казак, — говорит он, — это смесь русского выходца с забайкальским бурятом; в наружности бурятский тип даже значительно преобладает: кровная помесь с бурятами имела влияние и на черты лица, и на все физическое строение тела, и на самую психическую сферу забайкальских казаков**». В некоторых прибайкальских деревнях, например, в Алацах, в 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившие в России при Суворове. Они, по словам Марто-са, пережились здесь на бурятках и уже имели (около 1827 года) взрослых детей. При первом взгляде на взрослое поколение тотчас видно нечто общее с характеристикой монголов. То же замечено было уже давно Палласом.

* Ermans, Reise, II, 250.

** Медико-топограф. сборн., стр. 66.

Подобное же слитие с инородцами мы замечаем во всей Сибири, как в восточной, так и в западной; но Западная Сибирь до сих пор исследована менее.

В некоторых местах Сибири жители прямо называют себя *смешницей*, смешанным народом, выродками. «Из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит, — пишет Паллас, — род *мулатов*, которые имеют несколько монгольское обличие и черные или очень темные волосы, но в то же время правильные и приятные черты лица; они известны под именем *карьмов* или *карьмок*». Таким образом, потомки, происходящие от подобной помеси, получили даже областное местное название. Мы уже говорили о смешанной расе, образовавшейся от смешения якутов с русскими; обратимся теперь к остяцким карымам.

Вследствие физиологического смешения с северо-енисейскими азиатскими племенами, преимущественно с остяками⁶, физическое строение русского туруханского населения, естественно, более или менее подверглось некоторым весьма заметным изменениям. В физиономии русского туруханского поселения сплошь и рядом проглядывают черты обличья остяцкого, юрацкого, тунгусского, самоедского и якутского. Дети от браков коренных, природных русских туруханцев с остячками сохраняют общие черты остяцкой наружности, большую или меньшую выпуклость скул, смуглый цвет лица, черные, жесткие волосы, обильную сухощавость телосложения при несколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорциональность частей в общей структуре тела. А дети от браков новоприхожих русских поселенцев с остячками более принимают черты русского облика, белый цвет лица, светлые волосы, большую стройность и крепость телосложения, но все-таки несколько разнятся от чистокровных русских людей. Здесь даже русские, не смешавшиеся с инородцами, в последующих поколениях изменяют склад тела и становятся несколько похожи на инородцев, особенно на остяков. У многих русских, особенно у мешан туруханских, цвет волос, лица и всей кожи на теле, а также сложение костей лицевых, плечевых и позвонных почти совершенно такие же, как у остяков. Оттого они, подобно остякам, при довольно низком росте, более или менее сутуловаты, коренасты, с плечами широкими, большей частью толстошеи, часто с заметно кривыми и довольно массивными ногами, выглядят, подобно остякам, несколько исподлобья.

Такой же новый тип встречается и в ясачных селениях от смеси бурят с русскими. «В большей части ясачных селений в настоящее время живут уже по преимуществу почти совершенно обруселые бурятские поколения. В них сначала поселены были крещенные буряты, женатые большей частью на русских женщинах. Теперь в них живут их дети и внуки, женатые также на русских или ясачных и обруселых из буряток женщинах. По наружности, при поверхностном взгляде, эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя с первого же взгляда кажутся и отличными, меньшими чем-то от них. Цвет лица и кожи у обруселых потомков первоначальной русско-бурятской помеси становится исмугла-белым или смугловатым; у женщин, при черных волосах и бровях, часто значительно более или ярче окрашен, чем у мужчин; волосы делаются более мягкими, по большей части сохраняют черный цвет, но иногда бывают и темно-русые; узкость глаз и выпуклость щек или верхней части скул, хотя и не вполне, но значительно умспляется, у мужчин является даже борода, хотя большей частью, и даже почти всегда, небольшая, короткая, редкая. Все эти изменения окончательно или наиболее выразительно обозначаются во втором, но большей частью в третьем поколении. Но, с другой стороны, нередко в третьем, четвертом и даже дальнейших коленах бывает хотя и неполная, но весьма заметная реверсия или довольно резко бросающееся в глаза возвращение к признакам бурятского прародительского типа. И вообще, во всех тех смешанных поколениях, которые первоначально произошли от смешения бурят с русскими женщинами и русских с женщинами бурятскими или ясачными и потом от времени до времени подвергались повторному скрещиванию с бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный тип, который представляет собой более или менее однородные характеристические признаки, но не вполне или не во всех отношениях сходные с признаками родоначальных, прародительских типов — славяно-русского и монголо-бурятского. Во всех этих поколениях более или менее сохраняется черный цвет волос на голове, свойственный бурятам, большая или меньшая суженность или как бы сшитость глазных век с правой стороны и левой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоноготь или выдающаяся в разные стороны изогнутость коленной части ног,

походка с большим или меньшим перекачиванием с боку на бок и часто довольно подвижная, живая. Наконец, борода большей частью бывает, как мы сказали, короткая и редкая или жидкая и нередко проявляется даже стремление к безбородости».

Точно такие же типы образуются от помеси с тунгузами, коряками около Охотска, с березовскими остяками, киргизами и т.д. Все эти помеси носят общий характер монгольского или финского типа; в Западной же Сибири подобный отпечаток в физиономии называют калмыковатостью. В казачье войско Западной Сибири входило много различных рас в виде выкращенных плешников; кроме сибирских инородцев, на семипалатинский рынок привозились на продажу рабы из каракалпаков, бухарцев, индийцев и проч. Поэтому у сибирских казаков нет общего типа, как, например, у уральских; в сибирском войске замечается необыкновенное разнообразие, и, по словам одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто русскую кровь по широкому и крутому лбу — таковы фамилии, происшедшие от драгун, записавшихся в казаки, и от малолетков. Есть типы необыкновенно красивые, может быть, происходящие от бухарцев; но много широкоскулых физиономий, обличающих монгольское происхождение; последние, кажется, преобладают. Встречаются иногда странные типы: так, один тип подходил вполне под описание тунна, приведенное Миль-Эдвардсом; другой тип напоминал китайца до такой степени, что казаки звали его «чюрчют» (по-киргизски — китаец). При смешении русским передаются инородческие черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смуглый цвет лица и волос; зато инородцы получают русские черты, смягчающие резкие отступления низшей расы.

Смешанный тип так распространен в Сибири, а в некоторых местах, при недостатке великорусского чистого населения, достиг даже такого господства, что чистый великорусский тип считается за нечто исключительное и также получил местную кличку «маганый». Маганый — это белокурый пришелец с великорусским типом, противоположность метису-карымму. Когда хотят их отличить, говорят: «Это маганый, это — карым». Сибирская девушка говорит, например: «Я не люблю маганого, я люблю карыма».

Своеобразный, полуинородческий тип карыма не представляет резкого безобразия, некоторые находят его даже красивым

в европейском смысле. Вот, например, отзыв одного из этнографов: «Вообще едва ли мы ошибемся, — говорит он, — если скажем положительно, что в общем составе или результате, как мужчины, так и женщины, происшедшие путем смешения русского племени с бурятским, представляют собой часто довольно красивый физический тип или облик, несколько похожий на тип греческий или иногда цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, похожий на тип итальянский». Очень может быть, что такое сходство получается в силу южного отпечатка, который носит на себе инородцы. Подобные отзывы о помеси с инородцами в крайних своих сравнениях с итальянками и гречанками, может быть, и грешат некоторой преувеличенностью, но указания, что тип этот находят вообще не неприятным, подтверждается таким беспристрастным судьей, как Паллас. Он говорит, что карымы обладают «правильными и приятными чертами лица». Тип этот во всяком случае может считаться если не особенно красивым, то привлекательным или, в крайнем случае, не безобразным*.

Постепенное смешение с инородцами не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на Востоке. Так, у местного населения образовалось даже особенное расположение к бракам с инородцами. «Благосостоятельные русские сельские жители, — говорит Паллас, — а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, кровь которых, по их уверению, горячее крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям креститься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Расположение к бракам с инородцами на восточной окраине замечается не у одних простолюдинов, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встречается и в более требовательных насчет красоты сословиях. Вот что говорят по поводу этого «Известия Сиб. отдела

* При исследовании инородцев в 1880 г. во время нашей экспедиции в Алтай мы видели весьма многие инородческие типы и нашли, что типы северных алтайцев, живущих в лесах Бийского и Кузнецкого округов, весьма отличаются от южного монгольского типа, а население кумандинцев представляет весьма привлекательный тип, весьма приближающийся к кавказскому. В некоторых местах вырождение привело то, что невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими.

Г. О.⁷: «Брацковатый, или бурятский, тип и обличие появляются постоянно в сибирских туземно-урожденных родах казачьих, мещанских, купеческих и чиновничьих. Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках, а новокрещеные буряты — на русских женщинах, и поколения их опять сливаются с русским населением, привнося с собою в народный склад его более или менее своеобразные особенности». И далее: «достойно замечания, что даже в половом подборе русско-сибирский вкус более или менее согласуется со вкусом бурятским и нередко *пленяется* бурятским идеалом женской красоты». Обольщение инородческою красотой явилось на Востоке настолько же чисто физиологическим процессом, насколько и проявлением сердечного чувства. Забайкальский поэт Баульдауф стихами изобразил истинную историю одного русского, влюбившегося в тунгуску. Русский полюбил ее за дикую смелость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззаветно свое сердце. Идеал инородческой красоты поэт перелает следующими стихами:

*...он пожирает
 Очами чудные красы.
 Тунгуски черные власы
 Крутом цовиты оргуланом (поязка);
 Он, разукрашенный маржаном,
 На стройном девственном челе
 Горит, как радуга во мгле.
 В ее устах не дышат розы,
 Но дикий огненный ургуй (сибирский полевой цветок)
 Мавит любовь и поцелуй».

В другом стихотворении, посвященном бурятке, поэт вспоминает о белой инородке, подарившей участием его, больного и одинокого, среди пустынной степи, он с признательностью говорит о ее самоотвержении. По всей вероятности, не раз подобные чувства играли роль в привязанностях русского человека, закинутого на далекий Восток. В одной русской песне, распространенной в Сибири, поется, как добрый молодец долго блуждал по пустыне, пока не нашел «положняточку», т.е. инородку. Любовь руководит фатально красивой буряткой, уходящей из семьи, чтобы соединиться с бедным русским парнем, как и чувствами нередко вполне развитого русского и обладающего тонким эстетическим чутьем. Таинственный голубой цветок любви отыскивается во всех широтах, русский находил этот «милый цвет» также и в «Даурии пустынной и угрюмой».

Вкус к инородческому типу сильно развит в современной Сибири. Приятный тип, происходящий от последовательной метисации, великорусская национальность на Востоке даже предпочла своему и отдала ему все свои симпатии. «Несколько черноватый или смуглый цвет лица, — говорит автор этнографического исследования, — сибирякам, по-видимому, нравится более, чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих местах Сибири, особенно восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный» и употребляется как бранное слово, тогда как слова «черномазый халзан, карым или карымочка» употребляются, как мы слышали, как слова ласкательные или любезно-шутливые, например, относительно детей или девиц. Блондины, рыжие и краснолицые великороссы поэтому не в ходу в Сибири, и местный вкус ставит идеалом красоты брюнетов. Это подтверждается, например, следующим наблюдением. Раз в Иркутске, в одной менцанской семье, переселившейся из окрестностей Байкала, несколько девушек, природных русских сибирячек, рассматривали картину, изображавшую преимущественно монгольские или китайские лица. Когда они сообщали друг другу свои мнения о том, которые лица, мужские и женские, казались им «хорошенькими», то оказалось, что все это были такие лица, которые по преимуществу или даже с особенной типичностью выражали собой чисто азиатский, монгольский или китайский тип: узкие глаза, плоский нос, широкие и толстые скулы и прочее, только при большей пропорциональности и округленности общего очертания лица. Лица, смахивающие несколько на черкесов, татар или цыган и греков, казались им «странными».

При такой склонности сибирского русского населения к слиянию с инородцами необходимо заняться исследованием, к каким последствиям, как физическим, так и нравственным, приводит это слияние. Необходимо исследовать, какие дурные последствия происходят от смеси с расой низшей, более слабосильной и развивавшейся в крайне скудных естественных условиях. Таковы изменения в росте, силе и в потере многих культурных черт и инстинктов. Этнографические наблюдения доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смешении с северными инородцами. Физиологическое смешение русского туруханского населения с туземными азиатскими племенами весьма заметно сопровождалось некоторыми изменениями в его росте. Нет сомнения, суровый туруханский

климат и скудное питание составляют собственную причину общей малорослости природных туруханских жителей. Но несомненно и то, что и постоянное, из поколения в поколение переходящее смешение русских с остяками и другими туземными инородцами оказывает не менее существенное влияние на уменьшение роста русских туруханских поколений. В средней и особенно южной части Енисея и климат благоприятнее, и русское население, по-видимому, более свободное от примеси инородческой крови. Там и население выше ростом. Из русских жителей Туруханского края туземные уроженцы, казаки и особенно мепане, у которых не отцы только, но и деды, и прадеды родились в Туруханском крае, ростом, с одной стороны, немного выше туземных остяков и тунгузов, с которыми они от времени до времени смешивались посредством брачных союзов, а с другой стороны, ниже южносибирских русских жителей и новоприхожих из России поселенцев. Средний рост остяков енисейских и байхтинских — 2 аршина 1 вершок, самые высокие из них достигают до 2 аршин 5 вершков, у русских жителей Туруханского края средний рост 2 аршина 3 вершка, высший — 2 аршина 5 $\frac{1}{2}$ вершков. Жители южных частей Енисея уже выше ростом, даже казаки туруханские, у которых отцы или деды родились где-нибудь южнее в Сибири, ростом до 2 аршин 6 вершков. Точно такое же влияние производит смешение с северными расами и на понижение силы. Физическая, мускульная сила русского туруханского населения также, по-видимому, несколько понижалась, частью вследствие неудовлетворительного питания, а частью и вследствие смешения его с такими слабосильными инородцами, как остяки, тунгузы и прочие. У верхнесимбацких остяков, по собственному их сознанию, самый сильный человек легко поднимает только 5 пудов. По сознанию байхтинских остяков, у них самый сильный поднимает 6 пудов и весьма редко 7 и 8 пудов, средней силы байхтинский остяк поднимает только 4 пуда, так же, как и юрак. Русские объясняют малосилие остяков тем, что они мало питаются хлебом, а больше едят рыбу, норсу, изредка пробавляясь зимой мясом, например, оленьим, медвежьим и больше всего беличьим. Но и сами русские туруханские жители большей частью немного сильнее остяков. Из 12 туруханских мещан и казаков, при нас поднимавших с воев на плечи и переносивших в амбар кули с мукой на расстояние не более 2 сажень, человек 10, помоложе, могли сами поднять с воев на плечи и нести в

амбар куль пудов в 5 или 6. Некоторые могли поднимать и пудов 7 тяжести. Вообще же почти все эти 12 человек, хотя в неодинаковой степени, но с большим или меньшим трудом и усиленным напряжением поднимали и переносили кули пудов в 5 и 6. Особенно слабее силой оказывались, по-видимому, те природные русские уроженцы Туруханского края, у которых и телосложение, и обличие наиболее представляли оттенки остяцкой породы. Вообще, по всей северной долине Енисея, между 61° и 65° с.ш., сколько мы могли разузнать, средней мерой силы считается способность поднятия 6 пудов, и сами «низовые» енисейские жители сознаются, что они малосильнее «верховых» русских жителей. В селе Ворогове (61° с.ш.) один 60-летний старик нам говорил: «Низовой народ, мы так полагаем, силой против верхового не будет. Мы полагаем, говядина силы придает человеку: вот на приисках верховые живут на говядине и подымают по 8 пудов, а мы, как едим одну рыбу, то с трудом подымаем и 6 пудов». Сами русские туруханские жители сохраняют предание, будто прежде, особенно вначале, когда отцы их пришли из России, они были сильнее, а нынешние поколения совсем измельчали и обессилели.

Самая выгодная сторона новой расы, происшедшей от смешения, — это уменьшение плодовитости. Плодовитость русского смешанного туруханского населения ослабела в сравнении с плодовитостью великоруссов, частью под влиянием сурового полярного климата, недостаточного питания и усиленного напряжения рабочей энергии в упорной борьбе с дикой природой, а частью и вследствие унаследования более слабой плодовитости путем смешения русских с остяками, тунгузами и другими северносибирскими инородцами. Русская туруханская женщина несколько плодовитее женщины остяцкой, но значительно менее плодovита в сравнении с женщиной южносибирской или великорусской (особенно в зажиточных семьях). По словам нижнесимбацких остяков, у них женщина никогда не рождает более восьми детей, такая плодовитость составляет редкое исключение, обыкновенно же они рожают не более четырех и даже трех детей. Несколько южнее, у верхнеимбацких остяков, женщина рождает иногда даже девять детей. Байхинские остяки-самоеды уверяли нас, что прежде женщина родила у них до десяти детей, и это было самое большое число рождений, ныне же из 43 остяков только у одного жена родила восемь детей. Русские туруханские женщины рожают больше, чем инородчес-

кие, но меньше, чем русские женщины в более умеренных и теплых полосах России, в среде иной этнической метисации и при других, более благоприятных условиях скотоводческого и земледельческого способа пропитания. Вообще, производительность русских женщин, не только по мере удаления в сферу сурового полярного климата, но и по мере усиления русско-инородческой метисации, все более и более ослабевает, частью вследствие климатического влияния, частью вследствие наибольшего расхода силы на трудное добывание пищи и других средств жизни, а частью и вследствие физиологического смешения русского населения с наименее плодовитыми племенами, каковы остяки, тулгузы, самоеды и другие северо-азиатские племена. В частности, от браков русско-остяцких метисов рождаются всех детей, сколько мы узнали, шесть, семь и, самое большее, девять. Такие последствия, вместе с уменьшением роста и силы, конечно, должны считаться печальной утратой лучших национальных и расовых черт русской народности, они выражают собой понижение и вырождение высшей расы. Факт этот заслуживает серьезного внимания.

Мы имеем основание, однако, думать, что не везде и не со всеми инородческими племенами метисация производит ослабление плодовитости. При наших исследованиях мы видели примеры, где потомки русских, смешанных с инородцами, весьма размножились. Так, по ревизским спискам мы проследили нарастание населения в кумышской инородной управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии. Ныне же потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Инородцы кумышской инородной управы притом совершенно выродились и утратили инородческий тип, то же замечается на быстренской управе Бийского округа.

Любопытно было бы проследить, какие изменения происходят при смешении в отдельности с каждой из туземных народностей Сибири национального русского типа, чтобы судить о тех или других наследственных последствиях. Как мы видим, помеси с низшими северными инородцами ведут к прямому ущербу, но, может быть, этот факт имеет место только при смешении с северными инородцами, а при смешении с другими последствия происходят другие, не столь опасные и ведущие к совершенному вырождению расы. Затем необходимо определить, какие изменения в типе потомков, происходящих от метисации, можно считать неважными, и какие ведут к ослаб-

лению физической организации, силы и способностей. Известно, что уменьшение роста не всегда сопровождается уменьшением силы, известны национальности низкорослые, но приземистые, коренастые и плотные, отличающиеся значительной силой. Точно так же инородцы-дикари обладают при низкорослости иногда замечательной ловкостью, гибкостью, проворством, например, буряты в борьбе, и так далее. Любопытно поэтому знать, переходят ли к русским при смешении подобные способности. В умственном и духовном отношении точно так же, не все инородческие расы лишены способностей; нередко они отличаются замечательным развитием их. Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоумие и относиться к ним презрительно. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах: «Прекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как кочевники, немного требовательные, якуты производят мирные завоевания даже русской народности, т.е. обьякучивают русских. Своими склонностями, хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, нанюмили Мишлендорфу жидов. Народ, который таким образом умеет господствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки у этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности». Точно так же замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самым веселым юмором. Интересно исследовать, насколько подобные способности отражаются на русских при физиологическом слиянии. При смешении рас обыкновенно замечается закон, по которому при слитии с новыми народностями присоединяются и некоторые новые качества, не бывшие в прежней расе. Как ни поверхностны этнологические наблюдения на нашем Востоке, но и здесь замечается, что некоторые особенно изощренные способности, выработанные инородцами в условиях их местного быта, передаются и русским. Так, туңгузы известны, например, своей зоркостью. Когда один путешественник в Сибири следил за затмением спутников Юпитера при помощи телескопа, инородец видел простым глазом и объяснял, как большая звезда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишет о них: «Тунгузы чрезвычайно зорки и чутки, по тем тупее у них обоняние. В стрельбе из

луков они метки. В местах, где они кочуют, им знакомо почти всякое дерево, всякий камень и проч. Следы зверей узнают на утоптанном мхе, траве или просто по знакам на голой земле, где посторонний человек никак не может заметить ничего особенного. Когда хотят иметь свидание в других местах, то место умеют отыскивать так точно либо делают пальцем на снегу или на земле такие чертежи, что непременно где надо сойдутся». И туруханские тунгузы обладают такой же зоркостью, остротой и приметливостью органа зрения. «Они знают в лесах, — говорил про чепагирских тунгузов один туруханский казак (Кандин), ходивший вместе с ними «лесовать», — знают каждый хребет, каждый камень, каждое дерево. Им приметна всякая узя, всякая чуть заметная дорожка в лесу, они узнают след всякой лыжки, белки, волка. По следу на земле или на снегу, проделанному лодыжками медведя или волка, узнают, серлитый или нет медведь, опасный или нет для их оленей, хитрый или нет волк. Своих они узнают по разным следам лыж, по размашке шагов, по кругам по снегу, по заломам на деревьях, по сучьям, набросанным на дорогу, по обтоптаным на снегу следам. Каждая баба узнает след лыж своего мужа. Есть такие зоркие тунгузы, что видят далеко, с хребта на хребет, с камня на камень, за 7 верст пересчитывают стадо диких оленей, стреляют и никогда не простреливаются мимо».

«Русские, — сообщает этнографическое исследование Шапова, — вследствие скрещивания с остяками и тунгузами приобрели, хотя и в слабой степени, те же их особенности. Так, они усвоили замечательную способность тунгузов — особенную уточненность зрения. Точно так же и русские туруханские уроженцы, особенно низовые, «затундренные», отличаются такой же зоркостью и приметливостью. Они приобрели эту особенность частью вследствие усиленного употребления органа зрения, какое необходимо обуславливается у туземных зверопромышленников блужданиями по лесам и тундрам, а частью, быть может, и вследствие унаследования этого свойства от тунгузов, путем физиологического смещения с ними. Несмотря на то, что на низу Енисея и за тундрой страшные пурги и метели заносят и без того едва проторенные, чуть видные дороги, и нередко случаются там так называемые галлоцинации пустыни и снежная слепота, какую пришлось испытать Миддендорфу, природные низовые и затундренные жители никогда не спорачивают, не уклоняются с дороги и не

заблуждаются, тогда как новоприхожие поселенцы нередко теряются без вести в тундре, не имея возможности никуда убежать. Природные низомые и загундренные жители примечают и узнают дорогу по так называемым ими «кычам» или по расположению куржаков и заиндселостей на деревьях, по наклонению, или, как там говорят, «прилежанию травы» на тундре, по направлению конусообразных сторон, заструг или сугробов и суметов снега и т.п.». В доказательство этого приводится следующий пример: «Раз Кирьян Евдокимов Иевлевский, крестьянин за Толстым Носом, с Толстого Носа ехал домой, ниже, в Коргу, взял да нарочно оставил доротой стойку вина, чтобы попробовать сына, может ли он ездить в темную дорогу, в пургу. Приехал домой да и послал сына найти флягу. «А в котором ветру ты ее оставил, по какому ветру ехать?» — спросил сын. — «Поезжай, как знаешь, как глаза научат». Поехал сын и в темноте разглядел и нашел фляжку».

Из сделанных доселе наблюдений таким образом оказывается, по-первых, что славянская раса при смешении своем с инородцами весьма нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела понижение в своих качествах, отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности, а также заимствует некоторые положительные качества в изощренных способностях и опущениях. Каковы бы ни были новые положительные качества, приобретаемые расой, другая сторона явления дает, однако, известное предостережение и указывает на необходимость принять какие-либо меры против понижения славянской расы в Сибири.

Из наших личных наблюдений и исследований по этому предмету мы вывели, что восприятие и преобладание инородческих признаков зависит от числа русских и инородцев и численного преобладания того или другого племени, как и процентного отношения в той или другой местности. Так, на севере в Березовском, Туруханском крае и на Лене встречается чаще вырождение и обынородчтение русских и понижение расы, чем в средних округах Сибири. Преобладание на севере инородцев выражается в 354—445% над русскими, а в середине Сибири — от 3% до 16% на русское население.

Далее смешение с различными племенами и расами дает различные последствия. Наименее выгодные в этом случае

смешения с наиболее низшими расами и индифферентны или выгодны с равными и высшими.

К наиболее низшим инородцам в Сибири по типу, культуре и образу жизни могут быть отнесены: остяки, самоседы, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгузы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т.п. Это низшие представители финской и монгольской расы.

К более высшим: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть оседлых алтайцев, как кумондинцы, кузнецкие черневые татары, вогулы, зыряне.

Смешение с последними отражается меньшими изменениями в типе и понижением расы, в качественном достоинстве. Мы не могли не обратить внимание, что культура и образ жизни, который ведут инородцы, весьма способствуют расовым особенностям и различиям. Поэтому все племена, переходящие к высшей культуре, изменяют свои качественные способности. Истина, может быть, не вполне доказанная, но подтверждающаяся некоторыми научными соображениями и отдельными наблюдениями. В деле смешения культурная сторона инородцев дает себя чувствовать. Указанные высшие типы сибирских инородцев обладают и более развитой культурой. Очень не мудрено, что по мере повышения в культуре и образе жизни остальных низших племен поднимется несколько самая раса и смешение будет иметь менее невыгодных сторон.

Но если славяно-русская национальность при сближении и слитии на Востоке с инородцами была часто бессильна сопротивляться физическим и физиологическим изменениям, подчиняющимся законам метисации, то любопытно взглянуть на сохранение ею культурных черт и традиций, принесенных из-за Урала, которыми должны измеряться ее нравственная высота и культурная устойчивость населения. Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отстаиванием собственных культурных качеств от инородческого влияния, и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при всяком сближении, здесь не могло не произойти взаимодействия и, вместе с передачей инородцам кое-чего русского, усвоения и многого инородческого. Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измерять-

ся только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, миросозерцании, верованиях и языке. Русские принесли с собой, конечно, то и другое. Культурные черты русской национальности были, без сомнения, выше инородческих, — вот почему она должна была бы, мало того, что отстаивать свою культуру, но и притянуть ее к среде низшей. Влияние русской народности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие, т. е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на Востоке составляет несомненный факт. При этом, конечно, играл роль тот уровень развития, которым обладала русская раса за Уралом, точно так же, как и многие другие внешние условия. Тем не менее этнографические исследования убеждают нас, что здесь русские теряли очень часто вместе с типом и свои характеристические признаки, нравы, обычаи, веру и даже язык — словом, утрачивали свою национальность. С кем бы они ни сталкивались — остяки, тунгузы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали. Особенно заметное обывородчение русской расы мы замечаем, конечно, на окраинах. С самого момента завоевания обнаружилась уже склонность русских к подражанию многим инородческим обычаям. Затем, при совместной жизни с инородцами, заимствованные привычки получили еще большее развитие.

Многие точные изыскания свидетельствуют, что подобное обывородчивание происходило уже в XVII и XVIII столетиях. Прежде всего, имело место отатарение русских и полигамия⁶ среди русского населения. «Вообще, как ясачные, крещеные полуобруселые татары, так и смешавшиеся с ними русские, — сообщается в географическом журнале, — долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими склонностями, сладострастной чувствительностью и непокорностью православно-церковным русским правам и обычаям. По свидетельству одного документа 1746 года, как русские пленных киргизов крестили, так киргизы русских «обасурманивали»*. Как киргизы и калмыки, принимая русскую веру, припимались и за хлебопашество, так иногда беглые солдаты, по свидетельству одного рапорта 1748 года, «принимали киргизскую веру и стада овечьи пасли». При замстной

* Матер. для истор. Сибири, стр. 152.

наклонности русского сибирского населения подражать азиатам иногда сами сибирские начальники находили необходимым или полезным усвоить некоторые азиатские обычаи, например, калмыцкие, и вводить их в быт русского населения. Вообще, по примеру киргизов и калмыков и сообразно с местными условиями климата и степей, западносибирское и особенно приалтайское русское население больше сделалось скотоводческим, чем земледельческим, обзавелось, посредством вымена у киргизов и калмыков, большими табунами лошадей и стадами рогатого скота, даже большей частью вело полукочевой образ жизни, постоянно перемещаясь из одного места поселения на другое. В самом земледелии русские усвоили некоторые приемы коренных туземных азиатов.

Вследствие тех же исторических условий русское население до последнего времени обнаруживает подобные же свойства. И теперь русские, в отношении усвоения ими инородческих обычаев и отступления от национальной культуры, стоят почти в том же положении, как и их предки. Отзывы путешественников, ученых и этнографические отчеты, которые дают нам записки ученого общества, представляют нам картину, даже более безотрадную, чем можно было предполагать. Вот, например, свидетельство Кастрена о русском обдорском населении: «Обдорские жители, представляющие разнородную помесь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитого океана, и дух их окован узами, которые так же крепки, как этот лед, который оцепеняет сердце природы в их теперешнем отечестве. Оковы эти — грубость, невежество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, с хорошими инстинктами, с невинными чувствами и добросердечностью, но при этих прекрасных, добрых и благородных чертах, к несчастью, встретил я у этих же людей так много отвратительного, так много звериной грубости, что, наконец, я их менее люблю, чем соболезненно оплакиваю... Русская колонизация началась здесь (в обской тундре) столетие назад, большая же часть колонистов утвердилась здесь в последние 30 лет. Коренные жители этой страны — остяки и самоеды. Как у них, так и у русских, совершенно им уподобившихся, нет никаких умственных интересов, хотя сколько-нибудь выходящих из ряда обыденной остячко-самоедской жизни. В своем образе жизни, даже в способе питания, русские здесь уподобились туземным остякам и самоедам. Когда я в первый

раз приехал в Обдорск и вопиел в дом одного мещанина, переселившегося сюда из Тобольска, я нашел всю его семью сидящею на полу и пожиратоюще сырую рыбу, которую сам хозяин дома разрезывал на части. Образованнейший житель города хватался тем, что в течение целого полугодия ел одно сырое мясо. Проживавший там поляк, хороший повар, живший прежде в Петербурге, жаловался, что его искусство приносит ему мало пользы в Обдорске, так как люди здесь живут по-самоедски. Одежда у русских здесь такая же, как у самоедов и остяков. Многие из них схожи с самоедами и в том, что держат более или менее многочисленные олени стада. Наконец, русские жители Обдорского края стали так же дики, боязливы, как туземные остяки и самоеды. Живет здесь одна старинная русская фамилия. Их праотец во время войны Петра Великого с королем шведским изменил царю и бежал в этот отдаленный уголок света, чтобы здесь избавиться от напасти. Сочлены, сродники этой фамилии не хотели иметь со мной никакого сообщения. Встретил я их на улице, в расстоянии на выстрел, так они побежали и заперлись у себя дома. С таким же страхом и неприязненностью принимала меня и большая часть прочих жителей города, которым я казался опаснейшим пройдохой в коммерческих сделках». Наконец, вместе с умонастроением и понятиями остяков, самоедов и татар, березовские и обдорские русские жители усвоили и много слов остяцких, самоедских и отчасти татарских. Так, например, в одном Березовском крае из 78 местных русских слов, записанных г. Абрамовым, до 28 слов остяцких и татарских. Подобные черты приводятся о столкновении и взаимодействии наших с бурятами: «Сообразно с большей или меньшей физической ассимиляцией и умственный склад русского населения в дауро-монгольской, а равно и в верхоленской стране во многих отношениях весьма замтно приспособился к умонастроению монголо-бурятского племени и усвоил немало его умственных и нравственных качеств». Паллас, сказав о физиологическом смещении забайкальского русского населения с бурятским племенем, замечает, что «вследствие этого смещения русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа». Шперк также замечает: «Кровная помесь забайкальских казаков с бурятами имела влияние не на одни черты лица и физическое строение тела, она обнаруживается и в

* Pallas, Reise, III, S. 275.

психической сфере. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака в Забайкалье. В результате вышло, что казак сделался более зверопромышленником и пастухом, чем домовитым человеком и хлебопашцем». Вследствие этого скотоводство нигде в Восточной Сибири так не развито, как в забайкальских степях. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и словосочетаний бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски «яргачи» — козлиные или тарбаганьи шубы, у которых на груди нашиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку шши, так что пола покрывает грудь. У бурят русские заимствовали умение или обычай выделывать луговины и корольки из разных костей. У бурят русские переняли обычай и искусство делить у ножей черешки костяные, по бурятскому образу, по тому же образцу они стали делать разные вещи, относящиеся к конской сбруе — стреножники, узды и прочее. Подражая бурятам, русские приучают, посредством стреноживания, по всем правилам бурятского наезднического искусства, самых диких лошадей останавливаться вдруг, куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурят они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские. Подобно бурятам, русские «сидят арака» — вино, только не из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив при том и бурятские названия этих орудий. По примеру бурят, русские готовят «секшу», т.е. варят кровь животного и, смешивая кровью сверток с жиром, едят с таким же удовольствием, как и буряты. Подражая бурятам, русские научились искусно есть полусырое мясо из-под ножа, разрезывая его у самых губ снизу. Казаки обыкновенно «бросают в воду целого барана, в большой котел, скипят кое-как и едят, сидя кругом, поджав под себя ноги по-бурятски и по-бурятски же разрезая куски мяса ножом у самого рта, под нижней губой. Подобно бурятам, русские, за неимением трубки, курят из земли, выкапывая ямку и вкладывая в нее какую-нибудь дудку от растения, соломинку и т.п.». Мало того, в самом умонастроении, в понятиях и верованиях забайкальское русское население значительно ассимилировалось с бурятами. Например, почти все забайкальские казаки и крестьяне, и мещане, у которых отцы и деды родились уже

там и многие предки были бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замечено не только в отдаленной глуши Забайкалья, в средоточии монголо-бурятского населения, но и в окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, например, в селениях Култуке, Тунке и др., где, по словам одного миссионера, русские держат даже и бурятских идолов, истуканов или божков на вышках своих домов и там шаманствуют тайком. В Нерчинском округе русские лечатся у шаманов, к шаманам обращаются с просьбой пошаманить, когда потеряют какую-нибудь вещь. Согласно с бурятами, русские отправляясь в путь, на половине дороги кладут что-нибудь на дерево — деньги или хоть волосок с головы, в благодарность за то, что благополучно просхали до половины дороги.

Наконец, множество слов монголо-бурятского языка вошло в состав русского языка, которым говорят казаки и крестьяне, так, в сборнике слов русского наречия Нерчинского округа, составленном одним тамошним священником, записано 96 слов чисто-монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием и бессознательно произносимых как коренные славянские слова.

Как в Забайкальской области, так и в Верхотенском крае русское население значительно ассимилировалось с туземными бурятами и тунгузами. По рекам Илге и Тутурс, особенно в селениях, находящихся в вершинах этих рек, крестьяне, подобно местным тунгузам и бурятам, более заботятся о скотоводстве, чем хлебопашеством. Во всех селениях Верхотенского округа крестьяне, подобно окружающим их бурятам, завели так называемые по-бурятски «утуги», или особые загороди за огородами и гуменниками или позади селений, десятин от 2 до 4 и более, частью для пастьбы в нем телят, но главным образом для кошения лучшего, так называемого «утужного» сена, состоящего преимущественно из пырья. Подобно бурятам, богатые крестьяне имеют обычаи держать, сверх надобности, более или менее многочисленные табуны лошадей и стада коров и овец, которые, как и у бурят, «ходят на воле» или пасутся в степях без пастуха. Наконец, подобно бурятам, многие русские крестьяне, особенно в прежнее время, имели обычаи строить хотя на одном дворе два дома: летний и зимний; зимняя изба называлась «зимовьем» и как бы соответствовала зимникам, или зимним избам бурят.

В некоторых домашних изделиях русские также усвоили бурятские образцы. Например, форма колес у телег, и особенно одноколок, «крюк», устройство трубиц у них, а также большие деревянные чашки грубого изделия, халбагаи, или большие деревянные ложки, деревянные ганзы или трубки, берестяные чуманы и т.п., все это принято от бурят и отчасти от тунгузов. Некоторые русские даже нарочно нанимали ясачных из бурят работников для делания колес по образцу бурятскому и продавали эти колеса русским на телеги: их хорошо раскупали и расхваливали. В обыденной жизни русских крестьян Верхоленского округа также немало привычек и обычаев, схожих с бурятскими. Они, подобно бурятам, не брезгают есть мясо вонючее, с червями; убивая скотину, тут же варят в котле начипелные кровью кипшки и едят их. Подобно бурятам, и крестьяне варят «саламат» из сметаны с мукой. Подобно бурятам, они едят большей частью без вилок и ножей, из деревянных чашек, подобных бурятским и делаемым нередко бурятами. В одежде русских жителей Ленского края также кое-что перенято от бурят или тунгузов. Подобно туземным, отдаленным от Иркутска бурятам, и русские ленские жители в значительной степени отличаются диковатостью и тупостью. При всяком внезапном и новом впечатлении они «дивуются» и как бы с дикарской рефлексивностью, всплескивая руками и разиня рот, восклицают: «А-а-а! ах! Ой, дивольки!» или совершенно по-бурятски: «Ай-нохой, ай-нохой!». Когда ссыльные поляки стали делать в верхоленских селах колбасы, пить сапоги по европейскому фасону, то местные жители, по словам одного ленского жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «Диковинка, колбазы какие-то стали делать, сапоги косые, хитро!». Как буряты, по словам Болдонова, побывши в городе, с диким удивлением рассказывают, как о диковинках, о хороших домах, о хороших экипажах и лошадях, обо всем, что видели на базаре, в лавках и магазинах и т.п., так и ленские крестьяне, изредка бывая в «Иркутском», как они выражаются, тоже всему там «дивуются». При грубости и дикости русские жители Верхоленского округа, наравне с бурятами и тунгузами, отличаются высшей степенью азиатской лени и неподвижности. «Говоря о хозяйстве верхоленских крестьян, — замечает Шперк, — нужно сознаться, что при грязи и бедности, совершенная апатия к разумному хозяйству так и проглядывает на каждом шагу, показывая совершенное отсутствие стремления к улучшению его». Подобно бурятам

и тунгузам, многие лепские мужики, особенно «низовые», сваливают всю тяжелую работу на баб. Наконец, и в умственном отношении русские жители Верхотенского округа значительно освоились с бурятами и тунгузами. И здесь многие крестьяне верят в шаманство и нарочно ездят в бурятские улусы шаманить по бурятской лопатке, когда кто занеможет в семье или потеряется что-нибудь. В русском паречии лепских жителей также немало слов бурятских и тунгузских, как и в забайкальском. Они также говорят, например: адали (подобно), галахай (крапива), качирик (двухгодовалый бычок), нохой (собака) или нох-нох-нох! (скликанье собак) и т.п. В самом русском языке они выговаривают некоторые буквы как буряты, например, букву с как ш: вместо «Семен», говорят «Шемен», вместо «все» — «вше» и т.д.

То же явление замечается и при столкновении русской народности с якутами. Соотносительно с физическими изменениями, и в умственном складе якутско-русской народности можно подметить более или менее значительные отклонения от славяно-русского умственного типа. Воспитание молодых поколений, происшедших из смеси русских с якутами, их понятия, нравы и язык — все подверглось преобладающему влиянию якутской народности. «О воспитании детей здесь заботятся мало, — пишет Врангель о русских жителях города Якутска, — ребенка с малолетства отдают обыкновенно какой-либо якутке, которая, вскормив посылно и по крайнему своему разумению, года через два или три возвращает воспитанника, конечно, уже несколько объякученного, родителям, дома он дорастает и, научившись несколько грамоте у священника или причетника, посвящается постепенно в таинства сибирской торговли пушным товаром или определяется в писцы какого-либо присутственного места, для достижения чинов, на которые и в Якутске бываюи крайне надки. Таким первоначальным воспитанием здешнего юношества объясняется с первого взгляда странным кажущееся явление, что даже в несколько высшем кругу общества якутский язык играет почти столь же главную роль, какую французский в обеих наших столицах. Это обстоятельство крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обсе, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почтеннейшего духовенства, чиновников и некоторого числа кушцов, но большая часть разговоров была так

испещрена фризиями из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабое участие». Гартвиг, основываясь на словах Миддендорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: «Якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязавшего победителям свои обычаи и язык, народа, не только не подвергнутого влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске, или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние уроженцы), несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники — якуты, все няньки — якутки и даже богатый русский пушной торговец нередко женится на якутке». Не менее поразило Миддендорфа, что, вступив в Якутскую область, он встретил русских только по происхождению, а по образу жизни совершенно обьякутившихся, даже трудно было бы в земледельческой, первоначально русской колонии Амгинской найти проводника, говорящего по-русски. Точно так же удивило Миддендорфа, что в пустыне между Якутском и Охотском не только тунгузы и их жены говорили чисто по-якутски, но и в самой прислуге путешественника находился тунгуз, не понимавший другого языка, кроме якутского. Ни один русский не задумается вступить в брак с якуткой. В домашнем быту русское якутское население во мном ассимилировалось с туземными природными якутами. Дома в селах строятся «на вкус якутский», как выражался один беседовавший с нами русский якут, проживающий в Иркутске. В домах на якутский лад поделаны стюшные лавки от стены до стены из целых, «четвероугольно» обделанных и вместе сплоченных бревен наподобие нар, с аршин ширины.

Наконец, и русский язык в Якутском крае подвергся значительному влиянию языка якутского. Большинство окрестного населения Якутска хотя и знает русский язык, но довольно плохо, и говорит по-якутски. Еще более поразительные данные представляют нам ученые исследования об одичании и об инородчении Туруханского края. Еще в 1814 году смотритель туруханских поселенцев Давыдов справедливо заметил о русских жителях верховых станков Туруханского края: «По замечанию моему, в 18-ти зимовьях зимовщики поступками своими более походят на азиатцев». И действительно, как свидетельствуют записки сибирского отдела, туземные или природные русские туруханцы и в психическом отношении довольно выразительно

разнятся не только от великоруссов, но и от других юго-восточных сибиряков. Непаром они и сами представляют юго-восточную и юго-западную Сибирь другой, несколько чуждой или этнографически отличной страной и называют ее «Русью»: «мало ли чего у вас там, на Руси, не по-нашему, лучше», — говорил один туруханский мещанин, по виду похожий на остяка, когда у нас зашла речь о Южной Сибири. Природные русские туруханцы до того чувствуют себя чуждыми прочим местностям Сибири, что, залуганные молвой об упразднении города Туруханска и о переселении их на юг, они хотят лучше переселиться еще дальше на север, на низ Енисея, чем, например, в Минусинский край. Как остяки, которым мы советовали переселиться куда-нибудь в южные края Сибири и заняться земледелием, наотрез отвечали нам: «Нет, душе неохотно, сердцу неугода», — так и русские туруханские мещане на тот же совет энергически возражали нам: «Мы неподходячи туда, нам неохотно оставить свое место, где родились, да и не умеем взяться за тамашние работы». Вообще, при всем, заметно отличающем их добродушии, простосердечии и откровенной общительности, при ближайшем, простом и кротком обращении с ними, они обнаруживают, однако ж, подобно остякам и тунгузам, некоторую недоверчивость, боязливость, скрытность и лукавство в отношении новоприезжих «из Руси», особенно на людей чиновных они поглядывают диковато, как бы исподлобья, отвечают на вопросы как будто нехотя, желая поскорее отделаться от них. Далее, вследствие давнишнего смешения и сожительства с инородческими племенами, коренные русские туруханцы, естественно, унаследовали вместе с инородческой кровью множество инородческих свойств и привычек. Образ жизни их во многом подходит на образ жизни туземных остяков, самослов, якутов.

Подобно остякам и другим туземным инородцам, они любят есть сырую рыбу, летом, во время рыболовства, живут в чумах отдельными семьями. В домашнем употреблении у них немало тунгузских и особенно остяцких принадлежностей или изделий, вроде «потакуя» — кожаного саквояжа тунгузского, или вроде «ыгов» — берестяных корзиночек в 1½ четверти длины и в четверть ширины, вроде «унтиев» — берестяных ведер для носки вола, или «балтий» — из бересты согнутых, круглых и низеньких шкатулок для ниток, иголок и прочего. Подобно бродячим инородцам, тунгузам и затундренным самословам или долганам, и русские поселенцы или посадские горо-

да Туруханска до 20-х годов нынешнего столетия предпочитали бродячий образ жизни зверопромышленника оседлой городской жизни. Многие туруханские мещане «отходили» на низ Енисея, за тундру, для зверопромышленничества и, подобно тамошним инородцам, жили разрозненно в так называемых «отъезжих зимовьях», похожих на тунгусские «голомы». В начале нынешнего столетия за тундрой было до 26 таких отъезжих зимовий. Вообще, склонность к бродячему быту пересиливала в туруханских мещанах великорусскую народную склонность к городской, промышленной оседлости.

В умственном складе и понятиях природных русских туруханских жителей также много сходного с примитивным мирозерцанием туземных остяков, тунгузов, юраков и самоедов. Справедливость, впрочем, требует заметить, что природный здравый смысл у них, вообще, развит достаточно, есть сметливость, находчивость в трудных обстоятельствах жизни. В рассказах своих и беседах с нами они обнаруживали довольно смысленности, остроумия и наблюдательности. Но при всем том и ум их заметно поддавался влиянию туземных азиатских понятий. В низовьях Енисея русские придерживаются даже некоторых инородческих суеверий: за образами, например, на божницах держат «инородческих истуканчиков» или божков и занимаются вместе с туземными инородцами шаманством. Как тунгузы туруханские, проникнутые фанатическим страхом таинственных сил природы, поклоняются, например, высоким горам и приносят в жертву им белку, соболя, горностая или лисицу, чтобы эти высокие горы не задержали их, так и русские туруханские казаки и промышленники некогда со страхом проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгузке, так называемой «Цапаниной Сопки» и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище Цапан не задержал их лодки, клали на берегу у горы несколько соболей, белок и прочее.

Наконец, вследствие смешения с разными туземными племенами русское население Туруханского края приобрело и некоторые лингвистические особенности. Местное, областное наречие его усвоило немало вариаций и отличий под влиянием языков остяцкого, тунгусского и прочих. В Туруханске некоторые казаки и мещане умеют говорить по-остяцки и по-тунгуски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих

ких языках — на якутском, самодском и тунгусском. Наконец, самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса в речи, характер вокализации у русских туруханских уроженцев отличаются, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как и у остяков. Например, подобно остякам, они вместо букв *ч, ш, ж* и *р* выговаривают *с, з* и *л* или *ра* и т.п. Говорят: «Посел осень большой дождь, в избе сыпко зарко, бедняски худо зивут, мерлой альсин» и т.п.

Не менее русские подвергались инородческому влиянию и в других местностях, как, например, в Западной Сибири, на границе киргизской степи, где казаки, мало того, что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникли даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являютя в города совершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухгарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду и т.п.

Подобную же азиатскую окраску приобретает, как говорят, и русское население в Туркестанской области. Что касается влияния русских на инородцев, то нет сомнения, что и это обратное влияние действовало довольно ощутительно. Такому обрусению особенно подверглись буряты, которые при смешении с русскими усваивают земледелие, начинают жить оседло, принимают русский язык и веру. Точно так же мы видим якутское население, не только перешедшее к русской культуре, языку, совершенно обрусевшее, но и сделавшееся самым промышленным и способным населением Восточной Сибири. Зато некоторые инородческие национальности не только туто поддаются влиянию русской культуры, но решительно подчиняют ее себе. В этом случае мы видим, так сказать, различную упругость и стойкость рас, которые замечены и во многих национальностях. Есть национальности, которые способны необыкновенно быстро перейти к другой культуре, верованиям, языку, как, например, зыряне, вогулы, но есть и такие, которые отстаивают свою национальность веками, как, например, евреи. Точно так же и в среде азиатских народностей любопытно сделать подобную этнографическую классификацию. Рядом с этим многое в жизни наших инородцев зависит от их объема, численности, плотности, в какой они живут и соприкасаются с русским населением, от высоты их культуры, свойств религии и способности сливаться с другими расами.

Склонность к смешению и слитию русских в Сибири обнаруживается, по нашим наблюдениям, наиболее и совершается легче с финскими племенами и тюркскими, причем с новокрещенными из язычества более чем с переходящими из магометанства, которых число очень невелико. Скрепившиеся и полное смешение целых волостей, как и вырождение инородцев замечается среди вогулов, алтайских черновых татар в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах, где находится совершенно выродившаяся кумышская инородная управа.

Помеси с киргизами, монголами, тунгузами и т.п. также попадают, но составляют менее обычное явление.

Определить в точности все физиологические, психические, как и культурные метаморфозы русского населения, совершающиеся в различных местностях на нашем Востоке, точно так же, как и выяснить законы метисации, предстоит, без сомнения, дальнейшим этнографическим изысканиям, но и собранные уже ныне данные дают некоторый материал для некоторых социологических выводов. Первое, к чему можно прийти, — это к тому, что если русские, в силу своего расового и культурного превосходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и повлияли на инородцев поднятием их расы при помощи метисации, передачей им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным влиянием, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных чертах. Понижение и отступление это было временами в такой степени сильно, что уподобило их совершенно инородцам. Мы видим, что смешение, как и бытовое сожителство нашего населения на Востоке с инородцами отразилось не одним физиологическим изменением, как следствием метисации, но и выразилось в духовном и нравственном родстве с азиатскими племенами, в перемене воззрений, нравов и образа жизни. Из приведенных примеров видно, что в общем русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину, они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, наконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий. Все эти явления одичания нашего населения уже теперь дают себя

чувствовать. Постоянное заимствование от инородцев входит в обычай вообще русского населения за Уралом и влияет на весь его склад. Многое незаметно вошло в нравы, инос смешалось с предрассудками, с мифологией и демонологией русской, третья находится в сыром виде и путается с русскими обычаями, как часто полуазнатский костюм с русской рубахой. А это дает нам повод заключить, что расовая устойчивость русских на Востоке далеко не так прочна, как предполагалось, что русские во многих случаях склопны были скорее подчиниться инородцам, чем над ними господствовать, и что они более заимствовали от инородцев, чем передали им. Все это наводит на вопросы: надо ли считать наше слитие и метисацию с инородцами при настоящих условиях выгодными для русской национальности? Что будет, если на таких же условиях она будет продолжаться в будущем? И каковы должны быть предприняты меры, чтобы избавиться от тех невыгодных последствий, которые ныне обнаруживаются? Подобные вопросы имеют тем более жизненное значение в нашей истории, что метисация с инородцами на Востоке далеко не представляет явления отжившего, законченного; она только еще начинается, и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем охватить русское население на всем Востоке. В самом деле, мы видим на Востоке русское население среди значительного количества инородцев, стоящего перед ним стеной. Население это еще нетронутое, сближение с которым не проникло еще внутрь, все эти народности верны своему языку, национальности и полудикому образу жизни. Более развивающиеся сношения, самое просвещение инородцев и обращение между русскими должно повести в будущем непременно к усилению метисации и взаимного влияния. Взглянем же на контингент русских на Востоке, который должен одержать верх в своей национальности.

По произведенным нами исследованиям в западной части Сибири, русское население находится в следующем отношении к инородческому:

	Инородцев	Русских
В Тобольской губернии	74220	1121259
В Томской губернии	67971	930914
В Акмолинской области	335103	110469
В Семипалатинской области	472656	49883

Таким образом, отношение это в различных областях и округах является далеко не равномерным; так, в двух южных областях мы видим инородческое население преобла-

дающим. Точно так же в частности распределение по округам в двух губерниях показывает весьма различные проценты² инородческого населения, как-то:

В округах:

Березовском	445,90%
Сургутском	345,67%
Тобольском	16,92%
Тюменском	9,34%
Туринском	6,72%
Тарском	7,06%
Ялуторовском	3,05%

В Томской губернии, округах:

Кузнецком	16,48%
Бийском	12,89%
Томском	7,94%
Маринском	2,42%
Капцком	1,83%
Барнаульском	0,56%

Из этого видно, что в северных округах Тобольской губернии инородцы превосходят русских в числе, в южных округах Томской губернии они составляют видный процент. Точно то же мы видим на окраинах Енисейской и Иркутской губерний.

В Туруханском крае, Митусинском округе и Забайкалье число инородцев весьма значительно и в некоторых местах господствует над русским элементом. Это неравенство увеличивается всё более к Востоку — в Якутской области, на Амуре и на Камчатке. Наконец, в Западной Сибири с юга примыкает еще огромный инородческий район — Туркестан. Поэтому уступающее численности русских инородческое население в Сибири обновляется новыми силами с нашими завоеваниями на Востоке. В общем по этнографическому составу племен согласно счету, приводимому г. Вепковым, численность всех инородцев с оренбургскими киргизами на нашем Востоке равняется 4515736 д. Между тем, русская национальность может считаться никоим образом не более 4800000.

Перенес этот, при неравномерном распределении, нельзя не признать весьма слабым. Такое огромное число инородцев, воздействующих на русскую национальность и, так сказать, могущее ослабить ее расовые и культурные качества, невольно заставляет задуматься о том, насколько необходимо обеспечить ее от ослабления и поглощения постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации.

С другой стороны, мы видим, что сближение и слитие русских с инородцами является неизбежным и неотразимым в силу физиологического влечения. Ограждение искусственными мерами от этой метисации и затруднения, делаемые ей, едва ли приведут к цели, да и едва ли рациональны, так как мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а сближению с ними; культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости. При таком положении нам остается рассмотреть только те шансы, при которых сближение это может быть наиболее благоприятным для русской расы ввиду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен перевес качественный, кроме количественного, в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливается высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население. Какими культурными и умственными средствами обладало русское население в прежнее время — это легко себе представить, если мы припомним, какими явились за Урал русские несколько столетий назад, в среду чуждых народностей, и как низок был их нравственно-умственный уровень.

Представителем нашей колонизации на Востоке был русский крестьянин. Он явился сюда без всяких знаний, без могущественных научных и технических средств и сил для борьбы с природой, суровым климатом, физическими преградами. Население за Уралом, сверх того, было изолировано, оно находилось без всякого сообщения десятки лет в лесах и тундрах, оторвавшись от земледелия, оно было поставлено в звероловческую среду и само перешло к скотоводству, звероловству и рыболовству. Даже независимо от инородцев, оно, таким образом, отступало от культуры и дичало. Можно удивляться, как при таких ничтожных средствах русский народ еще мог сделать то, что он сделал, т. е. проходил моря, степи и льды, проложил повсюду пути, основался и удержал огромную территорию, в два раза большую, чем занятая всем русским народом. Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым.

Какими слабыми культурными и умственными средствами обладает русское население среди инородцев до настоящего времени — это видно из многих свидетельств путешественников и ученых. Вот некоторые выдержки из того же географического журнала. О Нижнеколымске сообщает, например, один автор:

«Не только в городе, но и во всем Нижнеколымском крае замечается полное отсутствие грамотности. Нет ни одной школы. Местное начальство и священники относятся к этому делу с полным равнодушием; до сих пор не сделали ни одного шага к образованию народа. Все занятие детей нижнеколымцев состоит в том, что с утра до вечера, в буквальном смысле, гонять собак; неприличную брань они употребляют на каждом шагу. Понятно, какие плоды происходят от такого воспитания и для нравственного, и для умственного развития населения; невежество и грубейшие пороки — отличительная черта местных жителей. Почта получается три раза в год, читать положительно нечего; нет ни книг, ни журналов, ни газет». То же сообщает г. Кастрен об Обдорском крае: «В Обдорске не нашел я ни одной книги, кроме сибирского регламента, ни одной ежедневной газеты, кроме тех, какие дамы в потемках сочиняют, никакого собрания естественных предметов и древностей, хотя для всего этого там могли бы быть значительные собрания. Из числа христиан я не мог найти там ни одного индивидуума, который был бы занят иным интересом, чем тот, как бы получить бесчеловечный процент. Другого ничего нельзя и жрать от людей, которые чужды утех и наслаждений цивилизованной жизни и у которых одно только на уме — как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца. Такие поступки, правда, делают их счастливыми, но вследствие этого большая часть из этих искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться в зверскую грубость» (Известия сибирского отдела).

Не лучше положение и Туруханского края, по описанию Третьякова и других позднейших посетителей. Но не одни глухие окраины и тундры находятся в таких условиях. Отсутствием умственных и просветительных средств отличаются вообще все провинции на Востоке. Как самые отдаленные, они были поставлены в самые худшие условия в этом отношении; как на местности отдаленные, мы не обращали на них внимания. Чем далее к Востоку, тем просвещение менее развито.

Чем, значит, ближе сталкивается русское население с инородческим, тем меньшими орудиями для борьбы оно снабжается. В этих отдаленных провинциях нет умственных центров, нет ученых обществ, могущих развивать потребность к знанию, единственное ученое общество — географический отдел — страдает таким недостатком и умственных, и материальных средств, как свидетельствуют его отчеты, что не только может удовлетворить своим обширным задачам науки на Востоке, но едва поддерживает свое существование. Точно так же на отдаленном Востоке мы не встречаем и других учреждений, могущих поддерживать высшее образование, сделать его представителем европейской цивилизации и содействовать расовым преимуществам, помощью поднятия умственного уровня.

А при таких умственных средствах едва ли можно надеяться на культурные завоевания и цивилизацию дикарской, окружающих нас. При отсутствии этих средств наша передовая колонна цивилизации, врезавшаяся среди инородцев за Уралом и идущая совершать завоевание, становится похожа на отряд пионеров, высланных вперед прочищать дорогу без кирок, топоров, лопат и других инструментов.

Единственным залогом и умственного, и социального преобладания русского населения должно быть его высшее культурное развитие. «Чтобы выдержать борьбу, — пишет один из ученых географического общества, — и в то же время исполнить культурную миссию относительно превосходящего и поставленного в лучшее положение инородческого населения, нужно иметь достаточный запас существенного развития, энергии и вообще нравственной силы» (Известия сибирского отдела, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 51). «Прогресс будет еще больший, если вы дадите русскому населению школу», — говорит в другом месте путешественник. Чем более играет роль физиологическое вырождение и понижение расы, тем более должно быть гарантировано повышение культурное. Если просвещение и цивилизация составляют естественное право человечества, то здесь оно имеет особое значение, как единственное спасение народности. Понятно, какие заботы и усилия необходимы здесь, чтобы поднять население на высшую степень развития и дать ему, так сказать, нравственный перевес. Надо помнить, что от умственных и просветительных средств будет зависеть и судьба нашего существования на Востоке.

Областной тип русской народности на Востоке

II.

Народно-областной тип и этнические условия его образования. — Последствия видоизменений под влиянием природы, климата, питания и смешения с инородческим элементом. Характер сибиряков. — Определение его Екатериной II. — Физический тип, изменения в языке. — Умственный склад и уровень способностей. — Изменения валикороссийского характера. — Взгляд на природу. — Предания. — Суеверия. — Любопытность и стремление к новизне. — Индивидуализм. — Промышленный характер. — Сибирская крестьянская община. — Процесс народного творчества в условиях новой жизни.

Колонизация Сибири есть факт далеко не завершившийся, а потому произнести над ним какой-нибудь решительный приговор было бы слишком смело, тем не менее некоторые черты и особенности этой колонизации и теперь знакомят нас с теми явлениями, которые уже сложились окончательно при данных исторических условиях. Мы хотели только выяснить в нашей первой главе, что соприкосновение и метисация русского населения с инородческими племенами на громадных пространствах Сибири сопровождалась не только изменением физиологических и общественных свойств прошлого племени, но отчасти и совершенным его поглощением. Русская колония не только усваивала физический тип и психические особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Изменения эти не составляли отдельных и случайных фактов, но отразились на всей массе русского населения на Востоке. Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обыворочивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространялось на всю массу населения, так что инородческая кровь окраивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип. На образование

этого нового этнографического типа, как в физическом строении, так и в нравственных признаках, указывают последние этнографические исследования восточносибирского отдела Географического Общества. «Обобщая все изложенные нами вышле факты физиологического смещения в Сибири славяно-русского племени с разными североазиатскими, — говорят «Известия сибирского отдела Географического Общества», — мы приходим к тому общему выводу, что, во-первых, в физическом типе своем сибирское русское население путем скрещивания с туземными азиатскими племенами, по-видимому, стремится образовать несколько *своеобразный народно-областной тип*, не разделяющий в одинаковой степени признаков родоначальных рас — славяно-русской и азиатско-инородческих. Общей, наиболее выдающейся в настоящее время характеристической чертой ее физического типа, по-видимому, представляется особенный преобладающий тип, если можно так выразиться, брюнетический, отпечатлевающий в себе однородное, но в то же время и заметно-своеобразное выражение помеси славяно-русского племени со смуглыми, черноволосыми североазиатскими племенами. Конечно, все эти отличительные признаки физической структуры русского сибирского населения еще не выразились резко, не установились в строго очерченный, всеобщий, однородный физический тип; в очертаниях его часто встречаются большие или меньшие реверсивные отклонения, вариации и вообще неустановившиеся черты. Это естественно и неизбежно среди только что начинающейся, разнородной помеси народонаселения, при слиянии разнообразных племенных элементов. Но, несмотря на то, все-таки повторяем, уже и в настоящее время в сибирском населении более или менее заметно стремление к образованию, путем скрещивания и местных физико-географических и этнологических условий, *однородной и несколько своеобразной областной народности*». Итак, вот один из новых фактов, подмеченных нашей этнографией: изменение великорусской народности на Востоке во всем ее составе. Конечно, это изменение происходило не от одной метисации и восприимчивости инородческой крови русским племенем: оно также обуславливалось другим пришлым элементом, наконец, климатом и многими другими физическими влияниями. Такие же изменения, под влиянием новой природы и ее особенностей, мы видим в истории колонизационного движения у других народов. Антропология и этнографическая география немало приво-

дят этому примеров. Физические условия имели влияние на вырождение европейцев в Абиссинии и Аравии. В Австралии признаки, свойственные англичанам, начинают изменяться с первого поколения, как удостоверяет Куллишам. Медики давно доказали это физическое видоизменение англосаксонской расы под влиянием новой, чуждой ей среды.

Броссер, известный своей наблюдательностью и обширным изучением, свидетельствует о значительных изменениях типа англичан в Америке в типе янки. «Не особенно много времени нужно на то, — говорит он, — чтобы установить значительную разницу между типом настоящего англичанина и англичанина-переселенца в Америку». Нет сомнения, что в этом отношении русские колонизаторы Сибири не могли составлять исключения из общего правила.

Сибирский климат, сухой и континентальный, отразился на физической организации сибирского населения. Сила этого влияния хорошо показана Дезором. Влияние сухого континентального климата отражается в различных видоизменениях анатомического и физиологического строения, так и в дыхательных органах, строении желез, замеченном слабom развитии их и т. п. Замечено, что сухой климат влияет также на всю жизненную обстановку. Дома весьма быстро становятся годными для жизни после постройки вследствие быстрого высыхания, в сибирских жилищах нет сырости, несмотря на то, что здесь весьма часто моют полы и стены, хлеб скоро делается черствым, тысячи других мелочных обстоятельств не могут не составить особенность жизни*.

Кроме чисто географических условий, на пришлую расу должны были воздействовать и другие особенности колонизируемого края, как, например, пища. Новейшие исследования ясно доказали, что в некоторых местностях Сибири, особенно в Охотском и Гижигинском крае, а также Амурской области, русское население под влиянием местной диеты или образа питания подвергается очевидным изменениям в самих пище-

* В только что вышедшем Очерке санитарного состояния Западной Сибири, составленном при Окружном Западно-Сибирском военно-медицинском управлении 1880 г., подтверждается и констатируется факт сухости климата и резких термических переменов; к сожалению, читатель не находит никаких указаний влияния такого климата на физическую организацию человека. Гораздо более интересны статьи о климате в Томской губернии: Ведомости 1875 г., также и наблюдения доктора Думберга об алтайском климате. В общем, влияние сибирского климата подлежит еще исследованию.

варительных органах. К таким изменениям надо отнести приспособленность желудка местных жителей к очень медленному прохождению экскрементов через кишки, вследствие питания рыбой и мясной пищей исключительно, чем питаются по преимуществу на Востоке. (Исследования Шперка и «Известия сибирского отдела», т. III, № 5, 1873 г., стр. 249).

По сделанным доселе наблюдениям, пища, которой питается сибирское население, и в том числе крестьянство, состоит в преобладании и разнообразии мучных блюд. В Сибири, в хлебоборозных полосах, питаются более пшеничным хлебом, который вытесняет ржаной, далее — преженики, шаньги, пироги, оладьи составляют у многих ежедневную принадлежность пищи. Пироги всевозможных родов — с мясом и рыбой, иногда целною запеченной, а также пельмени в огромном количестве, — составляют любимые кушанья сибиряков. Мясо, благодаря изобилию скотоводства, во многих местах составляет видную часть питания и доступно крестьянству. Во многих местах Сибири создался обычай при каждом удобном случае по нескольку раз в день находить предлог для еды; сибирский чай сопровождается всегда «прикусками», т. е. пирогами и прочим. У крестьян существуют завтраки, паузины, ужины и т. д. Чай вошел в общее употребление среди всех сословий и употребляется в большом размере, как и вино. Все это если и способствует с одной стороны хорошему питанию, дородству сельского населения, с другой стороны — в городской жизни и зажиточных классах порождает чрезмерное употребление яств и создало преобладание животно-питательных наслаждений вместе с тяжеловатостью и медленностью психических отправлений.

Все эти разнообразные влияния новой природы, взятые вместе, не могли, конечно, не изменить несколько физической организации типа и не придать психических отличий «русско-сибирскому» населению. Подобное областное отличие в местных жителях было замечено еще в половине прошлого столетия, и императрица Екатерина II сделала этнографическую характеристику русского населения на Востоке: «Как естественные произведения, растения и животные, так и люди в России и Сибири, — говорит она, — не схожи ростом и лицом; сибиряки смуглы, самые восточные из них похожи на китайцев (на монголов); русские, например нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками. На берегах Волги жители рослы и стройны; белокурые ярославские красавицы не имеют никакого сходства

с сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слышат сутягами, галичане слышат простыми и прямодушными. Сибиряки умны, любознательны и предприимчивы». (XVIII век, М. 1869 г., кн. IV, стр. 440—442). Как бы ни была поверхностны эти характеристики, но она доказывает тот же факт, что новообразующаяся сибирская народность — природная ветвь славянорусского племени — вследствие колонизации подверглась уже значительному изменению своего родоначального типа. Но, кроме изменений, так сказать, физиологических и этнографических, самые бытовые формы, занятия и нравы русского населения должны были получить особый оттенок. Изменения эти произошли даже в языке, который, по замечанию г. Ровинского, представляет некоторые особенности в новом областном говоре. «Сибирское наречие, конечно, произошло от северо-русского. — пишет г. Ровинский, — но двухсотлетняя разъединенность с крепкой Россией, совершенно иные естественные условия жизни и иные условия исторические, вместе с разнообразными столкновениями со множеством других народностей, о которых в коренной России не имеют и понятия, дали ему развитие вполне оригинальное. Распространенность и устойчивость говора Восточной Сибири, имеющего свою особую фонетику, много особенных грамматических форм, отчасти особенное словообразование и своеобразный способ выражения, со словарем более чем в 3000 чисто местных слов, неизвестных в общем русском языке, — дают ему полное право занять место в ряду с остальными наречиями России». (Замечания и словарь сибир. нареч.; Извест. сиб. отд., т. IV, 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востоке складывается новый этнографический тип, с которым нас хорошо знакомят исследования г. Ровинского и статьи г. Шапова, напечатанные в «Известиях сибирского отдела Геогр. Общ.». Мы постараемся коснуться тех выводов, к которым пришли эти почтенные исследователи. Физиологическая помесь с инородческим элементом, влияние новых физических и исторических условий, как мы сказали, не могли не отразиться и на психической природе русской народности. Она неизбежно должна была приобрести новые инстинкты и новые склонности, а потому и развитие способностей должно было принять новое направление; нет сомнения, что это своеобразное развитие в будущем приобретет еще большее значение. Вот какие приговоры и обобщения, между прочим, сделаны о сло-

собностях и оригинальных психических проявлениях областного населения Востока. В духовно-физической организации его прежде всего замечается больше, чем в развитии европейско-российского народонаселения, проявление разных резких изменений и уклонений физиологических и патологических, прогрессивных и регрессивных. Они обусловлены многими неблагоприятными обстоятельствами при первоначальном заселении страны и первых столкновениях с другими расами, а также невыгодным естественным подбором. На них-то ученое исследование и останавливает свое главное внимание.

Путешественник, посетивший Сибирь, на каждом шагу поражается резкими контрастами и хаотическим смешением всевозможных противоречий и крайностей; он замечает в сибирском населении, с одной стороны, более или менее замечательные умственные дарования, с другой стороны — микроцефалов, кретинов, идиотов или вообще «дурачков», как говорят в Сибири, а также карликов с недостаточным первично-мозговым развитием. Такие крайности и видоизменения то в ту, то в другую сторону очень понятны при помеси различных народностей, при внесении самых разнообразных элементов и признаков прародителей. Вместе с этим известны и некоторые местные патологические проявления уродств в данной местности, еще не объясненные и, может быть, находящиеся в связи с климатом и неблагоприятными физическими условиями. К таким явлениям относятся, например, в Верхояленском округе и некоторых местах Восточной Сибири развитие зобов и сопровождающего их кретинизма и идиотизма.

Зобатость начинает проявляться вообще с началом половой зрелости. Одна статья из местных свидетельств представляет нам несчастное положение сибирской девушки, тщательно скрывающей свое уродство перед замужеством (газета «Сибирь»). Зобатость в некоторых местах Сибири стремится сделаться наследственной органической особенностью всех жителей данной местности. Доктор Кашян, производивший исследования на Лене, свидетельствует, что зоб распространяется и разносится даже по селениям, где прежде его не было. «Мы убеждены, — пишет он, — что существующая здесь эпидемия зоба будет иметь непременно своим последствием перерождение туземного населения и прогрессивное увеличение числа кретинов, если только не обратят внимания на уничтожение вредных местных условий».

* В Западной Сибири зоб замечен в Алтае в Тигеринском, Андреевском поселениях и между жителями Риддерского рудника. Но он существует так-

ме зоба, в некоторых местностях Сибири замечаются и другие патологические явления, так, например, «икота», «порча», составляющие какие-то нервные припадки и господствующие между крестьянством Западной Сибири. Юродивые и дурачки, выродившиеся идиоты, предвешатели и ведуны встречаются в каждом сибирском городе.

К другим причинам местного быта, влияющим неблагоприятно на рождение и здоровье, развитие населения, относят наши этнографы разные болезни, заносимые приливом населением. В этом отношении играет роль громадный прилив ссыльного люда, приносящего с собой из русских порем и арестантских и физическую хилость, и нравственную испорченность.

Вот что говорит по этому поводу г. Шапов: «Нам кажется, рождение уродов, идиотов, дураков и т.п. в Сибири в значительной степени зависит от беспорядочности полового подбора и неправильности половых отношений, обусловливаемых преобладанием ссыльных преступников, испорченной нравственности и с разными физическими пороками, численным неравенством полов в Сибири, а также сильным развитием проституции, соединенной с безобразным пьянством» и т. п. О неправильности полового подбора, нередко проявлявшегося и в браках, в Сибири сложилась даже особая поговорка: «Платье на грядке, урод на руке». К числу постоянных патологических явлений, подтачивающих организм сибирского населения, надо отнести и занесение сифилиса в Сибирь партиями ссыльных и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное его распространение между местными жителями⁹. В Сибири, говорят очевидцы, есть деревни, сплошь зараженные, целые инородческие племена охвачены этой болезнью¹⁰. Повидно, что в отдаленных и глухих местах население, предоставленное самому себе, без медицинских средств, где в целые районы и округа не заглядывал ни один доктор, болезнь может охватить население и

же по р. Бия в Енисейской волости, и зобатое население находится на берегу Телешского озера, по Пыжке, по р. Лебяжьей и в кузнецких лесах.

⁹ В пересыльных замках и в больницах находится, как показывают наблюдения, масса арестантов, зараженных сифилисом. Ссыльные несут его в Сибирь скрытым, и он обыкновенно развивается на дороге. Точно так же арестантские партии, как доказали исследования, разносят тиф по Сибири, и ими же в 1871—1872 гг. была занесена холера. Очерки санитар. состояния Западной Сибири, 1880 г., стр. 83—84.

¹⁰ О распространении сифилиса см. Санитарн. Список Западной Сибири изд. 1880 г., Омск, стр. 85—86 и болезни, господствующие в Березовском округе. Медико-топографические материалы д-ра Соколова.

похожи на те, которые обыкновенно приводятся в пользу негров и женщин; для всякого другого человеческого общества они должны были бы показаться несколько обидными. Однако приводимые примеры в пользу даровитости сибирско-русского населения убеждают нас в том, что пробуждение и развитие сибирского таланта совершалось до сих пор только на другой почве и в другой социальной среде. Пожалуй, сибирско-русское население и даровито, но оно поставлено в такие печальные условия, что выдающаяся умственная сила, подавленная в своей среде, должна была непременно вырваться из нее и бежать из этого края. О психических особенностях сибирского населения этнографы сообщают следующее: «Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт или особенностей, более или менее заметно отличающих его как от психического настроения великорусского или малороссийского народа, так и от умонастроения сибирских инородческих племен, с которыми оно смешивалось и смешивается. Сравнивая, во-первых, вообще мыслительную способность ссыльных великорусских и малорусских поселенцев Сибири с природными сибирскими — туземными сибирско-русскими — поколениями, можно заметить, правда, что русский или, как говорят в Сибири, «российский» человек, преимущественно городской, более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него умственный кругозор большей частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные взгляды и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большей примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых. Сибиряк, наоборот, первобытнее. Ум его менее развит и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великорусса — какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато в сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение... Оттого сибиряки менее мистичны и религиозны, чем российские люди. Сибиряки в большинстве случаев совершенно чужды мистицизма; они, так сказать, более утилитаристы и материалисты, чем мистики и идеалисты», — заключает

этнография свое исследование. Итак, при всей неразвитости и некультуривированности ума в сибиряке замечаются признаки реалистического направления мысли. Эта черта характера проявляется и в языке. Словцов подметил, что «сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, к сожалению, темповат, по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль». При рассудочности и практическом взгляде умонастроение сибиряков в значительной степени отличается еще юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни в практике, ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлениях обиденной «простоумности» (пересмешивании), выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, нередко в простых и грубых формах. Следы местного умонастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великорусский народ; оно руководствуется более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, простонародье смотрит весьма свободно, говорит г. Шапов, в Иркутске и вообще в Сибири, на «свободные», или гражданские браки. Велико-русские раскольники для объяснения этих браков усиливаются создать свое религиозное воззрение, пишут об этом церковные догматические сочинения, а народ в Сибири руководствуется в этом отношении непосредственными влечениями чувства и страсти. Самый раскол в Сибири прививается скорее своими рационалистическими сторонами. То же самое применяется по отношению к социальным явлениям. Ум великорусса отличается историко-традиционным воспитанием, а ум сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. «В умственном складе великорусского человека более отразилось влияние, — пишет г. Шапов, — продолжительного, исторического, тысячелетнего опыта и отчасти влияние европейски образованного класса. В умонастроении сибиряка более отчетливо влияние дикой сибирской природы». Это умонастроение характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частью, — говорит г. Шапов, — забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания или былины великорусского народа, даже большую часть великорусских народных верований или суеверий, примет и обрядов увеселительных. Среди великорусского народа, даже в сфере такой

суровой, неприветливой природы, как природа Олонецкого края, г. Рыбников¹⁰ и Гильфердинг находили множество «сказателей», любивших рассказывать старинные былины русского народа, а в Сибири едва ли есть где-нибудь такие «сказатели». Наконец, самая песня, не только малороссийская, но и великорусская, какая занесена была переселенцами с Днестра, Волги или Северной Двины и Камы, в Сибири почти забыта или поется несколько своеобразно, как-то уныло, монотонно, более низкими тонами, с меньшими вариациями голоса, или даже несколько похожа на песни татар или бурят в степи, или на «христорадную, милосердную песню» арестантских иверий. «По сию пору мне не удалось не только у семейских, — пишет г. Ровинский, — но вообще у сибиряков найти ни одной оригинальной песни, кроме нескольких сложенных сельскими. Все их песни занесены из России и содержанием своим совершенно неподходящие к ним; поэтому при их оригинальных недостатках они искажаются еще больше их перенимателями и являются совершенно бессмысленным набором слов». (Изв. сибир. отд. имп. Геогр. Общества, т. IV, № 3, Иркутск, 1873 г.). Зато местная этнография замечает, что в сибирское население, даже в среду простолюдинов, проникло более песен из образованных слоев. Здесь часто поются романсы, взятые из печатных песенников.

Относительно взглядов сибиряка на природу один из наблюдателей чрезвычайно метко сделал следующее определение: «Достоинно замечания, что мирозерцание сибирского простого народа в сферах, не столь непосредственно связанных с практической жизнью, взгляд на природу и ее силы резко отличается от понятий народа европейской России, как будто старинные эпические представления, некогда там сложившиеся, улетучились из голов переселенцев во время их пути в Сибирь: коренной сибиряк смотрит на природу, как на мертвую массу, не населяет ее лешими, русалками и даже никогда не задумывается, на чем земля стоит».

То же повторилось и с историческими преданиями. Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком; напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности. Это забвение о своем происхождении приводит сибиряка к забавному толкованию даже известных ему исторических фактов, касающихся жизни первоначальных русских колонизато-

ров: так, в отдаленных местах Восточной Сибири предполагают, что Ермак, пришедлец из России, покорил праледов, исконных русских обитателей Сибири, и привел их на подданство царю, или что в старину буряты делали набеги на русских коренных обитателей Сибири, чтобы выгнать их из домов и овладеть землей, всегда принадлежавшей русским*. Сибиряк забыл не только вынесенную из России, но и собственную историю. Это отсутствие исторических традиций объясняется постоянными приливами и сменением населения, его разнородностью, как и отдаленностью от центра истории. Все это положило на сибиряка печать известного индифферентизма. В истории после Петра оно редко принимало участие в общей судьбе государства, сами события сюда доносились смутно и нередко вели к недоразумениям, как, например, внезапный бунт тарских жителей, не признавших акта о наследии Петра I. Народные волнения, как пугачевский бунт, едва коснувшись западных частей, дошли до Сибири в смутных преданиях и рассказах.

Войны, государственная жизнь не возбуждали здесь особого патриотизма. Во время Отечественной войны 1812 года в Иркутске были построены триумфальные ворота, говорит предание, для приема Наполеона; исторические торжества не возбуждали особого воодушевления. Недавно один забайкальский город отказывался чем-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраине где-нибудь устраивались собрания и читались патянутые речи в память заслуг Ломоносова, то это были демонстрации только заезжего образованного сословия, в которых сибирское население играло пассивную роль. Пристрастия к историческим лицам, к историческим рассказам здесь не замечается. Память Ермака мы находим уважаемой только в Тобольской губернии, где предание более уцелело. В других местах оно менее напоминает.

Это не то, что Малороссия и Украина, столь богатые своими воспоминаниями и так нежно лелеющие их. Русская общественная жизнь далека от сибиряка и только иногда доносится до него в песенных отголосках. Вот почему путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом.

Кроме того, этнографической чертой местного населения является некоторая грубость и диковатость, как бы общая с инородцами. Диковатость эта, конечно, происходит и

* Очерк сельской жизни в Сибири. Рассказ «Коршуновцы».

оттого, что население восточных окраин совершенно замкнуто в своей полудикой сфере; оно живет вдали от центров просвещения и цивилизации, в своей захребетной и затасженной лесной глуши, среди некультуривированной сибирской природы, где нет почти никаких источников для умственного развития и интеллектуальных интересов.

Но в этой диковатости нельзя не заметить проблесков смелой любознательности и пытливого ума. Вот отзыв аббата Шапла о сибиряках: «Сибиряки дики и вместе с тем любопытны». Он приводит пример, как в одном доме при его появлении «четыре или пять женщин мгновенно спрятались за какую-то занавеску, но потом мало-помалу они «приручились». Жители сначала дичились астрономических опытов путешественника, и потом начали с любопытством смотреть на них. Так принимают всех путешественников в глухих местах Сибири: жители сначала дивуются на них, но потом выказывают самую живую любознательность и участие к ним. Но в то время, когда некоторые, как дикари, в Сибири удивлялись термометру, сибиряк же Неве-рон, едва узнав употребление его, производит в Якутске 26 лет метеорологические наблюдения, которым отдал честь даже Миллендорф. «Диковатость, соединенная с любопытством, замечается и в других местностях Сибири», — прибавляет этнографическое свидетельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходит и в настоящую любознательность, в быструю переимчивость. Черту эту так характеризовал один иркутский мещанин г. Шапову: «Наш брат сибиряк, когда увидит в первый раз какую-либо машину, дивится, но потом любопытствует узнать, в чем в ней сила, как она сделана и как действует. На первый взгляд, — прибавил мещанин, — конечно, оно диво — хитрая машина; но как рассмотришь в ней все чакли, что к чему приделано, что чем действует, в чем сила, так и сам можешь сделать такую машину, и диковинки тут не будет никакой». В сибирской жизни, бедной впечатлениями, за наименее предметов, могущих удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всяким неожиданным зрелищам и часто проявляется суетным и легкомысленным образом: ходит смотреть покойников, выбегают на улицу при всяком шуме и проч. Вероятно, театр когда-нибудь будет иметь огромный успех в Сибири. В низшей среде народа этот инстинкт любознательности проявляется массою самоучек и самородков, о которых также упоминает г. Шапов.

Диковатость и отчужденность сибирского населения понемногу пропадает и ныне далеко уже не везде чувствуется. Даже в глухих местах путешественников встречает живое и бойкое население, поражающее своеобразием. «Обитатели Барабы (степь Тобольской губернии), — пишет Гельмерсен, — прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльных, преимущественно новыми переселенцами. Они, по-видимому, крепки, ловки, жгиточны. Их обращение свободно и непринужденно, при этом они показывают чувство собственного достоинства и сознание силы. Они нас с первого же раза убедили в справедливости мнения, что сибиряки европейскую Россию и русских принимают за чужеземщину или иностранцев и говорят так, как мы о западноевропейских странах.

Если сибиряк русскому, который посещает его гостеприимный дом, говорит дружелюбно: милостивый государь, вы русский (при этом он обыкновенно употребляет слова *российский*), то этим он не хочет сказать, что вы земляк, а напротив, хочет этим обозначить противоположность себе, как сибиряку». (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. St-Pet. 1848. Band. 14).

Некоторая самоуверенность, гордость и сознание особенностей своего областного типа и до сих пор господствует в коренном сибирском населении. Так, все старожилы новых переселенцев называют «российскими». В своих объездах по Сибири мы также почти не встречали дикости и замкнутости населения, напротив, среди него все чаще встречаются черты общительности, развязности и известной бывалости. Эти черты замечены нами даже на глухих трактах, где население жило, по-видимому, отчужденно. Таким образом, в местном населении совершается известная метаморфоза, и оно делает известные успехи в своем развитии и мирозерцании. Это объясняется тем, что если, с одной стороны отдаленность, отсутствие обмена, соседства инородцев, жизнь в лесах и отсутствие культурных влияний и способствовали диковатости и грубости населения, то с другой стороны были и другие влияния.

На почве Сибири совершается постоянный приток нового населения переселенцев и ссыльных, которые не могли не изменять нравов. При торговом движении, при промышленной жизни, обуславливающей движения, население в Сибири более подвижно, более имеет случаев насмотреться на людей. Сибирь — страна бывалых людей. Сперанский, столкнувшись

с сибирским обществом, заметил, что это «страна донкихотов», здесь можно встретить людей, бывавших и в Камчатке, и на Амуре. Сибирский крестьянин исхаживал с обозами от Иркутска до Москвы. Затем жизнь населения не могла оставаться в застое. Сибирь пережила уже несколько культур: звероловную, земледельческую, золотопромышленную и торговую. Мы наталкивались на типы крестьян в глухих деревнях, где атрибуты недавнего звероловческого промысла висели рядом с представителями позднейших занятий. «Мы занимались ямщичиной и с кушмами водились, теперь торговлей лесом сами занимаемся», — говорил крестьянин-земледелец, отец которого был зверолов-промышленник.

Надо заметить, что восприимчивость сибирского населения была живее, и оно могло благодаря свободной жизни и довольству совершать легче прогресс в материальном отношении и обстановке жизни. Быстрое восприятие новых культурных черт, всяких нововведений, как и усвоение новых привычек, совершается поэтому необыкновенно быстро в Сибири. Этим объясняются весьма быстрые перемены в образе жизни сибирского населения, не скованного никакой традицией. Всякая новизна, всякое культурное заимствование, раз оно пришлось по нутру и обольстило, жадно воспринимается и проходит в массу. Живая непосредственная любознательность, как и любопытство дикаря, оказывают одинаковую услугу. Всякое культурное заимствование и обычай цивилизации в Сибири разливается шире в массу населения и делается общим достоянием.

В Сибири нет монополизированного за собою культурную жизнь сословия, и сибирский крестьянин, как и средний класс населения, поэтому ведет себя непринужденно и развязно. Сибирский крестьянин чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будет пить чай, есть и свободно вести с вами речь. Это меняет обхождение с простым народом самих приезжих в Сибирь. До известной степени, при добрых отношениях, такое общение практикуется между начальствующими и народом. Даже приезжий кровный господин (*seigneur*) в Сибири должен сделать уступку купечеству, мещанину и крестьянину, если он захочет с ними сблизиться, как бы это ни оправдывалось уступкой «обычаям дикарей». Нет предмета роскоши и комфорта, нет вещи, которая бы

составляла недоступный и запретный предмет для сибирской массы. Всякий крестьянин сознает, что он все может приобрести, были бы средства. Поэтому сибирскому крестьянину доступны сюртук и картина, книги, счеты, стенные жирандоли, гардины и зеркала, украшающие дома торговых крестьян. В сибирской жизни торговое сословие, золотопромышленники и первейшие богачи постоянно выходят из крестьянского сословия и гордятся мужичьим происхождением. Бывшие крепостные крестьяне, явившиеся в Сибирь, делались видными капиталистами, занимали почтенную роль в обществе и только впоследствии выкупались и получали вольную*. Сибирское чиновничество, постоянно зависимое в материальном отношении и не составляющее особого класса, нередко выходящее из тех же низших слоев, имеет общение только с мещанами и купцами, уездное же — с сельской мужичьей аристократией; поэтому сибирское общество, не отделяемое перегородками, составляет однородную массу, где жизнь и обмен ее свободен. Все это не может не поднимать уровень жизни крестьянства.

Мода всецело господствует в Сибири и покоряет наследие. Пиджаки, жилеты, фуражки составляет принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей, и сапог для него — постоянная обувь. У женщины сарафан составляет рабочий костюм, большинством посится блуза и шерстяное платье, вязаные воротнички, чулки и ботиночки. Такие костюмы мы видели в деревнях Бийского округа у потомков новоселов или переселенцев, то есть «лапотников», основавшихся в Сибири не более 50 лет. Мы не говорим о селах на пути золотых приисков, где крестьянин и рабочий бросает деньги. Трудно представить себе, до чего достигают исключительные заимствования и переимчивость. Иногда разбогатевший крестьянин заводит себе богатые экипажи, делает бал для чиновников, выпившает вино. «Сибирское простонародье отличается увлечением ко всему новому в своей одежде и вообще в домашней обстановке, — пишет Шапов. — Даже в деревнях можно видеть пиллоны, криполины, бурнусы со стеклярусом, сюртуки, часы с цепочками; в домах — зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цветы в цветниках и проч. Нет ни одного сибиряка, который бы, подобно великорусскому староверу, отворачивался, как от чертовой дщцы, от папиросы, сигары, чаю или кофе и т. п.»

* Братья Швецовы, бывшие крепостные, получив университетское образование даже за границей, были промышленными деятелями в Сибири.

Мода и шегольство сибирских простолюдинов у русских крепостников, приезжавших в Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населения. Один киренский исправник формальной бумагой жаловался на роскошь костюмов, так как в одной деревне на ярмарке он видел на крестьянках «драповые кофточка последней парижской моды в 35—40 рублей, башмаки рублей в 8, лакированные галоши» и проч. и просил принять меры против пагубного разврата. В среднем классе подобная склонность к моде выражается в подражании великосветской жизни. Сибирское торговое сословие бреет бороды и носит немецкие сюртуки. Европейские танцы не только проникли в мещанскую, но и в крестьянскую среду. Конечно, в умственной сфере усвоение нового уже менее имеет простора, и у сибиряков менее для этого пищи, но все-таки в этом отношении сибиряки, пишет г. Шапов, по-видимому, восприимчивее и любознательнее, по крайней мере, староверческой массы великорусского народа. Менее чуждым является просачивание взглядов, идей, но тем не менее развитие сибирских простолюдинов не могло не поражать многих. Примером служат отзывы Флеровского о сибирском крестьянине.

Нет круга идей, в котором бы он не ориентировался при помощи здравого смысла. Многие из низшего класса усваивали в Сибири грамотность, развивали себя и приобретали начитанность. Еще в половине прошлого столетия, по свидетельству путешественника Фалька, около Тобольска жили ямщики Черепановы, из которых один составил замечательную сибирскую хронику-летопись, сделав свод из многих исторических сочинений, а брат его занимался живописью. Многие из подобных зажиточных крестьян имели библиотеки, интересовались наукой. Сибирские раскольники сносились с отдаленнейшими своими братьями.

Таким образом, даже крестьянский ум работал над своим развитием. Характер подобных явлений, представляя оригинальную сторону сибирской жизни, должен был останавливать внимание путешественников, сопоставляющих контраст косности и отупения, в котором пребывало и вырождалось до последнего времени крепостное крестьянство России. Эти метаморфозы населения и различные изменения его на сибирской почве не могут не броситься в глаза; они доказывают как способности к умственному прогрессу вообще при условиях свободы обмена, так и ту быстроту, с

которой может идти культурное развитие русского племени при благоприятных условиях.

Если в Сибири существуют места, где население остается диковатым и отсталым, сохраняя следы замкнутой жизни, то всеми ознакомившимися с Зауральем признается ныне как факт, что вообще сибирское крестьянство по привычкам и развитию стоит выше своих собратьев в европейской России, живших под другими условиями.

Прежняя жизнь в лесах и пустынях Сибири, как и борьба с природою, если отражалась, с одной стороны, отступлением от культуры, одичанием и отрублением, черты, которые отмечены этнографами, то то же население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала решимость, отвагу, неустрашимость и дала в силу опыта долю самоуверенности, которые отличают сибирского охотника. Тип этого охотника и зверолова, отличающегося замечательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидетельствованы известным сибирским знатоком охотничьих нравов Черкасовым, сделавшим многочисленные наблюдения в сибирской тайге*. Он не мог не отнестись с полным уважением к качествам сибирского зверовщика при самых убогих его средствах и оружии. Этот охотник, зная обычаи разных зверей, обладает неустрашимостью в борьбе с медведем, быстротою в беге за оленем и сохатым, находчивостью при скитаниях в лесах. Мы сами видели типы горных охотников и крестьян в Алтае, которые не могли не поразить нас своим богатырским сложением, умением ориентироваться в лесу и замечательно меткой стрельбой из своих вытопок. Образцом неустрашимости и отваги является горное население беглых русских крестьян, известных под именем каменщиков**.

К числу качеств, воспитанных в новой стране русским населением, точно так же принадлежит предприимчивость. Непочатые богатства края, увлечение звероловством, соборевание, белкование, открытие руд и приисков, впоследствии торговли и промышленные предприятия благодаря свободе пользоваться промыслами развили этот дух предприимчивости. У первых пионеров он питался завоеваниями и походами — все сибиря-

* Записки сибирского охотника Черкасова.

** Каменщики описаны Принцем. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. 1, с. 567—582; Томские Губ. Ведомости 1858 г., также отзывы Шапова.

ки в это время были землепроходцами. Затем этот дух проявлялся в искании богатств по пустыням. До половины прошлого столетия русское население находилось еще в движении и постоянно кочевало. Впоследствии тот же дух предприимчивости воскрес во времена золотопромышленности. Сибирь в это время кишела открывателями, героями и выдвинула многие имена, присвоив им титул «наполеонов тайги». Так называли известного открывателя золота Мошарова. Этот дух предприимчивости выражался среди крестьянства в колонизационных попытках самого отважного свойства: в занятии мест на границах и за границами Китая, точно так же в некоторых смелых морских предприятиях, торговле на островах, проложении путей в степях, хождении с караванами и т.д. К сожалению, предприимчивость торгового и промышленного населения часто руководствовалась жадностью к наживе, что деморализовало, развращало население, точно так же, как жизнь в лесах и охота не могли не создать рядом с твердостью характера некоторой заурядности, бесчувственности. Зверолов впоследствии легко охотился на инородца и на ссыльного, факт этого «палаичанья» и охота на «горбунов»^{*} составлял темную сторону старинной Сибири. Жажда наживы повела от открытия богатств к взаимному хищничеству. Таковы были обратные результаты выработанных свойств, которые при других условиях культурного развития могли бы проявиться более блестяще и плодотворно.

Нам остается еще указать на одну черту местного характера, точно так же отмечаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское население на Востоке, признают «наклонность к простору, воле и равенству». Действительно, нельзя отрицать, что жизнь колонии при известном просторе, при вольнонародной колонизации, свободе в отыскании промыслов и главное — отсутствии в Сибири крепостного права не могла не наложить на население своего отпечатка. Сибирское население с виду является поэтому менее забитым, подавленным, более независимым. Этого нельзя не видеть даже в низших классах. Но, с другой стороны, по наблюдению тех же исследователей и этнографов, были и другие влияния, которые далеко не способствовали воспитанию независимости характера. Находились наблюдатели, которые, разбирая психические свойства сибирского населения, говорили, что оно не менее низ-

* «Охота на горбунов» есть преследование беглых и бродяг в Сибири.

копноклонно, раболепно, угожливо перед высшими, как грубо и дерзко с равными и посторонними.

Административный произвол восвод и чиновников должен был действовать на местное население подавляющим образом, говорят эти исследователи. Нигде чиновник не пользуется такой властью, как в Сибири, располагая имуществом и состоянием людей; нигде не существует менее обеспечения и гарантий для личности. Законности в Сибири почти не существовало. «Вековой административный гнет до Сперанского стоил крепостного права». Поэтому запуганное общество и личность далеко не могли сохранить здесь независимости и воспитать чувства человеческого достоинства; в доказательство приводят, что нигде нет таких заискиваний, угощений, унижения, как в Сибири, а потому выставляются лезть, хитрость, лукавство и скрытность сибиряков. Итак, с одной стороны, штрихами сибирского характера рисовались грубость и дерзость, лукавство и унижение — свойства раба. Но с другой — они далеко не могут быть единственной характеристикой сибирской жизни, складывавшейся не совсем благоприятно. Сибирь много терпела от административного и воеводского произвола; но он все-таки не мог подавить всей жизни и самое давление на личность было другого характера, чем крепостной феодальный гнет. Сибирский крестьянин о гнете в экономической сфере, в смысле ограничения пользования благами природы, не имеет даже понятия. Когда сибирскому крестьянину рассказывают о крепостном праве, о стеснениях в земле, он не верит и почти не может составить представления о жизни в этих условиях. Свобода пользования различными благами укоренила в нем известное мировоззрение о присутствии ему неотъемлемом праве на жизнь и распоряжении известными благами. Административный произвол разнился от крепостного права тем, что в убеждениях народной массы он не входил как сознание его неизбежности, необходимости и законности. Напротив, это административное распоряжение судьбою личности рассматривалось, во-первых, как явление, от которого можно защититься, откупиться, спрятаться, наконец, против которого можно протестовать, бороться. Все население убеждено было в незаконности таких порядков и искало средств защиты против них. Во-вторых, сибирское население не постоянно жило под давлением чиновного произвола, по временами у него были просветы. Историки, подобно Щапову, придававшие огромное значение сибирскому

чиновному произволу, упустили из виду многие другие социальные явления в истории Сибири, где проявлялась борьба и известная самостоятельность народного духа. В первое время, избегая гнета крепостного и воеводского, русский человек спешил бежать в Сибирь, ища здесь «своей воли». При свободе колонизации вначале этот дух успел все-таки немного отдохнуть и внедриться. Когда явился воеводский произвол и казенная регламентация, население отчасти продолжало отодвигаться на окраины, искать на них убежища старой свободы, кроме того, оно проявило жизненную борьбу против самовластия. Весьма крупным фактом, выросшим на сибирской почве, являлась борьба городов и городского начала против административного. Эти черты борьбы можно видеть в эпоху начала XIX столетия, когда городские общества достаточно созрели и сплотились, чтобы показать свою силу. Трескин и Пестель употребили все усилия, как видно из истории этого времени, чтобы подавить независимость и оппозицию этого городского начала. Шапов, разбирая историю этого времени в своем очерке «История сибирского общества в XIX столетии» (Записки сиб. отдела), находил в этом только борьбу возникающей буржуазии и богатых классов, сочувствуя подавлению ее административной властью Трескина, но это воззрение едва ли исторически правильно. Когда буржуазия соблюдала свои выгоды, она шла в союзе с произволом и в ставке с ним. Но когда произвол переходил всякие границы, городское начало стремилось отражать общими протест масс, принцип известной независимости, общественной безопасности, требование гарантий личности и имущества, принцип дорожной и необходимой для жизни каждого отдельного члена, независимо от привилегий и сословности. Этот характер деятельности не раз проявлялся в сибирских городских обществах и лежит доселе в условиях сибирского населения. Точно так же сибирское население заявляло себя попытками искания законности и справедливости. Сибирь была страной челобитчиков, истцов и даже прославлена за страну «ябедников». Донос на злоупотребление и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба недешево обходилась — она стоила многих жертв местному населению*. Но тем не менее искание правосудия, законности, правды волновало сибирское общество и проявлялось при каждой ревизии;

* Напомним историю иркутских ссылок и гонений при Пестеле и Трескине, а также и при последующих администраторах.

оно получило еще большую силу и уверенность со времени, когда некоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересов населения. Это сопоставление высшей правды местному произволу и до сих пор живуче в массе населения. Доказательством служат весьма частые жалобы и протесты, слышавшиеся из Сибири на местные неурядицы. Таким образом, в истории и жизни сибирского населения можно найти немало и других черт, указывающих на известную живучесть народного духа. Конечно, всевозможные испытания, произвол, царствовавший в стране отдаленной, единственный способ защиты — подкуп, не могли не деморализовать местного характера, — отсюда замечаемые в нем свойства раболепия и заискивания. Но эти психические черты, имея свое оправдание в тяжелой жизни, далеко не принадлежат всем слоям народа в одинаковой степени.

Приводимые в пример сибирского раболепия обеды, угощения и подкуны властей, получившие в последнее время замаскированный вид пожертвований с благотворительными целями, практикуются, правда, и доселе в Сибири, но они касаются известных классов торговцев, монополистов, кулаков и мироедов, всегда находящихся в дружбе с исправниками и составляющих комплот¹¹ против остального населения. Что касается массы народа, то ей не всегда под силу эти угощения и заискивания, она лишена материальной возможности к этому, а потому ей суждено не столько заискивать и угощать, сколько молча выносить и терпеть. Слабому естественно лукавить, а угнетенному скрывать горечь в душе своей. Печать сибирского молчания, как и замкнутость населения в себе, точно так же при подобных условиях являются весьма понятными. Это плод исторического раздумья. Вот те объяснения, которые могут быть приведены для осветления указанных свойств местного населения.

К другим чертам, характеризующим население восточных окраин и отмеченным исследованиями, относится индивидуалистический промышленный дух местного населения, стремление к наживе и преобладание материальных интересов над общественными. Развитие этих своекорыстных, узких и эгоистических мотивов среди сибиряков ярко отмечено и развито историком Шаповым и беспощадно бичуется им*. «Русское насе-

* Статья г. Шапова «Об отсутствии высших чувств у сибиряков» была помещена когда-то в «Отгч. Записк.».

ление, развивая в себе умственную и нравственную смелость, предприимчивость и стремление к обзаведению, к устройству, наконец, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Ум сибиряка всецело поглощен материальной наживой, его увлекают только текущие практические цели и интересы. Этот холодный расчет и корыстные страсти подавили в населении всякое идеальное настроение и даже общественность». «У сибиряка нет того, так сказать, социологического умонстроения, — пишет г. Шапов, — нет тех общипроустроительных идеалов и стремлений, какими отличается великорусский народ, по крайней мере в расколыпичьем старообрядческом самоустройстве, вроде общипного самоустройства секты «общих» или духоборцев за Кавказом. Оттого к сибирскому населению не прививаются никакие общественные идеи и уставы. Как у простого народа в Сибири нет ни религиозного, ни метафизического идеала, так и у самого общества не существует стремления к идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востоке, это общество по преимуществу индивидуалистическое; таким его воспитала бродячая жизнь и разрозненность в лесах и степях, нажива и утрата прежних социальных связей в повоий стране».

В доказательство этого индивидуалистического направления приводится весьма много примеров из современной жизни Сибири и ее склада. У сибирского общества нет других целей, кроме своскорыстных и приобретаемых, говорят исследователи. Это арена вечной борьбы и погони за богатством. Деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни. Тип сибирского кулака и сибирского монополиста «чумазого», нажившего миллион, грубого, невежественного, чванного своими связями с местными взяточниками, питающего убеждение, что нет ничего в мире, что бы он не мог купить и подкупить, производит отвратительное впечатление на нового человека. Тип этот грубый и бессердечный недоступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности. Такие чумазые кулаки побывали даже в Европе и Америке, приобретали там высший лоск, но оставались неизменными эксплуататорами и кабалителями какого-нибудь дальнего Забайкальского края, угнетателями на приисках, тиранами и мошенниками родной страны. Эти выродки, производя отталкивающее впечатление, клали позор на все сибирское население. За грехи и преступления

этих людей ныне целая народность заклеяена беспощадным приговором. Едва ли, однако, по этим выродкам местной среды должно заключать о целом населении. Индивидуалистический и промышленный дух должен рассматриваться в общей жизни населения, но не в одних частностях.

Можно обвинять население в увлечениях, односторонности, можно сознавать его падение, но едва ли можно отрицать в нем обыкновенные свойства человеческой природы и способность к возрождению лучших человеческих чувств. Нет извращенного существа, нет падшего человека на дне души которого не нашлось бы истинных чувств и проявлений инстинктов добра. Иначе, нет души, где не было бы Бога. Тем менее можно отвергать задатки жизни, возможность пробуждения лучших стремлений и высших чувств в целом обществе, хотя это было бы отчужденное, забытое горемыжное общество, подобное обществу сибирскому.

Указывая различные проявления жизни на Востоке и последствия индивидуалистического промышленного духа, исследователи и наблюдатели отметили давно весьма крупное явление современной жизни в Сибири — это необыкновенное развитие промышленного и торгового класса и стремление его к монополии и преобладанию точно так же, как развитие мироедства, кулачества и кабалы в крестьянском населении.

Сибирская деревня представляет два типа: разжившихся кулаков и находящихся в зависимости у них и в долгу бедных крестьян*. Погопя за наживой, промышленный дух пробуждающийся среди крестьян, давление богатых и разрозненность сил бедняков вызывает ныне серьезные опасения. С точки зрения исследователей почему-то составилось убеждение, что явление кулачества, мироедства и кабалы свойственно исключительно Сибири и вызывается особенностью местного характера жителей, за что сибирское общество и подвергалось таким ожесточенным обличениям и филиппикам, какие отразились в статьях Шапова по поводу отсутствия высших чувств у сибиряков.

Едва ли здесь можно, однако, все сваливать на один характер и испорченность сибирского населения, как на качества врожденные и неизменные. Причины общественных явлений

* Рабочий класс в Сибири еще в XVIII столетии, по словам Радичева, состоял из покручников и обязан был долгами. Влияние на сельскую массу современных мироедов весьма рельефно изображено в этнографических очерках Н.И. Паумова «Сидя солому ломит» и в «Тихом омуте».

должны быть исследованы глубже. Посвятив отдельное исследование истории кулацкой и монополии в Сибири, мы должны заметить, что это явление было вызвано торговой зависимостью и особенностями, где население врассыпную кинулось в борьбу, стремясь приобретать и накапливать. Это явление возникло благодаря той свободе и простору, которые представляла Сибирь для приобретения материальных благ, как и одинаковой возможности всего населения преследовать их достижение. Словом, то, что в других местах выпало на долю исключительных привилегированных классов, то в Сибири разлилось в массу. Явление это обязано новой стране и демократическому складу общества, где большее число лиц пустилось в погоню за наживой. Что кабала и монополия нашла себе более простора, более почвы и благоприятных условий для развития в Сибири, зависело не от характера общества, а от его беззащитности и отсутствия гарантий против эксплуатации. Мироед, кулак и промышленник в Сибири нашел союз с царствовавшим здесь беззаконием и вырвался гнет резче и бесцеремоннее. Сибирский кулак «Колупаев» и «Разуваев» (по Шедрину) действовали в союз с взяточником-чиповником и находил в нем поддержку, защиту и средство для давления на массу населения.

Промышленный дух и неправильное распределение богатств в колониях и новых землях выражается резче, чем где-либо. Американское общество также обвиняется в этом промышленном духе и индивидуалистическом характере, что, однако ж, не мешало его гражданскому процветанию. Этот индивидуалистический дух, погоня за приобретением, борьба, неправильный захват, кулачество и мироедство выступает ныне в массе одинаково и в жизни России. Сибирь испытала его только ранее.

Развитие индивидуальных страстей и промышленный характер следует за периодом опеки и феодализма, когда жизнь масс имела более экономического равенства, но в то же время была более подавлена. Таково было положение феодалной Европы и крепостных масс в России; в Сибири свободное население выступило ранее в период индивидуальной погони за приобретением. Этот период продолжается до тех пор, пока не выступят у народов вновь социальные общественные интересы и не образуется утраченная связь и солидарность. Прежняя крепостная крестьянская община в Сибири потеряла свою связь, но тем не менее в своем развитии жизнь масс стала выше. Опыт

индивидуалистической жизни, пережитый в новой стране, однако не мог не выразиться, как всегда, весьма дурными последствиями и явлениями, результаты которых хорошо сознаются. Нельзя сказать также, чтобы это воспитание индивидуальной жизни прошло бесплодно. Оно закалило местный характер, приучило к труду, самостоятельности и самодеятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложение, а развитие. Недостатки современного склада сибирского общества с его разрозненностью, с его своеобразными приобретательными мотивами, с господством промышленного класса монополистов, кулаков, мироедов и кабалой бедного населения хорошо чувствуются местным населением, сознается и образованными людьми края. Путешественники — не первые открыватели этого явления. Вопрос состоит в том, чтобы создать противовес этому влиянию и вернуть общество к нормальным путям человеческого развития. Русское население в новой стране, если временно стало на почву хищничества, взаимной борьбы и утратило свою солидарность, то ему не заказаны пути в будущем снова сомкнуться. Русская поземельная крестьянская община не располагается за Уралом, как думают, а только слагается.

Что касается вообще обвинений сибирской крестьянской общины в стремлении к индивидуализму, то мы должны отложить свой приговор до окончательного исследования характера этой общины. Сибирская земледельческая община поселе не имела еще своего исследователя. Покойный Шапов сделал опыт исследования жизни верхоленской крестьянской общины, но здесь этот обличитель сибирского индивидуализма нашел одинаково черты, доказывающие сплоченность общин и замечательную способность к ведению общественных дел. Другой весьма наблюдательный исследователь, автор замечательных по глубине мысли и богатству данных о сибирской общине статей*, не отрицая в ней индивидуалистических черт, характеризует ее следующим образом. «Мне кажется, что она имеет особенности довольно оригинальные, — пишет он. — И эти особенности произошли от ее исторического происхождения. Сибирскую общину нельзя сравнивать ни с древней русской общиной — повгородской, ростовской, рязанской и проч. земель, ни с более новой, производной, так сказать, северной общиной в земле Двинской, в Вятской и Пермской областях. Первая древняя

* Община, ее тип и ее возможное будущее. Сибирь, 1877 г., №№ 43, 44, 45 и 46.

община у славян (т.е. новгородцев), древлян, радимичей и проч. была вервью, волостью, погостом, была, одним словом, территориальной общиной. Она распалась на деревенские общины уже подлесе, в неизвестный период времени, может быть, в XII или XIII веках и в силу политических и финансовых причин. Община северная в Двинской, Вятской, Пермской землях была, вероятно, сразу деревенской. Но произошла она путем выселения вольницы. Эта вольница, иногда однодеревенская, иногда разнодеревенская, шла *артельно*, занимала небольшое артельное место на Двине, по Каме широкой, по хребтам, в лесу и занятую местность разрубила, разметывала, делила по разметам, по жеребью. Естественно, что такая община, происшедшая из артели, сохраняя основной принцип личной силы, как меры завладения, тем не менее имела сильную альтруистическую закваску, была сильна чувствами симпатии и солидарности. Совсем не то сибирская община. Территориальной родовой она никогда не была, как община древнерусская. Не была основана она и артелями вольницы. Она была и осталась тем, чем представляли себе славянофилы русскую общину — *продуктам семьи*. Факт происхождения однородных общин в Сибири от разросшейся семьи был замечен почти всеми исследователями Сибири — Шаповым, Равицким*, по факт происхождения разнородных общин еще подлежит исследованию.

Другой автор об общинном землевладении Сибири (Сибирь, 1877 г., № 20 и 21) подтверждает такое историческое происхождение сибирских общин. Земли было много. Каждый крестьянин брал себе добровольно столько земли, сколько хотел и мог обработать за платимый им оброк. Поэтому каждый смотрел на взятый им участок, как на наследственный; по мере расположения семьи участок рос и превращался в селение. Отсюда в Сибири многие деревни населены сплошь однофамильцами. Точно так же к основанной заимке, которая представляет форму совершенно частного хозяйства, приселяются другие лица, и образуется целая община, в которую входит и первоначальный хозяин места. Земля *вольная и земская* до тех пор, пока ее много. Как скоро пашни начинают сближаться и переселенцы или многосемейные захотят расширить хозяйство, сейчас обнаруживаются права общины, и являются на сцену условия *общинного*

* Мы видели общину крепостных и обрусевших инородцев, разросшуюся из 10 семей в 1500 душ вместе с 7 деревнями, подтверждающую семейное начало общин.

владения, пишет автор. Мир делит ближайшие пашни и луга; в Сибири и ныне уже в большинстве переделают покосы и т.д.

«Таким образом, — прибавляет исследователь, — общинное землевладение в Сибири, не будучи приведено в форму какого-либо положения, является началом живым, развивающимся сообразно нуждам и условиям самой общины». Раз мы признаем как факт и допустим развитие этого общинного инстинкта в сибирской общине и постепешного его развития вместе с формированием общины, мы должны признать, что она сумеет при помощи того же народного инстинкта уберечь себя от разложения. Будущее историческое развитие этой общины и лучшее сознание своих интересов, конечно, гарантирует ее от преобладания в ней своекорыстных стремлений отдельных личностей.

Могущество монополистов и мироедов в Сибири не может быть долговечно и далеко не покоится на прочном и непреложном промышленном фундаменте. Сибирские беззакония и старые формы суда его поддерживают, но новые условия административной и гражданской жизни, конечно, положат известный предел незаконной наживе и обману. Историк Шапов, раскрывая печальное направление, господствующее в сибирском обществе, указывает прежде всего спасение в гуманитарном воспитании. Другой исследователь говорит: «Пример Северной Америки и Сибири доказывает, что одно богатство не может создать настоящее человеческое общество, его нужно цементировать учреждениями, которые бы воспитали в нем человечность». «Страшно за общество, — продолжает тот же мыслитель, — в котором маклаковщина хочет обратиться в народную теорию, хочет залечь основанием жизни».

Несомненно, в силу этой сознаваемой односторонности развития и для сибирского населения, несмотря на господствующий индивидуальный характер наживы, также найдется выход. Этот выход найдется в тех же общечеловеческих духовных качествах, которые присущи всякому обществу.

В этом отношении надежды возлагаются на ту же общину, утратившую свою связь и солидарность только на первых порах, при завоевании пустыни. Вот эти надежды, выказываемые стороною, не питающею столь мрачного взгляда на будущее сибирского общества.

Община может не только выполнить экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцию края, и образо-

вать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и недостатка коллективного духа. Современная сибирская община имеет олигархический характер; она состоит из богатых крестьян, мироедов и бедных, находящихся в экономической зависимости от первых; здесь, как и в старой Сибири, задатки под будущий труд ставят рабочих в кабалу; богатые мужики уплачивают за бедных подати в виде задатка на разные работы. Эти люди составляют почти особое сословие в общине. Сословие это вызвано как существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обращающей богатого крестьянина в поручи или даже в сборщика податей, и безденежьем в стране, производимым неправильным балансом торговли Сибири и торговой зависимостью. Обращение общины в чисто фискальный орган по податным делам сопровождалось лишением ее всех других функций — суда и самоуправления. Волостное «согласие» — так называется сходка в Сибири — обратилось в одну пустую форму; волостные писари, которые должны бы подчиняться и отвечать перед выборными чинами, превратились в крестьянское начальство; такое положение дел тем хуже, что писари не ответственны за свои злоупотребления; отвечают безграмотные и часто неповинные выборные чины; от этого злоупотребления остаются безнаказанными, и выборное начало не приносит никакой пользы.

Улучшение положения общины — самая первая потребность сибирского края. К сожалению, она до сих пор задвигалась другими стремлениями. Улучшив ее положение, на нее можно возложить отправление тех трех функций, для которых теперь придумываются новые органы.

Так, община может заменить проектируемых землевладельцев в скоплении богатства и образовании народного капитала. Если у современной общины богатство плывет из рук, то это еще не свидетельствует, что у нее не будет желания и способностей удержать его в своих руках, когда будут изменены мертвящие ее условия. Освобожденная от них община не уступит землевладельцам в стремлении к скоплению богатства, да притом и стимул этого стремления будет нравственнее, чем конкуренция, основанная на борьбе; место этой зависти займет здесь заботливость об общем добре. Что это чувство присуще крестьянской общине, можно видеть на том, как крестьяне строят свои церкви, как они сколачиваются на иконостас, на колокол

и с каким наслаждением слышат, как первый удар колокола разнесется на далекое пространство от деревни, как потом крестьяне любят показывать свою церковь и передавать историю ее постройки. А любовь крестьян к своим полям? Абсентеист-земледелец не способен так любить свои поля, потому что без насилия нравственности не может смотреть с чувством самодовольства на поля, обработанные батраком. Разве эта любовь крестьян не может быть перенесена с полей и церкви на школы, на общественные машины и проч.? Только этим путем может земледелие быть улучшено и может образоваться капитал в стране без тех пожертвований, какие сопряжены с землевладельческой культурой. Община одна способна водворить в Сибири рациональное хозяйство. Что же касается до нареканий общины в застое, которым отличалась ее жизнь до настоящего времени, то справедливы ли эти нарекания? Можно ли от общины, в течение трехсот лет безжалостно эксплуатируемой на все лады, требовать того же, что можно требовать от нового перемноженного класса людей, выделенного из населения и освобожденного от подобной эксплуатации?

Наконец, третья роль общины заключается в охране себя от монополистов; и эта функция может найти опору в чувстве самосохранения, которое очень сильно в общинах; протекционный характер всегда отличал общину с самых древних времен, община относилась недоверчиво к каждому иноземцу; каждая община имела своего торговца, которому только и доверяла; это и до сих пор сохранилось в таких захолустьях, как Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохранения в общинах, можно видеть на старейшей и значительнейшей русской общине, известной под названием уральского войска. Правда, эта старая отчужденность и протекционизм разгораживали общины высокими стенами, делали их безучастными друг к другу; в то время, как одну общину судили, пытали и сажали на кол, другая усыкала и плакала: «Коловичи, коловичи! Колом в дворянство жаловали!» — сознание солидарности интересов являлось только во время общего несчастья. Но против этого узкого консерватизма, ведущего к неподвижности, есть средство — коалиция общин, при помощи которой они сознают единство интересов и в обыкновенное спокойное время.

Изучение жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнению, должно привлечь по преимуществу пытливость

и силы молодого поколения в Сибири. В настоящее время мы относительно ее в совершенном невежестве, мы вовсе не знаем ее исторического значения; между тем если бы мы познакомились с ней ближе, мы увидели бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имеет большое историческое значение*.

Сибирское крестьянство находится в вечной блокаде от штрафного бродяжеского населения — до 20000 бродяг находятся в постоянном движении по Сибири; они грабят, воруют и обманывают сибирского мужика, «панкрутят», как сами они выражаются; занимаются разнообразнейшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина к наживе и к фальшивым деньгам и его суеверие; развращают, насилюют и уводят их жен; сифилис, разврат и отсутствие добросовестности в промышленности невозможно искоренить в Сибири, пока будет существовать штрафная колонизация. И эта картина, вероятно, была прежде вдвасятеро сильнее и была бы и теперь сильнее, если бы крестьянская община не выказала удивительной способности к самозащите и любви к честному и тяжелому труду. Земская полиция в Сибири была бессильна и незаметна; чиновники терпели и игнорировали существование этого зла в стране.

И вот крестьянская община приняла миссию дисциплинирования многочисленного бродяжеского контингента на себя; меры, которые она употребила, были круты, но не другие меры принимала и сама администрация, когда только являлось у нее желание сократить зло, хотя в ее руках и были возможны другие, более гуманные средства, тогда как в руках крестьянской общины грубая самозащита — было единственное средство избавления; поэтому винить ее за жестокость было бы несправедливо. Таким образом, в крестьянстве выработалась система отношений к бродяжничеству, которая отличается единством на всем пространстве от Нерчинска до Иртыша. Крестьянство создало обычное право, создало разные обязательства, стесняющие бродяг и служащие предупредительной мерой против катастроф, и имело в себе физическую силу постоянно поддерживать в бродягах уважение к этим обстоятельствам**.

* В 1879 году при Западно-Сибирском отделе Географического Общества издана программа исследования сибирской общины.

** «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. Ядринцева, изд. 1872 г. «Бродячее население Сибири».

Не менее интересна и другая миссия, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, — это ассимиляция новоселов. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются от туземщины непрерывной критике и иронии, сопровождаемыми и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как пахать землю, какие сделать уступки седевественности, насколько и когда быть благосклонными к бродягам и когда жестокими, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, полтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее, как следующее же поколение считает уже себя коренными сибиряками и на новоселов смотрит с иронией.

Этих одних примеров достаточно, чтобы видеть, какое историческое значение имеет крестьянская община для Сибири.

Несмотря на то, что при своем переселении на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительных влияний, что могла прийти к разложению и потерять свой кооперативный дух, несмотря на тягость фискально-монопольной эксплуатации естественных богатств ее, не оставлявших ей никаких сбережений, она все-таки составляет в стране почтенный трудолюбивый элемент, в котором лежат прочные задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный простор для деятельности частного лица в Сибири был так велик, что не было никакого повода к ограничению деятельности одного лица обществом; конкуренция и эксплуатация человека человеком пользовались такой свободой, как в стране с сильным индивидуалистическим характером. Перешедши через Урал, русская община, подобно леднику, переваливающему через скалу, разбилась на куски, но потом пластическая сила начинает склеивать разрозненные обломки. С уплотнением населения община начинает создавать в Сибири те формы пользования источниками богатства, которые присутствовали ей были на западной стороне Урала, подобно тому, как зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинает развивать свои первичные формы.

Для полного возрождения сибирская община нуждается в реформах, в уступке ей самоуправления в хозяйственных делах и в улучшении ее гражданских отношений; этим был бы ускорен ее прогресс. Только в свободном течении жизни общины и в возбуждении общинной энергии и самодея-

тельности заключается залог преуспеяния местного сибирского населения.

При благоприятных условиях и равновесии общественных сил будущность местного населения может измениться и далеко не оправдает тех мрачных предсказаний, которые делаются на основании прошлого. Характер формируется под влиянием условий жизни, и достаточно того, чтобы они изменились, как изменится и склад характера.

Из всего сказанного видно, что в современном характере сибирского населения совокупаются разнородные черты, палочные жизнью, природою и историческим складом. С одной стороны, диковатость, след инородческого влияния, отступление от культурных привычек, холодная рассудочность, не согреваемая чувством, часто огрубелость среди лесной жизни, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических интересов над общественными и развитие промышленных и своекорыстных мотивов. С другой стороны, у этого населения нельзя отнять ума, любознательности, энергии, практичности, умения ориентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предприимчивости, известного закала характера, самобытности, самостоятельности и способности к самодеятельности. Эти таланты, воспитанные тяжкими уроками колонизационной деятельности, застыли в своих грубых первоначальных формах, их не коснулась еще прогрессивная сила знания, их не развивали исторические обстоятельства, их не осмыслила и не возбудила ни одна социальная и гражданская идея, не вызвал к жизни ни один преобразовательный ум. Но нельзя сказать, что совершенствование природных способностей здесь останется всегда недоступно. Несмотря на диковатость и низкий уровень развития, мы видим, что население на Востоке значительно изменяется к лучшему и обнаруживает быстроту восприятия, способность к новизне и к прогрессу более чем где-либо.

Кроме неблагоприятных условий, мы видим рядом особенности, в которых есть немалые преимущества. Жизнь народа слагается в Сибири в обстановке новой страны, создающей и новые формы жизни.

Необыкновенный простор в пользовании угольями и богатствами природы, надолго обеспечивающий от бедности, свобода, с которой пользуется население благами природы благодаря ее раздолью, отсутствию привилегий и равноправ-

ность населения — это такие преимущества и условия развития, которые могут дать возможность широко развернуть силы и способности славянской расы в своей колонии.

Указывая и изучая эти свойства и черты сибирского населения, мы далеки, однако, от того, чтоб прилагать их ко всей массе населения и предполагать в них окончательно выработавшийся характер. Сибирское население состоит из разных слоев и представителей по происхождению (хотя и однородно по условиям). Недостаток наблюдателей заключался в том, что они о сибиряках и о сибирской жизни делали заключения только по одной части общества. Между тем должно заметить, что нигде нет такого разнообразия в индивидуальных проявлениях и качествах, как на Востоке. Это объясняется колонизационным происхождением этого населения, как и разнообразием профессий, труда и упражнения способностей в новой стране. Промышленное, индивидуалистическое и своекорыстное направление господствует более всего в городских слоях и в промышленных пунктах. Эти качества городских классов, приписанные сибирякам, невозможно переносить на всю сельскую массу. Затем с сибирским населением не должно смешивать временно наезжее население, явившееся для спекуляции, наживы и высасывания соков из страны. Эта толпа приезжих ташкентцев, Разужасвых в виде мути и пены носится вечно по поверхности сибирской жизни, она возбуждает обыкновенно ненависть и презрение местного населения и далеко не служит представителем местной жизни. Авантюристы, искатели счастья являются сплошь и рядом изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но в сущности составляют язву края. Местное население их называет «наезжими» и «навозными». За этим временным наезжим элементом стоят ссыльные, которые также ничего не имеют общего со страной и населением, их назначение — наполнять остроги и наводнять Сибирь беглыми. Только потомки этих ссыльных понемногу ассимилируются сибирской массой и делаются сибиряками. Что касается большинства местного населения, то ядро его составляют старожилы Сибири, освоившиеся со страной; с их коренными этнографическими чертами они дают самую яркую окраску жизни — это старинное население городов и сел. В среде многообразного сельского населения вырисовывается несколько типов: старожил-крестьянин, старинный пионер и колонизатор, потомок гулящих людей, промышленник, зверолов, рудокопатель, ямщик и земле-

делец. В них заметна смесь с инородческим элементом, след жизни в лесах и культурная отсталость; но эти пионеры вынесли на своих плечах всю колонизацию, все культурные завоевания. Далее мы видим тип сибирского раскольника, жившего замкнуто в своей общине, подобно забайкальским семейским и алтайским раскольникам, которые, закинутые в Сибирь, отстаивали свое существование, не смешивались ни с ссыльными, ни с инородцами, и хотя их существование было довольно эгоистично и безучастно в общей формировке жизни, но они сохранили чистоту типа и славянской расы в Сибири для будущего. Эти общины, состоя часто из беглых и разных скитальцев, подобно общине «каменщиков» в Алтае или раскольников в вершине Енисея, среди горной могучей природы и глухих дебрей, у подножия сибирских альп, воспитали свои физические силы, ловкость, смелость и составляют необыкновенно крепкое, богатейшее и отважное население. Если сибирская жизнь преимущественно в верхних слоях портится и деморализуется, если местами существует вырождение, то здесь в глубине народных масс скрываются еще непочатые могучие силы, которые со временем дадут здоровые соки жизни.

Далее, как противовес инородческой крови и живая сила обновления, в Сибирь вечно движется колонизационный поток свободных переселенцев из представителей всех губерний. В сущности, в сибирской жизни совершается вечное движение, постоянный прилив и смешение разнообразных элементов огромной империи. Этот постоянный прилив переселенцев, обновляя сибирское население, вливая новые соки и прибавляя новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни! Здесь снуют представители всех губерний, северяне и южане, великоруссы и малоруссы. Переселенческие деревни поражают пестротой элементов, яркостью и переливами этнографических красок, причем все это перерождается, сливается в одну сплошную массу с новым этнографическим типом и однородными чертами. Эта вечная этнологическая борьба¹², эти слияния противоположнейших элементов русской жизни в новой обширной стране в одно целое, это вечное претворение и наращение представляет гигантскую работу народного творчества в обширной колонии, придающее сибирской жизни нечто созидательное и подготавливающее для будущего.

Инородцы и инородческий вопрос Сибири

III.

Инородческий вопрос. — История его развития. — Уменьшается или увеличивается инородческое население. — Современные статистические сведения об уменьшении инородцев. — Исторические причины вымирания инородцев. — Болезни и голод. — Экономическая обстановка жизни. — Призывы обеднения. — Уменьшение средств пропитания и расширение потребностей. — Торговля. — Инородческий пролетариат. — Наше культурное влияние.

Судьба инородцев в Сибири до сих пор весьма мало заслуживала внимания, а роль их в истории восточной окраины так же, как настоящее и будущее их в гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненной. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то более инородческой колонией, чем ныне, что она, так сказать, пестрела инородческим людом и племенами, судьбе этих племен мало уделялось внимания; единственной нашей задачей в истории было вытеснение этих племен и приобретение над ними господства. Задача эта ныне выполнена. Мы видели, что русская народность раздвинула мир инородцев и водворилась в Сибири, она получила даже некоторый численный перевес; тем не менее инородческий вопрос остается по-прежнему живучим, хотя и является несколько в иной форме. Мало того, жизнь русского населения и гражданское развитие самой окраины заставляет обратить на него гораздо большее внимание.

В прежнее время инородческие вопросы в Сибири под влиянием исторических обстоятельств и отношения русского племени к инородческому имели другой характер и значение. Когда русское население явилось на Восток, инородческое царство было обширно, а русское население слабо. В это время разыгрывалась борьба за существование и преобладание в стране, причем главною целью являлось ослабление инородческого элемента и уменьшение его. Таков был взгляд конвикторов¹²-заво-

евателей. Вслед за покорением инородцев явилось усмирение их бунтов, обложение ясаком, подчинение и насильственное введение управления. Таким образом, инородческий вопрос пережил несколько фазисов и наложил тяжелую печать на существование инородцев. Тогда выступало только два вопроса: о подчинении и опеке. Но постановка этих вопросов должна была измениться, когда инородческий элемент явился подчиненным и подавленным, когда русское население стало достаточно сильным, а инородцы более слабыми и заслуживающими попечения и помощи. Самые отношения и чувства племен принуждены были измениться, потому что причины вражды упитоживались; на почве мирной жизни предстояло слагаться иным гражданским отношениям, а русской политике — изменить свои цели, зачислив инородческий элемент в число равноправных подданных. Таким образом, инородческий вопрос в современной жизни Сибири получил иной характер и значение.

Посвятив себя в последнее время специальному изучению инородческого вопроса в Сибири, мы, если и не намерены дать общую картину положения всех инородцев, в частности, с их современными нуждами и потребностями, то, по крайней мере, решились свести в одно целое вопросы, выдвигаемые современной жизнью большинства инородческих племен, и рассмотреть их по отношению к сибирской жизни. Этими живыми вопросами выступают ныне: 1) вопрос о дальнейшем существовании инородцев и предупреждении вымирания рас; 2) экономический вопрос об обеспечении их существования рядом с культурным вопросом их развития; 3) вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий закона, наконец 4) вопрос духовного развития и просвещения их так же, как обеспечение благ высшего человеческого существования. Разрешение этих вопросов связывается с той ролью, которая отведена будет этим народностям на нашем Востоке.

В числе указанных нами вопросов самым капитальным является вопрос о сохранении жизни рас и их дальнейшем существовании; он находится в связи с существующим явлением вымирания и уменьшения инородцев — явлением, весьма общим всем расам, покоренным и сталкивавшимся с народностями более сильными и многочисленными.

Конечно, прежде всего здесь необходимо констатирование факта: увеличиваются или уменьшаются инородцы в Сибири.

Для этого, разумеется, требовались бы более подробные исследования, чем доселе сделанные. В научном отношении этот вопрос почти не тронут, по крайней мере собрание ученых на конгрессе ориенталистов в 1876 году не могло дать никакого определенного на него ответа. Но и при настоящих имеющихся сведениях и источниках о сибирских инородцах нельзя сказать, чтобы не существовало некоторых весьма важных указаний и отрывков по этому поводу. Мы позволим себе отметить отзывы некоторых историков, свидетельства путешественников, санитарные исследования и статистические исчисления, какие существуют. Свидетельства о многочисленном истреблении инородцев во время войны мы находим у Миллера, Фишера, Слобцова, составляющих сибирскую историю, а также в описаниях Камчатки Крашенинникова, у Гагемейстера и многих других.

Путешественники, посещавшие север, Камчатку и Алеутские острова, передавали о поголовном истреблении инородцев и захватах их в рабство: таковы были походы Хабарова на Амур, Павлуцкого в Камчатку. «Промышленники истребили большую часть алеутов, — говорит г. Шанков*, — в 1792 г. жителей на островах Уналашкинского отдела считалось 2500 человек, а до прибытия русских их было вдесятеро более этого». По мнению Врангеля, до покорения русскими народонаселение Сибири было гораздо многочисленнее и разнообразнее. Исследователи сибирских племен указывают на исчезновение многих из них; так, вымерли, не оставив следа, омоки, котты, хойданы, шелаги, апсоиты, маторы, асаны, аринцы и другие сибирские племена. Историк Шапов также констатирует факт о вымирании и уменьшении сибирских инородческих рас; кроме насилия и болезней, ослабивших их число, он находит, «что лишение их прежней свободы уменьшило энергию к плодородию; изменило действие производительной системы, организацию населения, рост и довело инородцев до вымирания».

Шапов в историко-философском спектре соединяет и освещает целую совокупность причин, способствовавших вымиранию инородцев (см. Русское слово 1865 г., статьи Шапова). Кроме ожесточенной борьбы и истребления во время сопротивления при завоеваниях русскими, масса инородческих племен, ослабляемая с вторжением русских, начала подвергаться межлоубствиям и нападениям от соседних азиатских и китайских сопер-

* Российско-американская кампания, историч. этюды Шанкова, кн. II, с. 297.

ников. Прежние союзы распадаются, и инородцы, лишаясь способности самозащиты, представляют беззащитные толпы. С того киргизы и джунгары мстят северным инородцам за подданство России, нападают на них и уводят пленников. Сибирские татары подвергаются нападениям, енисейских киргизов истребляют калмыки, телесы нападают на припавших подданство телеутов. Калмыки, принявшие подданство России, после падения Джунгарии преследуются джунгарами. В 1756—1757 гг. калмыков преследуют и разоряют монголо-китайцы — ими было перерезано до полумиллиона населения. Киргизы также воюют с калмыками и т.д. Словом, в это время извне и внутри мы видим разрушение инородческих царств. Вторжение русских в Азию уничтожает прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами. Целые пространства пустеют, инородческие племена эмигрируют. Огромное население на юге Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло без следа. Но уменьшение и исчезновение сибирских племен продолжается и позднее под действием более медленных, но губительных влияний. Г-н Шашков в своем исследовании положения сибирских инородцев в XIX столетии приводит многие факты положительного уменьшения сибирских инородцев. «На устье Индигирки видны до сих пор следы жилищ исчезнувшего народа омаков, «которые, по преданиям, были многочисленны, как звезды небесны». Во время русского завоевания существовал народ аринцы, в 1608 г. их было 300 семей. В 1753 г. Миллер и Гмелин видели последнего инородца, говорившего по-арински, наконец из 300 семей их осталось всего 5 человек. Богоратский род, бывший в 1763 г. одним из многочисленных по время ясачной комиссии, показан был *вымершим*, и в живых было 2 человека. В Туруханском крае с 1763-го по 1816 гг. вымерло $\frac{1}{2}$ инородческого народонаселения. Когда ясачная комиссия посетила Березовский округ, то не могла найти нести родов. Затем г. Шашков приводит статистические данные из различных документов, подтверждающие это уменьшение. В 1744 г. камчататов обоего пола было 20000 человек, в 1823 г. — 2760, в 1850-м — уже 1951.

В Березовском округе инородцев обоего пола было 21001 человек, в 1828 году — 19652, убыло в 12 лет 1349.

В Томском округе с Нарымским краем в 1816 году было инородцев 10135 человек обоего пола, а в 1832 году — 9724 человека.

В семи барабинских волостях в 1846 году было татар 4918 человек, в 1858 году — 4419. В Тогоурском отделении население убыло с 1763-й по 1816 г. на 137 человек, а с 1816-го по 1832 г. — на 306 человек.

В 22 волостях Кузнецкого округа инородцев в 1827 году считалось 5160 человек, в 1832 г. — 4399, убыл 761 человек. В пяти волостях Туринского округа в 1763 году было 555 человек, в 1816 г. — 467 человек.

В Енисейском округе с Туруханским краем в 1838 году инородцев было 7740 человек, в 1864 г. — 7483, убыло 257 человек. «Таким образом, несомненно, что во многих местах инородческое население *убывает*», заключает уважаемый исследователь (с. 291). Официальный исследователь по статистике Сибири Гагемейстер приводит подобные же факты о некоторых инородцах, как, например, вогулах: с 8-й до 9-й ревизии, по его словам, коренных вогулов убыло почти 50%. О том же уменьшении вогулов в последнее время свидетельствуют доктор Альквист и Малиев.

Доктор Соколов приводит исчисление остяков и самоедов в Березовском округе с 1763 г., где население в 1753 году увеличилось на 2431 человека, в 12 лет позднее прибыль была 259 человек, в 22 года уменьшилась на 127 человек. Вымирание остяков в Нарымском округе подтверждает Осипов, в Енисейском округе — Кривошапкин, о смертности енисейских же инородцев свидетельствует академик Мидделдорф. Наконец позднейшее изучение и сличение числа инородцев в Западной Сибири привели нас к следующим выводам.

Вогулов в 1838 году в Тобольском и Туринском округах было 4527 человек, в 1859 году по спискам населенных мест Тобольской губернии — 3286. В 1875 году по официальным сведениям — 3913 человек. Таким образом, с 1838 г. началась положительная убыль, а в последний период самое ничтожное приращение.

Население остяков и самоедов во многих волостях представляет положительное уменьшение, в чем мы убедились, сравнивая статистические сведения в Кодской, Подгородной, Ляпинской и Куноватской волостях, а также в Сургутском округе. Точно то же уменьшение инородцев мы видим из позднейших сведений в Нарымском округе (в 1869 г. — 7611 д., в 1878 г. — 7127). То же подтверждают и податные списки; ясак накладывался в 1834 году в Томском округе на 4965 д., в 1842 г. — на 2608, в 1878 г. — на 2134.

В Марининском округе еще в 1868 г. считалось инородцев 2439 д., в 1878 г. — только 1870 д. Но что всего поразительнее — это уменьшение инородческого оседлого населения в Западной Сибири.

В 1851 году его считалось	40470 д.
в 1868 г.	37153 д.
в 1878 г.	37880 д.

Факты эти подтверждаются ухудшением быта и разорением тобольских, тарских и других татар, так же, как и несчастным их положением, доказательством чего служат огромные податные недоимки. Кроме приведенных данных об уменьшении числа инородцев, вымирание их подтверждается создававшимися среди них эпидемиями, производящими здесь свои опустошительные действия. С половины прошлого столетия известно множество эпидемий, свирепствовавших между инородцами, между прочим — оспа, тиф, цинга, проказа и сифилис. Эти болезни поглощали тысячи людей, находившихся без всякой медицинской помощи. В половине прошлого столетия оспа свирепствовала в Забайкалье, в Камчатке, в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях. В 1768 году погибало от нее до 20000 камчалалов. В 1824—1825 гг. на Лене от горячки вымерли тунгузы. В Туруханском крае тиф и оспа не прекращались. Проказа (lepra) и ужасная болезнь elephantiasis¹⁴, по словам доктора Кибера, распространена между всеми северо-восточными инородцами.

Доктор Соколов свидетельствует о печальном положении Березовского округа, где оспа, тиф и сифилис имеют широкое развитие и угрожают обезлюдением северу*. Сифилис был занесен в этот округ уже в начале XVIII столетия, о чем упоминает спутник Филофея Ленинского Новицкий. «Человеку прильпнуть к устам, нос, ноги и многим все тело даже до костей, — прилетит он. — Егда кого начинает сия болезнь язвяти, то он не токмо не имеет попечения о исцелении, но шибко, ради облегчения болезни язвы сощипывает чем прикрывать; но не ради о сем, берестом обвив язву, за промыслом идет, и доселе ходит донеле же язвою весь поражен падает». Болезнь эта скоро получила название березовской проказы; распространение ее было так сильно, что в 1830-х годах д-р Белявский, посетивший Березовский округ для исследования сифилиса, доносил, что нет почти ни одного инородца, который бы не был заражен им. Болезни

* «О болезнях в Березовском округе» д-ра М. Соколова. Архив судеб. медицины 1867 г.

являются на севере осложненными, часто сифилис, ревматизм и цинга соединяются в один чудовищный битч. Подобное же положение инородцев в Нарымском округе описывает врач Докучаев. Штаб-лекарь Богданов свидетельствует о страшной болезненности в Туруханском округе. Недавно изданный Санитарный очерк Западной Сибири подтверждает беззащитное положение инородцев до последнего времени и свирепствующую среди них болезненность. В Березовском округе, по словам отчета, распространены среди инородцев глазные болезни от жизни в чумах и влияния ослепительного действия снега, глисты от питания рыбой, кожные сыщи от нечистоты и сифилис в различных формах. Инородцы весьма редко обращаются (а большинство и не может обращаться за дальностью расстояния) к единственному врачу в Березове. Смертность от болезней весьма значительна: в Сургутском округе 19,3% смертности даст кровавый понос и 8,8% — сифилис, здесь весьма часто бывающий смертельным. Некоторые эпидемические болезни приобретают характер стационарный. «Если прибавить, — говорит отчет, — губительное действие между инородцами оспы и весьма неудовлетворительное устройство в северных округах медицинской части (временами наезжающий один врач на все население), то нельзя не вывести того печального заключения, что северные инородцы, эксплуатируемые, кроме того, рыбопромышленниками, обречены на вырождение.

Статистика указывает на уменьшение самоедов. (В 1828 г. — 5140 человек обоего пола, в 1868 г. — 4705 человек). Подобное же вырождение (вымирание?), вероятно и у других северных инородцев, конечно, будет продолжаться, если не подоспеет правительственная помощь*. Тиф и сифилис, по словам того же медицинского отчета, угрожает в Сибири развиться до ужасающих размеров. Таким образом, вымирание инородцев от болезней тоже должно быть признано фактом. Далее инородцы при скудных и случайных способах обеспечения и с изменением их прежнего распределения начали чаще и чаще подвергаться голоду, известному еще с прошлого столетия и кончившимся смертностью и людоедством. Г-н Шашков в описании положения инородцев приводит несколько характеристических случаев подобного людоедства в Туруханском, Березовском округе и других. (В 1847 г. о людоедстве у инородцев печаталось в «Северной почте»). В

* Очерк Санитарного состояния Западной Сибири, сост. при Запдно-сибирском военно-медицинском управлении. Омск, 1880, с. 56, 58, 86.

1814—1816 гг. голод уничтожает население Туруханского края, в 1827 году он свирепствует среди остяков в Нарымском округе, в 1844 году — в окрестностях Аяна. В 1862 г., по словам доктора Соколова, голод наступает инородцев Березовского округа. В 1878 году доносятся слухи вновь о таком же бедствии в Нарыме. Голод в Енисейской губернии, на Лене, в Камчатке составляет редкое явление. Если печальные последствия и влияния голода страшны в странах более населенных и обладающих путями сообщения, то они должны были в несколько раз сильнее отражаться на инородцах. В отдаленных пустынях, где эти люди лишены всякой помощи, картина голода у них ужасающая. В Туруханском крае в 1814—1816 гг. русские и инородцы питались падалью и пихтовой корой. Умирало много дикарей и русских, живших по берегам Енисея. Трупы умерших от голода валялись по тундре. Даже около Туруханска валялись трупы, оторванные члены которых растаскивались по улицам города. В одной семье с голоду мать съела дочь, потом сыновьям приказала убить брата, семья несколько дней питалась его мясом, наконец съели второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному из оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказом, бросилась на него с пожом, но братья зарубили ее топором и питались несколько дней трупом матери. Наконец они таскались по тундре, отыскивая трупы или живых людей. На дороге они открыли тело остяка и съели его (Шашков. Инородцы в XIX столетии). Доктор Соколов, говоря о голоде в Березовском округе в 1862 году, говорит, что инородцы здесь ели кротов и мышей. Осипов, описывая голод в Нарымском крае, говорит, что люди с жадностью истребляли падаль и ловили плывущие по реке трупы.

Беспомощное население среди глухих пустынь при таких условиях гибло часто бесследно, и только вполте после несчастья слух об их бедствиях доносился до жилых мест Сибири. В 1881 г. разнесся слух тоже о голоде в Нарымском округе, и затем появилось не описание этого голода, а сообщение, что выехал на место его исправник. Но в состоянии ли он будет прекратить бедствие — не объяснено. В «Сибирской газете» 1881 г. (№№ 21 и 22) между тем раскрыто, в каком бедственном экономическом положении сыздавна находятся этот край и его население. Таким образом, факт вымирания и уменьшения инородцев в Сибири должен быть признан как несомненный. В истории встречается несколько весьма крупных причин, прямо

влиявших на уменьшение инородческого населения и объясняющих это явление. Эти симптомы бедствий стоят рядом с другими — обеднением и ухудшением экономического состояния. Точно так же рядом с уменьшением и вымиранием некоторых племен заслуживает внимания весьма малый прирост сибирских инородцев, показывающий слабую производительную силу расы. Так, по нашим исследованиям, встречаются такого рода выводы. Татарское оседлое население в некоторых волостях Тобольского округа в 25-летие давало весьма слабый прирост, а именно: на 2057 человек едва 100 человек, в других — только 40 человек, в Тюменском округе в 12 лет татарское население с 9083 д. увеличивается только на 19 человек. В Березовском округе в 53 года население остяков с 21000 увеличилось едва на 2400 д. и так далее. Такого же внимания заслуживает непропорциональность полов среди северного кочевого населения, причем мужчины встречается более, чем женщин, процент женщины падает до 30 и 40% на мужское население, что далеко не способствует нормальному размножению.

Факт вымирания и уменьшения инородцев, правда, не охватывает все местности и все сибирские племена; так, исключения составляют, по-видимому, пока южные кочевники — буряты, киргизы и калмыки. Хотя среди последних появляются ныне те же признаки бедствий, но тем не менее отрицательное явление охватывает такую массу других племен — остяков, самоедов, тунгузов, вогулов — и распространяется даже на оседлых татар, что несомненно заставляет задуматься.

Что, если в Сибири повторится судьба многих австралийских и американских племен; что, если и здесь повторится драма гибели последнего тасманца или оправдается предсказание одной печальной самоедской сказки, в которой рассказывается, как у самоедов стояло 700 шатров, где жили 700 человек, ими управляли 7 мужей, все они были бездетны, и только у одного был ленивый и слабосильный сын. В одно утро он проснулся и увидел, что все люди его племени умерли, а все олени пропали. Он шел по пустыне, несчастный и беспомощный, он падает от усталости, грызет кости, обглоданные уже собаками. Встречаются ему люди, но безжалостные люди других племен, которые коварно и враждебно относятся к нему, его бьют и несколько раз убивают, каждый раз, однако, его воскрешает мифическое существо — однорукий и одноглазый старик с железной палицей.

Неужели эта несчастная судьба долго будет преследовать сибирского инородца, и кто явится волшебным стариком, сжалившимся над ним и пробудившим жизнь?

Исследования доказывают, что явление вымирания и уменьшения инородцев в Сибири связано с постоянным обеднением инородческих племен, упадком быта, обнищанием и всеми сопровождающими это явление бедствиями.

Обеднение и жалкое состояние оленеводов, сопряженное с уменьшением оленя, замечается на всем севере Сибири, начиная с Мезенского края Архангельской губернии, продолжая Березовским краем, Туруханским и кончая оленными чукчами. Кенан и Нейман одинаково свидетельствуют об уменьшении оленей и бедствиях, постигающих инородцев как последствия этого явления. (Нейман. «Исторический обзор действий Чукотской экспедиции». Извст. восточно-сибирск. отдел. Географич. Общества за 1871 г., вып. 3, №№ 4 и 5). Обеднение и нищенское состояние березовских остяков было замечено уже Кастреном. Он положительно указывает на бедность остяков-рыболовов, жизнь которых все более ухудшается под влиянием упадка рыболовных промыслов и эксплуатации остяков русскими рыбопромышленниками. То же самое подтверждает доктор Соколов в своем санитарном описании Березовского округа. Г-н Поляков в «Путешествии на север» удостоверяет, что все рыболовные пески на Оби захвачены русскими и что остяки и инородцы составляют кабальное рабочее сословие, лишенное собственных промыслов*. В Нарымском крае множество инородцев бросили зверопромышленность и поступили в работы к купцам, мещанам и крестьянам. Другие все переселились в Тарский округ и поступили в работы к крестьянам. Те васюганские инородцы, которые обременены большими семьями и не могли поступить в работы, остались скитаться в окрестностях. «Надо видеть, — говорит очевидец, — это несчастное семейство, которое должно жить под открытым небом, вырыв под густым деревом яму в снегу и устлав ее ветвями хвойного дерева. Эти бедняки в своих рубищах кое-как отогревают у костра свои заколеченные члены. Женщины разрешаются здесь от бремени и, не имея приюта и для прочих детей, отогревают только на холодной груди в 45 градусов мороза своего ребенка».

Инородцы в кабале у крестьянина гибнут и материально, и нравственно (отзыв Осипова о жизни в Нарымском округе).

* Поляков. Письма и отчеты о путешествиях в долину р. Оби, стр. 74—76.

Г-н Павлов, путешествуя по Оби, описывает самое жалкое материальное положение инородцев^{*}. О енисейских остяках академик Миддендорф говорит следующее: «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского селения. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают очень мало хлеба из казенных магазинов. Один из виденных инородцев перенес голодный тиф и страдал еще болью в икрах. Мне рассказывали, — говорит путешественник, — что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы. Повторялась старинная история о гибели этих народов. Они погибали от соприкосновения с развитием культуры, в особенности с наплывом золотых приисков и неизбежного с ними разгула. Для инородцев были построены казенные хлебные магазины, но о возврате займа не могло быть и речи. Когда беднякам, с каждым годом должавшим, прекратили выдачу продовольствия, они начали умирать с голоду». (Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, ст. 14, 659, 660). Быт карагасов, камчалалов, чукчей и прочих северных бродячих и кочующих инородцев представляется не лучшим. Доктор Альквист, исследовавший обстоятельно быт вогулов, удостоверяет как уменьшение их, так и полное обеднение вследствие упадка промыслов, болезней, пьянства и эксплуатации русскими. Наконец еще более изумительную картину представляет уменьшение в числе, отступление от культуры и обеднение сибирских оседлых татар. В Тобольском, Тарском и других округах эти татары были до половины прошлого столетия богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья, купленные и жалованные, занимались торговлей и обладали капиталами. Быт их в настоящее же время совершенно нищенский, они лишены земель, представляют полудикое несчастное население, почти сплошной пролетариат. Несостоятельность их признана официально, и за ними в Тобольской губернии считалось 480234 рубля безнадежных недоимок. Их несостоятельность объяснялась упадком промыслов, неурожаем, пожаром лесов и уменьшением зверя (журнал Главного управления Западной Сибири, 1879 г., № 154). В заключение положение их является в настоящее время почти непоправимым. Земли у них заложены крестьянам, земледелие ничтожное, скот выпал, и

^{*} Обеднение Нарымского края свидетельствуется падением пушной торговли. До 1844 г. отсюда вывозилось товара на 200000 р., в 1844 г. — 30000 р. и в 1854 г. — на 13000 р.

сами татары признаются ленивым и апатичным населением. В подобном же положении находятся барабинские татары, бывшие прежде также более богатыми (см. о барабинских татарах. Князь Костров, а также Вагин, Томск. губ. ведомости. Каинская Бараба). То же уменьшение и обеднение татар происходит в Томском и Мариинском округах. В 1868 году мариинских татар считалось 2439, а в 1878 году — 1870 человек. Ухудшение быта при столкновении с русской культурой замечается, кроме того, не в одной северной и средней Сибири, но и среди южных кочевников. Так, быт алтайских калмыков, все более отселяемых русским населением, по словам всех путешественников и, наконец, по местным свидетельствам, не представляет ничего отрадного. Было время, когда горные калмыки считались богатым скотоводческим народом, стада их были громадны. Несколько лет тому назад ученый ориенталист и путешественник В. В. Радлов видел еще в Алтае некоторые признаки богатства и значительные табуны, но через несколько лет и они исчезли, перейдя в руки русских промышленников. Русские люди, въезжая в чернь леса, лишают инородцев последних средств пропитания. Благосостояние алтайских калмыков, свидетельствует исправник Замятин, в последнее время сильно пострадало, так что весьма уже редко встречается калмык, который имеет большое количество скота (Памятная книжка Томск. губ., 1871 г., стр. 236).

То же падение быта свидетельствуют и другие путешественники. «Ни купец, ни миссионер, ни чиновник не спас алтайца от обеднения», — говорит автор примечаний к Риттеру землеведению Азии.

Посетив Алтай в 1878-м и 1880 годах, мы сами убедились, что быт калмыков и черневых татар не улучшается, а ухудшается. Русское население все более вторгается в Алтай, множество волостей и русских селений раскидано на месте бывших кочевий. Крестьяне поставили в калмыцких землях пасеки, купцы — займки и магазины для склада орехов. Стада забраны за долги и перешли к купцам; на целые десятки верст не встречается инородческих табунов — они принадлежат торговцам и крестьянам, хотя и пасутся калмыками. Огромное количество бедняков ныне наполняет кочевья и леса, и даже в пустынных местах, как около Телецкого озера и на Чульшмане, мы не видели среди инородцев ничего, кроме бедности.

Те же признаки обеднения и упадка хозяйства замечаются и среди киргизского населения, обладавшего огромным количе-

бири было не более, то во всяком случае они раскидывались шире и свободнее, чем ныне. Отзывы историков и путешественников о жизни инородцев в прошлом и начале нынешнего столетия показывают, что древний быт их был гораздо обеспеченнее настоящего. Все это говорит, что факт обеднения инородцев, упадок их промыслов и постигающее их вымирание есть факт позднейшей истории и современного их положения. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить и сообразить ту сумму исторических влияний и все те изменения в инородческой жизни, которые произошли со времени покорения Сибири.

Прежде всего нам приходится обратить внимание на то, что район размещения инородцев не остался тот же самый, как до пришествия русских, он все более и более суживался и, наконец, явился довольно ограниченным в то время, когда население инородцев не могло не увеличиваться в общей сумме. Район же промыслов при занятии края русским населением все более отодвигался и ограничивался. Само собою, что большинство лучших земель и угодий перешли к русскому населению. Точно так же, как в Америке индейцы отодвигаются на запад, так инородческие племена Сибири отодвинуты на север и на юг, небольшие же оазисы и клочки инородческого населения внутри Сибири замкнуты русским населением. Понятное дело, что с уменьшением земельной района для звероловства, охоты, рыбной ловли, с сокращением пастбищ и уменьшением возможности передвижения сокращались и средства пропитания. Это первое. Второе: самые территории, куда инородцы были оттеснены и где они по необходимости должны были размещаться, далеко не всегда по климатическим, топографическим и физическим условиям соответствовали тем местам, которые они прежде занимали. Весьма различна перемещение и переселение добровольное по выбору от перемещения по необходимости, поэтому многие инородческие племена могли не найти ни тех удобств жизни, ни того естественного богатства и изобилия природы, каким прежде пользовались. Нечего говорить, что север Сибири и полоса тундр были менее гостеприимны, чем лесная и средняя полоса Сибири, солонцеватая и голая степь беднее для пастбищ, чем степи и дуга близ больших рек и озер, занятых русскими.

Инородцу приходилось приучаться, принородляться к новому климату и условиям не постепенно, но сразу — вот начало того экономического кризиса, который мы рассматриваем. Про-

пресс оттеснения инородцев и ограничение их района продолжается вместе с успехами колонизации, расчисткой лесов, занятием устьев рек, долин и т.д. Мало того, угодья инородцев не остались неприкосновенными и в тех местах, которые составляют, по-видимому, круг их района. Русские колонии не оставили инородческого района, мы видим поселения русских промышленников и торговцев на Крайнем Севере, в Обдорске, в Березове, в Самаре, в Нарыме и других местах. На юге колонизация вторглась в калмыцкий район, средина Алтая занимается пастухами и заимками, в киргизской степи лучшие земли взяты в собственность казачьего войска. По отношению к распределению землепладения замечается повсюду факт перехода лучших земледельческих угодий, лугов, сенокосов, наконец, рыбных ловель к русским.

Затем нам приходится обратить внимание на истощение естественных запасов и продуктов природы, которыми питался дикарь. Нынче факт уже несомненный, что зверь уничтожен во многих местах Сибири, в других местах он остается в ничтожном количестве. «Неурожаи» зверя чаще и чаще встречаются. Уменьшение это совпадает с заселением края, с истреблением и выжиганием лесов, которое воплорилось и вошло в обыкновение с пришествием русских, наконец, с усиленной эксплуатацией зверя, рыбы и всяких других продуктов. Напряжение сил инородцев между тем явилось большее, отлучки становились опаснее, изнаможение чувствовалось сильнее. Ранее инородец без особого труда добывая себе известное количество зверя и рыбы, употреблял их на собственные нужды, и более ему ничего не требовалось. Теперь он обязан был добыть известное количество зверя для себя и семьи, затем для оплаты ясака и всех поборов, какими его облагали, для того, чтобы откупиться от притеснений, завоевать себе безопасность; но и этого мало: он теперь напрягает все усилия добыть возможно более по требованию рынка. Он становится рабом этого рынка или торговли, которая импульсирует, побуждает инородца к большему истреблению царств природы, не заботясь о будущих средствах его пропитания.

Истощая один промысел, инородец переходит к другому, такие переходы в занятиях племен не под влиянием культуры, а чисто под влиянием случайных жизненных условий весьма капризны. Оленевод часто, обеднев, делается рыболовом, так же, как и охотник-рыболов, передав рыбные угодья, бросается в леса, инородец часто от высших привычек жизни переходит к низ-

шим. Выловив зверя, он истощает рыбные запасы, все это продает за бесценок и нимало не окупает свою жизнь. Он, добывающий и соболей, и черно-бурых лисиц, бобров и горностаев,носящий у груди своей драгоценнейшие меха, не в состоянии обогреться и мерзнет в тундрах, коченет от холода в лесах, вылавливая огромных осетров, нельм, щук, семгу, налимов и стерлядей, он страдает нередко от голода и съедает своих собак. Что может быть изумительнее! Но тем не менее это так, потому что рынок берет у него все, но не удовлетворяет его потребностям.

Вкусы и требования дикаря создаются под влиянием особых законов. Он увлекается часто предметами и произведениями не столько утилитарными, обеспечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими ее к лучшему, сколько потакающими его страсти и детскому увлечению. Чаще всего дикарь обольщается блестящими, но дешевыми игрушками, украшениями, как дитя, за которые готов отдать лучшие произведения своего труда, что его ставит в весьма невыгодные условия. Затем он ищет минутного удовлетворения ощущений и страстей; всякий наркот, будь то табак, вино или опиум, для него является соблазнительным и развивает в нем страстное влечение и губительную привычку. Торговля в этом случае — плохой руководитель жизни, она предлагает то, что соблазнительнее, но не то, что полезнее, и мало заботится о последствиях.

Собственно нормальных условий торгова с инородцами никогда и нигде не существует. Если с одной стороны перед ним является богатый рынок с своей разнообразной мануфактурой, окрепшей под влиянием цивилизации, то дикарь является невооруженным сырьевщиком. Покупатель располагает денежными знаками, меновыми ценностями, кредитом, наконец, массой товаров, у него целая экономическая армия со всеми родами войск, с целой торговой стратегией, у дикаря ничего, кроме убогого его продукта. Он получает и товар, и деньги, он обязывается долгом покупателю и чувствует от него полную зависимость. У представителя рынка более ума, знания, хитрости и, главное, бесперемонности, кодекс нравственности у него вычеркнут, хотя он и является под маской благодетеля; инородец выходит с открытой душой, простодушнем дикаря и первобытной детской честностью. Замечено, что если торговцы допускают всевозможные начеты и обманы, то инородец старается честно платить долги, не подозревая, что они записаны двойным

мелом. Самые худшие элементы цивилизации группируются около дикаря с целью паразитизма. Все это ставит обмен в самые невыгодные условия. Европейский рынок поэтому делает инородца рабом, но не поднимает его экономической и культурной жизни. Силу и могущество этого рыбка хорошо сознают высшие расы и цивилизаторы. Достаточно англичанам было забросить в глухие места Азии и Америки красивый европейский платок, и участь дикаря была решена. Потребность развита, а с этим создана и зависимость; зависимость крепчайшая, чем зависимость от силы и оружия. Теперь признано, что во всех странах дикарей европейская торговля при существующих приемах эксплуатации народила чуть ли не более зла, чем добра. Эксплуатация, разорения и опустошения, произведенные ею, стоят предшествовавшим войнам. Сибирские дикари, обставленные еще более грубыми и бесцеремонными торговцами, не избежали своей участи. Познакомясь с хлебом, волкой, табаком, порохом, железом, они постоянно требуют их, и, получая эти предметы по неизмеримой цене, истощили все средства, перепродали все продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною, и они остаются в положении умирающего Тантала¹⁵. Вот источник экономических бедствий. В результате явился весьма странный факт. По словам путешественников и исследователей, те инородцы чаще терпят бедствия, которые познакомились с хлебом. Доктор Соколов приводит, что березовские инородцы прежде питались оленьим мясом, молоком и рыбьим жиром, пища эта, имея азотистые вещества и углеводы, была здоровее. Ныне же хлеб, доставляемый промышленниками, самого дурного качества, мука затхлая, что, часто не удовлетворяя питания, развивает болезни. Самоеды, оставшиеся при животной пище, здоровее остяков. Миддендорф говорит то же о тунгузах, для которых были созданы хлебные магазины. Когда отпускали хлеб в лом, инородцы брали его, но не могли оплатить долга; когда перестали отпускать хлеб, они начали вымирать. Казенные хлебные магазины создали наживу для вахтеров, обогащавшихся продажей хлеба инородцам по произвольной цене, та же продажа в руках торговцев приносила не меньшие злоупотребления. В том и другом случае результаты явились плачевные. Бедность сидячих чукчей и инородцев сравнительно с кочевыми оленеводами свидетельствуется Нейманом, американцем Кенаном и доктором Шперком. (Топографо-патологические очерки Восточной Сибири). Многие тун-

гузы, остяки, чукчи после истребления олепа перешли к рыболовству и сделались оседлыми рыбаками. Положение сидячего — признак полной нищеты и бедности, положение это презирается. Иные от скотоводства переходят назад к звероловству. Таким образом, у инородцев является регресс в жизни и развитии, как следствие обеднения, — факт, указанный уже Тейлором (см. Доисторический быт человека и начало цивилизации, стр. 246). В киргизской степи люди, потерявшие скот, также делаются оседлыми, но это не признак культурного развития, это послеполная ступень бедности. Резче всего бросается в глаза тот факт, что снабжение хлебом и казенным порохом инородцев не только не подняло их быта, но, создав новые привычки, в конце сделало их положение безвыходным*.

В жизни инородцев при уменьшении угодий и промыслов и с развитием потребностей осуществился тот безжалостный закон, который превысил их потребности над способами и средствами пропитания; при ухудшившихся условиях жизни и при первобытной культуре инородцев поставлен искусственно в такие условия, что не в состоянии окупить своего существования. Вот где лежит ключ к общим его бедствиям. Рассматривая эти сложные причины ухудшения быта, обеднения, голода и совершающегося вымирания, мы должны прийти к заключению, что причины эти лежат далеко не в одних физических условиях и не в свойстве рас, но все бедственные условия их, как болезни, заразы, эпидемии и т. п. несчастия, есть результат безвыходных окружающих обстоятельств, ухудшения экономического положения и беспомощной жизни инородцев. Сообразно с этим предстоит в предупреждение вымирания позаботиться об улучшении быта и экономического положения населения, обеспечив его в смысле гражданских прав от вторжения всякого насилия. Весьма видную роль в улучшении быта инородцев должно было бы играть наше культурное влияние. Несомненно, что успехи наши в распространении культуры были бы сильнее, если бы знали лучше быт и положение наших инородцев. К сожалению, этого-то у нас не доставало, и наши культурные завоевания совершались помимо нас там, где мы не подозревали. Кузнечские черневые татары, считающиеся доселе дикарями, звероловами, дали, например, более представителей

* Шанков. Положение инородцев в XIX ст., стр. 259. Нарымские инородцы. Сибир. газета. Путешествие по Восточной Сибири Миддендорфа.

оседлого быта, чем кочевники-скотоводы, на которых преимущественно сосредоточивалось внимание. Попытки побуждения и принуждения кочевников-номадов к переходам в оседлое состояние продолжают до сих пор, но решительно не имеют успехов. Это бывает большей частью плод легкомысленных проектов и местных канцелярских измышлений.

Нечего говорить, что изменить культуру народа, обусловленную физическими условиями и вековыми привычками, не так легко, как и заставить предпочесть одно хозяйство другому. Такие переходы совершаются под влиянием весьма сильных экономических стимулов, по мере накопления средств и знаний в населении. Часто весьма цивилизованные народы предпочитают скотоводство земледелию. Пример тому представляет Австралия, Америка и т.п. Замечательно, что наши побуждения и средства всегда состояли только в принудительных и стеснительных мерах, которые скорее отталкивали и запугивали инородцев от всяких заимствований. Составлялись приказы заниматься инородцам земледелием, но при этом не спрашивалось о их способностях. Выходя из теории, что необходимо заставить заниматься земледелием, предполагается заставить, например, киргизов сделаться оседлыми путем запрещения перекочевок, раздачей земель русским в степи и степном кочевом образе жизни. Между тем перекочевки киргизов были экономической потребностью передвижного скотоводства, которое доставляло пропитание миллионному населению. Стеснение передвижений и лишение лучших угодий привело киргизов к обеднению, падежу скота и голоду.

Требую часто невозможного от скотоводов, где физические условия не позволяли перемену хозяйств, мы упустили из виду племена, весьма близкие к земледельческому быту. Многие оседлые волости черных татар и кумандинов, занимавшихся земледелием, записаны в кочевые, а земли их раздаются крестьянам для поселений. Таким образом, инородцы лишаются своих пашей и лугов. Подобные же последствия предвидятся в киргизской степи. Этим самым принуждая инородцев в одном месте к земледелию, в другом мы лишаем их возможности заниматься этим промыслом.

Из этого видно, что культурный вопрос наших инородцев остается далеко не разрешенным и, при существующих отношениях русских к этим племенам, весьма затруднительным.

Условие разрешения инородческого вопроса

IV.

Гражданское положение инородцев. — Наше законодательство. — Покровительственная политика. — Ясачные комиссии. — Инородческий устав Сперанского. — Современное положение инородцев и роль местной администрации. — Ясачные сборы и злоупотребления. — Опека и снабжение хлебом инородцев. — Распространение христианства. — Попытка просвещения. Условия, при которых они могут достигнуть успехов. — Задачи цивилизации. — Будущность инородческих племен.

Ним предстоит далее рассмотреть гражданские условия существования инородцев на Востоке и тот ряд законодательных мер, которыми правительство стремилось дать им известные права. С самого покорения Сибири правительство признавало необходимым оказывать покровительство завоеванным народам, указы твердили воеводам, чтобы они обращались «кратко» с покорившимися, и служилым людям повелевалось «приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом»*. Идея покровительства и заботы об инородцах еще резче выступает в наказах Екатерины II, которая смотрит на Сибирь, как на инородческую колонию и русскую Индию, где необходима либеральная колониальная политика. Общечеловеческие идеалы XVIII столетия заставляют ее смотреть на мир, а также и на империю, как на арену, где должны примириться все племена. В это время императрица простирает свое внимание до вызова инородцев-дикарей ко двору, до покровительства бухарцам в Сибири, предоставления им многих привилегий, как торговому сословию, и водружению некоторых символов инородческого царства. В своих указах Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженных инородцев. Взгляд этот выразился довольно определенно в указе по поводу засылки майора Щербачева для переписи инородцев в

* Истор. Соловьева, т. VII, стр. 390, 391, т. IX, стр. 430, 431.

1763 г. «Монаршим нашим словом обнадеживаем, — говорилось в этом указе, — что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему мы все нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но даже малейших убытков; если же кто за сим нашим монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учрежденных от нас правительствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем настрожайше следовать и с вишними поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чем сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие» (Манифест 1763 г. июня 13 дня). Вместе с тем при Екатерине II за оседлыми инородцами было весьма много укреплено земель. К сожалению, этот взгляд государей не получил применения в Сибири. В 1763 г. учтено было число инородцев в 186000 человек и положен оклад 165000 р. Притеснения инородцев между тем не уменьшались, несмотря на внушения правительства, оклад продолжает оставаться неизменным до Сперанского, т. е. до 1822 г., или, скорее, до новой ясачной комиссии; между тем число инородцев во многих местах изменилось. Так, в Туруханском крае вымерло от голода и болезней до $\frac{2}{3}$ инородческого населения, тогда как остальные должны были нести весь оклад*. Уложение об инородцах Сперанского в 1822 г. пытался ввести порядок в управление инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, образовать инородные думы, управы и т. д. Но и этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и пошел точно так же только к недоразумениям. Прежде всего едва ли какая-либо классификация могла быть сделана без точного исследования быта инородцев, одним канцелярским путем. Еще более явилось произвола при осуществлении этого устава и зачисления инородцев в разряды. Эти недостатки в регламентации были обнаружены в 1828 г. новой ясачною комиссией. Ясачная комиссия старалась только поправить разряды и установить новый определенный оклад. Этот оклад по переписи 1835 г. остается неизменным и доселе, а законодательство для

* Шашков, Положение инородцев. Ист. этюды, стр. 174.

инородцев, созданное Сперанским, продолжает существовать более полу столетия в нашем своде законов. Несмотря на его благие желанья урегулировать управление инородцев и дать им некоторые права и законы, тот устав решительно не привился на деле в Сибири. Дух его остался непонятым, неувоенным, а быт инородцев остался в том же, если не худшем виде, чем до устава Сперанского 1828 года. Уступки инородческому обычному праву не оказали никаких гарантий. Древнее самоуправление исчезло, старый общественный союз разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, занутое земской полицией. Там, где инородцы обязывались организовать волости, там все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяином и посредником волости с властью. Распоряжения таких писарей инородческого судьбою вели только к массе злоупотреблений и поборам. Инородческая волость явилась подчиненной на деле одним земским заседателям, власть которых явилась бесконтрольной. Это давление земской полиции, ее бесцеремонный характер, низкое развитие, ограниченное содержание в Сибири и своекорыстные стремления не позволяли водворить ни малейшего порядка и справедливости в волостях, а создали многочисленные злоупотребления, безотчетные поборы, практикуемый произвол, жестокие наказания, нечеловечное обхождение с инородцем, уничтожали всякие следы законности. Вдали от надзора мелкие исполнители и земская полиция с своими нравами дискредитировали таким образом лучшие намерения правительства. Сибирские заседатели и исправники до последнего времени свидетельствуют в инородческих волостях, ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный устав Сперанского, ни страх закона, ни внушения человеческой совести не могли защитить, оправдать инородца и заставить уважать его человеческие права. При отсутствии знаний инородческого быта, распределения инородцев и движения населения переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но, к сожалению, от неумения организовать это дело не привела ни к чему. «В течение 40 лет дело это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключает ничего, что бы можно было сделать заключение о том, что и как следует учредить между инородцами». Таков был официальный приговор этого дела*. «В основе административных начал, — говорит журнал Томской казенной палаты, — должен лежать быт

* Журнал Томской казенной палаты по 1864 г.

народа, т.е. его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия; чтобы безошибочно определить, какой порядок управления свойственнее и полезнее для инородцев, необходимо знать их прошлое и настоящее, и для этого необходим ум пытливый, наблюдательный, деятели научные и привычные к такого рода трудам; между тем из 40-летней переписки видно, что столь серьезный труд возлагался на земскую полицию, на земских заседателей, у коих не было ни времени, ни умения взяться за это дело как следует, почему весь труд являлся в мертвой канцелярской отписке бумаг, парализовавшей все распоряжения местной высшей власти». Но вслед за вопросом управления является не менее серьезным и, пожалуй, более важным вопросом податного обложения инородцев. Ясачные сборы причиняли издавна немало беспорядков и служили поводом к ухудшению быта инородцев. Ясачные сборы с инородцев мехами стали с первого же раза благодаря недобросовестности сборщиков тягостью и разорением для инородцев; несмотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслед за покорением Сибири в 1596 г. мы находим сведения об обременении пелымских и нарьмских инородцев сборами, вследствие чего уметышены с них сборы ясака и прощены недоимки. Те же явления продолжают во все последующее время, инородцы жалуются на разорение, насилие над ними; правительство приказывает, по возможности, щадить инородцев и взыскивать одну только подать, но никакие меры и самое прощение недоимок не помогает. В 1763 г. составляется Щербачевым перепись инородцев, и на инородческое население в 186000 налагается ясачный оклад в 165000 рублей; оклад этот не мог быть обременительным, если бы, во-первых, он взыскивался только в определенном казною количестве, во-вторых, более соответственно с количеством рабочих душ. Но с 1763 г. в быте инородцев произошли замечательные потрясения и изменения, а оклад этот оставался тот же до 1824 года.

С распределением инородцев в новые разряды и с переводом некоторых в число оседлых, соответственно Уставу Сперанского, положение дел не только не улучшается, но податная система делалась еще тяжелее. Многие из инородцев, несмотря на оседлость, к этому времени совершенно были разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. с души, с этого года, с перевода в разряд оседлых поселян, с них последовало обложение в 11 р. с души, да по столько же за умерших с ревизии 1816 года. Все это привело к тому, что

с инородцев тобольских вместо прежнего оклада в 127819 р. с 1824-го по 1832 г. пришлось денежной повинности за восемь лет взыскать 1359845 рублей. Инородцы смогли уплатить в счет этой громадной суммы всего 735397 р., следовательно, в недоимке за ними состояло 624648 р.; в таком же положении очутились и другие оседлые инородцы. Хотя ясачные комиссии обнаружили всю несоразмерность, всю тяжесть обложения и открыли при этом много несправедливостей, тем не менее они не могли улучшить быт инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии в общем сумма сборов возвысилась. Так, инородцы с 1835 г. по обложению вместо прежних 146460 р. 55 к. стали платить 525162 р. 99 к. Злоупотребления при сборе ясака не уменьшались; кроме того, на них наложены были новые повинности. Резолюции и заключения, к которым пришла ясачная комиссия, были, однако, замечательны. Комиссия ходатайствовала о сложении недоимок, «так как взыскать их было невозможно, не доведя инородцев до совершенного разорения». Недоимки по 1 января 1832 г. были, таким образом, прощены «по уважению расстроенного состояния инородцев об обременительной экзекуции и других допущенных злоупотреблений», — как сказано в указе Сената генерал-губернатору Западной Сибири. Но и за таким важным облегчением оседлые инородцы не в состоянии были платить полного крестьянского оклада, поэтому предполагено было для них в продолжение десяти лет, с 1840-го по 1850 г., платить $\frac{2}{3}$ крестьянского оклада, а с 1 января 1850 года — полный оклад. Несмотря на сделанные облегчения и льготы, а также несмотря на то, что некоторые из оседлых управ доселе обложены податью только в количестве 4 руб. 41 коп. (оседлые волости татар Томской губернии), недоимки не только не уменьшились, но возросли. Так, с 1850-го по 1860 г. увеличились недоимки у тех же тобольских оседлых татар и томских. Недоимки эти в 1875 г. по 4 округам равнялись 480234 рублям. Накопившиеся недоимки взыскиваются обыкновенно самым беспощадным образом, продажей имущества инородцев, отдачею их в заработки промышленникам, и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть когда разорение достигло крайних пределов; наконец, что еще важнее, самые оклады взыскивались всегда не в положенном казною размере, но в гораздо высшем, часто суммы, взысканные с инородцев, оставались в руках сборщиков и заседателей, а на них отмечались недоимки. Подобные двойные сборы, как причина недоимки, не всегда было

удобно объяснять местному начальству; но, несомненно, они играли значительную роль. Что касается общих повинностей, налагаемых на инородцев, то они так были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выкупления их русских. Мирские расходы ложились на инородцев большего тяжести, чем самые подати.

Что касается ясачного сбора с кочевых инородцев, то оклад этот мог быть точно так же не обременительным, если бы только он не отражался в увеличенных сборах и в тех затруднениях, которыми сопровождалось внесение ясака мехами. Правительство, желая облегчить инородцам внесение подати, ввиду недостатка денежных знаков предоставило им вносить меха, которые шли в доход Кабинета Его Величества, но сбор мехов сыздавна был поводом для злоупотреблений в Сибири. Несмотря на то, что инородцам предоставляется вносить ясак в казначейство деньгами, на практике является, что инородцы, нанятые чиновниками, что их запишут в оседлый оклад, предпочитают вносить мехами; между тем постоянное уменьшение зверя в Сибири и его «неурожай» ставят инородцев в большое затруднение. Самые дорогие меха в большинстве случаев покупаются у торговцев, которые пользуются случаем взять с инородцев высокие цены; соболь покупается в 15 и 25 рублей, когда в казну сдается по 3 р. Затем сбор в волости производится обыкновенно звериными пкурами с юрты, причем собираются князьями и зайсанами не по оценке, а произвольно; здесь должны войти все расходы по поездке сборщиков в город, на переводчиков, на сношение с властями. При сдаче ясака во избежание злоупотреблений закон предполагал для больших гарантий создать взнос в особом составном присутствии из казначея, исправника, стряпчего и т.д. Но это повело только к тому, что в приеме ясака явилось более лиц заинтересованных. Удивительно, что при всей требовательности, с какою относятся приемщики, при огромной стоимости ясака для инородцев, результаты явились совершенно неожиданные. В Кабинет доставлялись меха худшего качества, и вся вина сваливалась на несчастных инородцев. По поводу дурного взноса ясака не раз Кабинетом начинались переписки; местное начальство взыскивало причины ухудшения лова зверя, но истинной причины как будто бы не открывало. Таким образом, несмотря на ничтожный оклад в 1 р. и 1 р. 50 к. с дупли, сборы с кочевых инородцев удешевлялись. Недоимки на кочевых инородцах были также часты; а между

тем земские чиповники составляли себе состояние в несколько десятков тысяч. Такие злоупотребления, как мы убедились обзором инородческого района, продолжают существовать. К этому же присоединилось образование волостей, содержание писарей в кочевых районах, которые внесли не столько порядка в управление, сколько новые незаконные поборы. В таком свойстве податной системы лежит одна из видных причин инородческого обеднения и разорения. Податной вопрос, таким образом, заслуживает наиболее внимания, тем более что оклады инородцев остаются неизменными с 1835 г., а современная платежная способность инородцев не выяснена. Система взимания ясака и преобразование его в денежный сбор, в устранение существующих злоупотреблений, составляет также очередную задачу. Как попытки введения правильного управления среди инородцев, так и опека правительства в ограждении инородцев от притеснений, злоупотреблений, а также заботы об обеспечении продовольствия инородцев в моменты тяжелых бедствий, к сожалению, не привели к должному результату. Правительство издавна запрещало ввоз вина в стойбища инородцев под каким бы то ни было предлогом. Сибирский комитет в 1830 году запрещает ввозить к самоедам даже лекарства, настоянные на них. Тем не менее винная продажа везде проникла. Торговлю вином практиковали не одни торговцы с жадной барышпа, но этим занимались священники, заседатели-управители инородцев и т.д. В настоящее время благодаря проникновению русских вино повсюду доставляется инородцам, и запрещение не привело ни к чему, разве только повысило цену вина. Являясь как запретный плод и действуя на инородцев временами, периодически, оно имело тем более губительное влияние. Что касается создания казенных магазинов для продовольствия, то они повели только к накоплению долгов на инородцах, которые взыскивались с беспощадной строгостью; раздача хлеба вела, наконец, к многочисленным злоупотреблениям, так как находилась в руках казенных вахтеров. Г-н Шашков приводит, что долг за хлеб в Туруханском округе простирался иногда до 200 р. на человека. В 1861 г. на 63 инородцах считалось 13000 р. с. хлебной недоимки. В Березовском крае в 1850 г. хлебный долг был равен 12947 руб. с., в 1852 г. — 17000 р. О накоплении подобной же недоимки в Нарымском округе в 50000 р. и о тех же злоупотреблениях сообщает очевидец в 1881 г. (Сибирская газета «Инородцы Нарымского округа», 1881 г., №№ 21 и 22). Это снабжение хлебом

имело чисто фиктивный характер; вахтера записывали хлеб на инородцев, но сами продавали его торговцам, которые уже снабжали инородцев по двойной цене. Наконец, эта торговля кончилась разорением инородцев и накоплением состояния у вахтеров (См. тоже Сибирская газета о Нарымском крае №№ 21 и 22). Магазины эти признаются ныне современным сдать самим инородческим обществам с заведыванием их избранными сторожами. К тем же злоупотреблениям вела продажа свинца и пороха.

При таких условиях и условиях русского населения весьма трудно было думать о цивилизующих влияниях, о православии, просвещении и снабжении инородца лучшими духовными благами.

Что русские упустили свою роль в деле влияния, это можно видеть на религиозном вопросе. Среди сибирских инородцев распространяется несколько религий. Большинство сибирских инородцев были язычниками, или шаманистами, в том числе даже нынешние магометане и буддисты. Тобольские татары приняли магометанство из Бухары только перед пришествием русских, и эта религия получила огромное распространение уже во время владычества русских; так, барабинские татары принимают магометанство только в 1745 г., то есть более полутора столетий находясь под русским влиянием. Ныне из 142191 инородца Тобольской и Томской губерний 47326 магометан; если мы присоединим до 788000 сибирских киргизов¹⁶, также принявших ислам, то увидим, что магометанство здесь совершило наибольшие победы. Во все время Средняя Азия снабжала Сибирь своими проповедниками-ходжами, муллами, которые, ревностно проповедуя ислам среди инородцев, уже подвластных русским, обратили значительную часть их в свое вероисповедание.

Точно так же весьма сильное влияние имел на сибирских инородцев и буддизм. По сведениям, собранным в 1741 г., в Восточной Сибири оказалось, что большинство бурят держатся шаманской веры, то есть язычники, а у буддистов было только 11 лапанов и 150 лам, но в 1845 году оказалось буддистов 85060, а лам — 3514, в 1848-м буддистов было уже в Забайкалье 125000, а лам — 4546. Ныне между бурятами совершенно распространился буддизм. Влияние буддизма видно и на южных алтайских племенах. Что касается остальных язычников, то они составляют теперь уже меньшинство, по крайней мере, в Западной Сибири на 820191 человека инородцев остается язычников 35873 человека, то есть 4,3 процента.

Русские встретили в Сибири три различных мировоззрения, борющихся между собою, из коих две могучих старых религий, испытавших уже свою силу и влияние в мире; поэтому христианство здесь должно было встретить гораздо более препятствий к распространению своему. Притом влияние его появляется весьма поздно, когда другие религии овладели полем в народном мировоззрении. Первое время русские были заняты завоеваниями и приобретениями, тогда было не до проповеди. Весь XVII век проходит в усмирении инородческих бунтов. Только в XVIII веке выступают заботы об обращении инородцев в христианство, но проповедь распространяется только на северных инородцев, причем выдается энергия обращения остяков и вогулов Филофеем Лешинским с 1712-го по 1714 годы. Что касается утвердившихся религий — магометанской и буддийской, то здесь мы чаще видим полное признание их и желание только, чтобы религиозные центры их находились вне русских владений. С этою целью даже оказывается покровительство этим религиям: в киргизской степи распространяются мечети по повелению правительства, муллам из тобольских татар назначается жалованье от казны. То же самое делается по отношению к буддизму. В Забайкалье создается высшая буддийская духовная власть хамба-ламы. На долю обращения в христианство при этом остается весьма небольшой контингент язычников. Миссионерская деятельность весьма слабо практикуется. Только в 1828 г. в Березовский и Алтайский округа командированы миссионеры; деятельность этих миссий, как оказалось впоследствии, была весьма незначительна. Вообще обращения в православие только вогулы и остяки, в Тобольской губернии они составляют 27949 д., затем в Томской крещеных инородцев считается ныне 26726, принадлежащих к финским народностям и частью алтайцам. Итого: 54000 душ на всех инородцев. Православие распространялось при этом не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низших их представителей, оседлые же татары, окруженные русским населением, остаются фанатиками ислама. Что касается Восточной Сибири, то православие распространилось в Енисейской губернии, где более 30000 крещеных инородцев, в Забайкальской и Якутской областях; тем не менее приверженцы шаманизма и постоянно расширяющего круг своих последователей буддизма составляют видный процент и на Востоке Сибири. Судьба православия в среде инородческих племен низкого развития рядом с борьбою и

соперничеством древних религий Азии выразилась, конечно, своеобразно. При распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понята и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы. Это зависит всегда от народности, ее приживающей. В результате борьбы мы видим, судя по числовым данным, что господство и преобладание далеко не остаются за православием; это может объясняться как тем, что инородческие племена по своему миросозерцанию более тяготели к восточным религиям, так и родством происхождения, языка и проч., которое соединяло инородцев с магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-первых, и главнее всего, мы видим магометанскую и буддийскую пропаганду более деятельною в Сибири; муллы и ламы, проникая и живя среди инородцев, более заискали, более приобрели симпатий и, наконец, умели подействовать на дух инородца. Магометанство и буддизм являются поэтому довольно окрепшими в Сибири, православие же, совершая приобретение в среде нижней и, как мы сказали, языческой, имеет весьма слабое влияние на магометан и буддистов. С 1860-го по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40000 сплоченного фанатического магометанского поселения, крещено было только 300 человек, а в последнее время в пять лет — 58 человек. С весьма давнего времени (с 1712 г.), как мы видим, крещена значительная часть остяков и вогулов, но время несколько не укрепило их в православии; по отзывам всех ученых и путешественников, они признаются христианами номинально. «Две трети остяков, считающихся православными с первой четверти прошлого столетия, не отрешились от языческих понятий», — говорит Губарев, посетивший Березовский округ. «Остяки окрещены 150 лет назад, — пишет другой очевидец, — но руководствуются внешними обрядами, и иконы лежат в заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника». Начальник Тобольской губернии в своем отчете за 1864 год свидетельствует то же. Обращенные в православие буряты и якуты остаются при прежних суевериях и продолжают сноситься с шаманами (см. Шапков. *Инородцы в XIX ст.*). «Это наружное принятие русской веры, — по словам Шапова, — не приносит им пользы, не просвещает их действительно и существенно». Весьма часто несумелые и неспособные проповедники христианства только вооружают и озлобляют инородческие племена своими при-

емами; создав несколько обращенных, они предпринимают гонение на остальную массу язычников, вооружают инородческое население и отталкивают от обращения. Таков, между прочим, характер миссионерской деятельности в Сибири. Миссионерских центров было весьма немного, но и в них выразились все недостатки низшего духовенства и монашества, а также известная деморализация его. Миссионер в Сибири далеко не был человеком, высоко сознающим свои задачи изучения народности и ее духа, прежде, чем принггться изменять мирозерпание; он не был даже человеком образованным. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаяния, не принося пользы окружающей среде.

Наиболее заметной и отличающейся культурным и просвещенным характером явилась деятельность алтайской миссии; благодаря усилиям и плану основателя ее, архимандрита Макария, среди алтайцев были некоторые успехи обращения, хотя число обращенных крайне невелико — в 50 лет существования в миссии было крещено при всей энергии до 5000, т. е. по 100 на год, хотя штат миссии всегда состоял из нескольких человек духовенства. Ныне находится в алтайской миссии 12 миссионеров и 22 лица в звании причетников. Алтайская миссия рядом с обращением в христианство стремится новокрещенных приучить и к оседлости. Но это чаще запугивает кочевников, оседлость же прививается только благодаря русским крестьянам, живущим в деревнях миссионеров.

Жалкая жизнь новокрещенных оседлых инородцев не раз обращала внимание всех путешественников: Радлова в Алтае, Кастрена среди васьюганских остяков, миссионера Аргентова среди чукчей. Последний приводит замечательный отзыв самих инородцев о результате крещения при помощи принудительного обращения к оседлости. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня, и окрестился, теперь я пляжу на бывшее иньими, стариковскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся; стариков почти вовсе не стало, многие умерли не по-людски. Нет, я хочу умереть по-нашему, по-человечески!». Этот страх вымирания при изменении образа жизни и прежних промыслов отталкивает инородцев от православия, где оно является синонимом оседлости.

Таким образом, факт неперемного принятия оседлости с крещением является не всегда в интересе новообращенных, захват же земель и хозяйственные распоряжения еще губительнее действуют на остальное, необращенное население. Такие экономические эксперименты приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей и общин подрывают окончательно представителей православия в глазах язычников. Только этим, а не духом религии можно объяснить слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Замечательно, что там, где миссионеров не было, но шире распространялась русская колонизация, там инородцев перешло в православие гораздо более и совершенно добровольно. Сравнивая население Кузнецкого округа, Томской губернии, где колонизация уже сделала успехи, с Бийским округом, где переселение в инородческий район запрещалось, мы видим, что в первом из 15000 инородцев уже 7300 оседлых, в Бийском же округе из 27400 — едва 4500 душ. Православных в Кузнецком округе 13800 душ, а в Бийском — не более 5000. Таково влияние русской колонизации.

Нет сомнения, что успехи православия и распространения культуры были бы гораздо шире, если бы рядом шло образование и просвещение инородцев, точно так же в этом умственном развитии инородцев и пробуждении их духовных сил мы видим могучее средство их спасения и залогом будущего существования. До тех пор, пока инородцы будут под опекой, не сумеют сами заявлять нужд своих, не укажут средств для спасения существования и сохранения племени, трудно рассчитывать на посторонние заботы.

Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни система инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайны, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось, и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась.

В 1782—1784 гг. администрация старалась о распространении школ и обучении Корану татар и киргизов, но это было чисто магометанское, а не общее образование. В XVIII столетии были попытки основания нескольких школ, но они не оставили ника-

кой памяти. В XIX столетии началось водворение миссионерских школ. Такие школы были созданы при кондинской миссии у остяков; их показывалось в 1847 г. девять с 71 чел. учащихся, но, как обнаружилось, средства имелись всего на 12 мальчиков. Школы кондинская и обдорская, по официальному отзыву начальника Тобольской губернии в 1864 году, существовали скорее на бумаге. Прежде брали в кондинское училище 10 мальчиков у остяков принудительно, при помощи земской полиции. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподавание было так дурно и небрежно, что в них ничему не выучивались. При церквях в Березовском округе хотя и были предположены школы, но не открывались, так как духовенство не желало учить без вознаграждения; в Березовском уездном училище учился всего один остяк. Все создававшиеся и существовавшие в весьма малом числе миссионерские школы отличаются вдобавок такою односторонностью, что обучившиеся мальчики не получают дальнейшего образования, а самое большее зачисляются в причетники и служки миссии, стало быть, о способностях инородцев вообще к науке здесь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцев в русские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не раз пыталось поднять вопрос об инородческих школах; так, между прочим, в 1853 г. министр государственных имуществ граф Киселев спрашивал об этом сибирскую администрацию, но вопрос этот, к сожалению, не получил нормального направления и даже не мог быть основательно разработан.

Вопрос об образовании инородцев с первого же раза выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выгодах распространения знания на русском или инородческом языках. Что касается средств, на которые должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка об этом предмете в 1853 году привела к одному заключению, что создание школ на счет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дикарей; всякие новые налоги и тягости угрожают

им окончательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющей в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просьбами не заводить их, будучи предубежденными и испытав в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий. С этим же связан вопрос об обязанности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно доселе от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысль об обязательности, а особенно принудительности образования, неприменимая ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного чиновничества. Она мало того, что не полезна в смысле образования, но бесчеловечна сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения. «Давай деньги, как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в иную веру и отдадим в солдаты!». Понятно, какой ужас могло навести на инородцев такое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, внушенной им просвещенной сибирской администрацией. Недавно в некоторых школах и в интернатах киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покупке детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русифицирования, как жгучий вопрос национальностей, неумело и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение. К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма сблизилась с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конечно, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь сливается с обыкновенным сельским образованием. Другое дело — относительно народностей и племен, пока весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, страшущихся нарушения их и всякого принуждения. Для таких племен полезнее привитие знания на природном языке и перепод учебников, как и самого Священного писания, на инородческий язык; при этом, смотря по предубеждению и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомство с высоким христианским мирозер-

цианисм, которое явится само собою при знакомстве с христианской наукой, или воспитание прямо религиозное. Нам кажется, что вопрос образования и знакомство с наукою должны быть выделены для инородцев как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное приготовление к иной религии, а не навязывание ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукою, надо заметить, нисколько не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Мы видим, что успехи развития и просвещения шли у инородцев быстрее, когда религиозные книги и Евангелие переводились на инородческие языки. Доказательством служит деятельность английских миссионеров в Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссия прожила около 20 лет, завела монгольскую типографию, библиотеку, сделала превосходный перевод Библии на монгольский язык, обучала бурят ремеслам и создала до 3000 христиан. К сожалению, в начале сороковых годов эта миссия была выслана из Сибири и перенесла свою деятельность на Зондские острова. Ныне в успехах дела алтайская духовная миссия прибегла к подобным же переводам и преподаванию также на алтайском языке, хотя он не имел своей азбуки. Знакомство с языком инородцев дало большие знания народности и миссионерам. Далее добровольный миссионер Григоровский в Нарымском крае основал остяцкую школу, перевел на остяцкий язык Священное писание и деятельно распространял христианство. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Болдоновым, школу Пирожкова и т.п. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насильственное признание к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем одним терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают ныне только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения — полное осуждение. Так, например, недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение на русском языке, но даже гимназическое не приприсит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников. В Якутске основана, например, классическая прогимназия на деньги

якутов, где якутам предлагается сразу изучение четырех языков; все эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умеющими объясняться с учениками. «Это горькая насмешка над населением, — говорит один из очевидцев. — Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у населения нельзя отнять жажду знания, оно хочет учиться. Кроме прогимназии существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учителями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намека на страсть, любовное отношение к делу, а во-вторых, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют на неизвестном языке еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобное образование!» (Сибирская газета, из Якутска 1881 г. № 4). Подобные же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов, мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрусевшие инородцы в лице переводчиков азиатских школ, писари и проч. являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворного влияния на среду инородцев. Таким образом, привлечение инородцев к школе и запялю без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени», — говорит один из знатоков инородческого быта.

«Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ее, любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы, «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образование инородца не должно порывать его связь со своим наро-

дом. Целью образования должно быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногие образованные инородцы сохраняли связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева из бурят и Чокана Валиханова из киргизов. Как Валиханов, так и Банзаров получили высшее образование, они были даровитейшими и учеными людьми даже в европейской среде, и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды. Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услуг инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности. В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залогом сохранения племени от вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, которое воскресит легендарного, умирающего от голода и бедствий самоеда. Дух сибирского инородца остается пригнетенным, глубокая меланхолия лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение. До сих пор мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена ввиду данных уже образцов просвещения, как и общего выражения своих способностей, едва ли мы имеем право признавать бездарными. Мы не будем указывать на выдающиеся личности инородцев, получивших образование, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, известному путешественнику, другу ученых и поэтов, — подобные личности могли бы сделать честь своим присутствием любому образованному европейскому обществу; но мы позволим себе указать на многие отзывы о способностях инородцев, весьма серьезных и авторитетных исследователей. О самой дикой народности — самоедах — Абрамов, исследовавший Березовский край, он же смотритель училища, отзывался как о весьма способном народе: ученики, попадавшие в уездное училище, обнаруживали способности к математике. Ученый Миддендорф об-

рапает внимание на замечательные природные дарования и изумительную жизненную энергию тунгузов. Якуты отличаются издавна способностями и усвоили весьма быстро культуру. Киргизы давали даровитых людей и представляют народ, поражающий остроумием и богатством фантазии. Алтайцы отличаются, судя по религиозным воззрениям и умственному складу, не меньшими способностями, чем киргизы; миссионерские попытки просвещения дали образцы весьма способных людей; телсуты же и черневые татары своей склонностью к культуре и оседлости выразили положительно способность к гражданственности. Мы не будем говорить об отличительных способностях, как, например, сартов и татар, к торговле, таланты, которыми они превзошли русских в прошлом столетии. Достаточно помнить также, что русские застали уже в Сибири известную оседлость и тюркскую культуру; завоеватели обязаны многими открытиями инородцам, инородческие памятники содействовали открытию металлов, путешественники отмечают в инородческой культуре множество изобретений, а также умение принаровиться к климату, природе и сохранению своего существования; эти жизненные таланты не могут быть пренебрегаемы; русским помимо своей воли пришлось позаимствовать многое у инородцев с целью собственной акклиматизации. Спрашивается, вправе ли мы отнимать после этого способности у низших рас, и неужели способности целых племен не могут пригодиться для нас в будущем? Сравнительная психология инородцев еще далеко не исследована научным путем, точно так же, как мы не знаем их прошлого, а их исторические услуги русской народности в Сибири еще не оценены вполне. Чем может отразиться возрождение этих народностей, проявление их таланта и народного гения — это загадка будущего. Многие азиатские народности выдвигали учителей человечества и творили своеобразные цивилизации. Таким образом, введение в мировую жизнь и область духовного творчества других племен не может остаться без результатов. Из всего этого следует, что сохранение инородческих племен, развитие образования среди них, так же, как призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке. Разрешение этих вопросов, как мы видели, находится в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще более оно зависит от умственного

развития самого русского населения в Сибири. Автор, посвятивший талантливую монографию судьбе сибирских инородцев в XIX веке, г-н Шашков оканчивает свой труд следующим заключением: «Участь инородцев может улучшиться только тогда, когда истинное образование и гуманная нравственность соединятся с сибиряком; без этих благодетельных факторов свобода — сон, а счастье народа — безумная мечта; без них сибиряк всегда найдет возможность эксплуатировать инородца, как бы ревниво ни охранял закон интересы последнего». Этот совершенно справедливый вывод показывает только то, насколько необходимо гражданское развитие Сибири и усвоение самой ее начал гуманизма, просвещения и вообще цивилизации как в интересах своих собственных, так и во спасение других народностей. Инородческий вопрос, выступивший и занимающий свое место в жизни Сибири, не только вопрос настоящего, но и вопрос будущего. При всех бедствиях инородцев и при уменьшении некоторых племен, число их все-таки слишком значительно, а именно: около 4500000, считая и Туркестанский край, чтобы не быть заметным среди русского населения. Соседство с азиатскими странами: Бухарой, Средней Азией, Монголией, Китаем, — при сближении с этими странами, при облегчении путей сообщения — не может не выразиться новыми притоками инородческого населения. Китайцы и ныне уже начинают эмигрировать в Сибирь, они вторгаются на Амур и в Забайкалье. Таким образом, это грозный вопрос будущего. Он явится когда-нибудь, вероятно, весьма важным гражданским и политическим вопросом, к которому мы должны подготовиться. Часть азиатских народностей вошла и неминуемо войдет в состав русского общества, и жизнь этих народностей, как мы указали, может внести новые, оригинальные элементы в склад будущей цивилизации. Наконец, по самому географическому своему положению Сибирь, естественно, будет в соприкосновении с азиатскими государствами, которые не всегда же будут жить замкнутою жизнью и когда-нибудь будут доступны европейскому просвещению. Если Сибири суждено будет играть какую-нибудь роль в этом мировом цивилизующем влиянии, то сибирские инородцы, усвоившие при посредстве русской национальности европейское просвещение, могут явиться весьма видными посредниками этой цивилизации и оказать великие услуги общечеловеческому прогрессу.

Колонизация Сибири и современные переселения

У.

Сибирь как продукт колонизации. — Движение вольнонародных переселений. — Эмиграция и побеги в Сибирь. — Периоды казенной колонизации, промышленная, торговая и земледельческая колонизация. — Современное движение переселений — Переселения с освобождения крепостных крестьян и после него. — Направление колонизации и места, избираемые народом. — Митовала ли потребность переселяться. — Необходимость переселений при увеличении населения. — Современные задачи переселения, положение переселенцев. — Принцип регламентации и свободного выбора земель. — Их результаты. — Роль Сибири в будущей колонизации.

Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества, результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири. Ватага Ермака была только продуктом брожения русской народной жизни, искавшей выхода, она была движима той же силой, какого впоследствии в XVI и XVII вехах управляла тысячами народов, кинувшихся в Сибирь искать приволья из-под ига крепостного права, «от безурядицы, смуты, гнета суровой регламентации, непосильных тягостей и злоупотреблений».

Поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало. Обратим внимание на самое проявление колонизационных сил на нашем Востоке. Передвижение русского народа до Феодора и Бориса Годунова было довольно свободно, а наклонность «брести врозь»

начала довольно сильно практиковаться в XVI столетии. Сибирь дала готовый выход этим элементам и открыла клапан движению. Законы об укреплении крестьян и «Юрьев день» стеснили народ и юридически прикрепляли его к земле, но не остановили движение, а, напротив, дали ему новый импульс и побуждение «брести». Очень немудрено, что первые бегства от крепостного права были сильнее последующих, когда народ сжился с крепостным правом и создались меры предупреждения побегов. Около ста лет со времени завоевания Сибирь по своему положению представляет простор для гулящего и беглого люда, хотя рядом идет и колонизация казенная. В 1622 г. производится в Сибири первая перепись населения, причем оказывается уже в ней 70000 жителей и 7400 ссыльных (Словцов, с. 138—152). В 1688 г. последовало повеление пашенных крестьян, прибывших после переписи, отослать в Иркутск на волворение, и таких припелыцев отправлено 500 человек. После переписи в 1683 г. правительство предписывает поставить «заставы крепкие, чтобы запретить беглым во множестве перебираться в Сибирь» (приказ соликамскому и чердынскому воеводам). В 1697 г. производится повторительная перепись в Сибири. Свободная колонизация, однако, не прекращается, и после создания застав мы видим, что ввиду ее значения с этим фактом примиряется само правительство. В 1697 г. государь в наказе верхотурскому воеводе не изъявляет неудовольствия по случаю пришедших крестьян из-за Урала вследствие неурожая, а предполагает определить их на десятинную пашню. Напротив, как видно из указа 1686 г., правительство само предназначает Сибирь для гулящих людей; всех пришедших и проживающих без указанных видов в Москве с 1686 г. велено штрафовать, а в случае несостоятельности сослать в Сибирь (Словцов, ч. 1, с. 212). Наказ государев нерчинскому воеводе доказывает, что тамошний край предполагалось заселить крестьянами, семейно бежавшими в Сибирь в больших толпах. В 1697 г. послано их с женами и детьми 624 души. К сожалению, и третьей доли не дошло до места (*ibid.* 212). Историк Сибири Словцов отводит довольно обширное место этим самовольным передвижениям народа. Говоря о населении Сибири во второй период с 1709 г., он упоминает об эмиграции с 1600-го по 1662 г., потом в течение 47 лет, и особенно с 1680-го по 1686 г., считая «большими ватагами уклонявшихся в Сибирь» во время волнений в крепостном классе после строгих указов 1685 г., изданных против старообрядцев, наконец — во избежание рекрутских на-

боров. «По длинной границе от Верхотурья до Исети тогдашняя власть не могла удержать людей, — говорит историк, — таконеец многие воеводы находили свой расчет потворствовать преумножению переселенцев, которые не прежде обнаруживались, когда разрубят леса и поднимут пахотные выгоны». «*Полевая независимость*, — продолжает историк, — ускользнувших из России не скоро вызывала к знакомству с городами и властями». Приходило, однако ж, время, когда власти узнавали о новичках и облагали оброком и десятинной папней — так засаждались в Сибири починки, занмки и целые деревни, записывавшиеся уже в окладе долше после их основания. Соответственно этому население Сибири постепенно росло, и в 1709 г. она имела уже 229227 душ, итог же податных сословий равнялся 130957 душам*. Вероятно, в эту же перепись, однако, не входило множество народа, скитавшегося по Сибири. Первое время воеводского управления в Сибири огромный произвол обложения казенной папней, повинностями, ямской гоньбой при редкости населения, фискальный характер управления и грубая принудительная воеводская система, наконец, злоупотребление и нажива служилых людей, вошедшие в поговорку и в примере бесперемонности и наглости, создали и в Сибири побуждение разбредаться и скрываться. По крайней мере историк Соловьев, описывая сибирские дела при Михаиле Федоровиче и рассказывая, как в Енисейске не дали обыватели просажим служилым людям подвод и разбрелись врознь, говорит, что обычай этот практиковался преимущественно на окраинах (Соловьев. Истори. России, т. IX, с. 400—403). Виля разбредающуюся Сибирь с половины XVIII столетия, начинаются жестокие преследования беглых и в Сибири, заставляющие удаляться народ в леса. Наконец с начала XVIII столетия мы видим преследование раскольников. Словцов упоминает о 3000 убитоженных и побитых старообрядцах на Урале, а около 1760 г. под влиянием гонений множество старообрядцев прибегают к самоожжению. Все эти меры вместе с заставами, таможенными и разрезывавшими драгунскими командами не могли не положить предела самовольным передвижениям и обширной эмиграции толпами, но они не прекратили побегов в Сибирь. Мало того, вскоре Сибирь начала получать для народа устрашающее значение; направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репутацию этой страны в глазах русского народа, и вместо мифов об обетованной земле начали слагаться другие

* Историч. обзор., Словцов, ч. I, с. 309—315.

мифы, о стране, где люди ходят под землею и где не светит солнце¹⁷. Несмотря, однако, на это предубеждение, внушительный страх, а впоследствии положительные запрещения самовольных переселений и преследование бегств, дорога в Сибирь не зарастала; подле торной дороги, по которой со звоном кандалов гнали партии преступников, вилась незаметная лесная тропа, по которой тайком перебирался русский свободный переселенец и беглец. Народ переселялся в Сибирь под разными предлогами и во всевозможных видах. Бывали случаи, что дети сельских отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число сельских. Положение ссыльного поселенца было легче в Сибири, чем участь крепостного крестьянина в европейской России. Когда против общего колонизационного стремления были приняты меры, началась эмиграция тайная, и народ начал выбирать более укромные и глухие места в самой Сибири. По мере правительственной организации начались преследования против передвижений и скитаний народа в самой Сибири. В XVIII столетии, как обнаруживают многие дела и акты, Сибирь представляла древною бродячую Русь. В разных местах ее открывали всевозможных беглецов, странников, промышленников, скитавшихся годы по лесам, скиты раскольников и блокгаузы скваттеров¹⁸. Беглецы эти под влиянием преследования превращались впоследствии в разбойников, как, например, крестьяне Селезевы на Бухтарме (пограничные дела Омского областного архива 1759 г., т. 47, стр. 78). Драгунские команды разъезжали по Сибири ловить беглецов и людей беспаспортных, их забирали и судили. Правительство в 1743 году указом запретило проникать за пограничную линию и за нарушение приказало наказывать кнутом всех свыше 40 лет возрастом и плетью и батогами — кто моложе. Но это не прекращало авантюризм, скитальчество и промышленное пионерство далеко за линиями, отделявшими русские посты; на границах коченников, калмыков и киргизов раскидывались промышленные избушки, балаганы охотников, и русское крестьянство рассыпалось далеко, уходя иногда в глубь Средней Азии под именем охотников-соборевников, хмельевников, рыболовов и кладоискателей (см. акты Омского обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73 и материалы, собранные к истории Сибири Потаниным). По мере того как местные власти исследовали территорию и приближались к китайским границам, они открывали поселки вольных и беглых людей. Так, в прошлом столетии при Екатерине были открыты на Бухтарме целые слободы белых людей, извес-

тных под именем каменщиков, которые были приняты в русское подданство как инородцы. Переселение в Сибирь, таким образом, сиздавна делится на два рода: правительственные обязательные, или по вызову и указанию, и вольно-народные. К правительственному способу заселения Сибири принадлежали: высылка служивых людей, казаков, пахотных людей, ямщиков, наконец, преступников. Мы видим первые распоряжения отправлять и селить людей в Сибирь около 1590 года, когда велено было в Сольвычегодске на всем посаде и в уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением; а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телеги, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были дать им по 25 рублей человеку⁴. С тех пор отправка людей для колонизации продолжается. Подобный же акт мы встречаем в 1592 году относительно заселения Пельма, для житья в котором повелено набрать 50 человек казаков конных, до 100 человек стрельцов пеших, которым вместо хлебного жалованья велено служить из пашен, чтобы впредь хлебных запасов не привозить в Пельм из России. Кроме того, переведены в Пельм на пашню из Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне, и велено им пахать на государя. Грамота 1592 года воеводам говорит по этому поводу следующее: «О всем промышляти, и город делать, и люди устроить, и места под дворы раздавати жилацким людям и казакам, смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее. А казакам терским государево жаловальное слово, чтобы они государю послужили. А которые захотят в жильцы туто изо всяких ратных людей, и их переписать, а устроить туто пятьдесят человек конных; тем и земли, пометив, раздавати; а жалованья годового сулить им польским казакам по семи рублей, а атаману десять рублей, а хлеба по семи четь муки, а овса по тому ж. А стрельцов прибавить пеших до ста человек, а сотнику по тому ж, что и атаману, и пешим стрельцам по пяти рублей да хлеба по пяти четь муки, да по чети круп, да по чети толокна человеку. А земли бы им всем давати, чтоб вперед всякий был хлебопашец, и хлеба бы не возить. А которые московские вешенцы девять человек из Каргополя посланы, и тем указать земли и уголья, чтоб они из

⁴ Акты Археограф. Экспедиции. т. I, № 349, Соловьев, т. VII, ст. 419–420.

Перми с собою взяли и лошади, и животины, и сох, хотя немного, чтоб им пашни вскоре завести. А которые посланы из Перми и с Вятки на житье для пашни, и у тех бы, и хотя у четырех человек была лошадь, и животина бы с ними была, и сохи бы с ними были, хотя б к паратипле завести и немного пашни, да и ржи изяти на завод десять четъ из Перми; и велети жилецким людям дворы себе ставить и слободы у города устроить, в котором месте пригоже и земли на пашни высмотреть лучшие, и у крепостей подавать папши на государя пахать всяким людям. А лучшие места выбрав, оставить про государев обиход до трехсот четъ; а впредь та земля пахать на государя жилецким людем, которых устроит на житье. Да из таборов и копуков пашенных молодчих людей взять со всеми семьями и с лопадями и посадить туто на пашне, и пашни пахати велети на государя. На таборы и копуки, на тутошпые люди положить хлебом оброк, чтоб с них ничего не имать, тпикакого оброку, ни соболей, а иметь бы хлебом. Только устроя город и укрепя, положить на них оброк хлебной, распрося про них, что пригоже на них не положить. А церковное строение устроить, а попа и дьякона взять, едучи в Сибирь и, в подмогу, с посадских тамошних попов собрать сорок рублей. А на церковь послано с Москвы два фунта латану, два фунта темьяну да пуд воску, да ведро вина церковного и образы, и книги, и колокола, и все церковное строение».

Постройка городков и острогов была плодом военной колонизации, она двигалась весьма быстро вместе с завоеванием. В XVI столетии уже основаны были казаками Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Тара, Сургут, Обдорск, Нарым, Кетск и Верхотурье. В XVII столетии — Томск, Ачинск, Туруханск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Олекминск, Канск, Баргузин, Балаганск, Киренск, Нерчинск, Иркутск, Селенгинск и Албазин в 1650 году. Таким образом, в 70 лет мы достигли Амура, в продолжение XVIII столетия занимается Камчатка и делаются приобретения в южной Сибири, в XVIII столетии заселяются промежуточные пункты и новые крепости, как Омская, Петропавловская, Ямышевская, основывается Бийск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Петропавловск в Камчатке и другие. В XVI столетии мы видим создание первых ямов, или станций, для обеспечения проезда по Сибири, таковы были первые Самаровский и Демьянский ям около 1732 г., в Сибири считалось 6723 ямщика. Это было поселение, заселенное по указам, подневольное, оно совершало беспрестанные

побеги и было постоянно подновляемо. В XVIII столетии началось казенное заселение трактов и линий. Правительству понадобилось соединить промежуточными путями намеченные острогами и крепостями границы завоеваний. Так, заселяется тракт в 1593 г. между Верхотурьем и Тобольском, в 1637 г. — тракт между Березовым и Тобольском. В 1744—1745 гг. — между Тобольском и Тарой, в 1762 г. — между Ишимом и Омском, в 1761 г. — между Чаусским острогом и Томском, в 1763 г. пролагается екатеринбургская дорога, в 1762—1780 гг. — тракт между Тарой и Чаусским острогом и производится заселение Барабы. Наконец, с XVIII столетия начинают ограждаться границы посредством казачьих линий и поселений. В 1720—1773 гг. возводится Иртышская линия, в 1755 г. — казачья линия между Омском и Звериноголовском, в 1759 г. — Кольвано-Кузнецкая линия, в 1764 г. — Новокольванская Кузнецкая линия, в 1780 г. — Бухтарминская. Подобные же черты казенной колонизации проводятся в новопокоренных местах в XIX столетии.

Вслед за военной и казенной колонизацией следуют промышленная, торговая и вольнонародная колонизации. Промышленники и искатели богатств наполняют Сибирь не менее гулящих людей, они рыщут по сибирским пространствам, по глухой тайге и прокладывают тропы, они создают блокаузы, промышленные избушки и даже предшествуют военной колонизации. Эти промышленные избушки и займки мы находим впереди наших линий, когда Алтай и киргизская степь не находились еще в пределах наших границ. Промышленники, охотники и гулящие люди, ищущие дела, куда бы им пристроиться, являлись не худшими пионерами, чем предприимчивые казаки. Но главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него бы казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы, как смелый очерк, как замысловатый план, не получивший реального осуществления, как право на землю, очерченное ремнем воловьей шкуры, охватившее неизмеримые пустыни, но по-прежнему оставившие их бесплодными. Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя. Таково было значение волн добровольной народной колонизации, следовавшей за военной и казенной. В XVI столетии мы видим, как работающий народ поморских мест продолжает намеченную колонизацию по Туре, Ирбити, Нишде, далее на Исети и устье Миаса. На одной Исети возводится Шадринская слобода в 1662

году, недалеко от нее — остроги Масленский, Красногорский, Мехонский, слободы: Бешкильская, Ингалтинская, Терсетская, Базневская, Устьмиасская, и это все между 1662-м и 1668 годами. Таким образом, наполняются промежутки между острогами и городами целым рядом слобод из охочих вольных людей, которые превосходили числом казенных крестьян, высылаемых весьма часто по воеводским распоряжениям, пускавшимися в путь с тем, чтобы бежать с дороги.

Самовольная колонизация чуть ли не превосходила в первое время правительственную. По крайней мере мы находим следующую обрисовку ее у местных исследователей.

«Неправительственная колонизация, как кажется, шла значительно быстрее правительственной. Сибирь по покорении ее открылась привольною странюю, в которой могли найти успокоение все недовольные условиями своей прежней жизни. Под прикрытием лесов и болот, а также при не водворенном еще порядке управления, не находя сопротивления между слабыми и инородцами, сюда бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крепостные от своих господ, люди, избегавшие рекрутчины и платежа государственных повинностей, и вообще все те, которые по каким-либо причинам считали свободнее жить в привольных и никем не занятых обширных пространствах Зауралья. Конечно, Тобольская губерния, как первая полоса, лежащая на пути еще в не совсем известную страну, подвергалась и более частым заселениям всего этого беглого люда. Даже само правительство в первое время смотрело на эти переселения довольно благосклонно; так, указом 1597 года повелено было бежавшим за 6 лет и более, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своих местах. Но усиленные переселения 1680—1686 гг. вызвали, наконец, из терпения правительство; в 1683 г. последовал указ, по которому не дозволялось пропускать в Сибирь без государственных проезжих грамот. Беглецы обыкновенно селились где-нибудь в урмане, заводя *займики*, превращавшиеся впоследствии в деревни и села; беглые расчищали лес, заводили пашню и жили иногда по несколько лет, не будучи известны правительству. Воеводы, открывая подобные поселения, наставляли на них государственную подать, но не доносили царю, так как для них были весьма выгодны подобные поселенцы, заселившие и вместе с тем обеспечивавшие на будущее время обладание чужеземным краем. Через такое расселение переселенцы познакомились с окре-

стными местами; найдя более удобные, они переселялись частями. Уже в половине XVII столетия места, лежавшие на дороге из Верхотурья через Туринск и Тюмень в Тобольск, были значительно заселены; русские расселялись по ту и другую сторону дороги, в отдалении, по рекам и озерам, заводили слободы и деревни. Самовольные переселения крестьян, как кажется, продолжают и в настоящее время; так, например, деревня *Кириллинская* Тарского округа, образовавшаяся *самовольно* в Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только в 1869 году». (Списки населенных мест Российской империи. LX Тобольская губерния, стр. ХСVIII).

С XIX столетия, когда в Сибири сформировалось вполне административно-гражданское управление и не было угла, где бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещение без разрешения основывать поселки и деревни сковали переселение в тесные границы; вместо бегства и свободного перехода возможно было только формальное перечисление, но для многих ли было оно возможно при крепостном праве? Правда, народ употреблял всевозможные способы к тому, чтобы проникнуть в свободную от крепостного права и обильную землями Сибирь, но каких усилий это стоило. История ссылки нам открывает много фактов, как в форме иногда подневольной ссылки сквозило затаенное желание найти свободу. Русский крестьянин записывался то в дезертиры, то в бродяги. Многие добивались быть сосланными по воле помещика, т.е. по капризу, без особой вины, и подобные случаи встречаются в легендах этого времени. Наконец в России создался особый тип «непомнящего» — в этом типе взял свою роль и эмигрант. Свободное легальное переселение выпадало только на долю государственных крестьян. Когда правительство открывало клапан колонизации, она лилась широким потоком. В современной истории переселений мы встречаем такой период с 1847-го по 1855 гг. В одном 1854 году в Тобольскую и Томскую губернии было приписано 19163 души переселившихся. В эти годы переселение в Сибирь двигалось по вызову правительства; причем переселенцам обещаны были льготы и вспомоществование. Несмотря на то, что эти переселения требовали особых заявлений и удостоверений, также несмотря на то, что они замыкались в тесном круге государственных крестьян, переселенцы дружно двинулись в Сибирь и начали наполнять губернии. По произведенным нами исследо-

ваниям по двум губерниям Западной Сибири — Тобольской и Томской — мы видим, что в Тобольскую губернию с 1846-го по 1879 г. перечислено было 43753 души, в Томскую губернию с 1852-го по 1879 г. — 35000 душ. По межвым сведениям, в этих двух губерниях с 1852-го года до 55311 душ крестьян получили полный земельный надел. По точным исследованиям число переселенцев в одну Томскую губернию с 1852 по 1863 г. определяется в 18340 душ. Самые большие размеры переселение имело перед крымской кампанией, затем с 1855 года ослабело, но по окончании войны и с вывозом на Амур переселенцев оно снова усилилось; перед 1862 годом, временем освобождения крестьян, число переселенцев опять начало уменьшаться, а потом, за освобождением, возрастать, причем в движении приняли участие и бывшие крепостные. По количеству этих переселений и распространению их можно было бы, вероятно, проследить историю внутренней жизни России и ее экономические фазисы, если бы мы имели достаточно цифровых данных о выселениях. Несомненно, что все изменения народной жизни, все ее волнения выражались тем количеством эмиграционного материала, который всплывал на поверхность и вырывался за пределы постоянных границ жизни под влиянием кипения, зависевшего от температуры исторического момента. При передвижении государственных крестьян в Сибирь до 1863 года мы встречаем играющими роль десять губерний, восемь из них принадлежат внутренней России и две — восточной. На первом плане стояли Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губернии. Хотя исчисление переселений по отдельным губерниям дает весьма слабое понятие обо всей совокупности движения, но из этого видно, как значительны были переселения. В 25 лет, до последнего времени, в одну Томскую губернию было перечислено 34988 душ крестьян. В 20-летие в две сибирские губернии переселение равнялось 60000 душ, и если мы прибавим к этому восточные губернии Сибири, то формально перечисленных в 20 лет в Сибирь должно быть не менее 100000 душ*. Известно, что после освобождения крестьян, и особенно по исполнению ими пятилетней обязательной повинности, в России ожидалось огромное передвижение населения, нечто вроде переселения народов, факт, к которому одни относились с опасением и робостью,

* Кроме того, мы должны принять во внимание переселения в другие области, как, напр., северо-восточные губернии. По сведениям Уфимского статистического комитета, в Уфимскую губернию переселялось до 6000 душ в 10 лет. По официальным сведениям, в Самарскую область — до 7000 душ.

другие же в этом видели неминуемое последствие задержки населения, которое слишком долго было сковано насильственными цепями крепостного прака. Опасения эти и предположения тем не менее далеко не оправдались, вероятно, потому, что легальные условия наших переселений, как и многие условия народного хозяйства, не совсем совпадали со стремлением к передвижениям. По некоторым данным, мы замечаем, правда, что перечисления после освобождения крестьян вообще получили некоторый простор, и в известные годы, как в 1871-м и 1872 годах, они довольно заметно поднимались по Томской губернии (например, с 1400 до 2210 в 1871 г.), но переселения все-таки далеко не достигли ожидаемых громадных размеров. Разницу в проявлениях колонизационного стремления за последующий после реформы период, тем не менее, нельзя не заметить. Судя по произведенным нами наблюдениям, в Сибири видно, что вместо десяти прежних губерний ныне фигурируют в переселениях *тридцать семь губерний*, причем весьма видную роль занимают восточные губернии, как Пермская, Вятская, Оренбургская. Переселения в Сибирь не ослабевают и до последнего времени, хотя распределения по губерниям изменяются. Например, прекратились перечисления в Тобольскую губернию, но направляются все более в Томскую.

Томская губерния, о которой мы собрали более всего фактов, представляет по годам следующую лестницу переселений:

в 1870 г.	1412
в 1871 г.	1574
в 1872 г.	2210
в 1873 г.	1393
в 1874 г.	1608
в 1875 г.	1610
в 1876 г.	1254
к 1877 г.	1477
в 1878 г.	1648.

Это не ослабевающее, но ровно поднимающееся движение в среднем числе показывает, что колонизационное напряжение у нас, по крайней мере, несколько не уменьшается. Мы должны при этом заметить, что приводимые нами цифры о формальных перечислениях, как мы убедились личным наблюдением, далеко не определяют размера переселений в Сибирь и не исчерпывают их. Переселения до последнего времени совершаются в самых разнообразных видах. В сущности, струю народного движения определить не представляется даже возможности. Кроме легальных перечислений, к которым встречается много препятствий и

затруднений, народ изыскал много других способов и путей переселения. Многие крестьяне идут по паспортам и остаются на новых местах, только подновляя билеты. Списки проживающих в сибирских деревнях крестьян показывают, что люди живут здесь лет по десять и более, обзаведясь домами, но находясь в зависимости от прежних обществ. Множество лиц хлопочет по нескольку лет о перечислении, находясь в переходном состоянии, давно совершив факт переселения; множество скрывается в глухих местах и дебрях или продолжает жить без приписки по лицу широкой и гостеприимной матери-России и привольной Сибири. Факт так называемых самовольных переселений играет и до сего времени весьма важную роль в истории нашей колонизации. Переселения так же, как и в древний период, ветвятся в две формы. Легальную, при помощи официального перечисления, и самовольную, совершающуюся без всяких формальностей, завешанную от вольных движений прошлого. Некоторые факты доказывают, что проявления последней весьма значительны. В Сибири не редкость открываемые целые деревни и слободы; в списке населенных мест Тобольской губернии упоминается образовавшаяся самовольно деревня Кирилинская Тарского округа, приписанная палатой только в 1869 году; но подобных деревень много и в Томской губернии. В Алтае и других глухих местах немало деревень, которые признаются и утверждаются после многих лет существования. Мы встречаем в Сибири множество мест, которые долго считались на карте пустынями, но впоследствии, когда являлось межевание, оно находило готовые, обстроенные деревни и довольно значительные завоевания колонизации. Так, в настоящее время производится колонизация по правым притокам Иртыша, по Ую, Шигу и Таре, соединяя огромный Васюганский волок в Тарском округе и пролагая дорогу на север; так идет колонизация по Карасуку, в Барнаульском округе, по Бухтарме и т.д. В Семиречинской области крестьяне также селятся оазисами среди пустынь, ищут укромные места на границах и иногда селятся около самих китайских владений. Но и внутри Сибири, в глухих лесах и тайге находятся еще донныне скиты, займки, хутора и расчистки. К сожалению, эти несчастные пионеры колонизации, часто принимаемые за беглых, возбуждают при открытии их самое безжалостное отношение к ним со стороны патриархальной сибирской полиции, которая выжигает эти поселки с хлебами, с обзаведением, а люди целые годы томятся в тюрьмах.

Русское крестьянство, боясь преследований и изыскивая свободные места, стремится все глубже и глубже к азиатским границам. Известно, что прежде, чем прибыли географы, а также и пограничные власти к подножиям Катунских альп в вершинах реки Катунь, как они были уже посещены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися в соседстве их деревнями. Горячие рахмановские ключи названы по имени крестьянина Рахманюва. Относительно весьма смелого пропихивания крестьян и колонизаторов на пашни окраины мы позволим себе привести два характеристических рассказа из недавнего времени. Во время нашего военного движения на Кульджу на границе был поставлен военный пост близ р. Борохудзир, где оставлена была сотня казаков и военный лазарет, — вдруг около этого места появляются теляги переселенцев. Оказалось, что они пришли поселиться. Как их ни разубеждали, что здесь военная линия и заселение преждевременно, крестьяне решились ждать генерала, управлявшего краем. Приехал начальник и также представлял им разные неудобства селиться на местах, не вполне безопасных, пушил их даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальний путь, ни за что не захотели уходить и просили записать их хотя в казаки. С разрешения семиречинского губернатора наконец они были записаны, и скоро сермяжный строй под руководством казаков учился артикулу, а между прочим и завел пашни, т.е. удовлетворил главной потребности. Ныне Борохудзир — цветущее русское оседлое население Семиречинской области. Второй пример. Один начальник, объезжая границы, узнал, что казаки ведут споры с мужиками. «Да какие же здесь мужики?» — спрашивает изумленный начальник. Отправившись в экспедицию, он увидел в неприступных горах выросшую самовольно русскую деревню. «Кто вы такие?» — спрашивает пограничный начальник. «Мы российски!» — «Кто вам дозволил здесь поселиться и как вы смели?» — «Мы не на твоей земле живем», — отвечали переселенцы. — «А на чьей же?» — «Мы киргизскому султану, что в Китае живет, другой год дань за землю платим», — отвечали наивные русские колонисты, воображившие, что они находятся в китайских пределах. На самом деле они были еще в пределах России, хотя в такой местности, которую знали плохо и русские. На границах Минусинского округа по Енисею уже образуются заселения. Последние путешественники, бывшие в Монголии, удостоверяют, что сибирские заимки, хутора встре-

чаются далеко за русской границей, на монгольских землях, русские люди давно пропихают сюда, хотя географическая наука только что начинает открывать эту *terra incognita*¹⁹.

Заселение и передвижение народа в Сибирь, таким образом, постоянно. Иногда переселенцы целыми массами наполняют местности и неизвестно куда исчезают. Так, в 1874 г. заявлялось в печати, что Томскую губернию наполнили вятские переселенцы в числе 1700 человек, которые долго отыскивали возможности переселиться сюда, но, встретив много препятствий, рассыпались бог знает куда, и до 200 человек перебралось в Енисейскую губернию. Когда-то шедшие на Амур переселенцы, не дойдя до места, также рассыпались по Сибири. В 1875 году на юге Томской губернии в обширном резервуаре переселенный за последнее время оказался множество лиц водворившихся, но не перечисленных; когда поднят был вопрос о приписке этих лиц на местах водворения, их оказалось 1345 семей, в числе их были и шедшие на Амур. По другим же сведениям, таких переселенцев насчитывалось 2177 душ, но, вероятно, и это не все число; когда получено было разрешение оставить переселенцев на месте водворения, местное начальство было поставлено в новое недоумение: вместо прежних лиц, которые опять исчезли в колонизационном потоке, оказались все новые самовольные переселенцы. В губерниях Восточной Сибири, по последним известиям, оказалось только официально известных до 200 семей самовольных переселенцев, а сколько еще их не приведено в известность. Ныне о таких переселенцах возбуждаются постоянные хошатайства, так как возвращение их массами из Сибири является делом невозможным, оно поведет к уничтожению целых поселений и нерасчетливому разорению людей; таким образом, правительство фактически уже примиряется с этим народным движением.

По этим фактам можно судить, с каким крупным и грандиозным явлением русской жизни мы имеем дело. История этих движений и многообразное проявление всех форм и видов колонизации подлежит еще многим внимательным исследованиям и, вероятно, откроет замечательные черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь к ее результатам и расселению пришельцев на новых землях. Приведенные факты доказывают, как давно русский народ наметил наш северо-восток. Расселение по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физи-

ческими условиями местности. В истории колонизации Востока и Сибири мы видим, что колонизация направлялась сначала северными путями, ветвилась по сибирским рекам, единственным удобным путям сообщения древнего времени. Это был первый остов колонизации. Расположившись на двух обширных бассейнах сибирских рек, Иртыша и Оби, колонизация достигла Крайнего Севера. Огромные пространства и пустыни, разделявшие водоразделы, оставались незаселенными, такими были Тарский волок, Бараба до Томска и пространство до Енисея. С главных рек расселение располагалось по-прежнему по притокам с низу рек к вершинам, это называлось по-сибирски «вывершить реку». При этом население начало ветвиться и избирать места преимущественно по южным притокам рек, приближаясь к более плодородным местностям. Такой путь колонизации по рекам от мест менее плодородных к более плодородным есть естественный путь расселения всех народов. Закон этот заметил и выяснил, между прочим, Кэри*. «Возделывание земли идет в глубь страны, к плодородным долинам», — говорит он. Таков был путь расселения в Америке в Массачусете, Нью-Йорке, Нью-Гаване, в Нью-Джерси по течению Делавары, в Висконсине, в Северной Каролине, на Миссисипи и в Техасе; таково же было заселение Мексики, Вост-Индии и Южной Америки. Естественным стремлением переселенца является занять более сносные места для жизни, хотя и менее плодородные. Только в позднейший, второй период, русская колонизация зашла среднюю земледельческую полосу Сибири, и таким путем образованы самые заселенные округа Тобольской и Томской губерний. Наконец с присоединением степей, с расширением русских границ к Китаю и оттеснением кочующих орд очистился юг Сибири. В климатическом отношении это лучшая полоса. Русское население уже в прошлом столетии подвигалось к границам и начинало населять предгорья Алтая, но пограничные линии полагали предел попыткам колонистов и промышленников. С начала нынешнего столетия оседлая крестьянская колонизация прорвала эти линии, и началось заселение огромной территории Алтая. Наконец, к Сибири присоединились новые области на юге, таковы были Семиречье и Амур. Для русской колонизации открылось новое обширное поле.

Рассматривая современное направление русских переселений в пределах Сибири, мы видим, что русский народ

* Руководство к социальной науке, Кэри, стр. 93, 98, 294 и др.

избирает для поселений преимущественно юг. Так, переселенцы идут в Семиречинскую область, на юг Томской губернии, в Алтай, в Милусинский край Енисейской губернии. Трудно избрать лучшие места по плодородию и богатым экономическим условиям.

Вся алтайская местность с горами, долинами, лесами, изобилием минеральных богатств составляет драгоценнейший перл Сибири. Лет сорок назад началась колонизация, и тем не менее создались уже целые цветущие волости. В пяти новообразованных волостях находится до 50000 жителей. Во всем Бийском округе — 203855 жителей обоего пола. С 1866-го по 1878 г. сюда перечислилось до 8124 крестьян из внутренних губерний. Здесь совершается великая колонизационная работа русского населения. Несмотря на запрещение, крестьянство пропикло в район инородческих земель, куда переселение не разрешалось, и занимает ныне катыльские земли. Наконец крестьянство упорно стремится разорвать государственные границы и ныне находится у пределов Китая.

Во всех этих местах мы видели цветущие поселения, пользующиеся замечательным благосостоянием. Кроме Алтая, мы должны привести другой крупный пример колонизационных и культурных завоеваний. Это заселение Семиречинского края. Семиречье было присоединено почти одновременно с Амуром; такое название носят плодородные долины Или около озера Балхаша, на русской границе ныне это целая область, в которую стремится русское переселение. Вот что сообщается об этом крае в последнее время. Семиречинский край, население которого в 1872 году простиралось до 543000 душ с туземцами, имеет ныне 31800 русских жителей, но с каждым годом привлекает к себе все больше и больше переселенцев.

После 19 февраля 1861 года в Семиречье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятские вотяки; через десять лет их уже насчитывалось до 7000, все они занимаются хлебопашеством, скотоводством, огородничеством и пчеловодством. Производительность почвы при орошении изумительна. По рассказу автора заметок о Семиречинском крае («Акмолинские областные ведомости», 1876, №№ 6—8), лет восемь назад при церковном доме в малой алматинской станице было воткнуто до 500 тополевых колышков, теперь они стали деревьями, имеющими более пяти вершков в отрубе; боярка вырастает более трех сажень, в отрубе — до пяти вершков; облепиха тоже,

белая акация — до 8 сажен. Прививки к плодовым деревьям делают в первое же лето большие побеги, которые приносят в следующем году плоды, вообще там не растет только то, что не посажено». «Семиречинский край изобилует всем необходимым для человека: в горах Алатауских и Тянь-шаньских находятся серебряные, медные, свинцовые, никелевые, железные и иные руды; большое природное сокровище составляют целебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссык-кульские ключи имеют весьма высокую температуру. В малой Адыгитинке, близ Верного, находится источник, вода которого от множества выделяющегося газа кажется кипящею и так холодна, что охнувшим в нее в жаркую летнюю пору едва ли можно выдержать леденящую температуру этого нарзана. Здоровость и животность Семиречинского края дополняют общую картину и несколько привлекают к нему симпатии».

Приводим также из «Туркестанского ежегодника» описание станицы Лепсинской, где колонизируется ныне крестьянство. Лепса — одна из семи рек, впадающих в Балхаш. Местность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарских (калмыцких) ханов, замечательна также своим превосходным благоухающим климатом. Весна начинается здесь в конце апреля. Верховья Лепсы, летом маловодные, превращаются в это время в стремительные потоки, увлесающие камни и деревья. Весной идут проливные дожди, увлажняющие почву, а летом нередко случаются сильные грозы в горах. Вследствие возвышенного местоположения долины Чубар-агач (Лепсинской) летом тамзной не так ощутительны, а ночи даже довольно холодны. Летом дожди бывают редко, но травы, однако ж, не высыхают, как в киргизской степи. Яркая зелень, испещренная цветами, ежедневно освежается по утрам росой и сохраняет свежесть до осени, которая обыкновенно начинается в октябре и сопровождается густыми туманами. В ноябре выпадает снег, а в декабре уже устанавливается лютая зима.

Таково же описание долины Борохудзира, где вслед за русским отрядом также явилось крестьянство. Долина Борохудзирская, лежащая по обеим сторонам реки Борохудзир, орошаемая холодными ключами и арыками (ирригационными каналами), проведенными из самой речки, изобилует превосходными пастбищами и луговыми местами. Растущие здесь в большом количестве трава и клевер весьма сочны и

питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлебопашества, доказательством чему служит хороший урожай хлеба (сам-25 и 30), в особенности у китайских эмигрантов. На киргизских же пашнях, расположенных между ризвицинами пикетов Ку и Шапыр, урожай пшеницы и проса бывает сам-15 и 20. Огородные овощи также рождаются в изобилии. На Борохудзире эмигрантами разводится хлопок, который, однако, по достоинству своему уступает бухарскому. Берега реки Борохудзира покрыты тальником и местами густым камышом. Лес на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарник саксаул, находится в 25 верстах от отряда: первый на реке Или, а второй — на урочище Айларлы-кум; как тот, так и другой растут в изобилии. На Борохудзире водятся утки, кулики и множество фазанов, а в камышах встречаются и кабаны, стада которых бывают от 50 до 80 голов.

Кок-кезень — при слиянии рек Большого и Малого Усека. Местность этого урочища живописна, богата водою и изобилует хорошими пастбищными и луговыми местами; в лесе также нет недостатка; на долине урочища растут в изобилии тополь, тальник, береза, урюк и кустарники облепихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высоким и густым камышом, где скрывается множество кабанов. Стреловой словый лес растет в верховьях реки Усека, в горах, на отвесных скалах. Земля урочища, по отзывам киргизов и китайских эмигрантов, плодородна и удобна для хлебопашества.

В IV томе «Ежегодника», изданном туркестанским статистическим комитетом, известный наш ученый г. Северцов указывает благодатные и роскошные места для поселений к югу от Иссык-Куля.

Кроме Семиречинского края, является не менее привлекательным для переселенцев Митусинский округ Енисейской губернии. Митусинский округ занимает самую южную часть Енисейской губернии — это житница для целого края. Округ раскидывается на 105775 квадратных верст; обширный Енисей прорезывает округ во всем его протяжении; на юге высится Саянский хребет, пуская горные отроги. Степи, леса и альпийские луга чередуются в этой роскошной местности; горные реки орошают ее и способствуют богатой растительности, горы представляют разнообразные кристаллические породы. Минеральные богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, железо и золото, давшее возможность развиться широко

золотопромышленности. Ныне округ заселен 45000 душ крестьян, 2785 оседлых ипородцев и 23800 кочевых. Население в округе тем не менее прибывает путем колонизации. Земледелие играет важную роль между занятиями жителей и особенно распространено в долинах Енисея и в речных областях Ои и Тубы. При необыкновенном плодородии почвы Митусинский округ в отношении земледелия занимает первое место в Восточной Сибири и снабжает хлебом всю губернию. Под хлебопашеством в округе занято до 50000 десятин, обрабатываемых трудом 20000 душ мужского пола. Скотоводство ведется также в широких размерах. В округе до 118000 лошадей, 130000 крупного рогатого скота и 200000 овец. Но еще более привлекательные местности расположены к югу округа; места эти не заняты и влекут поселенцев в свои неисповедимо-богатые и прекрасные недра. В Минусинском крае население также стремится примкнуть к границам Китая и поселиться в вершинах Енисея, как и в Западной Сибири — в вершинах Катуня и Иртыша. Здесь сгруппированы в глухих местах, как на Усе, образовались раскольничьи поселения, долго ведомые и слышавшие под именем мифического «Беловодья». Теперь сюда стремится проникнуть крестьяне, и колонизация их, по свидетельству местного жителя, была бы в высшей степени благодетельна для Усинского края.

Кроме этих мест, население стремится также в наши киргизские степи; так, например, несколько лет уже прибывают переселенцы в Кокчетавский округ Азмолинской области — лучший округ во всей степи; ныне поселено здесь до 600 душ.

Подобные примеры показывают, с каким верным чутьем и знанием народ избирает себе места для поселений. Распространение русского населения в три века на обширной территории Сибири служит достаточно наглядным примером той пользы и той существенной заслуги, какую принесла наша колонизация. Тем не менее представляется вопрос: миновала ли наглядность в этой колонизации, представляется ли необходимым поощрение переселений в ее целях, или, напротив, им пора положить предел?

При всей важности и значении переселений для государства, при всем том, что вопрос этот захватывает интересы миллионов трудящегося населения, ипунного выхода и облегчение своего экономического положения, к сожалению, он остается у нас в России все-таки весьма мало разработанным и выясненным не только в частности, но и в прип-

ципе. Поэтому нам кажется своевременным поставить вопрос: насколько выгодны вообще переселения на новые земли, как должно смотреть на выселение народа из различных местностей, должна ли им быть предоставлена свобода, оказываться поддержка или, напротив, должны быть употреблены старания к удержанию населения на старых местах.

В настоящее время нет в Европе государства, которое бы задерживало переселение насильственно, так как право человека искать лучших условий существования весьма естественно. «Право переселения есть право жизни», — говорит один исследователь европейской колонизации*. Европа давно испытала историческое значение колонизации, начиная с греческих и римских колоний (клерухий и агройкий), составлявших могущество и славу греческого и римского мира, кончая слиянием американских государств и насаждением колоний во всех частях света. Поэтому в Европе покровительствуют колонизации даже такие нации, которые не имеют собственных колоний и, кажется, ничего не выигрывают от нее, например Германия. Что касается до переселения людей в собственных владениях и выселения в колонии, то это считается одним из выгоднейших предприятий как для старой, так и для новой страны. «Вывоз работников и капитала из старых стран в новые, оттуда, где они имеют меньшую, туда, где они имеют большую производительную силу, увеличивает сумму богатств старой и новой страны», — говорит английский экономист Миль. «При нынешнем состоянии дел на земном шаре колонизация — выгоднейшее из всех коммерческих дел, к каким может обратиться капитал старой и богатой страны», — прибавляет он. Поэтому Англия, зная эту истину, издавна покровительствует переселениям. Смотря на них, как на весьма важное народноэкономическое и государственное средство помочь населению, Россия точно так же обязана многим совершившемуся в ней расселению: благодаря ему она получила возможность укрепить за собою обширнейшие владения в мире, которыми обуславливается ее могущество. Но, кроме этого, политического значения, колонизация у нас имеет также важное экономическое значение. Наш народ, ища лучших и более просторных мест, при своем экстенсивном хозяйстве, в переселенных всегда находит способ поднять свое экономическое благосостояние. Потребность в переселенцах,

* L'emigration Européenne, son importance, ses causes, ses effets, par A. Leguyt, 1861, p. XLVIII.

как мы видим из многих приведенных фактов русской народной жизни, не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Густота населения при определенных границах надела дает себя все более чувствовать. Даже в лучших губерниях преобладающих норм надела очень мало удаляется от двух десятин, говорит г-н Воронцов при исследовании вопроса переселений, и не доставляет крестьянину полных средств для содержания. Кроме того, наделы, заключив крестьянство раз в земельные пределы, не позволяют даже расширения земельных участков. Земли с каждым годом делается все более недостаточной, тогда как население возрастает. Если прирост населения в плодородных губерниях палосить не более процента с четвертью (1 1/4%), то население должно удвоиться в 55 лет, а увеличиться в полтора раза в 32 года. Если при предполагаемом умеренном расчете также будет возрастать и потребность в земле, то через 10 лет настоятельная нужда в переселении коснется уже целых миллионов крестьян. Сила вещи поставит тогда вопрос в решительной форме. Князь Васильчиков в своей известной книге справедливо указывает на колонизацию, как на одно из средств от накопления пролетариата*. Действительно, явление переселений уже теперь становится фактом, повсеместно распространяющимся. Необходимость и настоятельная потребность переселения очевидны для нас, как и для других народов, и против принципа переселений едва ли могут найтись достойные внимания возражения.

Всего менее в выигрыше от переселений, по-видимому, должна быть местность, откуда люди выселяются, так как здесь потеряны, а не приобретены рабочие руки. По этому поводу иногда высказываются людьми, видевшимися в этих кругах, различные опасения. Но против подобных опасений существуют весьма веские возражения.

Опасение, будто места, покидаемые переселенцами, останутся без рабочих рук, — опасение совершенно неосновательное; между тем, всякое стеснение свободы, несправедливое в самом принципе, повело бы к величайшим несправедливостям при практическом разрешении вопроса о переселении крестьян. Что движение переселенцев, говорит, должно иметь свои границы, это не подлежит сомнению, но такие границы даются сами собою, действием естественных законов. Эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока на местах заселяемых усло-

* «Земледелие и земледельцы», кн. Вильгельмовича.

вия жизни будут выгоднее, нежели на местах покидаемых. Первые поселенцы пожнут в новой стране самые обильные плоды, но их преобладающие по мере занятия края будут получать уже меньшее вознаграждение за свой труд. Между тем в покидаемых местах разражение населения естественно будет иметь следствием постоянное возрастание заработков. Этими двумя противоположными течениями цен труда — нисходящим в заселяемых местностях и восходящим в покидаемых — рано или поздно и там, и здесь вознаграждение труда будет приведено к одному и тому же уровню, и тогда наступит конец выселению. Чем виноваты люди, которых новая мера задержит в местности, откуда они стремятся под тем предлогом, что кто-то может пострелять от недостатка рабочих рук? Такая задержка равнялась бы натоважено на свободных людей обязанности продвигать свой труд и пользу других лиц по низкой цене сравнительно со стоящею на рынке. С другой стороны, всякая мера к определению границ колонизации допускает обширное поприще для произвола и случайности. Разрешение или запрещение выселиться будет поставлено в зависимость от обилия или недостатка рабочих рук. Но понятие о недостатке рабочих рук есть, очевидно, относительное. Земледелец жалуется на такой недостаток всякий раз, как только он не находит рабочих по цене, какую платил до тех пор; между тем, стоит увеличить цену, и от рабочих не будет отбоя. В тех самых губерниях, откуда вследствие чрезмерной населенности крестьяне целыми тысячами отправляются в отхожие промыслы, сплошь и рядом раздаются голоса о невозможности достать рабочих. Курский землевладелец уже начинает кричать от отсутствия рабочих, как скоро не оказывается охотников обрабатывать его поля по 5 рублей за десятину. Между тем, очевидно, что самое стремление удалиться с привычного, насиженного места, самая решимость на лишения во время отдаленного переезда есть уже признак избытка рабочих рук, невозможности найти для труда занятие, обеспечивающее человеку сколько-нибудь сносное существование. Таким образом, вопрос об обилии и недостатке рабочих рук может быть решаем совершенно различно, смотря по тому, смотрит ли решающий на дело с точки зрения крестьянина или землевладельца. Кто бы ни был судьей верности этих противоположных взглядов, ему, во всяком случае, будет трудно под многообразными побочными влияниями удержаться в столь деликатном вопросе на почве строгой справедливости.

Во всяком случае колонизация не может быть рассматриваемая с точки зрения интересов лиц, заинтересованных в конкуренции рабочих, хоть бы часть их умирали с голоду, она не может быть подчинена также частным интересам губерний, она есть дело самих лиц, чувствующих потребность в выселении, и дело государства, которое от этого не проигрывает, а, напротив, выигрывает, получая вместо разоренных пролетариев зажиточных производителей.

Есть еще мнения против колонизации, разлажившиеся из лагеря лиц, заинтересованных в развитии отечественной земледельческой культуры. Они состоят в том, что колонизация раздражает население и тем задерживает переход к более совершенному хозяйству. Чем гуще будет население, тем скорее земледельцы перейдут к усовершенствованным системам, думают они. Но это слышано так, потому что переход к высшему хозяйству совершается не под влиянием только тесноты и малоземелья, но для этого нужны и другие условия: известное накопление средств, орудия и умение, т. е. капитал и знание, которое не вдруг приобретет бедное и невежественное население. Человек нужды и голода не изобретет машины Уайта, Аркрайта, парового плуга и т. д., а если и додумается до новых орудий, до новых приемов хозяйства, то не в состоянии будет применить их, потому что на это нужны будут средства. Обречь же население на голод и разорение в ожидании, когда оно накопит эти средства, слишком дорогая цена приобретаемого прогресса. Никто, конечно, не будет указывать на колонизацию, как на разрешение всех народно-экономических вопросов, которые вытекают в связи с аграрными законами, установившимися специальными отношениями, распределением богатств, знаний и т. п. В этом отношении колонизация, без сомнения, должна быть признана паллиативом социальных зол, но она важна тем, что в переходные времена кризисов по мере движения экономического прогресса она предотвращает бедствия и катастрофы, открывая вовремя клапан жизни.

Несомненно, что общий закон расселения и распространения населения присущ и нам. Мировая роль колонизации громадна. Выделяя часть населения в одних местах, она создает новые ячейки жизни в виде колоний, содействует более равномерному распределению населения по земному шару, распространяет жизнь, культуру и часто создает среди пустынь новые государственные организмы.

Переселения русского народа и колонизационная его деятельность составляют весьма видный акт народной истории. Но играя видную роль в прошлом, переселенческий вопрос обещает играть еще большую роль в будущем. До сего вопрос этот не был жгучим и очередным вопросом русской жизни, так сказать, вопросом неотложной необходимости. Правда, в государственной жизни России и в народной истории он не раз выступал весьма наглядно и заставлял обращать на себя внимание. Такова его роль была в эпохи эмиграций и передвижений населения, но затем это явление, репрезентируемое государством, сковываемое старыми формами жизни и учреждениями вроде крепостного права, как бы умалчалось, погружалось на дно и получало более скрытую, чем явную деятельность. Важнее всего, что вопрос этот до последнего времени не выступал в форме неизбежно экономического вопроса, каковым он был давно уже на Западе в Европе. Недавно у нас еще говорилось: «Нам ли думать о переселениях, когда сама Россия так редко заселяется». Эта фраза, но уже пониженная несколькими ногами, слышится и теперь, но за нею выступили два факта, заставляющие задуматься: это факт, вполне обнаруженный жизнью, — недостаток земельных наделов и последствием этого чувствуемое малоземелье, другой факт — стремление населения к выселению. Таким образом, к фразе «нам ли думать о переселениях» неожиданно приплелась другая: «но что же нам делать с символическими переселениями народа»? Таким образом, в настоящий период истории выдвинулся в России колонизационный вопрос помимо нашего желания, помимо волковой теории и требует ответа. Составляя предмет текущего обсуждения и рассмотрения с различных точек зрения, он является тем же насущным экономическим вопросом, тою же потребностью, как и на Западе в Европе. Россия в этом случае не избежала общего исторического жребия. Вопрос этот, выразившийся в народной жизни весьма заметными явлениями, обнаружится со временем, вероятно, еще более. Несомненно, что число населения и потребность в земле будут возрастать, в то же время культурные совершенствования и развитие других средств жизни, помимо земли, для огромного земледельческого класса едва ли поспеют разом. Между тем, страдавшая от малоземелья, подобно голоду, вытолкнет сама собою передвижение населения. При этом надо заметить, что никакие стеснительные меры не помогут удержать выселений, порождая разве одну, что из движения явного

и открытого они превратятся в явление тайное и скрытое от официальных взоров, какою и была наша колонизация во все время чиновной регламентации, искусственных задержек и цепей крепостного права. Она вырождалась то в «побег», то в «самовольные переселения», но никогда не останавливалась. Порождая для государства известный дефицит в окладном поселении, она являлась для народа источником превратностей, случайностей и создала много жертв, несчастий и бедствий вместо ожидаемого блага и устройства быта. Нет сомнения, что такое положение ее не могло считаться нормальным. Поэтому вопрос о переселениях, выступающий ныне, заставляет подумать о том, каким образом сделать, чтобы стремления народа были удовлетворяемы лучше, чтобы в деле колонизации интересы государства более гармонизировали с народными, и самая колонизация имела более благие результаты по последствиям. В настоящую минуту народные переселения предоставлены самим себе и силам народным. Они существуют без всякой поддержки, и участь переселенца часто беспомощна.

Вот в каком виде по сделанным наблюдениям представляются переселенцы наших крестьян.

Целые караваны повозок во 100 и более семей, человек в 300 и 400 душ, за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют вида крова, они останавливаются под открытым небом в поле. Здесь располагаются целые семьи под телегами, большие и дети нахватаются тут же. Нередко приращение семей, как и смерть, застает людей во время путешествия, тоже среди поля. Положение значительной части переселенцев нищенское. Хотя в Сибирь, они уже начинают питаться подаяниями по деревням, и нищество составляет профессию переселенца, иначе дойти до места у него не достало бы средств. На главной трактовой дороге Сибири крестьяне-старожилы сообщали нам как факт, что всю зиму числа обозов они помнят только две партии переселенцев, не побывавшихся, и это была большая редкость. Весь налог по части пропитания переселенца падает, таким образом, целиком на сибирского крестьянина; но помощь эта, исходящая из добровольной благотворительности, весьма случайная.

Затруднения и лишения наших переселенцев, как указывают факты, далеко не оканчиваются дорогой, они часто только начинаются; вслед за перемещением является искание мест для волворения, затем процесс обзаведения и, наконец, легальное перечисление.

Вмостление у нас обставлено такими затруднениями, связанными с поземельными обязательствами и с целой сущностью полатной и паспортной системы, что перечисление никогда почти не начинается с места, оно совершается, как мы наблюдали, в конце процесса переселения. На это есть много причин. Обновленно переселенцы не могут проситься о перечислении своем заранее, не видя мест, куда намерены переселиться, часто они не знают даже, где найдут их. Отъезживание этих мест чрез ходяков не всегда является возможным, потому что снаряжение этих ходяков и доверенных требует предварительных затрат, притом земледелец, слишком ревнивый в выборе почвы, не может ни на кого положиться, кроме себя. Вследствие этого хлопоты о перечислении являются тогда, когда переселенец порядочно постранствовал, нашел место, облюбил его, обжился и загладил первые потери при переходе. Множество лиц поэтому живет долго по паспортам, пока не соберется перечислиться; положение это довольно нелгое, достаточно малейшей случайности, и паспорт не будет выдан. Когда начинается перечисление, для переселенца наступает переходное состояние, тянувшееся иногда годы, мы имели случаи видеть людей, живущих по 12 лет и более по паспортам без перечисления, точно так же, как и людей, лет по 11 хлопочущих о переселении и находящихся в переходном состоянии. Здесь на пути встречаются всевозможные формальности. Переселенец как бы не принадлежит ни к тому, ни к другому обществу, но он несет и гонимую тяжесть, и повинность в новом месте, наконец, он несет расходы по перечислению. Если счет на него не прельявляется сразу за это переходное положение, то он прельявляется после. Между тем надо обратить внимание на материальные средства переселенца и на расходы, которые он должен вынести при переселении и перечислении.

Совокупность всех расходов и затрат, которые должен перенести переселенец при своем переселении, как убеждают наблюдение и расчет, превосходят в большинстве сумму всего проданного крестьянского имущества. Одна дорога в ближайшие сибирские губернии обходится от 50 до 100 рублей на повозку; иные имели по 175 рублей расходов на семью; по показаниям харьковцев, расходы на подволу с парой волов обошлись им в 300 рублей; затем нужны расходы на обзаведение, покупку или постройку дома, покупку скота, орудий. Подобное обзаведение, чтобы стать на ноги, требует не меньше — 100 рублей.

Переселенец в новых условиях хозяйства в Сибири не может обойтись с ничтожным количеством скота, например, с одной лошадкой, ему нужны при действительных и тучных точках Сибири, при разстоянных пашни иметь их от трех до пяти. При всех этих расходах переселенец должен оплатить исправно все подати и повинности при своем выходе, по крайней мере, за два года, иначе его не выпустят из общества, затем он должен подновлять паспорт до перечисления и нести некоторые повинности на новом месте; за все время дороги, когда он не имел возможности работать, он должен, как и за время производительного труда, оплатить подати. Мало того, на месте у него начинаются новые расходы по перечислению. Как ни оттягивает время переселенец, как он ни рассчитывает обернуться, по время перечисления должно наступить. Для того нужно окутить приемный приговор, увольнительный, расходы по подаче прошений, уладить дела с властным правлением; всякая юридическая ошибка приносит новые расходы и затягивает время. Приемный приговор со всеми другими расходами обходится 40—50 рублей, меньшее — 15 рублей, но часто прежде общество запрашивает с переселенца, чтобы уволить его, рублей 40—50. Переселенцу остается спешиться с места или платить. Пока длится перечисление, переселенец сходит пешком из волости в город, подаст прошение в казенную палату и губернскому начальству, кто-нибудь подумает его долать прошение и на высочайшее имя. Бывали случаи, что во время этих ходатайств, попав в руки жадных клезнушников и ходатаев, переселенцы разорялись поголовно, не дождавшись перечисления. В такие сети попали, например, до 1700 душ вятских переселенцев, приведенных в Томскую губернию в 1874 году. (Случай, опубликованный в Московских ведомостях 1875 г., № 278). Кто только не пользуется во время этого страшного переходного времени переселенцем!

Бюджет расходов показывает, что переселения на собственный счет и без всякой помощи доступны весьма немногим, иначе говоря, они доступны только состоятельным и богатым крестьянам, имеющим фонд не менее 500 рублей серебром.

Что же остается на долю остальных? Само собою, полное истощение и нищета, при всем том, что переселенец ограничивается минимумом потребностей, часто голодает, дрожит из-за каждого гроша и т.п. Но это еще не все; переселенец после переселения на свой счет, безо всякой льготы является по перечислении с кучею полоспевшего на его го-

лову долга и недолжки, причем податная система придавливает его сразу своею колоссальною тяжестью. Пока переселенец идет и, пришедши, соберется начать перечисление; пока тянется дело, в его семье произойдет масса изменений: часть членов помрет, имущество будет прожито, ревизские же души остаются на счету, и подать по его следам все царствует. Кончается тем, что в результате получается комбинация самого сложного и запутанного свойства, которую не может разобрать ни канцелярия, ни распутать сама жизнь.

Мы имели случай видеть такого рода дела: крестьянин-старик просит перечислить его в Сибирь с двумя сыновьями; пока идет перечисление, один сын взят в солдаты, другой умирает, но хилый старик перечислен в числе трех душ и обязан платить за них. Другой случай. Долги на переселенцев достигают невероятных размеров. Мы имеем документ, в котором значится перечисленных в Сибирь 25 душ крестьян, высканное на них равняется 2097 руб. 33 коп.; из этих 25 человек только 8 оказались в живых, и из них только один, имеющий имущество, которое и подлежало продаже.

Встретить переселенцев с 100 руб. податного долга — не редкость. Если мы сообразим крестьянские средства и крестьянский бюджет, не превышающий иногда 50 руб. на семью, если мы примем во внимание, что семье этой нужно прокормиться и что многие в Сибири начинают свою жизнь нищенством и бегством, причем входят в частные долги, мы поймем, что такие переселенцы являются вечными недолжниками.

Таковы результаты наших переселений при существующей податной системе, невозможных взысканиях недолжков, фискальных условиях и отсутствии облегчения и поддержки во время пути*.

Что касается водворения на местах, приемов и способов колонизации, то заселение Сибири дает также некоторые важные уроки. Здесь мы видим два вида колонизации — казенной и народной.

Приобретение, завоевание, наконец, заселение Сибири есть продукт двух сил — государственной и вольнонародной. Мы видим, что государству намечает отроги, крепости, проводит линии, наконец, пролагает тракты и, таким образом, создает, так сказать, беги и колья, межи и план для колонизации.

* О положении переселенцев см. наши статьи «Вестн. Европы 1880 и 1881 г.», а также путешествие в Алтай Зап.-Сиб. отд. имп. Геогр. Общества, 1880 г.».

Народная колонизация в виде народа-плотника мало того что осуществляет план, но и наполняет все промежутки и сетку колонизации живым материалом; мало того, она часто идет дальше архитектора, расширяет здание, причем веки, каля и план являются после того, как уже началась постройка.

При правительственной колонизации мы видим массу обязанных служилых людей, казаков, водворенных крестьян по распоряжению правительства, прикрепляемых ямщиков, назначенных на места преступников, высланных ремесленников и мастеров, даже женщин для уравнивания полов, но государство к этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность, иначе говоря, архитектор, увлекаемый жадной созидания, желая скорее обеспечить за собой места постройки, берется сам за топор. Когда настоящий работник появляется, архитектурская работа исчезает под новой громадной работой настоящих плотников. Казенная колонизация, составляя временную функцию, весьма часто делает промахи, увальцается планом и фасадом, не сообразив прочности почвы и окружающих удобств, она ломит и заставляет создавать массу непродуманной работы, не шадит сил и не соблюдает экономии; много народу гибло на казенных трактах, немало было создано искусственных деревень и городов, которые после падали и теряли значение. Образец такой колонизации — в степях и на Амуре. Но еще важнее то, что эта искусственная и принудительная колонизация не может создать настоящего импульса жизни, здесь недостает живой силы, могучей воли, энергии, творчества, народного вдохновения. Сама по себе она одна не создала бы Сибирь, не заселила бы всех пространств ее, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы к работе такую массу населения. Это могла сделать только добровольная колонизация. Сколько бы ни было употреблено изобретательности и остроумия со стороны администраторов и регламентаторов, они не могут заменить народного ума, они не изыщут тех новых путей и троп по своей карте, которые находит народ среди лесов и пустынь, пролагая сам себе дорогу. Вот почему народно-исторические здания вырастают так неожиданно и создаются так оригинально, как не может вообразить себе самый смелый государственный ум, что в 80 лет с небольшим будет завоевана и укреплена целая часть света, как Северная Азия, территория, превосходящая Римскую империю, не решится предсказать ни Цезарь, ни Наполеон; народ же совершает

это, не имея даже полководца во главе. Обещать в пустынном крае в известный срок создать население, культурную жизнь, водворить оседлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность едва ли возьмется самый могущественный государственный человек; по крайней мере он не может ручаться за успех подобной работы, он не может силой одной своей воли сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность двигать массами превосходила силы фараона. Но народ, пушенный живым током в новую страну, создаст это с не предусмотренной быстротой.

Оттого часто там, где копотился незаметно народный труд, где работал он в тайге, где, как муравей, скользил он под почвою и за корою деревьев, где часто скрывался он в подземельях, в тайниках и дебрях лесов от регламентации и принудительной работы, срытая зашился, мы внезапно открываем нечто более грандиозное и превосходящее египетские пирамиды, мы видим сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышащие исторической жизнью и будущностью, величественные архитектурные здания подобно тем, какие засажены народными силами в дебрях Америки, Австралии и Сибири.

Подобные примеры показывают нам, во-первых, настоящий фактор жизни и истории, во-вторых, убеждают, что народный труд в деле колонизации, в области его самостоятельности и творчества не должен быть стесняем, а предоставлен до известной степени самому себе.

До сих пор в деле государственной колонизации борются еще два направления: это регулирование народных движений, управление ими, искусственные поощрения, назначение на известные места, доходящее до указаний пунктов поселений, до вышивки казенных узоров, и другое, оставившее уже эти цели и имеющее в виду лишь помогать народному движению в том направлении, куда оно стремится, содействовать народной самостоятельности и выбору мест сообразно требованиям жизни и условиям культуры. Последний способ составляет прием, практикуемый ныне европейской колонизацией.

Требуется немало проникательности и государственной сообразительности, чтобы понять и сразмерить роль административной государственной функции в деле колонизации и не брать на свою ответственность доли труда, которой по

свойству своему никакая администрация выполнить не в состоянии; она не заставляет искусственно действовать народ так, как он бы сам действовал, и не удержит его там, где естественные условия не благоприятствуют народному труду. Точно так же, как не удержать её ток могучих народных движений туда, куда народ имеет естественное влечение стремиться. Одной административной самоуверенности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать. Наиболее проникательная государственная мудрость должна убедиться в конце концов, что в руках ее находится только один механизм парового клапана, отпускающего или задерживающего народную силу, но никоим образом она не должна отождествлять себя с действием пара. К сожалению, эти ошибки и заблуждения повторяются доселе, мешая свободному развитию народных сил и исторической творческой их деятельности.

Остаток регламентации, искусственного задержания и направления народных движений и колонизации все еще остается в традициях от прошлой казенной колонизации, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоуверенность и привычка вмешательства затмевает здоровую государственную политику и задерживает культурную историческую работу в сфере колонизации. Вот почему часто наша колонизация и самое обновление наших колоний не имеют тех успехов и прогресса, которые они имеют на Западе.

Результаты наших территориальных приобретений до сих пор были значительны — у нас заняты огромные пространства новых земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизация не сделала никаких успехов и была робкою. Занятие Сибири от Урала до берегов Тихого океана с Камчаткой, русской Америкой и островами в весьма короткий период было немалым подвигом, обнаружившим нашу колонизационную способность не ниже других народов. Дух старого землепроходца, дух пионерства, протурения троп не умер и до сих пор в русском народе; русские переселенцы идут впереди путешественников, впереди военных отрядов и посещают неведомые места Средней Азии, вроде Черного Иртыша, вершин Енисея и Лоб-Нора*, и тем не менее результаты нашей колонизации слабы, хотя порывы широки. Несмотря на вековые заселения, наша азиатская территория все еще остается пустынною и слабо за-

* Г-н Пржевальский, посетив озеро Лоб-Нор, узнал, что здесь были и прожили зиму русские раскольники-переселенцы.

селенно. Физические условия были слишком неодолимы в новой стране, а культурные силы населения слишком слабы. Когда-то сообщение с Сибирью через Уральский хребет происходило раз в год, движения совершались по рекам, население, обремененное ямской повинностью, разбегалось, поселенное насильно на трактах — вымирало. Все усилия правительства были сосредоточены в первое время — установить сообщения по главным дорогам и соединить раскиданные передовые посты русской оседлости, намеченные в завоевательный период. Большею частью сама колонизация была осуждена служить средством заселения трактов и проведением путей. Это видно из существующего распределения жителей по Сибири. На поселения по трактам в самой населенной части края выпадает $\frac{1}{5}$ часть жителей, вообще же в Тобольской и Томской губерниях $\frac{1}{4}$ населена по дорогам. В некоторых округах, как Каптяском, на почтовом тракте 93,31% жителей округа. Таким образом, редкое население, тянувшееся нитями по длинным сибирским дорогам, едва связывает отдаленные пространства, куда закинула история русское население. Несмотря на борьбу с расстояниями и усиленное проведение путей во все прошлое столетие, сообщение в крае представляет огромные трудности. На всю огромную территорию в 240000 квадратных миль мы видим с запада только один торговый путь в Сибирь, соединяющий Азию с Европою через Урал. На всем громадном протяжении южной сибирской границы существуют только четыре торговых прохода, обширные промежутки между этими пунктами не проницаемы для внешней торговли. Юг Сибири отделен обширными степями на тысячи верст как от Средней Азии, Туркестана, так и внутреннего Китая. На Востоке, несмотря на прилегающий океан, существуют только три значительных порта, и вся береговая полоса остается мертвым пространством. Еще более безлюден север Сибири с устьями величайших рек в мире, текущих с юга. Таким образом, страна даже с внешней стороны кажется уединенною и недоступною, а население отрезанным; немногие дороги составляют только первую брешь, пробитую в этот замкнутый мир. Что касается внутренних трактов, то они также едва намечены предшествовавшей колонизацией. Мы видим одну транзитную дорогу, тянущуюся на расстоянии 6000 верст, пробитую якутской торговлей среди пустынных местностей. Сообщения в сторону, по проселкам, представляют первобытные пути среди дебрей и болот; местами эти дороги в

лесах превращаются в тропинки для верховых, а во всей лесной и кожной гористой Сибири сообщения и перевозки тяжестей производится верхом, выюками. Алтай представляет образец выючных дорог: проезды здесь среди скал даже верхом совершаются с опасностью жизни. В общем, население, располагающееся лишь по некоторым рекам и главным трактам, составляет не более как тригонометрическую сеть, или едва намеченные черты будущей колонизации; промежутки же этой сети составляют пустыни*. Редкость населения Сибири обнаруживается тем, что Тобольская губерния, превосходящая более по пространству самую значительную из губерний российских, занимает, однако, сороковое место по густоте населения и заключает всего 46 жителей на квадратную милю, Томская губерния — 64, то есть области, как Амурская, где приходится один житель на квадратную милю. Предоставляем судить о сравнительной населенности, когда в некоторых губерниях России приходится по 2500 и по 2000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже некоторые местности Средней Азии, выполненные кочевым населением, как, например, Туркестан, являются гуще населенными, чем остальные сибирские губернии.

Обратим внимание теперь на пространства, доставшиеся нам в удел для колонизации. Одна Томская губерния, обладая 15688 квадратными милями, или 752068 кв. верст, составляет 18% пространства всей европейской России, превосходит европейские владения: Великобританию — в $2\frac{1}{2}$ раза, Пруссию — в 3 раза и Францию — в $1\frac{1}{2}$ раза. Тобольская губерния имеет 26749 кв. миль, или 1295788 кв. верст (с областями вся Западная Сибирь заключает 61296 кв. миль). Если мы представим себе хотя часть этого пространства, а именно: всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, способную, безусловно, к заселению, населенную так же, как Европа, то мы получим, что край этот может пропитать не менее 51360000 жителей, если же населить ее подобно Франции и Англии, то гораздо больше. Между тем все нынешнее население Тобольской и Томской губерний равняется всего 2861100. Вся же Сибирь, по недавним сведениям, имеет едва 4500000 душ русского населения. Ввиду этого нельзя не признать, что заселение Сибири, принимая во внимание ее

* Мы позволим себе попросить обратить внимание на карту Сибири, где остаются такие огромные пространства незаселенные, как пространство между Иртышом и Обью, к северу от Тары на Нарын и Томск, наконец, весь Алтай, степи, значительная часть Маринского округа, не говоря уже о Восточной Сибири.

уже трехсотлетнее существование, шло весьма медленно. С ограничением попыток свободного переселения правительство когда-то думало достигнуть увеличения населения ссылкой в Сибирь, но опыт этот, как доказывают история ссылки и существующее ее положение, не привел ни к каким результатам. Ссылка наполняла Сибирь бездомным, несчастным пролетариатом, который не воздвиг оседлого гражданского элемента, но постоянно вымирал. Ссылка оставляла едва $\frac{1}{5}$ людей на местах, остальные исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина. Попытка колонизации Сибири осмысленными должна, таким образом, скоро прекратиться в интересах страны. Полезно сравнить в этом случае успехи заселения новых земель европейцами. Американские Штаты благодаря привлечению свободной колонизации обладают уже 40000000 населения. Австралия, получившая в 1788 году 757 человек ссыльных, ныне благодаря свободной эмиграции имеет более 2000000 свободных граждан. Даже Канада имеет население 3672116 человек.

Чтобы понять, насколько европейские колонии обязаны увеличением своего населения свободному притоку колонизации, достаточно указать, что одни Соединенные Штаты приняли с 1820-го по 1870 годы семь миллионов пятьсот пятьдесят тысяч переселенцев!

Результаты нашей колонизации показывают, что роль наша в Сибири еще далеко не окончена. Положение наших окраин и их пустышность удостоверяют в чувствозной потребности колонии наши слабы, бессильны и бедны. Мы далеко не воспользовались всеми выгодами наших территориальных приобретений. Между тем такие выгоды могут быть извлечены для населения при одном условии заселения пустынных пространств. Из всего этого остается вывести одно заключение, что период наших расселений и колонизации, как и задачи ее, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономический кризис и восстает уже грозный призрак малоземелья, тогда переселения и колонизация должны возбудить особое внимание. Нужды нашего крестьянства от малоземелья уравновешиваются избытком земель в других местах, и если народ-

пый инстинкт сам научился удовлетворять своим потребностям путем переселений, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На волах местам Сибири народ находит удовлетворение своим насущным потребностям в земле. Остается, стало быть, направить только колонизационное движение и воспользоваться уже существующей склонностью к переселениям народа — к выгоде настолько же населения, как и к пользам государства.

Сибирь и наши северо-восточные владения Азии в этом случае представляют многочисленные выгоды. В Сибири весьма много свободных земель, представляющих все удобства для земледелия и скотоводства, следовательно, гораздо больший выбор этих земель для переселенца. По характеру страны здесь есть местности степные, лесистые, земледельческие равнины и горные пространства; климат разнообразен, начиная с сурового севера, кончая южными широтами южного Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семиречья и Амура; все это может удовлетворить привычкам самого разнообразного населения, начиная с малоросса, кончая архангельцем. Далее, Сибирь представляет полную возможность просторного экстенсивного хозяйства, обширность лугов благоприятствует скотоводству; во многих местностях население может пользоваться почти по 60 и 100 десятинам на душу. Обыкновенный надел равняется от 18 до 21 десятины, но при перелогах дается вдвое. В Сибири большинство земель государственных, исключая только горноалтайское ведомство, где кабинетские земли оплачивают шестирублевым оброком с души, сколько бы кто ни владеет землею. Наделение переселенцев землею поэтому переходит в вечное их пользование совершенно бесплатно. Для государственных крестьян в Сибири еще не совершен окончательный надел, да и едва ли может быть скоро совершен, так как огромные пространства остаются еще не обмежеванными. Приобретение государственных земель без особенной платы и ренты составляет драгоценную особенность Сибири перед всеми другими местностями. Переселенца, привлекаемый в другие места на земли собственников-землевладельцев, не пользуется такими выгодами; самое привлечение переселенцев обусловлено выгодами и барышами бывших помещиков, а рента или выкуп земли ставит переселенца в зависимое и часто кабальное отношение к владельцу земли. Доход от земледелия идет не на поощрение земледельца и усиление его хозяйства, но на по-

требую земледельца, причем улучшение земли и труд, прилагаемый к ней, становится достоянием только лица, которому принадлежит земля; Поэтому привлечение переселенцев на плательческие земли есть прямой расчет оптим, окупленный ограничением хозяйств и дохода других. Не обременяемый рентой и платой землевладельцу переселенец в Сибири получает, наоборот, полную возможность расширить свое хозяйство, приобретает весь доход из земледелия в свою пользу, и таким образом все благоприятствует здесь его свободному труду и широкому применению сил.

Кроме выгод переселенца, с колонизацией Сибири выдвигаются и экономические выгоды государства: государству выгоднее иметь колонию заселенною, чем пустынною, естественные богатства которой остаются доселе нетронутыми; в три столетия мы едва коснулись природных даров ее и коснулись, должны сознаться, самым перасчетливым образом. Между тем мы видим, что переселенцы из европейской России, селясь между старожилами, вносят улучшенные способы хозяйства и культуры, которые заменяют прежние способы захвата и истощения почвы. Увеличение населения в Сибири будет содействовать развитию промышленности, созданию фабрик и заводов, для чего доселе недоставало на окраине рабочих рук. При богатой природе, прекрасной почве и дугах, при огромных залежах минералогических богатств Сибири может приносить в сто раз более дохода, чем теперь. Привлечением переселенцев усилятся в Сибири русский элемент; колонизация придаст ему более прочности, стойкости и окажет большее влияние на инородцев, способствуя их гражданственности. При обладании инородцев над русскими, мы видим ослабление и вырождение русских. Там, где русское население в Сибири преобладает, мы видим поглощение, ассимиляцию инородцев. Перевес русского населения на Востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии. Он даст возможность развернуть национальные силы, создать действительную гражданственность, которой недостает нам при всех наших завоевательных стремлениях. Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность. Приступить к этому нам становится тем необходимым, что знатские государства, как Япония и даже Китай, начинают выходить из положения застоя и при помощи европейского алья-

ния могут явиться серьезною силою. Инстинкт цивилизации не может быть чуждым и им, и раз ступив на этот путь, они пойдут по нему неизбежно в силу необходимости. Мы не можем уже более пренебрегать нашими владениями на Востоке и их культурною хотя ради того, чтобы не отстать пред остальными азиатскими государствами. Задачи, оставшиеся для будущего, приблизиться к нам незаметно, и час деятельности на нашем Востоке пробил.

Имея в виду перечисленные выгоды и весьма серьезные указания, мы должны обратить всю энергию на колонизацию Сибири, воспользовавшись всеми благоприятствующими для этого условиями времени и обстоятельства. Пропущенное нами время до сих пор должно быть наверстано.

От свободы переселений в Сибирь и прочного водворения переселенцев будет зависеть вся будущность этого края, его культурные успехи и развитие. Мы разумеет, конечно, переселение свободного земледельческого класса России. Весь вопрос в том, пожелаем ли мы иметь этот край населенным, цветущим, полным жизни или по-прежнему оставим его безжизненным и пустыней. Что касается Сибири, то ее интерес — стремиться всеми средствами привлечь переселенцев и содействовать устройству колонистов, так как это условие ее питания, роста и приобретения жизненных сил в будущем.

Ссылка в Сибирь и положение ссыльных

VI.

Ввод на Сибирь как страну ссылки. — Важное число ссыльных. — Экономический быт их. — Нравство и брадобитие ссыльных. — Поезда. — Преступления ссыльных. — Стоимость ссылки. — Влияние ее на сибирское общество. — Завлечение местных жителей. — Отказы о ней администрацией. — Простые отзывы ссылки.

Весьма недавно еще с понятием о Сибири соединялось непременно представление о месте ссылки, не более. Заблуждение это доселе еще сохраняется в русском обществе к несчастью Сибири и задержке ее развития. Огромных усилий стоило в последнее время разубедить русскую публику, что здесь не одно сборище преступников, но довольно давно уже вполне сформировавшееся гражданское население и место для жизни полноправных граждан. Сама ссылка в гражданской жизни края давно отошла на второй план и приносит не столько пользы, сколько вреда Сибири. Обширная литература накопилась в последние годы по поводу ссылочного вопроса и значения ссылки. Мы лично много лет принимали участие в борьбе против ссылочной системы и ее последствий. Обрисовка положения ссыльных и их роли, изложенные в настоящей главе, укажут, чем является ссылка в Сибири.

О количестве и самом состоянии нашей ссылки обыкновенно до сих пор судили по числу выслаемых ежегодно в Сибирь преступников; единственные сведения, которые мы могли получить о них, — это ведомости Приказа о ссыльных, удостоверяющие, сколько прошло уголовных преступников через рубеж России в Сибирь. Цифры ежегодно отправляющиеся в Сибирь ссыльных казались нам довольно внушительными, чтобы сделать заключение о довольно видном значении ссылки в деле колонизационном. По позднейшим сведениям, число ссыльных доходит до 19000 в год — контингент довольно значительный. Прежде

ссылка равнялась от 6000 до 9000. Это дало повод заключить, что с начала нынешнего столетия, лет в 50 с лишком, ссылка дала Сибири полмиллиона народа. По естественному приросту она должна была обрести в этот период более одного миллиона жителей; такой контингент лиц не мог остаться без пользы для малонаселенной Сибири. Далее, мы думали, что население это должно было внести известный труд в край и содействовать его экономическому преуспеянию. Ссыльные, естественно, должны были населять его и обзаводиться здесь хозяйством; таким образом, ссылка, исключая из общества вредного члена, делала из преступника честного и благонадежного работника. Избавляя одну страну от вредных и опасных элементов, устранив других силою кары и угрозою депортации, мы давали другому краю новую кровь, трудовые силы, и самое зло, так сказать, претворили в добро на другой почве. Вслед за высылкой на Урал мы были убеждены, что все наличное население ссыльных пахнет на лицо, обзавелось хозяйством, семьею, крепко водворилось здесь и благополучно производит потомство. Вот те заключения, которые могли быть сделаны насчет нашей ссылки и которые действительно были сделаны. Все это дало повод заключить об особенных преимуществах этого наказания и той пользы, какую приносило оно России. Наказание это считалось, таким образом, каранзем и исправлением, очищением общества от дурных элементов и полезной колонизацией нового края. Оно удовлетворяло и суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа, наконец, гуманистов, предпочитавших его душной тюрьме, так как здесь ссыльные несут наказание и работают на чистом воздухе. Оно обольщало даже утопистов, желавших наказание сделать совсем нечувствительным. Какое-то бы, что соединение уже столь противоположных свойств, в сущности и на деле вытекающих друг друга в самом принципе, могло бы породить некоторые сомнения в его действительности и осуществимости, но на самом деле оно содействовало обольщению, соединило около себя только массу защитников ссылки и усыпило общество. Вслед за успокоением, что мы имеем полмиллиона ссыльного населения за Уралом, мы уже не заботились справиться о том, насколько находится в наличности это население, чем оно занимается и какова судьба его. Только при начале порочно-ссыльной реформа и после удостоверения писателей и этнографов, побывавших в Сибири, как, например, Достоевского, Львова, Максимовича, Д. Замятина, Рованского и других,

мы узнали, что жизнь ссыльных и «несчастных» в Сибири далеко не находится в удовлетворительном состоянии. Отдельные картины жизни каторги и ссылки, а также частные описания ее безнадежного положения в Сибири не могли, однако, удовлетворить нас вполне. При начале реформы естествен был вопрос о состоянии ссылки в целом ее совокупности и на основании самых достоверных данных. В самом деле, принимаясь за реформу, нужно было себе представить, что реформировать и почему реформировать?.. К сожалению, таких-то данных и недоставало до последнего времени. Желая отчасти поглотить этот пробел, мы взяли за статистическое исследование напей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тем недостатком сведений, какой имеется по этому предмету, и были поставлены в затруднение отыскать самые источники, из которых могли бы ими пользоваться.

Единственные сведения, которыми у нас привыкли руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльных, дающие знать, сколько уличенных преступников прошло через рубеж Урала из России в Сибирь. За этим рубежом, спустя момент перехода, как о числе, так и о положении ссыльных мы уже не имеем никаких сведений; самые ведомости Приказа о ссыльных — о количестве ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разрабатываемы и публикуемы вплоть до исследования г. Алучина, кончившегося, к сожалению, 1846 годом*.

Ссылка в Сибирь ведет начало с XVI века; являясь сначала мерою исключительною, она скоро получила значение меры облегосударственной и в XVII и XVIII столетиях занимает видное место в ряду наказаний**. Высылка людей в каторжные работы в XVIII столетии направлялась не в одну Сибирь, а в Рогервик и другие места. Число высылаемых в Сибирь однако не приведено в известность. Более точные известия о ссылке появляются с начала XIX столетия, и то именно с 1807 года. В это время ссылка доходила до 2035 чел. в год, но к 1823 году возросла до 6667, а в 1824 — 1827 годах она достигла 11000 чел.

* Далеко пожалеть, что труд г. Алучина по второй своей части исследованный гораздо позднейших и гораздо интереснейших для истории ссылки до сих пор не мог появиться.

** В число первых ссыльных были в 1593 году при Федоре Ивановиче удельские жители, судимые по делу убийства царевича Дмитрия и отправленные в Пермь. В 1653 году повелено было указом смертную казнь для воров и разбойников заменять ссылкой.

счетов. Причиной такого возрастания ссылки были указы об озапечении крепостей и обращении в Сибирь как малонажных преступников, следовавших в военную службу, так и бродяг (полное собрание законов, том XXXVIII, №№ 2818 и 29328); в следующее десятилетие ссылка несколько уменьшается, колеблясь между 6000 и 8000 ежегодно, но затем опять начинает возрастать, доходя до 10—11 тысяч ежегодно. }

Ссылка в Сибирь, расположенная по десятилетиям с 1823 года, т. е. со времени, когда приказ о ссыльных (бывший в Тобольске, ныне перенесенный в Тюмень) мог только учитывать число препровождаемых, представляет следующую картину:

С 1823 по 1832 —	слано было преступников	98725 чел.
С 1833 по 1842 —	"	86550 "
С 1843 по 1852 —	"	69764 "
С 1853 по 1862 —	"	101238 "
С 1863 по 1872 —	"	146380 "
С 1873 до 1877 (за 5 лет)	"	91257 "
	Всего	393914 чел.

Рассматривая увеличение нашей ссылки по периодам, мы замечаем, что ссылка наша с 1853 года особенно возрастает, против 1843 — 1852 годов она увеличилась на 31474, с 1862-го по 1872 — на 45142 и, судя по пятилетью с 1873-го по 1877 год, давшему 91257 чел., она должна будет подняться еще более и дать к 1882 году наименьшее 182514 чел., но цифра эта будет по всей вероятности более. Таким образом, рост ссылки от 30000 до 45000 в десятилетие не подлежит сомнению.

Затем, может быть, желательно обратить внимание и на ежегодное число ссыльных в Сибирь.

Из отчетов приказа, мною лично проверенных и подлинниках, оказывается, что ссылка еще в 1866 году равнялась 10776 чел.; с 1856-го по 1866 гг. цифра не поднималась выше 10 и 11000, исключая 1863 — 1865 года, когда переехала ссылка политическая, принявшая во внимание польское восстание. С тех пор распределение ссылки приказом возросло к 1876 году до 19063. По навигационному же отчету главного инспектора тюменско-ачинского тракта, препровождено было в Тюмень арестантов 20482 чел.

В 1877 году препровождено 19042 чел. и распределено 17424.

В 1878 году препровождено 19972 чел. и распределено 17760.

Таким образом, наша ежегодная ссылка доходит, как показывают точные сведения, до 19000, даже при вычете обранных, следующих из Сибири арестантов (318).

Такое быстрое увеличение числа ссыльных, с 10000 на 19000, невольно останавливает внимание и не может не возбудить некоторых опасений за размеры этой ссылки. В одно десятилетие она почти удвоилась. Принимая же во внимание, что с 1807 года ссылка была по 2035 чел. в год, с начала нынешнего столетия видно, что она удеситерилась. Все это не может не возбудить вопроса: до каких же размеров она дойдет в будущем?

Одно неоспоримо, что ссылка у нас растет невероятно, и трудно предвидеть ее пределы, до которых может она разрастись. Мы пользовались ссылкой, немало не стесняясь, в видах карательных, как и предупредительных, в форме уголовной, как и административной. По вычислению г. Анучина, в 20 лет, с 1826-го по 1846 г., более половины ссылки приходится на лиц, высланных административным порядком (79909). Позднее на один Амур прошло 12 штрафных солдат. Кроме того, масса людей высылается по приговорам сельских обществ, для поощрения чего в последнее время достигаются значительные суммы всеми земствами. Из этого видно, что ссылка, как наказание, практиковалась у нас во многих случаях за неимением тюрем, арестантских рот, рабочих домов и создала обширный параллелизм в уголовном кодексе. Ссылка по суду до последнего времени играет меньшую роль, чем ссылка административная в Сибирь.

Число ссыльных, идущих по категориям, располагается в следующем виде за последние десять лет, с 1867-го по 1876 год:

Каторжных		18582
Ссыльных	на поселение	28382
Сосланных	на водворение	23383
"	на жительство	2551
"	в административном порядке	78686
		<u>151584</u>

Из этого видно, что административная ссылка преобладает в последнее время перед всеми прочими категориями ссылки по суду и составляет большую половину всей ссылки — факт, также обращающий на себя внимание.

Таким образом, ссылка должна рассматриваться у нас как мера предупредительная и как замена массы других наказаний, очень незначительных по сущности, и еще как мера колонизационная, необыкновенно широко применяемая во всех случаях.

Итак, допуская, что ссылка наша с последними годами обнимает более полумилиона душ (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимает и миллион), нам остается спросить, где эти полумиллиона народа, насколько они сохранились и каково их приращение в Сибирь. Это для нас будет, без сомнения, гораздо важнее цифры высланных. В этом случае чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличным числом всех сосланных, переселенных и водворенных в Сибирь. К сожалению нашему, мы нашли менее всего обмелетий по этой части в нашей официальной статистике. Некоторые уверяют, что число приписанных сосланных в Сибирь, числящихся по официальным отчетам, равно 202854 человека. Нисколько верна эта цифра, мы не беремся судить, приняв за основание самостоятельные изыскания. Цифра приписанных сосланных, однако, может быть измерена по сведениям приказов о сосланных, распределяющих их на место поселения, и по губернским отчетам. Из губернских отчетов за 1873 год видно, что на каждую из четырех главных сибирских губерний числилось сосланных поселенцев от 40 до 50000 человек; в Иркутской губернии считалось до 1873 года 40000 человек*. В Томской губернии по губернаторским отчетам — 50000 человек; в Забайкальской области за 1870-й и 1872 г. сосланных числилось 21335; в Якутской области 2987**. Таким образом, на все губернии Сибири с областями и Амурским краем можно считать числящихся водворенными на поселение до 209000 человек и прибывающих ежегодно на губернию около 3000***. Заметим, кстати, что сведения эти крайне противоречивы и неопределенны; но самое важное то, что число людей, считающихся по официальным спискам, далеко не составляет числа действительно налично существующего населения. Многие частные исследователи, как Пейзен, д-р Ширек, производивший исчисление приписанным поселенцам в Верхотурском округе, доказали, что налично сосланных может считаться едва 1/3 часть. Теперь это подтверждается и другими официальными данными, по отношению к целым губерниям. Уже к 1872 г. во время статистической переписи Иркутской губернии оказался недочет в 15987 душ. Это объяснено было тем, что в официальные сведения вносились всюду все население, приписанное к известному участку, а в статистическую перепись попало

* Памятная книжка Иркутской губернии за 1873 г., стр. XI.

** Восточная Сибирь, календарь 1875 г., стр. 136, 137.

*** В 1873 году в Енисейскую губернию и течение года прибыло сосланных 2619. В Томскую губернию — 2234 человека.

лишь одно названное население. Убыль, по мнению статистического комитета, произошла оттого, что масса лиц находится в безвестной отлучке с места причисления и что эти отлучки касаются исключительно на 40000 ссыльного населения! (Пам. кн. Иркут. губернии 1873 года, XI). Позднейшие официальные данные еще более разяснили дело. Подворная опись по Иркутской губернии ясно определила громадный недочет ссыльнопоселенцев против числившихся по спискам. Начальник Иркутской губернии генерал Шалашиков лично убедился, что налицо их едва $\frac{1}{3}$ часть на месте; затем столько же уволены на заработки, а большая половина в бегах и неизвестной отлучке, нередко со дня прихода своего в участок. Для более точной проверки были командированы, наконец, особые чиновники в три округа: Нижнеудинский, Балаганский и Иркутский, которые донесли, что в этих окрестях *нет более двух третей ссыльных*. Из 10378 душ, приписанных и числящихся в волостях, оказалось в наличности только 1994 души обоего пола, 2476 уволены на заработки, а остальные 5561 человек в бегах. Другие сведения подтверждают, что на 45000 приблизительно ссыльного населения только тысяч 14 живет в местах причисления, около 10000 находятся на промыслах и заработках, остальные — в безвестной отлучке. Есть волости, как Манзурская, в которой из 2400 причисленных поселенцев живут только 300, но указываются цифры, когда вместо 5 и 7 тыс. в волости приписанных ссыльных окажется 200 и 300, как видно из огзынов местного начальства о положении ссыльных и их отлучках; то же подтверждается и во всей Сибири.

По показаниям тобольской администрации, в 1875 году ссыльных в Тобольской губернии числилось по спискам 51122, находилось же в наличности 34293, то есть недоставало 16829 человек.

В Томской губернии считалось 29675 чел., а находилось налицо 25024, то есть недоставало 4651 чел.]

При этом та же администрация удостоверяла, что в Тобольской губернии считается до 13226 чел. в неизвестных отлучках, а в Томской губернии — до 1450 чел.

По последнему учету, произведенному в Томской губернии особо командированными чиновниками, оказалось, из 28828 числящихся на причислении ссыльных 9796 лиц в неизвестных отлучках, то есть $\frac{1}{3}$ часть не находится налицо.

Для более тщательного исчисления ссыльных была, кроме того, произведена подробная перепись ссыльных по волос-

тям, одной из округ, причем оказалось, что в 11-ти волостях Западной Сибири из 14722 причисленных ссыльных находилось только 6277 в наличности, то есть недоставало 57%.

Все это едва ли говорит за колонизационное значение ссылки при существующих условиях.

Оно приводит к заключению, что наличное ссыльное население в Сибири составляет громадную разницу с числом высланных сюда и числом приписанных по волостям. Мы видим, что, кроме числа вымиравших по дороге, бегущих с пути, оно уменьшается против приписки немедленно по прибытии от каких-то причин на $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{4}$. Таким образом, из 200000 мы вправе считать наличными едва 40 и 60 тыс. остающихся в местах ссылки, а вместо указываемых 500000 ссыльных во весь период и миллиона, выросшего путем рождения, которые, как мы предполагали, обогатили Сибирь, нам представляется 400000 потерянного и неизвестно куда девшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина совершенно обратная и крайне неутешительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всяком случае, недочет целыми десятками тысяч, который ныне является доказанным, не может не заслужить внимания.

Увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно, как указывают факты. Это доказывается, во-первых, тем, что до настоящего столетия и вплоть до двадцатых годов ссылка была ничтожна по численности. Второе — беспорядками этой ссылки, самым составом, возрастом и отношением между полами в среде ссыльных, которые нимало не способствовали плодovitости, размножению и приросту населения в Сибири. Наконец, пропорцией ссыльного люда к числу других жителей Сибири, как прежде, так и ныне. Уже Сперанский, въехав в Сибирь и собрав все сведения о составе и количестве ссыльного населения, делает следующие открытия в одном из своих писем. «... Не думай и не позволяй себе думать, — пишет он, — чтобы Сибирь заселена была ссыльными и преступниками. Число их как капли в море, их почти не видно, кроме некоторых публичных работ. Невероятно, как вообще число их маловажно. По самым достоверным сведениям, они едва составляют до 21 т. в год, и в том числе никогда и десятой части нет женщин. Со временем я издам таблицы, которые удивят просвещен-

ную Европу»*. Сперанский, кажется, заключил по этому о ничтожной преступности в России. Таблицы, изданные г. Анучиным, подтвердили эту ничтожность ссылки в прежнее время. Эти же таблицы указали на состав ссыльных по возрастам и полам. Средняя продолжительность жизни поселенцев в Сибири не могла быть более десяти лет, так как все они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами**. Затем, самая пропорция ссыльных женщин не соответствовала мужскому населению, так как ссыльные женщины составляли $\frac{1}{8}$ часть, если 18 женщин приходилось на 100 мужчин, и $\frac{1}{8}$ часть их была старше 40 лет***. Притом, самый характер женского населения, как мы укажем ниже, далеко не был благонадежен и благоприятен бракам. По позднейшим сведениям о пересылке за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщин проходило ссылаемыми партиями через Тюмень $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{7}$ на число мужчин****. Ссыльные редко обзаводились семейством в Сибири. Существующие исследования указывают, что ссыльное население в Сибири решительно не увеличилось; так, например, свидетельствует г-н Гегемейстер в статистическом обозрении Сибири, предприятием по распоряжению министерства внутренних дел.

О существующем распределении контингента ссыльных и их отношении к числу местного населения можно иметь некоторые позднейшие сведения по губерниям. В списках населенных мест Томской губернии, изд. центрального статистического комитета за 1868 г., приводятся следующие, довольно полные цифры о числе и составе ссыльных в губернии. Каторжных, приписанных на поселение, водворенных на льготе, в цехе слуг, с женщинами и детьми, числилось всего 34915 человек; из них было 21622 м. п. и 13293 ж. п. Из подробной таблицы в списках видно, что собственно ссыльные составляют 77,1%, их дети — 21,4% и по воле приведенные с ссыльными женщины и дети — 1,5% всех ссыльных. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., в частности, на 100 д. муж. пола собственно ссыльных по 53,3 женщ.; на 100 мальчиков 88,1 девочек. *Из общего числа ссыльных наибольшую категорию*

* Ист. свед. о деятельности гр. Сперанского в Сибири, Вагина, 1872. Т. I, стр. 76 и 77.

** Анучин. «Материалы для уголов. стат. России». Тобольск, т. 1, стр. 44.

*** Анучин. «Материалы для уголов. статист. России». Ч. 1.

**** Табл. прик. о ссыльных, опублик. в № 171, 1875 г. «Голос». С 1870 г. и по 1877 г. преступников прошло 81519 мужчин и 4745 женщин. Добровольно следует за ними в год на 13000 м. 2035 ж. и 3976 детей.

составляют брешью, именно 42,4%, приписные — 27,1% и поселенцы — 5,3%. Распределение по округам является далеко неравномерным, особенно в Томской губернии; в округах: Томском их 51,4%, из числа распределенных в губерниях, то есть более половины; в Мариинском — 28,2%; в Казанском — 19,7%; в прочих округах — 0,7%; в Барнаульском горном округе зато нет ни одного сельшого. На число всех жителей губернии приходится сельских по округам: в Томском — по 12,6 души на 100 обоюго пола, общего населения; в Мариинском — 19,3 и в Казанском — 7,8 на 100*.

О распределении сельских и числе их в Иркутской губернии дают понятие последние сведения иркутск. статистическо-го комитета за 1873 год. На 100 жителей общего населения губернии, считая всех приписанных на поселение в губернии: в Иркутском — 15,3%; из этого числа женщины только 4,7%; в Батаганском — 9,1% , из этого числа женщины 1,6%; в Нижнеудинском — 15,5%, женщины 4,7%; Верхояленском — 4,3%, женщины 1%; Киренском — 3,6%, женщины 0,7%. Вообще сельские составляют 10,7% из 100% общего числа жителей губернии, из коих 7,8% мужч. и 2,9% женщин**. Из этого распределения видно, что губернии, наиболее населенная сельскими, содержат весьма довольно ничтожный контингент по отношению ко всему другому населению. Надобно помнить притом, что это далеко не полное число сельских, а только фиктивный максимум, числящийся по спискам. На каждую из сибирских губерний приходится сельских, как видно по подшефшим сведениям:

В Тобольской губ.	1228433 жит.	59000 сельск.	то есть 4,8%
В Томской губ.	1032599	28800	2,9%
В Енисейской губ.	427517	45000	10,5%
В Иркутской губ.	383573	40000	10,4%
В Байкальской обл.	488000	21315	4,3%
В Якутской обл.	242001	2987	1,2%

На всю Сибирь, таким образом, можно положить 198122 сельских, а на все находящееся свободное русское население — 5,2%. Распределение сельских неравномерно как по губерниям, так и по округам. В некоторых местах они скучены до чрезвычайности; в Казанском и Мариинском округах Томской губернии они составляют почти $\frac{1}{4}$ населения и могут ввести в заблуждение о значении ссылки в Сибирь;

* Списки населен. мест, изд. центр. стат. ком., т. LX, Томск. губ., 1868 г.

** Памятная книжка Иркут. губ., изд. стат. комит. 1873 г., стр. XII.

зато в иных округах их нет совершенно, точно так же, как и в целых областях, так, например, в Семипалатинске, в Камчатке, в Охотском крае, в Акмолинской области и т.п.

Лотных сведений о приросте ссыльных путем браков и рождений разительно не собиралось до сих пор, поэтому о состоянии ссыльных мы не имеем точных сведений; но, судя по причинам, препятствовавшим размножению и пометству ссыльных, можно заключить, что прирост этот был ничтожен. А причин, препятствующих плодovitости, было множество, как-то: 1) преобладание между ссыльными холостых, остающихся таковыми на целую жизнь; 2) поздний возраст; 3) преобладание между ссыльными старых и старых, в огромном проценте, как показывает Томская губерния; 4) запрещение бракам вступать в брак первые пять лет; 5) затруднение браков для каторжных; 6) разрыв браков при отсылке в Сибирь; 7) нерасположение ссыльных к бракам с семейной жизнью; 8) нерасположение туземцев заключать браки с ссыльными; 9) преобладание в ссыльном населении проституции, развитие болезней, сидения и многое другое. Все эти причины составляли и составили препятствие размножению ссыльнопоселенцев и парализовали его.

Поэтому все исследователи приходили к заключению, что прирост здесь был незначительный*. Зато есть неопровержимые свидетельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до последнего времени и называется во время пересылки; пересылаемые арестанты заболевают в партиях и нередко на дороге их поражают целые эпидемии. В 1873 году еще доносилось енисейское начальство, что между арестантами появилась такая тиф, что больницы были переполнены, больные заражали конюю, врачей и окружающих арестантов, больных было 1156 человек и умерло в одной больнице 109 человек. Далее идет смертность ссыльных в ссылке под влиянием бедственных условий быта на сибирских привокзалах, где смертность более, чем в других местах, ряд скоростных смертей, которые на ссыльных выпадают по преимуществу, и, наконец, погубитель во время бегов и исчезновение людей в неизвестности во время бегств и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется в Сибири: пропал, так пропал! Но в конце огромный

* К этому выводу пришел в «Статистическом обозрении Сибири» г. Гайдебюстер и исследователь сибирский колонизации г. Пейзен. Массовый рост сибирского населения, достигавший ныне 3500000, объясняет одну причину путем рождаемости свободного населения и главное безучастие ссылки.

дефицит ссыльного населения ясно показывает, как велики подобные потери людской. Что касается едущих за ссыльными жещина и детей, то о них известно и выяснено только два факта. Между женщинами замечается нравственное падение вследствие пребывания в партиях, и в Сибирь они являются не способными к семейной жизни; что касается детей, то они поражают сыростью в пути, недавно из Москвы еще отпразднили арстантские дети, зараженные корью, и разносивши эпидемпо*. При отсутствии медицинской помощи на баржах и пароходах, на этапах и во время пешеходного странствия по Сибири смертность эта постигла паготину всех детей. Нечего говорить, что подобные условия никогда не способствовали сохранению и целости даже существующих ссыльных семейств.]

Все это дает нам повод предположить скорее о вымирании ссыльных, чем о их приросте, что подтверждается вполне нечетом числящегося по спискам населения, которого вместо прибыли оказывается на $\frac{1}{5}$ менее. (Всякое предположение об их семейственном приращении привело бы иначе нас к заключению, что они в объеме $\frac{1}{5}$ всего числа исчезли куда-то с женами и детьми.)

Обратимся теперь к самому положению и жизни ссыльных в Сибири, которые лучше всего откроют нам современное состояние ссылки и дадут понятие о значении этого наказания, как оно проявляется в действительности.]

Неутешительное и бедственное положение ссыльных давно уже свидетельствуется многими исследователями; нам остается остановиться на самых позднейших и — как менее всего оспоримых — официальных донесениях. Лучшим свидетельством быта ссыльных мы сочли нужным представить извлечение из отчета о быте ссыльных Иркутской губернии, доставленного ревизором иркутских поселений. Записка эта касается современного положения ссыльных в волостях и степени их зажиточности и оседлости в месте приписки. Всех ссыльнопоселенцев в экономическом отношении иркутский ревизор делит на два главных разряда: «домовладельцев» и «бездомных». Из домовладельцев одни занимаются хлебопашеством, другие ремеслами и т. п. Вторая категория бездомных большей находится в сельских работниках у крестьян на сроки или по денно, наконец, занимается ремеслами, и третья категория — ищущие. Домовладельцев вообще очень мало, пишет ревизор; так, на-

* Известие из Тюмени. «Голос», № 283, 1874 г.

пример, к Кимельмейской волости из 496 ссыльных, проживающих в местах причисления, насчитывается лишь только 109 домохозяев; из них только 59 сами хозяева-хлебопашцы, остальные живут в работниках. Большая часть домов — лачуги, разваливающиеся от времени; хлебопашество производится в чрезвычайно малом размере, много-много, если поселенец засекает 4 десятины. (Надо заметить, что при сибирском хозяйстве крестьяне засевают вдвое и втрое болос), то есть столько, сколько нужно для прокормления его с семейством; избытка хлеба для продажи почти не бывает. Редко у кого можно найти несколько штук рогатого скота: большая часть имеет по одной лошади и корове, но есть и такие, которые и того не имеют, а нанимают лошадей у крестьян на время полевых работ. Вообще, положение поселенцев-хозяев далеко не удовлетворительно, притом многие из них имеют большие семейства, по 5 и более человек детей. Редкие исключения значимости представляют эти поселенцы, бывшие долго кабатчиками, или вынесенные что с приписков. Поселенцев-работников в описываемой волости было 236 человек, и из них 200 человек живут срочно у крестьян, остальные нанимаются временно на разные работы и идут в пастухи, сторожа и проч. Эти последние обязанности исполняют старые и болезненные люди, не способные к тяжелому труду. Из числа 236 чел. работников только 15 имеют кое-какие дома. Обыкновенно хороший работник в этой местности получает в год 70 рублей я, кроме того, обувь и верхнюю одежду; но хороших работников-поселенцев очень мало, и большая часть из них — люди пожилые, слабосильные, потратившие свои силы в острогах и по большой сибирской дороге. Поэтому и оценка труда их очень низкая: многие из них получают не более 30 рублей в год, другие еще меньше. Некоторые выговаривают у хозяев себе присевки, то есть обременение с четверть десятины земли семенами хозяина. Если положение поселенцев-домохозяев неудовлетворительно, сообщает режизор, то положение работников-поселенцев можно назвать бедственным. Проходят годы тяжкого непрерывного труда, а он, работник, не сберет сам ни копейки из получаемой платы; притом это обуславливается способностью сибирского крестьянина кабанить работника. Такой закабаленный бесправен; работник получает деньги в праздники от хозяина «на пропой» и ежегодно находится в долгу. Поэтому большинство предпочитает быть поденщиками, хотя заработок их ничтожен: рублей 50 в год, что

елва хватает на прокормление. Ремесленники в волости имеют следующий заработок: дерзвенский портной — 30 копеек в день, на хозяйских харчах, сапожник — 30 копеек, кузнец, плотник и столяр выработывают даже более рубля в день, по-видимому, достаточно; но, во-первых, работа бывает непостоянная, случаются долгие перерывы по недостатку заказчиков; во-вторых, ремесленники большей частью пьяницы, поэтому и их быт неудовлетворителен. Другие же, как, например, пастухи, караульные сторожа, получают вознаграждение, еле достаточное на пропитание, а некоторые живут из одного хлеба. Наконец, в каждой волости находится несколько десятков положительно неспособных ни к какому труду, это — старики, дряхлые, немощные, калеки, например, слепые, хромые, разбитые параличом, они терпят и голод, и холод — *холод* потому, что летом и зимой ходят в одних изорванных лохмотьях, и *жизнь* — когда болезнь, сильный мороз принудят их сидеть в избе, лишенных возможности собрать христовым именем несколько кусков хлеба.

Все это относится, однако, до положения поселенцев, обжившихся в Сибири, осевших и составляющих культурный класс. Это, конечно, меньшинство поселенцев. Еще интересные замечания иркутского ревизора о поселенцах льготных и только что приписанных; он приводит просто цифры их пребывания налицо, которые служат достаточной характеристикой этих людей. На выдержку гзаты 1869 и 1870 годов: всех вновь приписанных в эти годы к означаемой волости поселенцев было 555 человек, из них уволено по билетам на золотые промыслы и другие работы 193 человека, живут на месте, приписаны — 125, умерли 12 и *в неизвестной отлучке* 225 человек; следовательно, из всего числа поступивших только *одна четвертая часть проживает в местах водворения, и половина почти неизвестно где находится*. Всех же ссыльных находится в отлучке в упомянутой волости 645 человек. Самовольные отлучки, по мнению иркутского ревизора, объясняются происхождением приписанных ссыльных. Указанные 555 человек ссыльных происходили: 21 из рядовых, сосланных за неоднократные побеги из службы, 8 киргизов, 9 из крестьян, а остальные все *бродяги, судимые и сосланные за бродяжество*. Таков контингент, из которого предполагалось сделать оседлое население в Сибири. Заметим, кстати, что по преступлениям ссылаемые за бродяжество составляют главный контингент ссылки: так, в 20 лет в Сибирь было сослано 48556 бро-

дят, что составляет $\frac{2}{3}$ всего числа преступников (Анучин). По свидетельству иркутского ревизора ссыльных, бродяги, происходящие большей частью из беглых солдат, скрывающих свое прежнее происхождение, и из ссыльных, возвращенных снова в Сибирь, представляют по преимуществу нравственно испорченных людей. Ко всякому даже малейшему труду они чувствуют отвращение; как наблюдатель, автор записки свидетельствует, что подобные бродяги, содержась в тюрьме, прятались под нарами, как дети, чтобы не выйти почистить двор. Для бродяги, вкусившего всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело приняться за топор, соху, борону, поэтому большая часть бродяг скорее занимается на золотые промыслы, предаваясь золоткам и разгульной жизнью; но на промыслах надо работать, и бродяга бежит с прискоком большею частью даже во время следования туда, пропивши и заботок, и одежду интимателя. Не являясь на место приписания из боязни быть возвращенным на прискок для отработки задатка, он уходит в бега, бродит по Сибири, ища легких средств пахивы, и там, где подобные бродяги появились, начинаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинах бродяжничества, свидетель удостоверяет, что не раз слышал рассуждение бродяги, что «жить на одном месте ему тошно», да и не к чему «особенно привязываться к месту»; ведь он хотя и «бесшабашная» голова, да одна, поэтому и не для чего ему и трудиться; он «несчастный», обречен самой судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь где-либо в закоульях Сибири. И действительно, большая часть поселенцев, происходящих из бродяг, ведет безобразную жизнь; к тому же первые пять лет по прибытии в Сибирь им запрещено вступать в брак самим законом (650 ст. Уст. о пасп. и беглых).

К довершению картины положения ссыльных ревизор поселений рисует нам отношения туземцев и крестьян к ссыльному населению. Он говорит, что поселенцы жаловались на стеснение, причиняемое им крестьянами, и на недружелюбные отношения к ним. Ревизором приводятся по этому поводу в пример несколько разобранных им жалоб, из которых видно, что крестьяне довольно пристрастны в жизни к поселенцам. Бывший крестьянский голова выстроил конюшни, привлекув их к поселенческой избытке, и не обратил внимания на его жалобу, что ссыльный будет жить как крот, в темноте. Когда поселенец обратился к крестьян-

скому сходу, то, вместо удовлетворения, получил предложение перенести дом на другое место. Другой крестьянин вывез себе из леса приготовленное поселением «дранье» (тес), воспользовавшись неопытностью ссыльного, не сделавшего на дранье условленных знаков по местному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили их сбором, так называемым рекрутским. Некоторые из ссыльных предъявляли претензии, что они не избавлены от постоя в их домах проходящих рекрутских партий и несут эту повинность наравне с крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсеместно, прибавляет ревизор, поселенцы жалуются на стеснения в наделе пахотной землей и сенокосами, чем и объясняют свое нерасположение к хлебопашеству. Они говорили, что им отводят лесную чащу или землю кочкватую, требующую неимоверных усилий для обработки, вследствие чего большая часть ссыльных нанимает готовую уже расчищенную землю, а между тем в распоряжении почти каждого сельского общества находятся огромные залежи разработанной земли, никем не занятой, остающейся после смерти владельцев или по другому случаю без употребления. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагают лучше отдавать землю внаймы за деньги, чем наделить бесплатно поселенцев. В некоторых местах ссыльные жалуются также на принуждение их к отбыванию повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльных поселенцы в виде льгот избавляются от этих повинностей до приписки их к обществу. Все жалобы поселенцев, адресуемые к крестьянским сходам и к сельским властям, оказывалось, остаются без последствий или решаются не в их пользу.

Вообще, крестьяне относятся к поселенцам враждебно, пишет ревизор: как только поселенец поправит свое состояние, они начинают завидовать ему или чаще подозревать его. Говорят обыкновенно, что поселенец кого-нибудь ограбил, нажал деньги фальшивыми бумажками, и инут разные способы разорить его. Поселенцу предоставляется один выход — кабального труда у крестьянина, и труд этот, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина и сельскую управу остаются без удовлетворения, а при жалобах хозяина — поселенца обвинят, хотя бы он был прав. Сверх того, хозяева-крестьяне расправляются часто с работниками соб-

ственноручно. Апелляции для поселения нет. У крестьян сложилась поговорка: «Вартаку, — как накликают крестьяне ссыльного соотрафанина, ругаясь и жуя, — веры нет».

Приводимые печальные отношения к ссыльным, раскрываемые лицом, вполне достоверным, показывают нам, во-первых, прежде всего, что происхождение ссыльных немало не забывается в новой местности и в новом обществе, как предполагала цель этого наказания и как были уверены теоретики до сего времени. Пример отношения к ссыльным в Сибири мог быть объяснен одним продуктом грубости нашего крестьянства. Но такое недружелюбное отношение к ссыльным проявлялось и в других несравненно более развитых обществах, как, например, в Австралии, из одного уже смещения элементов общества честных граждан с людьми, заклейменными законом, опозоренными да вдобавок и на самом деле сомнительного нравственного характера. Если подобное предубеждение возникло в Сибири, в среде крестьянства, не могшего по своему развитию понимать, что уравнение и сожительство с ссыльными не бесчестит их, то оно показывает, что здесь были более ощутительными и действительными причинами. Один уже состав преступников указывает на их сомнительные нравственные достоинства, почему крестьянство и не могло пронасмотреть уважением и признать их за одинаковых себе сограждан. Повеление ссыльных в Сибири, их победы, преступления и средства наказания вдобавок также не показывали их благонадежности. Все это заставляло в общем установиться такому взгляду среди местного крестьянства, который прямо вытек из опытов, и потому самое предубеждение имело некоторое основание. В заключение, трудно было бы от одного сибирского крестьянства требовать особенно возвышенных, гуманных отношений к преступнику и забвения всего его прошлого, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и с этим же клеймом приписывала к крестьянскому обществу. Но в жесткости этих отношений была и но одна тенденциозная сторона: горечь их увеличивалась тем, что местное сибирское крестьянство несет ссыльным огромные траты, повинности и тяжести, налагаемые ссылкой, которых не может не чувствовать; они заключались в пошловых, различных земских повинностях по препровождению ссыльных, по содержанию в волости до устройства их, в оплачивании их содержания в больницах, в различных хлопотах при приселении ссыльного. При ограждении своего имуще-

ства и интересов от подобного пришлого и незнакомого населения, надо сознаться, все-таки не совсем безопасного; при всех этих налогах, обременениях и заботах, налагаемых ссылкой, крестьянство не могло остаться к ссылке хладнокровным, а к самому ссыльному — дружелюбным. Утвердившись в среде крестьянства предубеждения и враждебные отношения вообще к ссыльному не могли не отражаться в частности, без сомнения, многими несправедливостями — это обусловливалось в общем убытками и затратами крестьянских обществ, стремившихся выместить чем-нибудь на ссыльном, как и бесправным положением последнего, представлявшим простор и возможность его стеснения. Вследствие этого, воззрение на ссыльных установилось в крестьянстве почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствие прочного положения у ссыльного, отсутствие всякого имущества и его бесправное положение, обусловливаемое лишением всех прав состояния, создали для него такое зависимое положение в деле изыскания труда, которое повело прямо к кабале. Ссыльный, даже при желании заняться трудом, становится на необходимость соглашаться на все условия крестьянина. Условия эти крайне невыгодны: ссыльный не имеет никаких гарантий, что труд его оплатится. В самих общинах, наносимых хозяином, он не может найти управы. Все это не столько поощряет его, сколько отвращает окончательно от труда и побуждает к бродяжеству. Оставив деревни старожилов, ссыльные отправляются искать по Сибири более выгодного заработка; поэтому они стремятся массами на прииски, где, однако, встречают тот же кабальный труд, только в более грандиозных размерах. Положение это рисуется следующими чертами у автора «Списков населенных мест в Томской губернии»:

«Ссыльные, не имеющие оседлости, составляют большинство; они живут преимущественно в рабочихках у старожилов или переходят для работ из одной деревни в другую; но самая главная их масса нанимается ежегодно на золотые прииски. Результатом подобной жизни людей этого разряда бывают по большей части крайняя нищета и преступность. В большинстве случаев это происходит от разгульной бездеятельной жизни самих поселенцев, но частью же от равнодушия и даже некоторого презрения к ним старожилов, которые не называют их иначе, как «варнак», техническое слово, выражающее «мошенник». Главной ловушкой для ссыльных служат золотые прииски, привлекающие их тем, что, проработав менее полугода, можно воз-

справиться с деньгами, тем более, что задатки даются весьма хорошие. Однако же заработки кончаются почти всегда тем, что ссыльный не только не приносит с собой денег, но даже не имеет возможности возвратиться в место своей приписки. Насм и работники к старожилкам не менее гибелен для ссыльных. Старожилы задатками и обещаниями устроить по временам жизнь ссыльного удерживают его год за годом только до тех пор, пока ссыльный имеет силы работать; по истощении же сил отказывают такому работнику, не только не устроив его будущности, но даже иногда не заплатив следуемых денег»⁴.

Кабальные отношения и несправедливость к поселенческому труду, таким образом, вошли в обыкновение в Сибири во всех отраслях занятий. Довершением характеристики быта ссыльных по губерниям и их положению могут служить отзывы местных губернаторов в их ежегодных отчетах. Начальник Томской губернии в 1873 году доносил, например, следующее: «Всех ссыльных в губернии находится 50000. Экономический быт ссыльных не изменился и по-прежнему находится в жалком положении. Большая часть этих людей, отвыкнув от трудовой жизни, по прибытии на место ссылки на имеет оседлости и ведет жизнь почти бродячую. Оседлость приобретают те только из них, которые приходят сюда с семействами и приносят с собой материальные средства для первоначальной домообязательства. Отношение ссыльных к коренному населению хотя и не враждебное, но тем не менее всякий сибиряк смотрит недоверчиво на ссыльного, а ссыльный — на сибиряка, и оба они недолгобливают друг друга».

В заключение томский губернатор характеризует особенный нрав ссыльных в округах и обременение ими волостей. При скоплении ссыльных последствием является то, что многие ссыльные при недостатке заработков впадают в новое преступление и делаются никому не годными членами общества; поэтому начальник края находил бы нужным приостановить на десять лет снабжение губернии ссыльными.

Вопрос об устройстве быта ссыльных занимал постоянно высшее начальство, которым, по соглашению с местным, принимались различные меры к прочному водворению их на местах поселения. Енисейский губернатор пишет: «Устранялись казенные поселения из ссыльных, выдавались и до сих пор выдаются возвратные и безвозвратные пособия; были устраняе-

⁴Списки населенных мест Р.И., изд. центр. статистич. комит. Т. LX, Томск. губ., 1868 г., стр. LXXVI.

мы дома и цехи слуг, ходатайствуется о разрешении ссыльным приобретать недвижимое имущество», но все припритавшиеся меры не привели к оживляемой цели, и вопрос этот до сих пор остается открытым. В настоящее время путем различных запросов лицами, хорошо знакомыми с бытом ссыльных и их отношением к коренному населению, добыты только сведения, подкрепленные цифровыми данными, которые свидетельствуют, что коренное население, как сельское, так и городское, страдает от постоянного наплыва ссыльных, несет за них тягости, а взамен не получает ничего, кроме массы преступлений и забот о поддержании существования уже не способных ни к каким работам по изнурению, старости и т.п.] Из цифр, приведенных в статье «Народная нравственность», очевидно, что громадный процент преступлений падает на ссыльных, к тому же самых важных, в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут. Без всякого участия ссыльных это население вследствие преступности их по необходимости несет обязанность устраивать и поддерживать волостные и сельские тюрьмы, разыскивать повсюду арестантов, держать над ними караул, отбывать этапную повинность, наряжать облы, поивтых и т.д. Кроме того, большая половина дел в волостных правлениях суть дела по злodeйствованию ссыльнопоселенцами, а расходы на содержание этих управлений, простирающиеся до весьма значительной цифры, лежат исключительно на крестьянах. Наконец, поселенцы, признанные не способными к пропитанию себя, хотя и получают ежегодно пособие из переселенческого капитала в размере 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попечении крестьян, так как за невозможностью существовать на полученное пособие обращаются к нищенству. Таким образом, поселенцы с самого вступления в Сибирь, еще полные сил, в редких случаях обращаются к труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояние, а по большей части поддерживают свое существование работой случайной, неопределяемой, переходя с места на место, что погружает их к бродяжничеству, или же занимают на золотые промыслы, захватывают там хорошие лены, но употребляют их по окончании операции на пьянство, разгульную жизнь, слова занимают и остаются на промыслах до старости или полного упадка физических сил от изнурительной работы. С наступлением же этих периодов расходятся по деревням и селениям для нищенства».

Иркутский губернатор в тех же отчетах приводил, что положение ссыльных находится неустрашимым до последнего времени. Положение поселенцев, как по значительности числа их, так и по разбросанности и по затруднительности регулирования этой бродячей массы, представляет более трудности и часто совсем лишает администрацию возможности принять какие-либо меры к улучшению быта этой части населения, тем более, что и средства администрации крайне ограничены.

Еще более безутешным представляется положение ссыльных в Якутской области, по отчёту ее начальника. Ссыльно-поселенцы Якутской области в поселениях никакого хозяйства не имеют; не знакомые с образом жизни якутов и языком их, они никак не могут сжитья с ними и потому при первом случае уходят на присски Олекминского и Кирейского округов. Большинство из них, бездомных, нисколько не заботится об обеспечении своей будущности, и заработки пропадают немедленно в кабаках. В деревню они возвращаются после нескольких лет, истощенные физически, увечные и дряхлые, где живут скитальчеством и нищадничеством. С 1873 г. прибыло на поселение в область 115 скотов и 534 человека башкир, но устройство их невозможно, так как башкиры не имеют собственных средств на устройство. Они претерпевают во всем недостаток; скоты также бедствуют. Сверх того, якутский начальник просил о прекращении ссылки старых и дряхлых сектантов, богаделен для которых нет достаточно, а содержание их для правительства дорого (36 р. 50 к.). Таким образом, из всех отчетов местного сибирского начальства оказывается, что быт ссыльных находится далеко не в удовлетворительном состоянии. Большинство ссыльных не находится являю: значительная часть из них не имеет никакого имущества и домообзаведения, ведет бродячую жизнь, условия труда дурны и стеснительны, средства обеспечения скудны; даже у притисанных и оседлых ссыльнопоселенцев преимущественно господствуют бедность и нужда. Безветственное положение ссыльных, обреченных в большинстве на бродячничество и нищенство, свидетельствуется в заключение накопляющимися на них недонками. По официальным отчетам означено, что в Томской губернии недонка на ссыльных простирается до 41015 рублей. В Енисейской губернии всего недонки считалось в 1873 г. 65572 р. Большая часть недонки считается на ссыльнопоселенцах и крестьянах из поселенцев, как

выражается отчет. В Иркутской губернии только в четырех волостях за ссыльными числилось в 1873 г. недоимок 20783 р. Недоимки эти обуславливались тем, что ссыльные не имели собственности и никаких средств обзавестись хозяйством, присутствием дряхлых и старых, приписанных к обществам, пребыванием ссыльных в неизвестной отлучке и, в заключение, отказом крестьянских обществ принимать эту недоимку на свой счет, так как приписка совершается без согласия общества. Но, кроме податных недоимок, несостоятельность ссыльных характеризуется хлебными долгами и ссудами из хлебных капиталов. Хлебной недоимки на поселенцах Иркутской губернии ведения экспедиции о ссыльных числилось 2256 р., тогда как на крестьянах только 940 р.; на ссыльных более, чем на инородцах (Памятн. книжк. Иркут. губ. 1865 г.). Все это доказывает, что наши ссыльные во все время пребывания в Сибири обречены на бедственное существование. Понятно, что при таких условиях никогда не было достигнута и исправление; напротив, должны были проквитаться результаты обратные.

Экономический быт ссыльных уже потому не может быть удовлетворительным, что ссыльные ничем не обеспечиваются и их приписывают к деревням и городам, оставляя пропитываться, как они вдумают. Понятно, что ссыльный без всяких средств, встречаемый не всегда дружелюбно, в среде, совершенно незнакомой, не может сразу приискать занятий, если бы и хотел; при этом надо принять во внимание, что масса ссыльных кочевников не способна к труду, так как это и было в большинстве причиной их преступления. Ничего нет удивительного, что масса ссыльных находится без занятий, бродяжничает и нищенствует.

К 1876 году из 51122 чел. ссыльных по Тобольской губернии показано 13226 в бегах и 9689 чел. без определенных занятий.

Обзаведшихся домами ссыльных в Тобольской губернии в 1877 году считалось 11325 чел., то есть $\frac{1}{4}$ часть.

В двух губернских ссыльных на попечении сельских обществ состояло 1347, свободных от платежа податей — 14287, наконец, количество недоимок за ссыльными достигает ныне 661718 р., не считая 9000 р. хлебной недоимки и 23930 р. за лечение. Недоимки эти в большинстве признаны безнадлежными.

Произведенная проверка ссыльных в Томской губернии обнаружила, что на 28828 чел. ссыльных только 3445 чел. занимаются хлебопашеством и 20824 чел. не имеют ровно никако-

го имущества; недоимки за ссыльными считается 191496 рубл. Недоимки эти накапливаются, несмотря на предоставленную ссыльным в первые годы льготу. Такие данные в общем итоге по губерниям далеко не рекомендуют быта ссыльных. Рассматриваемый в частности, он представляется не более утешительным. Экономический быт ссыльных, по произведенной переписи в волостях, так выражается цифровым способом: на 100 ссыльных приходится: семейных — 44%, домовладельцев — 22% и земледельческих хозяйств — 13%. Затем на 100 ссыльных: 57% считается в отлучках и только 43% — налично. Из числа последних: старых и увечных 15% и нищенствующих — 7%. Что касается положения ссыльных в городах, то быт их является еще более безотрадным. Из приговоров мещанских обществ в сибирских городах видно, что ссыльные в большинстве пребывают в праздности и ниществе и едва 16% из них живет оседло. Перепись по некоторым городам обнаружила, что на 100 ссыльных: 67% находится в неизвестной отлучке и только — 33% налично. Из этих последних: 8% живет на квартирах, 10% — на заработках, 10% — в услужении, остальные 15% — бездомные пролетарии, «не имеющие не только пристанища, но и одежды».

Нам остается прибавить, что все до сих пор принимавшиеся меры и попытки улучшения быта ссыльных, начиная с организации их по деревням в 1809 г. и кончая проектами Сперанского и уставом о ссыльных, не привели ни к чему.

Местная администрация никогда не в силах была справиться с массой присылаемых ссыльных и была занята исключительно только рассылкою и распределением их по деревням. В этом состоит роль ее до последнего времени. Год от году увеличивающаяся ссылка принесла только беспорядок. Печальный быт ссыльных остается все тот же, что и сообщается в ежегодных отчетах.

Дурные материальные условия жизни ссыльных поселенцев создали из них пролетариат, который породил и много другие явления в Сибири, а именно: нищество, бродяжество и побег ссыльных. Что касается нищества поселенцев, то оно является обыденным и обыкновенным, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлых и неспособных ссыльных содержится самим правительством на казенном вспомоществовании и в богадельнях. Недостаток этих богаделен, однако, постоянно вызывает

жалобы местного начальства, большая часть нищенствующих живет на счет сел и городов. Некоторые города жалуются на обремененное их нищенством; так, в 1870 г. в «Томских губернских ведомостях» мы встречаем «Мысли об уничтожении бродячества и нищих в городе»; статья жалуется на скопление нищих, бродяг и высчитывает те суммы, которые несет местная благотворительность. Полагая самую умеренную сумму по копейке с каждого дома на нищих, и то образуется сумма в 8 000 р., но в некоторых домах выходит до 10 руб. и более в год, пишет автор. Из нищих встречаются и мелкие ворюжки, причиняющие ущерб жителям; затем между ними находится масса детей без призрения. Факты эти привели местного исследователя к мысли об основании целого нищенского учреждения и рабочего дома, куда соединить всех нищенствующих ссыльных, так как это было бы дешевле для города и полезнее для нравственности самих нищих («Томск. губ. вел.» в 1870 г., №20). Это показывает, что даже местное общество, при беспорядочности нашей ссылки, начало приходить к мысли об устройстве какого-нибудь исправительного заведения (своего рода пенитенциарного заведения) для блуждающих ссыльных. Бродячество и нищенство по деревням, конечно, менее подлежат учету, но несомненно, что содержание масс нищенствующих сводится к значительным пожертвованиям. В некоторых деревнях крестьяне для проходящих поселенцев строят и отводят особые избы и содержат на свой счет провозящих ссыльных, нередко снабжая их в первое время и домашними принадлежностями. Проходящие беглые, до 30-ти тысяч в год, исключительно ложатся на счет крестьян. Количество этого бродячества, судя по отлучкам ссыльных из волостей, засвидетельствованных официальными данными, огромно. По паспортным книгам Иркутской губернии выдано было поселенцам видов для отлучек 9195, но масса поселенцев уходит без всяких паспортов или, имея их только на первое время для отлучки, совершенно исчезает. Под влиянием тех же неестественных условий в среде ссыльных рождаются побег; побег эти идут с каторги и с поселения; причинами их являются, как доказано, для каторжных — дурные условия на каторге, отсутствие строго устроенных мест заключения, отсутствие всякого надзора и безнадежность самих каторжных достигнуть когда-либо лучшего положения. Что касается до бегств ссыльнопоселенцев, то они обусловлены отчасти контингентом преступников, из которых присылается большин-

ство уже готовых бродяг и людей, не способных к труду, дурными материальными условиями, встречаемыми тотчас на месте поселения, отсутствием всякого имущества и связей в месте поселения, невыгодными и несправедливыми отчислениями казального наемного труда, полной бесправностью ссыльного в месте поселения, дающею повод его притеснить, беззащитностью ссыльного при бессрочной ссылке и тоской по родине. Бегства из Сибири начинаются уже из ссыльных партий и с дороги. Так, например, по свидетельству военного министра, известно, что при пешей пересылке всегда оказывалось 15% беглых на 120000 передвижных арестантов. Переход от бродяжества к бегству у ссыльнопоселенцев является естественным; для ссыльнопоселенца малейший повод дает случай к бегству; нанимающиеся па приписки бегут с них и не возвращаются в места приписки из опасения быть высланными назад, и это их разом делает беглыми. Значительная часть ссыльных не знает, что делать в Сибири, и по привычке к скитальчеству, наконец, под влиянием чувств, влекущих их, естественно стремится в Россию. Бегство поселенцев, не имеющих никаких препятствий, гораздо значительнее даже бегства каторжных. Есть доказательства, что из одной губернии, Енисейской, в три года ушло в бега до 6000 поселенцев. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостям контингент приписанных ссыльных, равный $\frac{1}{2}$, должен считаться в большинстве на долю беглых. Как мы приводили, по последней поверке, в четырех иркутских волостях из 10378 душ числится 5651 в бегах, кроме уволенных на заработки. В Мансуровской волости той же губернии из 2400 приписанных поселенцев только 300 живут на местах приписания, до 500 человек — на золотых промыслах и частных работах, а остальные 1600 человек — в неизвестной отлучке, то есть в бегах. Местами на 5000 поселенцев приходится только 300 в наличности. Судя по этим исчислениям по волостям, нужно положить почти половинное число на каждую губернию ссыльных отсутствующих. На некоторые губернии число это доходило до 20000, а на весь контингент ссыльных в Сибири — до 100000. Число это было бы ужасно для беглых, если бы оно не заставляло в себе безвестно пропавших в бегах и погибших; доказан и известен, кроме того, тот факт, что масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли, как зверя. Это дало повод одному из наблюдателей сибирской жизни заметить даже, что если бы кре-

стьяне не уничтожали беглых, то с ними едва ли Сибирь могла бы справиться (Д. Завалишин, письма о Сибири, «Моск. вед.» 1865 г.). Погибель, самая страшная, массы людей таким путем заслуживает внимания даже более, чем усиленная смертность ссыльных. Исчисление бродяг показывает приблизительно, что число пропавших без вести, то есть погибших в лесах, должно считать до $\frac{1}{2}$. Таким образом, на существующий в живых и постоянно передвигющийся контингент беглых приходится положить не менее 30000 — 40000. Число пойманных ссыльных в Сибири и в России могло бы дать некоторое понятие обо всем количестве побегов, но, к сожалению, данные эти не везде известны, отчетности им не велось, и они не сведены ни к какому общему итогу. Что касается Сибири, то собрание этих сведений затруднялось тем, что ссыльные беглые судились различными ведомствами, а именно: пракарскими судами, судом военным, где побег сопряжен был со значительными преступлениями, наконец, полицейскими управлениями, которые исключительно разбирали бродяг. Поэтому число беглых не вошло ни в судные ведомости, не вошло оно и в какие бы то ни было статистические отчеты. Значительная часть беглокааторжных просто высылалась назад на заводы. Однако значительность беготы из Сибири свидетельствуется тем, что с 1827-го по 1846 г. в числе ссыльных в Сибирь, по сведениям тобольского Приказа, означено было 18328 возвращенных сибирских беглых. По отчетам, опубликованным г. Максимовым из ведомостей сибирских заводов, видно, что со всех заводов каждое десятилетие бежало 12929 человек, ловили же и возвращали их только 2730 чел. В девять лет в Сибири было поймано 13788 бродяг мужчин и 3528 женщин. Беготы из Сибири не прекращаются и до последнего времени. К 1 января 1859 г. считалось во всех нерчинских заводах не возвращенных из бегов ссыльнокааторжных 3104 и 508 горных служателей. В беглах оказывалось, таким образом, 24% всех ссыльных. По сведениям 1869, 1870 и 1871 гг., представленным чиновнику министерства внутренних дел Власову при ревизии сибирской каторги, видно, что с кары нерчинских привисков из числа 7462 чел. бежали 1016. Вообще с Амура, с Сахалина, с забайкальских каторжных работ за это время из 10228 каторжных бежали 1430 чел. Процент беглых местами доходит до 50.

По имеющейся официальной таблице Иркутского солеваренного завода за несколько лет, которую мы могли добыть,

видно, что с 1860-го по 1870-й из 2999 рабочих процент беглых растет ежегодно:

В	1860	25 %
*	1861	9 »
*	1862	18,5 »
*	1863	28,5 »
*	1864	32,5 »
*	1865	32,5 »
*	1866	90,5 »
*	1867	53,5 »
*	1868	37,5 »
*	1869	45 »
*	1870	41 »

Таким образом, можно убедиться, что были годы, когда с Иркутского солеваренного завода уходило из 100 человек 90!

Причины побегов с каторги до сих пор не устранены и находятся в связи с ее недостатками и неустройствами, на что оссылаются местные власти. Последние сведения о положении каторги, заимствованные нами из официальных отчетов, рисуют следующую картину*. В 1873 году на нерчинских рудниках было 2758 ссыльнокаторжных; большая часть их употреблялась на золотые промыслы кабинета. Ссыльношторжные только испытываемые содержатся в тюрьмах, а разряда исправноидущих, по имени помещенных, живут вне тюрем, в собственных домах и по квартирам у других ссыльных и обывателей. Здания, в которых содержатся каторжные, ветхи и тесны; та же теснота в казармах конной, которая не дает возможности держать три сены. Больные преступники помещаются в здания, которое находится в разрушенном состоянии; вследствие такого положения тюрем присутствовало к выводу из даргинских промыслов «богдешахи» в числе 300 человек. Бежало с заводов ссыльнокаторжных в этом году 585 человек, а возвращено из бегов 28. Кроме того, в Забайкальской области взято 372 бродяги. В течение года ссыльнокаторжными сделано было 50 преступлений.

В Иркутской губернии ссыльнокаторжных в 1873 году считалось 1867. Они содержались на солеваренных заводах, Иркутском и Усть-Кутском, железорудном николаевском и частью во вновь строящейся Александровской центральной тюрьме (бывшем винокуренном заводе). В этой тюрьме помещено в конце 1873 года 384 чел. об. п. Каторжные

* Это подтверждается и многими другими данными: отзывами и сведениями, добытыми нами в Сибири при этнографическом исследовании распределения сибирского бродячества (см. Русская община в тюрьме и ссылки Ядронцева).

содержатся частью в квартирах, частью в казармах по неимению порем, вследствие чего побегы значительны. В 1873 году из Иркутского солеваренного завода бежал 321 человек, а из Александровской тюрьмы — 16 человек. В 1872 году из Усть-Кутского, из 110 человек бежали 56.

О содержании ссыльных на Сахалине мы имеем сведения по официальным отчетам г. Власова*.

Таким образом, такие условия каторги при беспорядочном и неустрашенном состоянии естественно вызывали побег. В прежние времена это было столь привычное явление, что начальник завода при приеме партии выкрикивал: «Кто хочет остаться, получай одежду, а кто в бега, тому незначим!» Каторжным предоставлялось на волю оставаться на заводе или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали беглые во избежание преследований, представляла выгоду экономии начальству. Начальство знало, что все равно каторжных не удержишь, результатом явилось, что нет такого опытного каторжного или бродяги, который не был бы уверен, что он уйдет с сибирской каторги. В последнее время это заявляется гласными процессами. Корреспондент одной газеты передает (1875 г.) о следующей сцене, происшедшей 23 января в иркутском окружном суде при объявлении в окончательной форме решения суда беглому каторжнику Гарному (он же Гарманов). Эффектно звеня цепями и поглаживая свою бородку, он спокойно выслушал судебный приговор, обрекавший его на каторжную работу в продолжение двенадцати лет и одного месяца и на семьдесят один удар плетью. Когда был объявлен этот приговор, Гарный, до того времени молчавший, оперся на решетку и повторил:

— Семьдесят одна плеть! Двенадцать лет с месяцем и каторге! Многого-о-е, господа судьи! Строго-о-е!

Ему велели молчать; но Гарный, очевидно, рискуя перед публикой, произнес следующий протест против судебного решения:

— Ведь, пожалуй, и лошадь не вынесет семидесяти одного удара! И зачем меня осудили к нечетке? Почему не семьдесят пять летей? Лучше бы уж дали круглое число, 75, да ровно 12 лет или на 13 годков в каторге бы приказали... Ну, уж суд! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

* Как удостоверено местными источниками, побег с Сахалина также часты, и ссыльные часто перебираются на Амур и далее. Этот прибрежный остров далеко не гарантирует безопасности Сибири.

Гарный осведомился, кто исполнил обязанности старшины, и дал обещание когда-нибудь покороче познакомиться с ним. Такое обещание смутило многих присяжных, вовсе не желавших воспользоваться знакомством с головорезом, который далее потребовал возвращения ему отобранных у него вещей и денег.

Председательствующий г-н Волков объяснил дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровие и полное достоинство, подобающее суду, что вещи и деньги пойдут на покрытие судебных издержек. Гарный, выслушав этот законный ответ, воскликнул:

— Ну, суд! У вора деньги воруют!.. Ну, да ничего: пусть мои денежки полежат здесь в сохранности, по крайней мере проценты накопятся. *Я ведь возвращусь сюда и получу капитал с процентами...*

Бродяжничество в Сибири по последнее время не уменьшается. В одной Томской губернии поймано бродяг:

В	1870 году	1600
•	1871 •	904
•	1872 •	662
•	1873 •	703

В Забайкалье — до 500 человек и т.д.

Это показывает, что бегство и бродяжество ссыльных и каторжных продолжает существовать в Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопрос об этом и предпринятые в последние годы в Восточной Сибири особенные преследования беглых. Даже сам Сахалин не гарантирует от бегства, так как по последним сведениям видно, что с поста Дуэ с 1869-го по 1871 г. бежало до 60 каторжных, через пролив поймано из них 27, убито при поимке 8, а 25 так и нечелн. Один из наших беглых каторжных на Сахалине перерезал целое японское семейство. Все это приводит к заключению, что побег эти не могут быть устранены при настоящей форме и положении ссылки. Постройка каторжных тюрем не прекратит бродяжничества и побегов ссыльно-поселенцев, не могущих примириться со ссылкой. Местные условия Сибири только благоприятствуют этому: обширные пространства, невозможность уследить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягам со стороны других ссыльных, составляющих оседлое население, наконец, терпимость и боязнь со стороны крестьян, обусловленная их собственными интересами, не начинать войны с ссыльным бродячим элемен-

том из опеснения местности поджогами, которыми угрожают ссыльные и случае их поимки; в заключение, администрация в Сибири, как сама сознается, не обладает достаточными средствами и силами бороться с этим явлением, а тем менее прекратить его. Сибирские тюрьмы по тракту до того нахлынуты иногда бродягами, что местное начальство отказывается поместить их, и дается уведомление волостным властям официально «прекратить преследование бродяг». Томский губернатор сделал однажды около города облаву, и в одно утро было взято 800 человек. Такие облавы на беглых, как на волков, устраиваются во всех сибирских городах. Около некоторых деревень Сибири зимуют по 2 и по 3 тысячи скопившихся этих странников; в сибирских тюрьмах сосредоточивается временами по 1000 и по 1500 беглых бродяг. В скатертинбургском замке недавно встречалось по 300 задержанных бродяг из ссыльных, возвращающихся в Россию*. Беглые из Сибири попадают во всех городах России и в Петербурге. С 1867-го по 1873 год, по сведениям петербургского обер-полицеймейстера, было задержано в Петербурге 8015 бродяг, 145 беглых и 276 дезертиров — таково распространение из Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не может быть устранено частичными мерами. Оно находится в связи с неудовлетворительной системою. Некоторые, объясняя бродяжество, как явление мирное, находят его не столь опасным, как другие; но это, во-первых, не подтверждается, ибо преступления бродяг значительны; а второе, во всяком случае, условия жизни, сопряжаемые бродяжеством, и результат его — острог, плети или гибель — едва ли могут считаться нормальными и само явление желательным для кого-либо. Достаточно для того рассмотреть ближе сами преступления бродяг; мы увидим при этом, какое они оказывают влияние на общий уровень нравственности.

Одним из самых печальных результатов неудовлетворительного состояния ссыльных является преступления их, обнаруживающие свое влияние на общий уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносят с собой нравственных элементов, но сторонники ссылки выражают всегда мнение, будто преступники в Сибири с переменою места и среды теряют свои дурные наклонности и становятся нравственнее. Мало того,

* Из Томска от 17 марта 1871 г. писали, что по дороге, идущей в село Богородское (в 60 в. от Томска), было найдено 13 трупов неизвестных личностей. Полагают, что погибшие бродяги — беглые ссыльные. Несчастные погибли во время буранов.

составилось мнение, что Сибирь представляет даже меньшую преступность, чем Россия. Ввиду такого утверждения необходимо проверить, действительно ли это все так. Мы уже видели, что обстановка ссыльных и их настоящее неудовлетворительное положение никак не могло способствовать особенному сохранению нравственности. Тяжкие условия труда, нищета и бедность, отсутствие оседлости, праздность и бродяжество, склонность к побегам не могли не усилить склонности к преступлениям. Точно так же не мог благоприветствовать нравственности ссыльных гелибат, преобладание в нем мужского населения над женским, прелестная жизнь по острогам, долгие этапные странствования по прежним тюрьмам — все это не могло не отразиться на нравах ссыльных. Но оставим все это в стороне и возьмем ссыльного, как человека, независимо от прошедшей его жизни; каково окажется развитие его нравственности исключительно под влиянием условий сибирской жизни?

Обращаясь к мнениям лиц, близко сталкивавшихся с ссыльным населением, к отчетам местного начальства, наконец, к мнению сибирских обществ и крестьянства, мы приходим к заключению, что отзывы эти о нравственности ссыльных в большинстве не особенно благоприятны и не дают права заключить много о их способностях и поведении.

Администрация, управлявшая ссыльными в Сибири, давным-давно высказывала взгляд, не особенно выгодный, о жизни ссыльных и их нравственном достоинстве.

Из позднейших отзывов мы можем указать на следующее. Вот что свидетельствует иркутский ревизор поселений: «Ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и в большинстве пьянствуют. Ссыльные, иногда хорошие работники и ремесленники, по высокой степени своей нравственности, лени и беспечности делаются не способными к постоянному труду, почему и предаются бродячеству или же уходят в золотые промыслы, где работа временная и требует не искусства, а физической силы. С подобными рабочими частная предприимчивость не может двинуться». Такой отзыв привел томское начальство в 1873 году. Енисейское губернское начальство говорит: «Из цифр, приведенных в статье «Народная нравственность», очевидно, что громадный процент преступлений ссыльных в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут». Якутское начальство дает следующий отзыв: «Большинство поселенцев,

находившиеся в заработках на золотых приисках, развратившееся в тюрьмах, каторжной работе, арестантских ротах и во время продолжительного следования их в Сибирь, продолжает и здесь развивать все дурные наклонности. Они несколько не беспокоятся о своей будущности, и все, что зарабатывают на приисках, оставляют в питейных заведениях и снова нанимаются в работу, где и продолжают свое существование до негодности их к работе, нищенству, бродяжничеству и делам преступления». Все отзывы сводятся к тому, что единственный труд, доступный для ссыльных, — золотопромышленный, действует на них исключительно деморализующим образом. Что касается отзывов местного населения, то оно исполнено еще больших предубеждений. Название поселенца всегда намекает в Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведение ссыльных не пользуется репутацией, а труд их чрезвычайно низко ценится по его достоинству. Что касается ссыльных из бродяг, то они совсем оказываются не способными к труду. Местами отношение населения к ссыльному элементу доходит до ненависти. Не доверяя вполне сложившемуся предубеждению, точно так же, как и считая его довольно неточным определением, мы должны, однако, обратиться к более доказательным данным в оценке сравнительной нравственности ссыльных и их влияния на окружающую среду. Единственно бесспорною и определенной меркою здесь могут быть цифры уголовной статистики и сумма преступности в Сибири. К сожалению, таких-то исследований и не доставало. Поэтому нам составило немало труда выделить и добыть некоторые сведения по этой части*.

Несмотря на то, уже некоторые общие данные по уголовной статистике России указывают на участие ссылки в распределении преступлений. Уголовные сведения г. Анучина представляют нам постоянное возрастание преступлений и увеличение преступности от запада к востоку. Максимум этой преступности

* Обыкновенно преступления ссыльных, находившихся в Сибири, смешивались с преступлениями всех других сословий в Сибири. В общей же сумме преступности в Сибири входила и общая игоги преступности всей России. Во-вторых, отчеты о преступлениях ссыльных доставлялись только из судебных мест, между тем как значительная часть преступлений совершенно не входила в счет, так как осужденные и каторжные и особенно бродяги подлежали в Сибири разбирательству различным учреждениям: на каторге — заводскому начальству, на приисках — горному начальству, в городах — гражданским судам, судам военным, полковой судам, разбиранием исключительно бродяг, тюремному начальству и т.д., которые никогда не соединялись в одну ведомость, а о многих до сих пор сведений не имеется.

возрастает в приуральских губерниях. К сожалению, уголовные данные эти кончатся пределом Урала и не охватывают Сибири, которая не вошла еще в нашу уголовную статистику. Но уже первое место по преступлениям, принадлежащее Пермской и Оренбургской губерниям, дело повод заключить исследователю, что развитие преступлений стоит здесь в связи с распространением бродяжества беглых и ссыльных, возвращающихся из Сибири, что подтверждается и цифрами (Анунин, Матер. к угол. статист. России. Ч. I, ст. 188). Это одно уже дает намек, что Восток в деле уровня преступности едва ли поддежит особому исключению, и что положение его не может находиться в лучших условиях, чем соседние с ним губернии. Напротив, возрастающая прогрессия преступности по направлению к Уралу намекает на совершенно обратное.

Число преступлений, сделанных населенцами и каторжными и бывших на рассмотрении судебных мест в Сибири, по сведениям, доставленным в министерство юстиции, считалось в 1867 году — 93 и 1868-м — 98. Первое место занимало по преступлениям ссыльных бродяжество, второе — убийство, третье — воровство, четвертое — зажитательство. Цифра 98 преступлений, однако, составляет, как мы увидим ниже, только ничтожную часть общего числа преступлений ссыльных в Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступлениях ссыльных с 1838-го по 1847 г., взятой, вероятно, из отчетов приказа о ссыльных (таблица эта напечатана ныне в Иркутском календаре на 1875 г., стр. 177). Как ни неполны подобные сведения, но распределение преступлений и в ней показывает, что вслед за бродяжеством, которое мы не вносим в число уголовных преступлений, первую роль играет у ссыльных убийство, вторую — воровство, третью — грабеж, четвертую — подделка ассигнаций. Но для нас, конечно, более интересны позднейшие и более полные сведения. Собственно преступлений, по последним отчетам, во всей Сибири значилось: в Иркутской губернии в 1872 г. — 426, и число осужденных — 160; в 1873 г. число преступлений было 473, число осужденных — 113; в Енисейской губернии по статистике 1873 г. преступлений 1545 и осужденных — 1188 на население в 372000, в Томской губернии преступлений было 826, осужденных — 401; в Забайкальской области в 1873 г. число преступлений 73, число осужденных — 137; в Приморской области за тот же год преступлений 35, осужденных — 102; в Якутской области преступлений 112, осужденных

— 43; в Семипалатинской области преступлений 285, осужденных — 41. (В Семипалатинской области ссыльных нет). По уголовным отчетам, в сибирских губерниях первое место по роду преступлений занимает смертоубийство, второе — подделка кредитных бумаг, третье место — кража, четвертое — нанесение ран. В эти места судебных дел не вошло бродяжество, которое занимает, конечно, первое место в Сибири. Распределение преступлений, как мы видим, совершенно оригинально. В российских губерниях распределение преступлений идет в таком порядке: кража, грабеж, смертоубийство, зажигательство, увечья и раны*. Проявление в Сибири на первом плане таких преступлений, как убийство, грабеж, подделка монеты, нанесение ран, показывает уже на какие-то особые условия проявления преступлений. Нет сомнения, что здесь имеет влияние ссылка. Значение цифр местной уголовной статистики объясняется следующими характеристиками местной нравственности в отчетах губернаторов. Местную уголовную летопись сибирские начальники губернии дополняют следующими характеристиками: поповнясь людьми, не имеющими твердых нравственных убеждений, Томская губерния, как и вся Сибирь, представляет больше всякой другой страны вероятности для проступков и преступлений. Вообще ссылки обнаруживают на нравственность народа самое неблагоприятное влияние, и это влияние тем сильнее, чем более отношение ссыльных к коренному населению. Преступления в Томской губернии увеличились в таком порядке: в 1870 г. их было 639; в 1871 г. — 693; в 1872 г. — 766; в 1873 г. — 826, то есть в год увеличились на 60. Краж было 206; убийств — 100; увечий и нанесений ран — 82. Число преступлений по нарушению устава монетного и подделки кредитных билетов равнялось: в 1870 г. — 83-м; в 1871 г. — 132-м; в 1872 г. — 90; в 1873 г. — 93-м. Фальшивые кредитные билеты входят в губернию путем провоза их арестантскими партиями и проходящими бродягами; часть их подделывается на месте преимущественно ссыльными. Сбыт их производится инородцам и малограмотным крестьянам. Бродяг поймано в 4 года 3869 человек (Томский отчет).

В последнее время собраны сведения о преступлениях, совершенных исключительно ссыльными; причем оказалось из данных за 5 лет, что по Тобольской губернии ссыльные совер-

* См. общ. обз. деятельности судебных мест и статистических сведений о подсудимых, изд. министерства юстиции, 1874 г.

шают ежегодно до 1093 преступлений, по Томской губернии — 1749, причем одно преступление приходится на 28 ссыльных. Воровство, бродяжество и особенно убийство занимают наиболее видное место среди преступлений. Кража — 56%, убийство — 7, 63%, грабежи — 3, 6%, нанесение ран — 3, 62%, подделка кредитных билетов — 2, 25%, бродяжество — 14%. С 1870-го по 1876 г., по собранным сведениям, задержанных бродяг в Тобольской и Томской губерниях оказалось 8047 человек. Число содержащихся ссыльных в тюремных замках за десять лет в Тобольской губернии было 9828, в Томской — 6728. Из 40 и 50 ссыльных ежегодно один бывает в тюрьме за преступление или по подозрению. При этом нельзя не обратить внимание, что округа, где ссыльные водворяются, по удостоверению томского начальства, дают в 5 раз более заключенных, чем округа, изъятые от ссылки, как-то: Бийский, Барнаульский и Кузнецкий. Все эти данные, как мы полагаем, не особенно рекомендуют исправительное значение нашей ссылки, а также не совсем подтверждают теоретические измышления о том, что ссыльный в новой среде при обилии земель в Сибири и благословенном сибирском климате должен возвратиться на путь истины.

Еще более наглядную картину преступлений представляет Енисейская губерния по отчетам губернатора. В течение 1873 г. рассмотрено было в судебных местах 1545 дел; число осужденных в общем населении губернии составляет больше 0,4%, или 4 осужденных на 1000 человек. Против 1872 г. число осужденных болсе на 267 человек и число преступлений — на 554. По многочисленности первое место между преступлениями занимает смертоубийство, составляя 72% в общем числе преступлений; затем следуют: воровство-кража и воровство-мошенничество — 23,3%; нанесение ран и увечий — 15,6%; нарушение уставов монетных — 5,9%; грабежи — 4,6%; преступления по службе государственной и общественной — 3,3%; бродяжество — 2,9%. По сословиям в числе осужденных было дворян потомственных и личных — 1,2%; купцов и мещан — 15,5%; крестьян — 23,5%; военного сословия — 7,3%; инородцев — 13,1%; поселенцев — 30,6% и ссыльнокааторжных — 8,8%. Принимая во внимание, что в числе крестьян есть крестьяне из поселенцев, оказывается, что *более половины всех преступлений совершено уже раз осужденным в российских губерниях населением: поселенцами, каторжными и крестьянами из поселенцев.* Из 507 человек поселенцев и ссыльнокааторжных, осужденных за все преступления,

обвинено: в смертоубийстве — 135 человек, что составит 26,7% общего числа обвиняемых; в воровстве-краже и в воровстве-мошенничестве — 21,1%; в нанесении ран, увечий и других повреждениях — 19,5%; в нарушении уставов монетных — 3%; в остальных 22 разных преступлении обвинено из 507 человек только 65, или 12,9%, следовательно, это привилегное население совершает самые важные преступления.

О преступлениях Иркутской губернии, выпадающих на долю ссыльных, мы собрали следующие сведения: в 1868 г. осуждено было к каторге 19 человек, к ссылке и на водворение — 5 и к исправительным наказаниям — 51 человек. Из числа 19 приговоренных к каторге 11 человек ссыльнопоселенцев. В 1871 г. к каторге приговорено 30 человек, из них поселенцев 26 человек; к исправительным наказаниям — 85 человек, в числе их ни одного поселенца; в 1872 г. к каторге приговорено 42 человека, в том числе 31 поселенец; к исправительным наказаниям — 118 человек, в числе приговоренных 31 поселенец и 39 других сословий. По ведомости о преступлении за 1873 г. видно, что ссыльных осуждено было 38 человек по губернии, то есть столько же, сколько крестьян, не считая осужденных бродяг; все это показывает, во-первых, что число уголовных преступлений в четыре года увеличилось более чем вдвое и, во-вторых, что более важные преступления совершаются исключительно ссыльными*. То же самое обнаруживается и из других ведомостей. В Забайкальской области в 1873 г. совершено

* В дополнение к этим данным имеются следующие сведения. Восемь сибирских тюрьмы, как известно, переполнены ссыльнопоселенцами: из 139 подсудимых арестантов, содержащихся с 1 октября 1874 г. в иркутской тюрьме, 86 чел. поселенцы, 15 — каторжные и только 42 чел. — люди полнопровольные; так, 69% содержащихся арестантов приходится на долю ссыльного элемента; следующая таблица покажет, за что именно содержится большинство поселенцев.

Побеги в бродяжество	35
Кража со взломом	12
Конюшество	8
Убийство	7
Перемена имени и фамилии	5
Нанесение ран	4
Грабёж	3
Подлог	4
Подделка монеты	2
Перевод китайского золота	2
Захват	1
Проникновение по фальшивому виду	1
Оскорбление должностных лиц	1
Разбой	1
Итого:	166

было 73 преступления, из которых главную роль играли убийство, нанесение ран и кража; в течение года ссыльноколотарскими сделано было 50 преступлений; сверх того, судилось поймавших 372 бродяги. О нравственности Якутской области начальник области в 1873 г. заявляет: преступлений в 1873 году, в сравнении с предшествующим годом, увеличилось на 60, и прибавляет, что большинство осужденных — ссыльные, лишённые всех прав состояния за прежние преступления и, как безнравственные, уже раз сосланные в отдалённую область.

Таким образом, уголовная статистика приводит нас к совершенно другим результатам, чем до сих пор предполагалось. Она показывает, что ссыльное население далеко не так добродетельно и нравственно, как думали, а Сибирь далеко не обладает таким спокойствием, как уверяют.

Местная уголовная статистика открывает нам: 1) что преступность в Сибири превосходит все другие местности; 2) лестница преступлений представляет то оригинальное явление, что здесь крупные и самые опасные преступления стоят в первом ряду, как убийство; 3) Сибирь, благодаря ссылке, обладает некоторыми специфическими преступлениями, как-то бродяжеством и подделкой монеты и кредитных бумаг, стоящими: бродяжество — на первом месте перед убийством, а преступление по подделке монеты на втором месте после убийства; 4) усиление преступлений в Сибири год от году возникает в неимоверно быстрой прогрессии. Так, в Томской губернии оно увеличивается ежегодно на 60 по отношению к цифре 600. В Якутской — тоже на 60, в Енисейской возросло в год на 500 с 1000 и в Иркутской увеличилось в четыре года более чем вдвое; 5) в заключение, исчисления уголовной статистики обнаруживают, что преступления в Сибири падают в большинстве на долю ссыльных. Так, по официальному отчету Енисейской губернии, заявлено, что более 50% самых тяжких преступлений совершалось ссыльными. Осужденных из крестьян было 23,54% поселенцев и ссыльноколотарских — 39,04%. В Иркутской губернии отношения осужденных ссыльных к свободным состояниям по тесно-уголовным делам выражаются в таком отношении: сослалось в три года в каторгу 11 ссыльных на 8 крестьян, 24 — на 4, 31 — на 11, и в 1873 г. осужденных было как ссыльнопоселенцев, так и крестьян по 38. Но при этом надо принять еще во внимание число тех и других. Количество преступлений ссыльных распределяется на их число в 40 и 45000, число же преступ-

ников остальных сословий на количество в 327000 и 328000 жителей — это разница огромная. При такой пропорции численное преобладание количества преступлений ссыльных обнаруживает, что преступность между ссыльным сословием является не только не ничтожной, но поразительной. Вот факты, которые не могут быть не признаны знаменательными.

В дополнение к уголовным сведениям и анализу преступлений в Сибири следуют происшествия, публикуемые в «Губернских ведомостях», которые даже дают нам возможность составить себе понятие об особенностях многих сибирских преступлений и их местном типическом характере.

Образчиком преступлений могут быть следующие. «Иркутские губернские ведомости» сообщают, что в Киренском округе в деревне Чугуевой 10 мая в одиннадцатом часу вечера поселенцы (ссыльные): Вулканов, 22 лет, и Мухамед Непомышлый, 50 лет, через вход окна в питейном заведении крестьянина Якова Черкашина вошли в горницу, где спали сам Черкашин с женою, оба пьяные, и дочери их: Анна, 15 лет, у которой были на руках опочиские деньги, и Авлотья, 5 лет. Злодеи изранили прежде всего маленькую девочку, которая вскоре и умерла затем; допытывались денег у Анны, нанесли ей несколько тяжелых ран и, отняв деньги, хотели убить, но в это время проснулся поселенец Воронцов. Узнав его голос, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бежать убийц.

Из Ишима от 28 февраля 1875 года извещали в «Биржу»: «В последний день мясницы, 22 февраля, в нашем городе было совершено зверское, позорное преступление. Пол вечер этого дня к устремленной среди города горе два китайца польезали трос ухарей, схватили в свои сани девушку тринадцати лет и увезли ее за город, несмотря на отчаянные вопли несчастной жертвы. За городом девочка была растлена и изнасилована троем похитителями поочередно. Потом негодяи возвратились в город и выбросили полумертвую девочку на улицу. Полиция, не могшая предупредить зверского преступления, хотя и оказала энергию при розыске злодеев, но девочке это не было утешением: она через сутки умерла в городской больнице».

Недавно из Красноярска было рассказано такое событие. В местной женской гимназии пропала горничная. Вслед затем найдена была на берегу обезображенная голова, косы продеты в уши. Далее, собака таскала по городу человеческую руку. По этим частям узнали пропавшую девушку; она была варварски

умерщвлена и изрезана, у ней вырезаны были груди, половые части и проч. Одновременно в городе исчезли швейцар женской гимназии и писарь из какой-то канцелярии, на которых и падало подозрение. Вскоре оказалось, что они были оба ссыльнопоселенные, жившие в Красноярске по фальшивым паспортам, и один из злодеев даже был сторожем девичьего заведения. Наконец, характеристическим происшествием может служить преступление в Иркутске 5 октября 1873 г. В Иркутске была убита вдова, купчиха Чурина, с дочерью, кухарка, бурят работник и дворянин; последние двое брошены в Ангару, на набережной которой стоял дом Чуриных; торгачиха девушка была обезжестена одним из убийц и задушена петлей, но по случайной случайности осталась жива и явилась впоследствии единственной обличительницей преступников. Вообще убийство это сопровождалось возмутительнейшим извращением. Конечно, обстоятельство это наделало много шума в столице нашей ссыльной страны, хотя подобные убийства не редкость в здешнем крае. Убийство было совершено по зарытому обдуманному плану и составляло, говорят, первое из задуманных. В преступлении участвовали трое ссыльнопоселенцев и трое бродяг. Преступники вели себя на суде, как и перед наказанием, весьма хладнокровно. Некоторые из них сознавались на суде в совершенном злодействе, говорили весьма спокойно: «взял да и придушил», или: «придушил да и бросил в Ангару». Некоторые из них в тюрьме еще обещались перерезать подолушку горла; они были уроженцы Витебской, Каменно-Польской и Тверской губерний, ссыльные в Сибирь, попавшие в чужую страну, озлобленные на все их окружающее. Ввиду зверского преступления трое из главных преступников, виновных в убийствах и грабеже, судимы были военным судом и приговорены к повешению. Иркутск был свидетелем самого ужасного зрелища.

Значительная часть сибирских преступлений отличается зверством и грубостью. Это зависит как от свойства преступников, озлобленных каторжанков, артистов преступления, так и от местных суровых и огрубляющих условий жизни. В Сибири, как в стране девственной, пустынной, при слабом влиянии власти и полиции, преступление становится смелее и необузданнее; наконец, благодаря простоте жизни, патриархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствию городской цивилизации, которая всегда предполагает большую осторожность, преступления проявляются без утонченности и

хитрости, а в самых грубых и простых формах. Люди, наблюдавшие жизнь ссыльных на золотых приисках, передавали, например, что в Сибири тонкий мошенник часто делается грубым злодеем; где он действовал прежде утонченными средствами, с помощью хитрости, обмана, изобретательности, там, в Сибири, действует просто «обухом топора», потому что и изобретательности такой не требуется.

[Однако в России сложилось мнение, что в Сибири решительно не замечается опасности для гражданской жизни, и местные жители никогда не жалуются на преступления, а потому заключили, что сами преступления исключительны и редки.] Чтобы выразить себе это, мы составили хронику за два последних года обо всех печатавшихся выкопавших из ряда вон событиях в газетах, которая может довершить картину местной жизни.

Хроника эта содержит 33 возмутительных происшествия и дополняется следующими сведениями о некоторых городах. При переписке томской городской управы по поволу усилившихся преступлений оказывается, что с 1 июля по 7 октября 1874 г. в городе было 30 случаев убийств и воровства, а по полицейской ведомости показано 58 преступлений этого рода — в 3 месяца. По обнародованным сведениям газеты «Сибирь», в районе иркутского военного округа ежегодно решается от 30 до 40 дел, которые прекращаются за неотысканием виновных. Наконец, из Енисейска нам пишут далее, как в нынешнюю зиму сообщалось следующее: «Лишь только успели несчастные обыватели оправиться от горя и успокоиться после странной катастрофы (известного пожара), как неожиданно-негаданно у них явилась новая тревога и новое беспокойство за свою жизнь и имущество. В городе в течение самого короткого периода времени было совершено несколько убийств, грабежей и краж. Некоторые из этих преступлений по своему зверскому характеру, смелости и неразборчивости в отношении места и времени их совершения положительно выходили, как говорится, из ряда вон: были случаи кровавых сцен среди белого дня, на людных улицах. Паника до того овладела местным обществом, что, несмотря на его привычное равнодушие ко всякого рода преступлениям в среде его раздалась сильные протесты и явное негодование на бездействие местной полиции».

Такие факты не дают повода заключить о значительной безопасности жизни в крае. Но факт незамеченности преступлений в Сибири точно так же получил настоящее объяс-

нение в последнее время; он объясняется привычкой к преступлению. Самые ужасные преступления здесь не производят впечатления. Вот что об этом пишет один из наблюдателей сибирской жизни: «В одну зиму, часов в 6 вечера, было невозможно ходить по улицам. Какие-то молодцы с пестями, на тройке, в кошеве разезжали по городу и ловили арканом и баграми проходящих и проезжающих по улицам. И все это сходит с рук и считается вешью, крайне обыкновенною, к которой жители привыкли и пригляделись. Предмет для разговоров всегда есть; но тон самих разговоров идет как о погоде. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, несколько не возмущаясь, рассказывает об убийстве или воровстве, как будто дело идет о зарезанном теленке или разбитой посудине. В первое время я удивлялся подобным вещам, потом мало-помалу совершенно привык и обожился»^{*}.

Сибирь в этом случае похожа на постоянное поле битвы, где оставшиеся в живых весьма мало говорят об убитых. При темноте и невежестве сибирской массы населения общество долго не замечало окружающих язвений, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось со своим палочекетнем. Если заявлялись жалобы по поводу преступлений, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиции. Таких жалоб мы немало встречаем в корреспонденциях, а в последнее время в Томске об этом загорелось целое дело. Городская управа ввиду усилившихся грабежей и краж (а уголовная хроника этого города, как видно, поразительная) просила полицию усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиция обиделась. А за предоставление томскому губернатору на вид этих происшествий вся городская управа в наличном составе отдана была под суд. Дело это перенесено в сенат. На самом деле в городе с 1 июля по 7 октября 1874 г. было 30 случаев убийства и воровства, а по «Палицейским ведомостям» показано 58 преступлений этого рода в три месяца. Вот источник этих пререканий! Такие пререкания не редкость в Сибири ввиду местных особенностей края.

Однако настоящие причины преступлений начинают все чаще выясняться.

Нравственное влияние ссылки, кроме того, отражается и многими другими явлениями в Сибири. Так, указывается на развитие разврата, незаконных сожитий и увеличение незаконных рождений в крае. Иркутская губерния по числу неза-

* См. Не столь отдаленные места Сибири // Отеч. зап. 1875. Июль. С. 19.

конных рождений, например, занимает второе место. (В Иркутской губернии на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, в Петербурге — 497, в Москве — 237, а в Саратовской и Рязанской губерниях — 51—52). Несоразмерность полов между ссыльными естественно влечет к разврату; те же явления замечались и в Австралии и, по словам Дюжэна, составляют самую невыгодную сторону ссылки.

Точно так же указывают в Сибири на распространение сифилиса, заносимого партизанами*. В Иркутской губернии называют целые селения, где эта страшная болезнь порождает людей совокупно семьями, не исключая грудных и рождающихся детей. Д-р Шнерк о том же свидетельствует на Амуре. Кроме того, ссылка, говорят, не могла остаться без нравственного влияния на само воспитание сибиряков, на их нравы. Наши учителя, пишет один сибиряк, пиявки, губернеры, капиталисты, местная интеллигенция и даже сами власти, например, волостные писаря, — из ссыльных, что не могло остаться без последствий. Местное общество заражалось влиянием преступников. Ссыльные научили сибирское крестьянство страсти к промыслу фальшивыми билетами; здесь существует целый воровской промысел срезывавши чаев, в котором нередко участвуют сами купцы, как недавно открылось в Канске. В Сибири существует множество спекулянтов, которые служат только организаторами преступлений, для которых исполнителей доставляет бродячее сословие; организатор должен скрыть и спровести продукт преступления, и, конечно, ему достается львиная часть при этом. Сосланные конокрады, фальшивомонетки, срезыватели чаев находят у подобных лиц приют и практику; поэтому несудивительно, что торговля не распространяется, и в некоторые места бывает иногда небезопасно купцу ездить. Отсутствие личной безопасности следует приписать отсталости Сибири в промышленном отношении, вялости взаимных отношений и невежественное состояние края. Ссылка производит растлевающее влияние и на другие сферы общественной жизни. Она охватывает сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконец даже простирается на вос-

* Последние санитарные отчеты свидетельствуют положительно о распространении заразных болезней по главному ссыльному тракту. Семейства разнесены также тиф, и немн была записана холера (см. Санитарный отчет по Зап. Сибири д-ра Ремезова). Большой и зараженный ссыльный элемент, неблагоприятная расположению, часто влияет и иным образом, отражаясь вырождением и полуживым порodem.

питание детей. Г-н Максимов говорит, что сибирские варианты русских сказок наполняются бродяжескими персонажами; известно также, что сибирские дети играют «в бродяг», «в поджог» и даже разыгрывают сцены бродяжеского самосуда.

Понятия о собственности и гражданственности в Сибири поэтому более, чем где-либо, поколеблены, пренебрежение к чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба с ссыльными породила самосуд, массу несправедливостей; наконец, сама ссылка извратила до известной степени нравы администрации. Вредное влияние неравноправности сибирского населения отражается и на нравах полицейской администрации Сибири. Привыкнув большей частью практиковать свою власть на бродягах, сибирский чиновник практикует те же средства для узнания истины или для исправления зла и на полноправной части сибирского населения. Лучшим примером этого может служить следующий случай: в 1871 г. смотритель карийского золотого промысла Демидов открыл убийство, совершенное одним каторжным, чтобы раскрыть все подробности преступления, Демидов пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, привезшая в Сибирь с мужем добровольно и, следовательно, избавленная от телесного наказания; потом он пытал одиннадцатилетнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе, и палач сек ее розгой с головы до пят; ребенку уже дано было несколько ударов плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать битье. И между тем жестокость Демидова есть естественное последствие того воспитания, которое он должен получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидетельствует о благотворительном нравственном влиянии ссылки. В заключение мы считаем полезным привести несколько выписок из корреспонденции, выражающих отношение местного общественного мнения к ссылке. В корреспонденциях чаще и чаще слышатся жалобы на бродяг, беспаспортных и бесприютных ссыльных, населяющих города и порождающих преступления. Так, 1873 году корреспондент из Омска, рисуя положение осаждаемого бродягами и преступлениями города, восклицает: «Постоянная ссылка в Сибирь не нужного для европейских губерний люда ставит нас в постоянную блокаду отверженных людей. И нигде, кажется, эта блокада не чувствуется так сильно, как в Омском округе» («Камско-волжская газета» 1873 г., № 89, кор-

респонденция из Омска). Из Енисейска в январе 1875 г. сообщают по поводу уголовного случая, совершенного поселенцем (кражи в церкви): «В последнее время пролетарият наш усугубился напыльвом новых лиц, из которых большая часть приписана сюда в мешае и, по отсутствию здесь работы, в зимнее время положительно бедствует. Отя же совершают преступления». («Новое время», 1875 г. № 12)*. Из той же губернии посылается далее такое известие: «Сибирь» сообщает, что большой напыльв ссыльных и бродяг был причиной того, что в Енисейской губернии в первые только пять месяцев нынешнего года было ограблено семь церквей и, сверх того, было четыре покушения на ограбление. При одном случае в селе Юковском на 17 апреля убит трапезник. К счастью, почти все злоумышленники пойманы. При исследовании открылось, что воры изобрели новый способ проникать в церкви через разборку дымовых труб.

Наконец, в последнее время все корреспонденции из Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются в единогласный протест против ссылки в край. Передавая о бедственном положении ссыльных, корреспондент из Енисейска в 1875 г. прибавляет: «Ссылка эта приносит чистейший вред краю; отрицать вред ее для Сибири и признавать ее пользу и необходимость могут только люди, не жившие в Сибири и не видевшие массы ссыльных на новой, чуждой им стороне. Чем скорее Сибирь избавится от этих подневольных, пришлых людей, тем она больше выиграет в нравственном и материальном отношении».

«Сибирь, как известно, служит для России как бы вентилятором, — пишет корреспондент из Томска, объясняя местные преступления, — в который выходит все ненужное. И все это группируется по большей части в наших больших городах, в особенности в Томске. Каждое лето присылаются тысячи поселенцев, которые, войдя в Сибирь, выпускаются, как говорится, на все четыре стороны решительно без всяких средств к жизни. Незнание местности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу при изобилии рабочих рук невольно заставляют поселенцев прибегать без разбора ко всевозможным средствам к существованию. Легко понять, как у нас при такой обстановке должны процветать всякие виды мошенничества и безобразия.

* Мы могли бы привести подобных корреспонденций массу, которые мы имели под рукою за два последних года, но ограничиваемся только некоторыми.

Даже при хорошей политике было бы трудно совершенно гарантировать жителей от грабежей, убийств и проч., между тем, у нас в настоящее время полиция на деле почти не существует, если же она и издумает заявить о своем существовании, то в таких исключительных случаях приносит жителям более вреда, чем пользы». Наконец, иркутский корреспондент по поводу слухов об отмене ссылки выражается таким образом: «Хотите ли знать, что думают сибиряки о ссылке? Влияние ее давно испытывается Сибирью, и отношение населения к ней довольно определенно выяснилось хотя бы потому, что нет ни одной проезжей дороги, где можно было бы ехать безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, так что не было проезда у этих центров Сибири. Этим путем создается у нас искусственная осада городов; легенды «о двенадцати разбойниках», явившиеся в прошлом столетии, осуществляются и в наше время: еще на днях в окрестностях Иркутска поймана шайка, систематически грабившая в городе и окрестностях. Летом убиты были две беззащитные женщины, теперь, по слухам, идет процесс одного адвоката из ссылных, обвиняемого в отравлении иркутской дамы, своей доверительницы. При генерале Синельникове повешено трое ссылных бродяг, изрезавших в Иркутске целое семейство. Но это только преступления из ряда выходящие. Сколько ссылных вторгается в семейную жизнь с помощью денег и связей, сколько обманов и неуловимых мошенничеств — и не перечить! Ссылные становятся здесь во главе промышленных предприятий; они играют видную роль в обществе, они являются интеллигенцией».

«Несмотря на то, что ссылные пользуются у нас доверием, они, тем не менее, производят на все общество глубоко развращающее влияние. Нам известно, сколько разврата под влиянием нищеты поселили ссылные в местностях, прилегающих к частым золотым приискам. Понижение нравственного уровня города Иркутска, выражающееся в громадном развитии проституции, положительно объясняется бедностью ссылных женщин; умножение преступлений против чужой собственности определяется нищетой преступников. Думают, что без ссылных в Сибири не будет рабочих рук, что упадет земледелие и не станет ремесленников. Мы знаем, что земледельцем делается из ссылных разве один из ста, да и то едва ли. С открытием ремесленных школ нам рабочие из ссылных вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на при-

иски и на фабрики, то только кликните клич — целые артели явятся из европейских губерний, как теперь они являются отовсюду даже на амурские прииски, как свидетельствуют факты. Ссылка сделала то, что Сибирь стала неудобнообитаемой для самих сибиряков, и они бегут из нее без оглядки».

Указания эти и отзывы, слышавшиеся из самой Сибири, не могут теперь уже не заслужить некоторого внимания ввиду подтверждающих фактов уголовной статистики и общего положения ссыльных. Они показывают, что мнение о нравственном и морализующем значении нашей ссылки в тех формах, в каких она проявляется, миновало и должно утратить свое значение.

В заключение нашего очерка остается сделать небольшие соображения, во что обходится ссылка государству и местному населению, чтобы иметь понятие о выгодности и дешевизне этого наказания.

Как за границей, так и у нас утвердилось мнение, что ссылка, как наказание, представляет необыкновенно удобный и дешевый способ избавляться от преступников. Выгоды его основывались обыкновенно на том, что государству чрезвычайно мало стоит переправу преступника в другую местность, и затем оно слагает уже всякие заботы о нем с себя, предоставляя его собственным силам. Дешевизна эта обуславливается вообще прежним воззрением на наказание и на личность преступника. Самый дешевый способ отделаться от преступника был, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась в древнейшее время. Затем явились изгнание и ссылка. Древние формы ссылки не отличались особенною заботливостью и попечением о преступнике. Англия перевозила преступников, как рабов, — на кораблях и продавала на плантации. Наня пещерный гонимый ссыльных в прежнее время также могли считаться дешевым наказанием. Их гнали целыми тысячами, связанными цепями, как стада. Селить как попало, часто в местностях, где они тотчас же вымирали; так, например, Чичерин погубил тысячи ссыльных на болотистой Барабе во время проведения дороги. Жизнь ссыльного мало ценилась. Но со временем ссылка, однако, требовала все больших и больших попечений по причине к ссыльному и больших государственных расходов, не говоря уже о том, что дешевизна наказания никогда не говорила за его совершенство.

При защите ссылки как наказания в современных формах и в доказательство дешевизны его обыкновенно ссыла-

ются на незначительность расходов на нее по нашим сметам; но мы позволим себе здесь некоторое выяснение этих цифр, точно так же, как и укажем на более полную оценку стоимости нашей ссылки.

Стоимость пересылки для казны в Сибирь одного арестанта ныне вычисляется средним числом в 50 р., принимая снабжение его и одеждою; но здесь разумеются одни путевые издержки, то есть одни кормовые, при том принято препровождение только по главному сибирскому тракту, имеющему искусственные пути по Волге, Каме, и перевозку от Перми до Тюмени на поводах, что составляет только одну ветвь пересылки. Зато не принято во внимание содержание тракта, который хотя и сокращает время на препровождение арестанта, но стоит довольно дорого, что до сих пор затрудняло введение перевозки по другим трактам. Затем не причислено препровождение ссыльного по пешеходному тракту до главного сибирского и препровождение по Сибири пешим путем до места назначения, что значительно поднимет содержание арестантов в дороге, так как 1000 верст делается здесь в 68 дней. До Сибири доходит арестант в полгода и нередко в год. Ничто ссыльному не препятствовало оставаться в больнице, и, наконец, за ним на казенный счет часто следовала и семья. (С 1867 г. по 1871 год проследовало в Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12627 детей). К этому надо причислить содержание ссыльного в тюрьме до отправки в Сибирь и до распределения на месте, наконец, содержание ссыльного (в тюрьме) до весны, вследствие приостановки с 1867 г. зимнего препровождения. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающие команды также должны войти в счет пересылки, которые хотя в числе 14867 нижних чинов и употребляются для конвоирования не одних ссыльных, а также и пересыльных, по 20 команд с 1386 чел. конвой служат на главном ссыльном тракте исключительно ссыльной системе, точно так же, как и другие команды, особенно в Сибири. Все это увеличивает стоимость пересылки. Уже г. Юферовым вычислено было препровождение одного арестанта с издержками в 142 р., но если присчитать содержание его до весны в центральном пункте, стоящее не менее 60 р., разложить расходы на семейства, содержание четырех экспедиций, инспекторов по пересылке и водворению ссыльного, затраты на

* С 1 мая по 1 октября 1874 г. отправлено из Тюмени 7644 мужчин, женщины и детей пешим порядком.

возвращение, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое больше. Дать точные материальные и нематериальные убытки от сырьевой системы, как, например, погони, содержание бродяг в тюрьме на счет казны целые годы, не подвергаются точному вычислению, но они тоже не могут быть опущены в общем расчете сырьевой системы. Все это послужило поводом в последней редакции записки о тюремной и сырьевой реформе в комитет тайного советника Зубова при окончательном рассмотрении сырьевой реформы дать следующие заключения: «Сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльных в настоящее время производятся из разнообразных источников, как-то: из сумм общества попечительного о тюрьмах, из государственного казначейства, из тюремного капитала, капитала министерства внутренних дел, из государственного земского собора, из городских доходов, из сумм приказа о ссыльных, а значительная часть их отбывается, кроме того, сибирскими жителями в виде натуральной повинности. Если стоимость ссылки определять только расходами, которые производятся из сумм государственных, в тесном смысле этого слова, то дешевизна ее в сравнении с другими мерами наказания стоила бы вне всякого сомнения. Однако государственным расходом следует признавать не только тот, который заносится в сметы министерства финансов, но и все другие расходы на общие цели, производимые жителями в виде денежной или натуральной повинности. Вы признавая эту бесспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка — мера в высшей степени дорогостоящая для государства. Одна пересылка арестантов в пределах европейской России, несмотря на последовавшие по этой части улучшения и достигнутую экономию, обошлась в 1869 г. в 5778000 руб., не считая расходов на содержание управлений центральных и губернских. Общее число всех пересылаемых в европейской России арестантов доходит до 12000, так что пересылка одного человека обходится в 49 р.; из этого числа пересылаемых по распоряжениям судебных мест 12000 человек, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительные расстояния, иногда лишь из одного уезда в другой той же губернии, так что стоимость пересылки не меньше 200 руб. В Сибири передвижение арестантов составляет натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвижение там вдвое меньше, чем в европейской России, то окажется, что средняя стоимость передвижения одного арестанта до места ссылки об-

ходится в 300 рублей серебром, то есть расходы, употребляемые теперь на передвижение одного арестанта до места ссылки, были бы достаточны для содержания его по меньшей мере в течение 4 лет в самой дорогой тюрьме европейской России. Принять же во внимание, что значительное число тяжких преступников вследствие побегов высылаются в Сибирь по два раза и более, даже до 16 раз, окажется, что издержки на переезд каждого арестанта должны быть приняты в больших еще размерах. Этим серьезным расходом далеко не заканчиваются издержки, которые необходимо затратить на ссыльнопоселенцев и ссыльнокаторжных. Постройка тюрем и ремонт их требуют громадных текущих расходов, несмотря на их неудовлетворительное состояние. Содержание всех ссыльных, которые вследствие болезней и дряхлости впадут в невозможность поддерживать свое существование, ложится на местные население, и так как болезни вследствие изнурений в пути, бродяжества и несправильной жизни в острогах между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для местных жителей эта обязанность. Содержание же ссыльнокаторжных в тюрьмах всецело ложится на государство и, как показал многолетний опыт, отсюда не окупается производимыми работами. Ко всему вышесказанному следует еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой в настоящее время на отправление карательной ссылки, объясняется лишь тем, что правительство уклонялось от дорогостоящих мер, которые были бы необходимы для правильного ее отправления. Число должностных лиц, имеющих надзор за ссыльными, далеко меньше необходимого, получаемое ими содержание всегда незначительно, ссыльные не имеют школ, требуемые законом богадельни не устроены, даже сибирская стража до того незначительна, что из сибирских острогов и мест поселения не бежит почти только тот, кто сам не желает. Словом, при существующем бюджете не могут быть достигнуты ни карательные, ни исправительные задачи ссылки, и для того, чтоб поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадные затраты, перед которыми 10 миллионов рублей ежегодного расхода представляются ничтожною песчинкою». По этому можно судить, что издержки на ссылку должны опениться за одно передвижение арестанта по 300 р., следовательно, минимум в 4800000 ежегодно при существующем контингенте ссыльных. К этому должно быть приписано содержание этап-

ного тракта и военного конвоя с 14867 ч. нижних чинов, содержание на пути тюремных замков, этапов и прочее; наконец, подводная повинность, выполняемая населением, которая должна войти в счет государственных расходов*. Содержание половины пересыльной стражи, по вычислению г. Лохвицкого, должно быть не менее 2000000 и всех расходов на ссылку более 5000000 р., а тогда стоимость на арестанта будет равняться уже не 300, а 800 руб.** Все это — казне, а сколько еще стоит она обществу? Дешевизна ссылки до сих пор тем и обуславливалась, что значительная часть издержек падала непосредственно на общество, в виде особой натуральной повинности. Начиная уже с того, что государство ссылкой преступника в другое общество слагало всякую заботу о нем и предоставляло содержание его собственным его силам; когда же ссыланный не мог помочь себе, он ложился всею тяжестью на общество. Судя по тому, в каком неудовлетворительном состоянии находится наша ссылка, надо заключить, что это было в большинстве именно таким образом. Если бы казна продолжала держать преступника в тюрьме, она расходовала бы по 74 р. на человека. Теперь же обществу приходится содержать ссыланного. Принимая даже арестантское содержание, на 12000 ежегодно идущих ссыланных потребуется 880000 р. Но весь контингент ссылки, проживающий в Сибири, равняется 202834 чел., и на прокормление его необходимо 15009716 р. Известно, что 4/5 ссыланных не обзаводятся хозяйством и бродяжат Бог знает где; предполагая, однако, только половину бродяг, прокормление ссыланных обой-

* До чего доводит и как год от году увеличивается содержание сибирских замков и этапов, видно из следующих сведений: в последнее время в Иркутской губернии построено 10 новых этапных тюрем, предстоит еще построить 16; на покрытие этого расхода нечислен капитал в 452592 р., да в предшествовавшее трехлетие издержано на тот же предмет 133900 р. В Томске построена центральная пересыльная тюрьма для избежания крайней тесноты и потопила значительные капиталы; то же предполагается сделать и в Красноярске. В Томской губернии доведено 13 этапных зданий, на что в 1870 и в 1871 годах ассигновано 44000 рублей; в 1870 году на исправление томского замка ассигновано 19717 рублей 38 коп., издержано 16000 руб.; в 1873 году предполагается для той же цели новый расход в 16000 рублей, которые, конечно, и употреблены уже по назначению. Даже в уездных городах: Канске, Барнауле, Бийске и Мариинске вследствие тесноты тюремных помещений от дрекота бродяг и пересыльных оказалась необходимым устроить новые тюрьмы, которые уже проектированы. Словом, расходы на постройку и ремонт тюремно-этапных помещений в Сибири весьма значительны и увеличиваются с каждым годом. См. всеподлиннейшие отчеты губернаторов Сибири за 1871, 1872 и 1873 годы.

** В Англии пересылка арестантов обходилась, надо заметить, еще дороже, а именно: 180 фунт. стерл., то есть 1080 р.

дятся обществу в 7,5 миллиона. Вычисленные и признанные 40000 бродят, шатающихся по Сибири, одни стоят 2960000 р. крестьянству ежегодно. К этому необходимо прибавить содержание тюрем городами и местными обществами, добавочные расходы по содержанию этапов, подводную повинность для партий, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцев, недоимки их, уплачиваемые населением, наконец, убытки от преступлений, совершаемых ссыльными.

Содержание тюрем в сибирских городах падает на местное общество; так, по отчетам губернаторов видно, что тюрьмы содержатся в Красноярске из государственных и земских сборов, в Ачинске, Канске и Минусинске — за счет городских доходов, Енисейске же — *на счет сбора с жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьян. Так, по официальном отчету, в одной Енисейской губернии пересылка и препровождение арестантов требует ежегодно 5202 человека и 5296 подвод. На сельские общества ложатся значительные недоимки за ссыльных, по податям, по уплате больничных денег за поселенцев, приходящиеся по 300 — 400 р. с одного сельского общества; наконец, расходы по содержанию усиленного штата волостного правления ввиду множества поселенческих дел и перетиски о них*; такой расход доходит до 50 к. с души сверх платимых за собственные надобности. Один уж этот расход может составить значительную сумму в сложности. Все это в совокупности заставляет вести местное население, кроме содержания ссыльного, целую массу новых налогов за него**. Заметим, что вся тяжесть системы падает на одну часть населения империи, и именно: на Сибирь; в Сибири же — по преимуществу на крестьянство. Край, таким образом, выполнил тюремную повинность по содержанию преступников за целое государство. Если некоторые лица в Сибири находили ее выгодною, как, например, золотопромышленники, черпавшие из контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы не замечали ее, как избавленные от налогов, то крестьянство в Сибири не могло ею не тяготиться. Уплаты за поселенцев, которых общество часто не види-

* В Сибири в самых малых волостях у волостного писаря по пяти и шести человек помощников, а в большинстве — 10 и 12, с жалованьем от 15-ти до 45-ти руб., смотря по месту и дороговизне предметов жизни. В Иркутской губ. расход на волостное правление равняется 4500 р. и доходит до 74,5 коп. с души. Такие волостные правления выпускают до 10 и 20000 исходящих №№ в год, и $\frac{1}{3}$ перетиски относятся к ссыльнопоселенческому управлению.

** Так, например, ямне выискивают с общины за перевозку бродяг.

до и в глаза, кроме партий, борьба с бродяжеством, постоянные поправки, поджог «зимок» (хуторов), избушек не могли не подрышать материального благосостояния крестьян и не давить себя чувствовать. Крестьянам часто приписывалось брать ссыльных и работников, снабжать их землю присевком и проч.; таким образом, в Сибири пробовали привить систему каллидую, практиковавшуюся в Австралии «assignment system»²⁰, но она ничего не дала крестьянам, кроме убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужику. Поэтому крестьянство сплошь и рядом отказывалось от приема ссыльных и выражало протесты против приписки ссыльных. Некоторые местные акты свидетельствуют об этих протестах, облеченных в легальную форму. Напр., в 1806 г. иркутский земский исправник Оладын прислал верхоленскому комиссару подробный проект о принятии крестьянами ссыльно-поселенцев в работники с условием снабжения ссыльных за работу пищей, одеждой, денежной платой и присевками, на что крестьяне верхоленских общин в полном своем составе ответили следующим актом, который мы считаем необходимым привести целиком: «В полном собрании народа, в единогласном и твердом мнении утвердили общественным прошением отказаться от предписания исправника и комиссара, скромно претпосылая в то же время своим возражением оговорку, что хотя общество предписаниям начальства всегда должно с крайним усердием повиноваться, но что в настоящем случае по значительному числу в крестьянском обществе бедных крестьян из сельских мирских старожилов, нуждающихся в наемной работе у своих общинников, по малости запашек и присевков у самих крестьян, не имеющих силы и могут распашивать много земли, по общей скудости достатков у большей части их общество ленских крестьян никак не может согласиться с предписанием господина исправника о принятии крестьянами поселенцев в работники со снабжением их присевками на две десятины и проч.»*. Обременительность повинностей по содержанию и устройству ссыльных, как и по прокормлению больных и старых (процент их огромен), которые, за невниманием богаделен, исключительно пропитываются на счет сельских обществ, порождают и до сих пор многочисленные жалобы сибирских сельских обществ.

Наиболее очевидным свидетельством о том, какую тяжестью падает ссылка на местные общества и какой вред

* Известия сибирск. отдела импер. Геогр. Общества. Т. VI, № 3, 1875 г. стр. 106.

порождает она, служат приговоры мещанских городских обществ, представляемые на имя высшего начальства, с ходатайствами приостановить приписку к ним ссыльных. Вот некоторые из этих приговоров.

Ялуторовское мещанское общество, выставляя между прочим, что на одного коренного жителя общества приходится по 2 ссыльных (на 263 души приписано 570 ссыльных), жалуется, что последние ставят жителей в большое затруднение и даже разорение разными кражами и мошенничествами. При этом побудительными причинами такого поведения ссыльных общество выставляет несимение средств и заработков, поэтому ссыльские самовольно удаляются «куда-либо в другие местности, откуда за бесстыдность препровождаются местными начальствами обратно, другие же из них, по неимению на месте работ, постоянно занимаются разными кражами и мошенничествами, чем поставляют жителей в крайнее разорение»...

Туринское общество, жалуясь также на увеличивающееся причисление к нему ссыльных, причем в городе приходится один ссыльный на двух старожилов-мещан, прибавляет: «...что причисление ссыльных к городу не только не прекращается, но с каждым годом увеличивается, так что число ссыльных может скоро перевесить число старожилов, из коих многие вынуждены будут искать себе других, менее заселенных такими людьми мест». И это причисление, говорит общество, представляется неизбежным впоследствии, особенно для менее зажиточных мещан, так как за неплатежом податей ссыльными недоимка ложится на общество; «между тем как сами ссыльные, оставаясь в праздности и без всяких средств к честному существованию, впадают в беспорядочную жизнь, сопровождаемую пьянством, развратом, воровством и другими преступлениями, которые усмотреть и предупредить при большом скоплении в городе ссыльных становится для полиции почти невозможным».

Тарская дума объясняет: «Ссыльные, высланные в Сибирь из внутренних губерний России за преступления и проступки, а большею частью за дурное поведение в их прежних обществах, перенесли сюда привычку, пьянство, мошенничество, разврат и буйство, а иногда даже грабежи и убийства, в которых они, как люди опытные и находчивые, редко когда по суду изобличаются. При том же они своим дурным поведением служат соблазном для небогатых горожан-старожилов, в особенности для молодых людей, из которых некоторым уже привились эти пороки».

Ишимская городская дума выражается следующим образом: «Большая часть их (ссыльных), не имея средств даже на приобретение письменного вида, шатается по городу и округу, занимаясь кражами, разбоем или испрошением милостыни, называясь большою частью бродягами, чтобы тем более возбудить к себе сострадание или страх; безнравственность ишимских мешан из ссыльных вошла даже в пословицу, так что проезжающие за несколько сот верст от Ишима предупреждаются быть осторожнее при проезде через наш город».

Наконец, курганское мешанское общество, принося жалобу на взыскание с него издержек казны за возвращаемых из разных мест империи отлучившихся самовольно без письменных видов лиц, принадлежавших к обществу, находит, «что взыскание, наложенное на общество, согласно законоположениям заключается в пополнении издержек казны за пересылку людей, причисленных к обществу по воле правительства, сосланных в Сибирь на поселение из внутренних губерний России и не имеющих здесь не только никакой осетлости, но даже вовсе им, мешанам, неизвестных, которые, прибывая партиями в Курган с военным караулом, почти с первого дня своего водворения, по выдаче им надлежащих видов на прожитие в городе, весьма редко остаются на месте несколько дней, прожитываясь первоначально милостыней, и, как отвыкнув от всякого честного труда, по испорченной своей нравственности и по склонности и закоренелой привычке к пьянству и праздности, скрываются наконец из города без всяких уважительных видов сначала в ближайшие селения под видом топких и мнимых калеков, уходят далее и, наконец, в опаленных местах России и Сибири задерживаются как бродяги и заключаются под стражу в тюрьмы, где содержатся по несколько лет, выдают себя или непомощными, или под другими вымышленными именами, а чаще всего после поимки присылаются на место причисления, опять на счет общества, и эта типостная мера взысканий за пересылку неисправных негодяев, выброшенных из прежних своих обществ, как негодные олонки, становится год от году для них, мешан, невыносимой и до крайности разорительной, как падающая на меньшее число членов общества, несущих при том все городские и общественные тягости и налоги, на которых в 10-летний период накопилось недвижимка, покатывающаяся раскладкой на старожилов-мешан, составляющих 560 душ, между тем как приписанных к обществу ссыльных считается

около 750 челов., из коих только 100 мало-мальски живет оседло, и то, только семейные, также весьма сомнительной нравственности; последние же 600 в полном смысле бездомные пролетарии и составляют истинный бич обществу, ибо при всей своей испорченности и закоренелости в праздности, пьянстве и в разных мошенничествах, вносят свои дурные нравы в семейства бедных старожилов-мещан, развращают молодое поколение, передавая словом и делом все утонченности своей профессии по части мошенничества, и увескают во все пороки... И этих-то пасынков прежних благоустроенных обществ, выброшенных из среды тех обществ на их мещанские слабые плечи по силе закона, они, мещане, должны считать своими членами единственно ввиду того, что они подлежат наравне с мещанами платежу мирских сборов на общественные надобности».

Обратив внимание на эти петиции, один из администраторов воскликнул: «Нельзя не сознаться, что в этих постановлениях городских обществ выразился голос населения, вырвавшийся справедливыми жалобами правительству, в силу многолетних глубоко прочувствованных испытаний и что во всех протестах при их различных проявлениях звучит одна и та же истина».

Теперь мы можем довольно точно оценить, чего стоила Сибири ссылка. Мы указали уже, что значительная часть каторжных должна была содержаться праздно и ей предоставлялось уходить в бег. Что касается поселенцев, то они являлись без средств, без всякой помощи, проклятая новую местность, часто не зная, чем заняться, и, по отзывам правительственных решихий и исследователей, жили «нищизномом и преступлением». Весь этот контингент ссылки бредивал и пытался подвиним на счет местного населения. Таким образом, вся тяжесть ссылки по содержанию преступника пала на бедного сибирского землепашца. Крестьяне призвали в первое время поселенцев, отводили им избы, кормили их и снабжали подаянием. Если мы представим себе около 200000 населения, постоянно пробивавшегося всеми средствами около туземцев, на которых Сибирь должна произвести хлеб, одежду и проч., в том числе от 30 до 40000 бродяг, расхаживающих по дорогам и питающихся исключительно подаянием и воровством, мы поймем тогда, во что это обходилось Сибири. Сверх того, мы не считаем значительной части повинностей, которые несут крестьянство и страна как последствия ссылки. Для ссыльной системы от Урала до Амура построены

этапы и в городах обширные тюрьмы на 1500 и 2000 сосыльных, которые выстроены и содержатся местными обществами и, постройка которых обходилась не менее 200000 р. на каждую. Постройка тюрем год от году увеличивается, и неизвестно, каков предел будет этим увеличивающимся расходам. Нечего говорить, что все это не может почесться справедливым, ложась на один край. Ссылка созидала у нас одну «колоссальную тюрьму» из целого края, который нес все неудобства и тяжести ее. Вот почему замечания, что Сибирь несла целые века все грехи своей праматери, высказанное кем-то, не лишено основания. Мы видим, что она несла, кроме того, и значительные материальные пожертвования и лишения. Сделав в Сибири сток нечестот, ссылка породила бесчисленные беспорядки и неудобства, деприве всей тяжести на край. Смешав громадное население с сосыльничьим, она дала полноту возможность развитию преступлений, породила два равноправных класса, развила рабату, содействовала в крае антагонизму сословий, наконец, деморализовала население и извратила жизнь общества, а потому составляет ныне положительное ядро и «яззу края», как выражаются многие официальные документы. Гибельные последствия ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, как уверяют, едва ли скоро от них оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь местности и устанавлила на нее особые, исключительные воззрения, которые можно назвать *кааторажьемис*. «Обширный край, — прекрасно замечет вице-адмирал Посыет в своей записке о ссылке, — пространством в 2½ раза больший европейской России, богатства которого еще неслеточно оценены и исследованы, осужден быть местом заключения тысяч преступников из среды 70 миллионов населения; Мера эта имела основание, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотским морем и имея за собой пустынный Тихий океан, сама считалась пустышной землей и обитательями имела по преимуществу одни дикие и кочующие народы. Теперь, когда Тихий океан с каждым днем все более обращается в новое Средиземное море; когда через приобретение Амурской области Россия приаинулась к этому морю; когда сопредельные России государства открываются и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развития, необходимо снять тяготеющее над ней клеймо «страны преступников». Постоянная ссылка таких людей в продолжение двух веков в страну малонаселенную не могла не иметь развращающего влияния на это население. Ссыл-

ка служит главным основанием жалоб в настоящее время и общества, и начальства в Сибири на недостаток людей, заслуживающих доверия и могущих быть употребляемыми с пользой для края. *Такое состояние населения останавливает развитие страны, составляет главную причину общего равнодушия к богатой Сибири и к ее обитателям, хотя, говоря вообще, мало нравственным, но весьма способным. Страна остается как бы забытою, и вместе с этим с каждым днем все более отстает от соседних ей стран Востока.* Таким образом, ценою ссылки приносимось в жертву самое существование и развитие нашего Востока.

Все неудобства и тяжести ссылки при настоящих условиях приводят нас к заключению и неизбежному выводу, что стоимость ссылки и затраты, делаемые для нее казной и обществом, не выкупаются ее результатами.

Современное положение раскрывает самый печальный и растленный быт ссыльного населения; ссыльные бедствуют, и Сибирь вместо полезных работников наводнена массою бездомного и праздно пролетариата. Вместо исправления при печальных условиях ссыльного быта наказание это дает обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступления ссыльных.

Вместо ограждения общества путем изолирования и перемещения преступника ссылка у нас способствовала возвращению преступников, наконец, наводнила Сибирь преступлениями. Год от года увеличивающимися в невероятных размерах, и, таким образом, целая местность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такие условия, которые несовместимы с жизнью какого-либо гражданского края.

В последнее время как администрация, так и местное общество одинаково сознали неудобства ссылки и ходатайствуют об ее отмене и ограничении. Таково же мнение всех комиссий и законодательных работ по этому поводу. Зло ссылки неисчислимо. Между прочим, ссылка до сих пор служила тормозом в распространении на Сибирь общих гражданских прав и искажала само воззрение на страну и ее развитие. Необходимость отмены ее, таким образом, вполне обнаружена временем, сознана обществом и правительством.

История эксплуатации богатств на Востоке

VII.

Богатства Сибири и что под ними разумеется. — Естественные произведения края. — Открытие Сибири и влияние его на дух русского народа. — Увлечение Сибири. — Слово о зем. — Поиски за богатствами. — Последовавшие размарования. — История эксплуатации природы. — Меха, золото, земледельческие и скотоводческие продукты. — Хищнические способы культуры. — Последствия этого. — Торговля и промышленность Сибири в современном ее состоянии.

Сибирь сыздавна слывет странною «богатою». Пора, однако, определить, что разумелось под именем богатств Сибири, естественные ли произведения природы, еще не тронутые, способность ли к эксплуатации богатств, продукты ли и накопления народного труда и средства удовлетворения, дающие населению известное довольство и обеспечение?

Нетрудно угадать, что в большинстве под именем богатств Сибири разумеются прежде всего ее естественные произведения и природные запасы, а отсюда уже понятие о богатстве переносится на все остальное.

Рассматривая топографические и естественные условия края, действительно мы не можем не признать их довольно благоприятными. Естественные произведения неорганического царства, флора и фауна, раскинутые на сотни тысяч квадратных верст, представляются громадными запасами для будущего. Природа Сибири весьма разнообразна. Мы видим здесь значительные минеральные богатства на Урале, в южных степях, на Алтае, в Нерчинском округе, на Амуре и в других местах. В Сибири разрабатываются серебро, золото, железо, свинец и медь, находятся обширные залежи каменного угля, еще не тронутого, добывается графит, богатейшие яшмы, порфиры, мрамор и т.д. Но еще ценнее изобильные леса и земли Сибири, благоприятствующие культуре. По вычислению г. Богдановича, через Урал доставля-

ется из Сибири до 70000000 кг хлеба. Алтайский округ сплавляет по Оби с юга Сибири того же хлеба до 1000000 пудов.

В Сибири приходящие переселенцы начинают разводить в значительном числе лен и пеньку, которые со временем составят здесь видную культуру. Скотоводческие произведения точно так же играют видную роль при миллионах голов разного скота. Г-н Латкин высчитывал, что Сибирь могла бы доставить путем вывоза ныне до 80000000 кг сала, масла и мяса. Леса Сибири сыздавна доставляли дорогих зверей и пушнину, причем добыча соболя считалась десятками тысяч (в 1850 г. — 43600 соболей), горностай — то же самое (1860 г. — 56000 шт.), белка считается миллионами (1870 г. — 4175010 шт.). Кроме того, до последнего времени вывозятся из Сибири шкурки птиц, идущие даже за границу. В Сибири в два столетия добыто 22000 мамонтов. Рыба, добываемая миллионами пудов, не имеет только потому сбыта и бросается на месте, что не умеют солить и готовить ее. Мы не говорим о многих продуктах природы, до которых еще не коснулось производство. Таким образом, обилие естественных произведений несомненно. Раз они существуют, естественно, они должны обогащать и удовлетворять вполне местные потребности. Мало того, является вопрос о сбыте и обмене произведениями. Страна не может быть вечно замкнутою и изолированою. Внутри и извне пролагаются пути. Запад ее имеет уже торную дорогу; на Восток, юг и север начинаются попытки сношений с остальным миром Европы и Азии, причем вопрос идет об экономическом значении края не для одной империи, но и для всемирной торговли. Окружающие моря, огромные реки, колоссальная природа, громадные запасы естественных продуктов открывают, по-видимому, обширную перспективу в будущем этой части света и соблазняют воображение самыми обольстительными мечтами.

Все чаще и чаще в литературе как и в русских ученых и промышленных обществах слышится голоса о необходимости разработки естественных богатств Сибири, о возбуждении производительных сил ее, особенно ввиду проектов соединения Сибири железными путями с Россией и Европы с Азией. С открытиями Нордснхельма²¹ и Витенса в Швеции и Англии появляется целая литература, знакомящая Европу с Сибирью ввиду изысканий соединения сибирских рек и открытия выходов из замкнутого громадного края. Среди этих толков, проектов и предположений мы постоянно слышали: «Пора открыть реальные богат-

ства, сокрытые в неведомой Сибири, пора обратиться к их разработке; Сибирь — это золотое дно, золотой сундук наш».

Таким образом, становится любопытно заглянуть в этот золотой сундук и оценить его действительные сокровища, посмотреть, насколько мы обладаем ими и как до сих пор ими пользовались, в какой степени мы сумели оказать физическими и естественными условиями богатой страны, чтоб обратить их в свою пользу, чтобы развить с помощью их гражданственность и промышленность, насколько, наконец, оказалось у нас на то нравственных и умственных средств. Чтобы ответить на это фактически более или менее вескими данными, нам необходимо обратиться к истории экономической жизни этого края.

Посмотрим сначала, какими результатами сопровождалось завоевание богатой Сибири для России. Открытие новых стран, а тем более целых континентов, составляет обыкновенно эпоху для народов; открытие Сибири, а с нею и азиатского материка, для русских должно бы быть тем же самым, чем было открытие Америки для европейцев. Известно, что открытие Америки произвело переворот в европейской культуре и промышленности; оно внесло массу сведений и знаний в старый европейский мир, подвинуло науки, открыло новые пути торговли, наполнило Европу произведениями новых стран, перенесло на европейскую почву множество растений и животных, ввело в употребление в Европе кофе, табак, сахар и открыло целый ряд неизвестных до тех пор источников богатства и удобств жизни для европейских народов. Разнообразные продукты американской природы и закипевшей там человеческой деятельности стали прибывать к портам Европы. В свою очередь берега вновь открытого богатого и обширного континента гостеприимно принимали вытесняемые нуждой и голодом массы европейских выходцев, вносивших в новую страну энергию мускульного и интеллектуального труда. Таким образом, обмен сношений и взаимных услуг увеличился, и благосостояние человечества удвоилось. Такими же явлениями, по-видимому, должны были бы сопровождаться и наши открытия новых стран. Действительно, в первое время наши завоевания в Сибири и Азии не могли не дать возбуждающего толчка русской предприимчивости и колонизационному движению русского населения.

Вслед за географическими открытиями не мог не интересоваться русских новый отменный вид сибирской природы, более величественный и разнообразный, чем общий вид велико-

русской равнины, обилие различных естественных произведений, разнообразие сибирской флоры, фауны и минеральных продуктов; все это возбуждало пылливость, энергию к разведкам и к изысканию богатств природы. После Ермака сотни и тысячи русских людей, служивых, торговых и промышленных, а также гулящих молодцов и ушкуйников²², бросаются в новый край искать счастья, жизни и обогащения. Минеральные богатства Сибири были до того заманливы и притякательны для предприимчивых и любознательных людей, что многие пустились в Сибирь разыскивать не только золотую, серебряную, медную и железную руду, но и драгоценные камни, минеральные продукты, как, например, серу, слюду и проч.

Вследствие открытия минеральных богатств в Сибири во все сибирские города, ко всем воеводам постоянно присылались указы или грамоты о приискании руд и дорогих камней «со всяким рачением», точно так же, как велено было распространять всех сибирских инородцев о местонахождениях золотых, серебряных и других руд. В то же время составлялись заметки о птицах и зверях, водившихся на островах и неведомых реках Сибири; но более всего в деле промыслов обратил на себя внимание соболь; его предписывалось ловить и доставлять в царскую казну. Из птиц явился запрос на сибирских кречетов и соколов; русские обращали внимание и на ценные растения; служивые и промышленные люди отыскивали в Сибири ремень и открыли естественное его месторождение; разыскивались лекарственные травы, и сбор их предписывался царской грамотой в 1675 году. Вообще сибирская природа представляла много нового, редкого и удивительного. Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали жажду приливых людей. Но в этом стремлении к открытию естественных богатств, к овладению ими не было ни системы, ни умения, ни знания. Вместо того, чтобы самим разыскивать и анализировать руды при помощи минералогии, пришлые люди распространяют только инородцев, просят у них указаний, а воеводы ограничиваются тем, что велят «кликать клич бирючам по многие дни, кто ведает по рекам золотую, серебряную и медную руду и слюдяные горы, и они бы, приходя в съезжую избу, сказывали мне, холопу твоему», пишет царю енисейский воевода в 1660 году. Сведения о золоте, серебре и драгоценных камнях Сибири землепроходцу Ерофею Хабарову сообщила, например, дуурская женщина Мизалчин. Таким образом, не русские, а инородцы руководили многими открытиями. До последнего време-

ни сибирские золотопромышленники обязаны были открытием золота не науке и не собственным знаниям, а тунгузам, к которым они постоянно прибегают. В горном Алтае руды отыскивали по древним тудским когам. Ясно, что русский человек шел сущью в этом новом для него мире. Несмотря на то, что русские старались отыскать золото с начала открытия Сибири, что в этом было заинтересовано правительство, воеводы и множество частных лиц, золото в россыпях было открыто только в сороковых годах, то есть через 250 лет после поисков и порываний. Еще менее заботились русские о животных и зверях, составлявших источник сибирского богатства; так, они преследовали соболя с дрекольем и дубинками, били его коромыслами около жилища, истребляли таскнами и мялками, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда он теперь почти истреблен в Сибири, о нем не сохранилось никакого научного исследования. Точно то же надо сказать и об олене. Имея огромное культурное и хозяйственное значение в жизни сибирских инородцев, он остался вне всякого научного исследования. Мы не умели акклиматизировать животных, развести кон и лучшие породы свиней, марал (благородный олень) легко приручается; рога его стоят до 1000 рублей, если продать их в Китай, а мы и не думали сделать его домашним, и только теперь начались подобные попытки в Алтае*. Хлебопашество развивалось чрезвычайно туго в Сибири; табак долго не разводили, хотя он превосходно растет на юге. Из последних опытов видно, что в Сибири могли акклиматизироваться вишня и яблоня, но вишня осталась только как-то случайно в одном уголке Западной Сибири. Русские не могли акклиматизировать в Сибири дуб, это полезнейшее и драгоценное дерево, либу точно так же не разводили, хотя и есть положительное доказательство, что она здесь в некоторых местах принимается; самый ремень, о котором было столько хлопот и который возбудил вопрос и указы сената о его разведении, прекрасно произрастал в московском аптекарском саду, но отлапу Палласа, а между тем разведение его не обратило на себя внимания в его собственном отечестве. При такой скудости знания, при общем невежестве, конечно, трудно было воспользоваться природою и

* Приручение марала началось на юге Сибири лишь в 30-х годах нынешнего столетия, когда он был в большей части Сибири уничтожен. Преследования его и истребление продолжаются. Домашних маралов в Алтае в 1878 г. считывалось всего 139 самцов, 54 самки и 26 подростков (см. Зап. Запад.-Сибирск. отд. Географ. Общества. Кн. I. 1879 г. Сведения о мараловодстве. Ядринцева).

ее произведениями. Чтобы уметь открывать или находить богатства природы, нужны были знающие люди, а из Сибири доносили, что «от тамошнего национа и из русских людей вспомогателей, способных к отысканию всяких раритетов, не обретаются»; или Иван Власов извещает царя в 1680 году: «А прислал он, Троника, чистых руды пять фунтов и того сияго камени уломок, которым та руда обыскана, а какая та руда и краска, в какое дело годится ль, того мне, холопу твоему, не по чем, потому что в Селенгинском, Баргузинском и Иркутском рудокопных мастеров и красильщиков нет».

Из всего этого очевидно, как слабы были наши интеллектуальные средства и знания во время покорения Сибири. Не человек являлся здесь господином природы, а природа господствовала и подавляла его. Открытия шли наудачу и случайно; самая местность узнавалась опытно. Это послужило поводом к следующему приговору историка: «Сибирская природа или естественная экономия возбудила, с одной стороны, в русских умах естествопознавательную лобознательность и промышленную пылкость, а с другой стороны — обнаружила умственное бессилие русского народа в борьбе с природой и в пользовании ее произведениями. Русским недоставало, во-первых, основательного изучения и знания естественных и шпропологических наук, во-вторых, призыва на помощь слабосильным, неразвитым русским умам могучих и несравненно более развитых умов европейских. Открытие новой громадной области, как Сибирь, возбуждая русские умы, в то же время как нельзя более ясно обнаружило и умственную импотенцию русского народа» (Шагов, «Изв. геогр. общ.», т. IV, № 2, стр. 81).

То же самое отразилось в промышленной и культурной жизни этого края. Рассматривая промышленную деятельность Сибири в первое время, мы видим как будто одушевление и энергию; русский народ, кипевший из-за Урала, становится предприимчивым, его охватывает исступление, жажда богатств. Новый край с огромными его лесами, в которых так много было редких зверей, с величайшими в мире реками, полными рыб, с величественными горами, с сокрытыми в них минералами — все это вызвало на новый труд, на новые изыскания. Кроме того, по историческим обстоятельствам русский человек в первый раз на сибирской почве почувствовал волю и отдался необузданной свободе. Крепостной раб, кабальный, подневольный человек ищет в новых местах убежища и отластается поискам впервые

за личным счастьем и богатством. В это время Сибирь представляет оживленную картину: на север караваны плывут на стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и «остроги» (то есть крепости); за ними следуют промышленные люди и собольщики; иногда охотники и зверовщики рассыпаются далеко впереди покоренных местностей по неведомым пустыням, ставят промышленные избышки и блокаузы; в одном месте собирают ясак, в другом — выбивают и преследуют зверя, отыскивают руды и мамонтовую кость, отбивают или меняют скот у инородцев; создается целый промысел змелевания, организуются собольные или рыбные артели, являются бугровщики, то есть раскапыватели курганов для отыскания в них драгоценностей. Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств, и казна под конец валает широкую руку возможности на всякое открытие, на всякий ценный промысел. Народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту. Когда правительство старалось устроить ямы или ямщицкие поселения, создать заводских крестьян, распространить хлебопашество, ему долго не удалось привести в исполнение свой план. Народ по-прежнему разбрелся искать промыслов в лесах; жадность без контроля и опеки понравилась русскому человеку; он грешил новыми баснословными богатствами, создавал новые мифические страны то на островах Ледовитого океана, то в южных степях Сибири. Так основывались каменщики на Алтае, беловолье на Енисее и много других раскольниковых поселений. Регламентация не удавалась в Сибири, указы и распоряжения воевод были бессильны перед духом свободного движения. В продолжение всего XVII века происходит ловля народа по Сибири и прикрепление его насильственным образом. В это время случаются странные превращения: один казенный человек, посланный с поручением в Шульганский завод, возвращаясь назад, обольстится собольим промыслом, да так и эшел в лесу, где его берут как беглого и наказывают плетью. Другой крестьянин Кольванно-Воскресенского завода проводит десять лет одиноко в лесах, на промысле, конечно, и не думая о паспорте, а когда возвращается, то его призывают за беглого (Акты и материалы для истории Сибири, изд. Моск. общ. ист. и древн.). Наконец, для прикрепления бродячего люда власти предписы-

няют крестьянам не отлучаться из дома и *лечевать* у себя. Но парад, несмотря ни на какие предписания, шел и разбрасывался по всем местностям Сибири. В горы и пустыни его тянула безотчетная страсть; к плодородным полям и обильным рекам его привлекали промысел и земледелие. Девственный край возбуждал корысть и промышленный инстинкт. Правительство также считало, что богатый край может быть предметом его эксплуатации. Московская казна тщательно собирает и сосредоточивает в руках своих пушные и звериные богатства. Петр Великий обращает внимание на Сибирь и пылается положить здесь начало горным промыслам. С этого времени создаются казенные заводы и приписываются к ним крестьяне. Впоследствии начинается торговля с Китаем и Бухарой. Екатерина II обращает особенное внимание на бухарскую торговлю и покровительствует ей. Со времен Петра мы уже начинаем думать о проложении пути в Индию. На Восточном океане возникают морские промыслы и, наконец, целые русско-американские владения с их компанией. Мы мечтаем о флотах, географические и промышленные горизонты наши все более и более расширяются; под влиянием этих планов Сибирь получает особенное значение в глазах правительства и русского общества. Даже при Александре I продолжают составляться разные проекты о заселении и устройстве Сибири: мы думаем разводить кашмирских коз на юге Сибири, а русские министры восторженным тоном XVIII века называли ее «Перу и Мексикой нашей». «Сибирь — золотое дно!» — делается пословицей и всенародной поговоркой. Миллер составляет в то же время обширное описание о торгах сибирских и пророчит огромную будущность этому краю. Действительно, по этим описаниям видно, что действительные богатства в Сибири того времени были изумительные. Жители около Якутска еще во времена Миллера помнили, как около жилищ были соболей. На промышленника, ходившего в артели, приходилось по семь сороков соболей. На островах промыслы были еще богаче: в 1760 году на островах Восточного океана²² добыто было по 108 бобров на каждого работника, а по 50 и 60 добывалось в обыкновенное время. Точно такое же было изобилие лисиц, белок, рысей, маралов, оленей, диких коз и всякого другого зверя. «В 1754 году, — пишет автор «Ежемесячных сочинений», — в одной деревне около Нерчинска, в 25 верстах, артелью из 25-ти человек в один день загнано было в огород 4027 диких коз — такова была до-

были». «Рыбные промыслы в Сибири можно назвать изобильными, — пишет автор «Золотого дна»²⁴, — хлебопашеством и скотом против российских вышеописанные места несравненно изобилуют». Когда началось хлебопашество на девственной почве, урожаи были громадные; в 1755 и 1756 годах в Нерчинском округе с посева одной меры хлеба собиралось тридцать две, а двадцать и двадцать пять — постоянно; даже в неурожайные годы хлеб стоил не дороже 10 коп. за пуд. Обыкновенно ржаная мука продавалась по 4 коп. за пуд., пшеничная — по 7 коп., овес — по 20 коп. четверть. Почва была до такой степени тучная, что удобрения не требовала; земля распаивалась новинами и при малейшем истощении ее земледелец обращался к новой. Изобилие в лесах давало возможность пользоваться почти даром лесным материалом и т.д. По мере развития оседлой жизни и земледельческого труда явились зачатки некоторой культуры. Мало-помалу в Сибири, по словам Миллера, начинало обживаться и собственное производство; в 1755 году Миллер указывает на производство юфти в Сибири, которую выделывали в Томске, Тюмени и Иркутске. Начинало распространяться железное производство: «Железо стало выходить и из Сибири, — говорит Миллер, — и этим товаром со временем можно будет снабжать не одну Сибирь, но и обратить его немалое число в российские и заморские торги». Стеклянная посуда также начинала выделываться в это время. «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет», — возлагал надежды Миллер. Из этого видно, что здесь существовали даже зачатки прочной промышленности. Торговые сношения Сибири шли довольно оживленно на севере с Архангельском; завязывались прочные сношения с Бухарой, и русские приказчики жили в Джунгарии; заводились деятельные сношения с Китаем; все обещало, по видимому, видное промышленное и торговое значение обширного края. Вновь присоединяемые владения только усиливали его цену. Дошедши до Восточного океана, открыв массу островов, достигнув даже Калифорнии, где была русская колония «Росс», русские опять обратились к южным границам Сибири и начали присоединять степи; в конце XVIII столетия примкнула киргизская степь, впоследствии — Туркестан. Присоединив сначала просто огромную пустынную территорию, русские лишь постепенно начали сознавать ценность приобретений. В XVIII столетии и в половине его с появлением образованных людей в Сибири и путешественников яснее определи-

лось значение и ценность приобретения Сибири. Как только касалось Сибири ученое исследование, оно постоянно открывало новые источники богатств, «Какой богатый залог сокрыт здесь для будущей промышленности! — восклицает геолог Щуровский при взгляде на каменистоугольную Кузнецкой бассейн, занимающий площадь в 40000 верст, — здесь находятся железная руда, обширные леса и величественная судоходная Томя, удобная для сбыта произведений. Салаир — русский Цинцинати: Салаирские горы содержат золото и серебро; кузнецкий Алтай — золото, каменный уголь и железную руду». «Все это, — говорит г. Щуровский, — лежит пока втуне: кузнецкая котловина представляет столько выгод для Сибири, что в этом случае могут соперничать с нею только Англия, Бельгия и Россия со своим Донским бассейном». Таким образом, чем больше знакомилась с этим краем, чем глубже входили в его необъятные недра, тем более росла его слава и тем чаще слышались восторженные отзывы о нем. Так, сенатор Корнилов²⁵ в 1828 году начинает свое описание следующим панегириком: «Сибирь, сие богатое и обширнейшее достояние России, приобретенное на заре побед наших и славы, в век великого Иоанна IV, представляет собой такую картину, которая всегда восмылит истинного патриота. Он несколько приступит к замечательным местным подробностям, от которых много зависит и благоденствие страны сей, и польза самой России: ибо Сибирь своим сокровищем, своим богатством по всем трем царствам природы со времени приобретения имела и будет иметь всегда важное на Россию влияние, как на коммерцию, так и на внешние и внутренние обороты оной» («Замечания о Сибири», Корнилов, 1828 г., стр. 1). Сибирь начинала составлять для нас, таким образом, предмет патриотической гордости, как для британца — его обширные, могущественные колонии. Не было царствования, в которое Сибирь не напоминала бы о себе новыми открытиями и подарками: с Иоанна Грозного — завоеваниями и соболем; при Петре I — открытием рудников, бухарским золотом и торговлей с Китаем; при Екатерине II — бухарской торговлей, присоединением степей, Камчатки, американскими владениями; при Павле — мечтами о проходе в Индию; впоследствии, в сороковых годах, — открытием золота; в пятидесятых — присоединением Амура, Усури; в шестидесятых — Средней Азии, в семидесятых — Сахалина и т.д. Каждое из этих открытий и присоединений порождало новые мечты и будило мысль о Сибири. Мы

создавали тысячи обширных планов нашей торговли, обогащения и могущества в Азии, и нашему патристическому самомнению не было никаких границ.

Но не всегда господствовало время обширных планов и прославления богатств Сибири. Весьма часто после временных восторгов и увлечений начиналось охлаждение и разочарование. Планы и надежды не всегда осуществлялись и обогащение не так легко давалось, как думали. Мы терпели неудачи на южной азиатской границе, на путях в Индию, в Камчатке и на Восточном океане (припомним ликвидацию дел русско-американской компании и разочарование Амуром). Вслед за этим мы так же быстро переходили к другим крайностям. Горькие обличения слышались тогда предшествовавшим заблуждениям. Разочаровываясь в своей деятельности, мы переносили пегодование на край. Отнимая от него всякое экономическое значение, обрекали его быть вечно мертвою тундрой, пустыней и заброшенным местом, пригодным лишь для ссылки и каторжного труда. Таков, например, был отзыв и взгляд на Сибирь известного писателя Герсеванова, доказывавшего в сороковых годах, что Сибирь не имеет никакой будущности и существует на счет России, принося скорее убытки, чем выгоды*. Но это был не один взгляд Герсеванова, это был приговор многих русских людей. Только с открытия золота кредит Сибири поднимается, мы снова с восторгом сулим ей будущее Калифорнии, а потом опять забываем. Эти иллюзии вечно преследуют несчастную страну.

Но теперь наступило, наконец, время проверки этих восторженных возгласов, мы обязаны обратить внимание и на другую сторону медали, посмотреть поближе, каким образом шло промышленное и культурное развитие этого края, и всегда ли он имел то значение, какое ему приписывали. В самом деле, нельзя не заметить, что когда говорили о природе и естественных условиях, везде слышалось восторженное отношение к новизне, к девственности края и богатым запасам его развития; когда же обращались к жизни его, населению и особенно к его гражданственности, то являлось самое горькое разочарование. Социальная беспомощность этого края постоянно обозначалась довольно медленным его заселением. В начале нынешнего столетия считалось в Сибири 180000 жителей на 250000 кв. миль. Русское население

* «Сибирь, питаясь соками России, сама мало от того гудеет, и отнимает силы у своей кормилицы». Герсеванов. Отечество. записки. 1845 г. О торговом значении Сибири.

средних губерний Сибири не превосходит до последнего времени 3500000, что на 10708000 кв. верст представляет самое ничтожное заселение. Ясно, что Сибирь прежде всего не имеет достаточно рук для обработки своих произведений.

Что касается способов разработки естественных богатств Сибири, то мы не только не обогатились здесь, не только не положили основания прочной промышленности, а, напротив, уменьшили и истощили производительность края. Причиной этого являются те способы эксплуатации, какие мы прилагали к нему: вся промышленная деятельность Сибири была сосредоточена в первое время на расхищении естественных богатств и запасов природы. Расхищалось все самым непредусмотрительным образом. Набросались мы на соболя и дорогих зверей и быстро уничтожили их; зверь начал удаляться с запада на Восток, и к половине прошлого столетия его почти не было уже в Западной Сибири; в начале настоящего столетия мы встречаем жалобы, что улов его уменьшается даже в тех сокровенных местах, где он еще оставался. Г-н Шуксин в «Путешествии» своем в Якутск представляет доказательства убыли зверя уже в 30-х годах; так, соболей в 1825 году было в продаже 18000, а в 1830 году — было только 6000; лисиц вместо 14000 было 7400; песцов вместо 18000 — 9000. Г-н Кривошапкин в своей книге, описании Енисейского округа, замечает, что количество зверя в Енисейской губернии, особенно в Туруханском крае, значительно уменьшилось; так, в 1825 г. из Туруханского края было вывезено 28000 штук соболей, 140000 песцов и 300000 белок. Из таблицы за пятнадцать лет о количестве звериных шкур, поступающих в ясык и в продажу торгующим лицам Енисейского округа от изородшев, видно, что в 1846-м и в 1847 гг. соболей поступало на пятнадцать и девятнадцать тысяч рублей; в 1850 году с трех округов поступило даже на 35000, а в следующие годы поступление ценилось только сотнями рублей («Енисейский округ», Кривошапкин, стр. 19, 23 и приложение I-е). Вообще замечается, что в Сибири сильно уменьшаются соболь, песец и олень, зато как бы увеличиваются хищные звери: медведи, волки, бирсуки и рыси (Кривошапкин, стр. 23). Из этого видно, что в Сибири происходит обратное движение культурному порядку: хищные звери прибывают, а полезные убывают. Так, например, белка исчезает от недостатка питания вследствие выжигания лесов. Пожары, истребляющие леса в Сибири, вообще громадные: они занимают тысячеверстное пространство.

Причиной же размножения хищных зверей выставляется следующее довольно замечательное объяснение: «Опустошение и погибель большинства инородцев сперва гнилою горячкою, а в 1850-м и в 1851 годах — оспою, было до того сильно, что влялось нивду по лесам много трупов, которые привлекли хищных зверей, вроде медведя, росомах и волков, от шичности которых бежали дальше лучшие звери» (Кривонаникин, стр. 19). Это оригинальное объяснение бросает отчасти свет вообще на страшную беспомощность края.

Истощение звероловства, конечно, должно было неблагоприятно отразиться на благосостоянии сибирского населения. В половине прошлого столетия енисейский депутат Самойлов в комиссии уложения при Екатерине II говорил о звероловстве как об основном предмете торговли; все местные капиталы были заняты им. В начале нынешнего столетия в один Китай сбывалось из Сибири до 8 миллионов белчьих шкур; в 1836 году было вывезено только 4 миллиона; в 1837 г. — 2900000. Сбыт белки в пятидесятых годах на нижегородскую ярмарку не превышал трех миллионов. В результате — как мы не охраняли меховую торговлю казенными монополиями и запрещениями сбыта мехов за границу — ценный зверь был все-таки истреблен. В последнее время такая же мера употреблена была относительно Амура: вывоз пушных богатств был запрещаем за границу; но в Сан-Франциско образовались целые торговые дома, занимавшиеся торговлей русскими мехами с Амура.

В 1850 г. еще на Ирбитскую ярмарку привозилось до 108000 шт. горностаев и 43600 соболей, в 1860 г. — только 56000 первых и 16200 вторых, в 1870 году еще менее: 24000 горностаев и 5150 соболей. До чего пала меховая торговля в России, видно, что в 1874 г. вывезено из России мехов на 2250000 руб., а привезено из-за границы на 6000000 руб. Академик Бер доказывал еще в 1838 г., что торговля свиной шепиной будет выгоднее для России, чем пушной товар, и это вполне подтвердилось.

С той же жадностью, с какою пришлые люди накинулись на звероловство, они сначала набросались было и на горные промыслы. Сколько усилий было употреблено в прошлом столетии на разыскание горных богатств! Из звероловческой колонии мы вдруг захотели сделать Сибирь горнозаводской. Под влиянием этой маньи тысячи крестьян на юге Сибири были приписаны к казенным заводам. Это были своего рода крепостные до 19 февраля, обязанные тяжелой повинностью достав-

лять руду, обжигать уголь и т.д. В некоторых местностях сибирская администрация старалась развить и поднять горное и рудничное производство посредством дарового и подневольного труда проступников. Железные руды действительно представляли неисощимое богатство в Сибири, но каких результатов достиг этот подневольный труд? Несмотря на все искусственные меры, на все усилия, горнозаводская промышленность находилась в плачевном состоянии и Сибирь проловольствовалась металлическими произведениями Урала, из той же европейской России. Общая ценность годовой добычи всех металлов равнялась для России в сороковых годах 55000000 р.; при этом с заводов Уральского хребта получалось 45000000 р., а с сибирских колывано-воскресенских заводов — около 5 миллионов, и, наконец, с перчнских — 2 миллиона рублей. Всего же добывалось в Сибири не более как на восемь миллионов рублей: цифра ничтожная в общей массе производства. Перчнские и колывано-воскресенские заводы, поддерживаемые правительством со времени Петра, стоившие ему миллионных затрат, под конец приносили казне только убытки. Упадок алтайских заводов доказывается ныне уменьшением добычи металлов. В 1851 г., по сведениям Гагемейстера (Историч. статист. обозрение), в Алтайском горном округе добывалось до 40 пуд. серебристого золота, 22152 пуд. золотистого серебра и 250075 пуд. меди. Ныне падение производительности рисуется следующими цифрами:

Годы:	золота				серебра			свинца		меди		чугуна	
	п.	ф.	з.	л.	п.	ф.	з.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.
1871	18	19	—	21	845	36	32	61198	31	32953	28	14070	-
1872	19	32	7	—	682	14	28	51445	18	25737	29	35675	20
1873	29	6	78	85	611	6	15	30627	7	38516	32	51858	20
1874	29	29	64	58	608	26	66	35255	11	42036	14	30000	-
1875	33	10	88	63	593	15	39	40085	20	39590	21	30000	-
1876	11	8	52	42	616	15	93	30497	—	32645	—	30000	-
1877	11	24	95	84	616	—	53	30476	—	28700	—	30000	-
1878	10	32	—	—	613	3	—	59388	20	26678	—	17147	-
1879	29	25	12	—	561	32	—	28290	7	28690	—	36000	-

Статистический обзор о состоянии Западной Сибири с 1874-го по 1878 год, приложенный к западносибирскому адрес-календарю на 1879 г., составленному на основании официальных отчетов, свидетельствует то же. «Казенная предприимчивость по разработке золота, — говорит упомянутое обозрение, — в Западной Сибири идет не особенно быстро вперед. На алтайских горных заводах она в последнее время уменьшилась с 33

пулоп на 11, то есть на 30%; добыча серебра понизилась на 35%. Зато, сравнивая частную золотопромышленность, видно ее превосходство. В Томской губернии на промыслах в 7 лет 857 пуд. 2 фун. 16 зол., по 122 пуда в год. По всей же Западной Сибири на частных промыслах золота в течение 7 лет 911 пуд. 33 фун. 66 золот. 75 долей. Следовательно, частные промыслы дали в 6 раз более в сравнении с казенными заводами». Уменьшение горной и заводской производительности в Алтае обнаружилось в закрытии некоторых заводов, как Томского, на сокращении работ в Змеиногорском руднике и уменьшении добычи руд в Зыряновском руднике, а именно: в 1864 году здесь добывалось 1267000 пудов руд и 1283 пуда серебра; в 1878 году руд — 740000 пудов и серебра — 518 пудов. Доказанный и обнаруженный нерациональный способ казенного хозяйства в Алтае, сопряженный со значительными злоупотреблениями, вызывает ныне необходимость передачи заводов и разработку металлов в частные руки. Что касается частной железной производительности, которая начала пришиваться в Енисейской губернии в начале нынешнего столетия, она пала от уларов, нанесенных ей золотопромышленностью. «Некогда было думать о железе, всю деятельность поглотило золото», — говорит г. Шуровский. В настоящее время в Восточной Сибири опять возникает частное железное производство, но выделывается железо незавидного качества и сбывается на золотые прииски. Недавно даже Забайкалье пользовалось железом, привозимым с Урала. То же уральское железо идет в Нижний, а потом уже ввозится в Сибирь, делая двойной огромный путь.

Вслед за тем самую видную роль в разработке сибирских богатств, конечно, играло золото. При истреблении звероловных богатств, при неудавшейся горнозаводской промышленности, не выходявшей из состояния прозябания, мы обратили внимание на золото. Слухи о баснословных богатствах привели сюда толпы искателей приключений. Во времена золотопромышленности воскресла прежняя, давно уснувшая предприимчивость, и началась алчная погоня за наживой разных промышленников, каковы были Попов, Мошаров и другие. Неведомые моря и пустыни замечает теперь сибирская тайга, то есть девственные леса, раскинутые на тысячи верст. Сибирь начинает играть для России роль Калифорнии; все гонится за золотом, и большинство капиталов сосредоточивается только на этой промышленности. Открытие этих новых богатств, как ни было

выгодно оно для государства, в деле культуры Сибири, однако ж, произвело совершенно обратное влияние. До золотой горячки край, оставленный в покое, начал было отдаваться своим мирным занятиям; население от звероловства начинало переходить к земледелию, понемногу зарождались и местная заводская промышленность — словом, какая ни по есть культура начала было формировать привычки и нравы местных жителей. Золотопромышленная горячка резко остановила это движение, повернув его в другую сторону. Все капиталы, все силы населения устремились к ней; земледелие и промышленность были забыты, и на Сибирь стали исключительно смотреть, как на золотой рудник. Но что же дало ей золото, чем вознаградились эти страшные жертвы, принесенные его добыче? Тайга была искожена наизло и поперек, увлечение достигло высшей степени. Между тем, как это увлечение продолжается несколько лет, вдруг доносятся вести об оскудении золота и истощении прежних богатств. В самом деле, сначала шло постепенное возвышение добычи золота: в 1830 году частная золотопромышленность вырабатывала только 4 пуда 22 фунта драгоценного металла; в 1836 году она достигла 84 пудов; в 1837 году — 106 пудов; в 1842 году — 575 пудов; в 1846 году — 1238 пудов; в 1847 году — 1370 пудов. Затем добыча стала падать на 1200 п., на 1100 п., а в 1852 году было извлечено только 900 пудов*. В пятидесятых и шестидесятых годах слышится уже жалобы и плач на истощение золота; оказалось, что приемы нашей разработки золотых руд были такие же хищнические, как и в других отраслях промышленности. Гонимая за фунтом лишнего содержания, мы снимали золото только сверху, а остальное погребали в овалах. Сама обстановка труда на золотых приисках была в высшей степени безобразная, действительно каторжная; все предоставлялось простой случайности и произволу эксплуататора, где не было ничего похожего на человеческие отношения к труду и положению рабочего. Таким образом, золотопромышленность прошла каким-то мертвым ураганом по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олеське, за Байкалом и на Амуре. Там, где прошла эта промысловая чума, не осталось никаких культурных следов. На местах брошенных приисков шумят леса и

* В 1879 г. на частных приисках всей Томской губернии добыто золота 163 пуд. 34 ф. 9 зол. 55 д., в Ахмолдинской области всего 26 ф. 15 з. 48 д. В Семипалатинской — 9 пуд. 16 ф. 42 з. 74 д.

нет даже признаков человеческого жилья. В сибирских городах золотопромышленность не оставила никаких заметных памятников, кроме запущенных увеселительных садов и нескольких конкурсов, пустивших по миру кредиторов. Кроме того, золотопромышленность имела те невыгодные последствия, что породила абсентеизм. Многие являлись в Сибирь временно, наездом и, разбогатеv в ней, увозили из нее свои богатства и бежали сами. Точно так же золотопромышленность не оставила и следа благосостояния в местном крестьянстве. При прежней системе золотопромышленности население обольщалось задатками, а рабочие спинались при входе и выходе с приисков; от этого явилось не лишенное оснований мнение, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка. Говорят, что золотопромышленность подняла заработки и дала возможность крестьянину возвысить цены на сельскохозяйственные продукты, но если допустим даже, что цены на сельскохозяйственные произведения и повысились, то не надо забывать и того, что крестьянин платит теперь за все покупаемое гораздо дороже; что он прежде находил у себя дома, то теперь приобретает из вторых и третьих рук кулака. Золотопромышленность подавила все мелкие ремесла и отвлекла занимавшихся ими прежде поселенцев на прииски; она же отяжелела руки от земледелия и стеснила его. А между тем вслед за развитием золотопромышленности везде раскинули свои сети винокуренные заводы и увеличилось пьянство.

Вслед за эксплуатацией зверей, руд и золота мы обратились к эксплуатации скотоводческих и сельскохозяйственных продуктов Сибири. Сибирь ныне представляется вполне сельскохозяйственной страной, земледелие существует повсеместно, кроме северных окраин до 57.25° с. ш. Количество пахотных земель громадно. В одной Западной Сибири считается под обработкой минимум 3741753 десятин. По официальным сведениям 1879 года:

	Посеяно хлеба	Снято
• Тобольской губернии	1540536 четв.	5420601
• Томской губернии	994135 «	4516156
• Акмолинской области	51340 «	144629
• Семипалатинской	25847 «	129211
Всего в Западной Сибири	2611858 четв.	10210602

Но казенные цифры эти далеко не указывают всю производительность девственных полей. Сибирское скотоводство измерится следующими цифрами в Западной Сибири:

в Тобольской губ. 1879 г.	2401861	гол.	на	100	д.	199	гол.
• Томской губ.	2425000	•	•	100	•	234	•
• Акмолинск. обл. у кирг.	2345981	•	•	100	•	694	•
• « « у русск.	179936	•	•	100	•	155	•
• Семипалатинской у кирг.	3509764	•	•	100	•	740	•
• « « у русск.	116409	•	•	100	•	224	•
Всего	10978942	голов скота.					

Половина, если не столько же, приходится на Восточную Сибирь. Несмотря на это изобилие, нельзя не видеть, что земледелие и скотоводство стоят далеко не на высокой степени. Способ хозяйства тот же, хищнический, как и в других отраслях хозяйства. Богатые скотоводческие степи были для нас мертвым капиталом. Целые стада лошадей и овец на привольных степях пропадали для нас и часто гибли от случайностей, болезней и действия стихий, как гибнут буйволы в Америке и Африке. На барабинской степи издавна падает скот от сибирской язвы, в киргизских степях гибнут сотни тысяч голов от бескормицы и «джута»*. Недавно на Туркестанском тракте не было лошадей для сообщения. В иных местах Сибири скотоводство поражает изобилием. Езда сибирская отличается быстротой, лихие тройки обворожают путника. Но достаточно взглянуть на уход за скотом, на отсутствие рационального хозяйства, чтобы разочароваться. В Сибири скот решительно не ценится ни во что; для скорой езды, чтобы выручить липный рубль или полтинник, крестьянин загоняет лошадей. Многими животными продуктами не умеют пользоваться и совершенно бросают их; так, например, поголовники скота нанимают стричь по дороге баранов и отдают шерсть даром или бросают ее на месте. В скотоводческих местностях скопится огромное количество навоза, который нигде не пристраивается, даже не идет на удобрение. В Сибири часто деревни переселяются в другое место потому, что «больно заназмились»; то, что служит в других местах средством для поднятия культуры, является здесь препятствием. В таких залежах образуется натуральная кристаллизация поташа; сама природа, таким образом, показывает упот-

* Как огромны в Сибири падежи скота, отсутствующие часто целые местности, видно, что в одно 25-летие в Тобольской губернии пало 57626 лошадей и 290555 голов рогатого скота, убыток от этого равнялся 3764000 р. (Список населен. мест Тоб. губ. с. ССХУ). В Томской губернии в 7 лет с 1860 г. по 1866 г. пало 177145 голов скота по 25306 на год. В 1876 г. у киргизов от болезней и бескормицы погибло 173998 шт. скота, и по свидетельству ветеринара Гвоздского в одной Семипалатинской области ежегодно падает до 200400 голов. Сибирская язва и чума составляют настоящие стационарные эпизоотии.

ребление, но им никто не пользуется. Те сырые продукты, на которые обращают внимание местные жители, добываются грубо и первобытными способами. Так, например, сало, добываемое из животных, не перетапливается и не очищается. Во время провоза и добывания теряется масса продукта даром; кожи местное крестьянство не умеет выделывать; громоздкое и тяжелое сырье везется враз и по дороге расщипается. Несмотря на обилие сала, сибирский крестьянин не может им воспользоваться даже для своих надобностей. Он не умеет обработать сала и жжет в зимние вечера лучину. Сеет он лен, а носит рубашку из грубого, дубочного холста; у него много шерсти, а вы видите его одетым в казую-то дерюгу, насквозь продуваемую ветром; под ногами его множество железа, а он употребляет деревянный замок, телегу с деревянными колесами; окна его нищенской хижины заткнуты бумагой и сеном вместо стекол, он не умеет делать мыла, а потому обходится при помощи «подмылья», то есть моется квашеными килками. Таким образом, обилие продуктов не улучшает его быта, и сибирский крестьянин беден и беспомощен среди своих мифических богатств как последний дикарь. Вывоз и сбыт сырья точно так же не обогащают его. Сырье обыкновенно сбывается по самым низким ценам заским кулакам. Хлеб в некоторые годы был так дешев в земледельческих округах, что им кормили свиней на продажу на Ишимской ярмарке. Как в деле скотоводства, так и в хлебопашестве преобладает тот же хищнический способ: поднимается новина, срубается лес, сеется на девственной земле хлеб, дающий в первые годы огромный урожай (сам-30 и сам-40), но после первых годов земля считается выпаханной, и земледелец бросается на новое место, на новую девственную почву. Многие губернии Сибири производят изобилие хлеба; хлеб идет отчасти на прииски, рудники и заводы, но эта ничтожная часть сбываемого хлеба замедляется расстояниями и дурными путями сообщения по пустынным и непроходимым местностям внутри Сибири, а в Россию его вовсе не привозится. Поэтому Сибирь тяготеет даже своими необыкновенными урожаями. В последнее время, впрочем, придуман был исход хлебным богатствам Сибири: в ней начали спекулировать на винокурении; край покрылся винокуренными заводами, и Сибирь вместо золотопромышленной становится винокуренной. В Томской губернии в 1870 году было 22 винокуренных завода и выкурено вина на 1282168 р.; в 1871 г. выкуривали вина на 2021960 р.; в

1872 г. на 2166884 р. и т.д. В 1879 г. в Западной Сибири на винокурение было употреблено хлеба 2058326 пудов, из этого количества выкурено 85368536 ведер безводного спирта, или 2134213 ведер вина. Вообще же винокуренная производительность равнялась к 1880 году 2225002 руб.: на винокурных заводах — 289479 р. и пивоваренных — 244702 р. Таким образом, до последнего времени винокурение занимает в обрабатывающей промышленности одно из первых мест. Точно так же винокурение развивается в Тобольской и Иркутской губерниях. Что же приносят эти заводы местному благосостоянию? «Заводы эти хотя выгодны для сбыта хлеба, но далеко не искупают того вреда, который вносят они распространением спиртных напитков в среду рабочего сословия и становится истинным злом в годы неурожайные», — говорит один официальный отчет. О влиянии этой промышленности в Иркутской губернии сообщается следующее: «Влияние развития винокурения на край не представляет ничего отрадного; винокуренные заводы не имеют никакого сельскохозяйственного значения; а между тем замечается всюду развитие пьянства и его губительных последствий. Это вызвало борьбу генерал-губернатора Сигнельникова против этого зла; последовали отказы винооторговцам в открытии кабаков; но борьба эта не увенчалась успехом, винокурение и кабаки снова восторжествовали». Такова последняя форма эксплуатации «золотого дна» — Сибири. В настоящее время много говорят о вывозе сибирских богатств, о сбыте их вне ее пределов путем улучшенных путей сообщения, но не мешает подумать и о том, к чему послужит этот вывоз при нерациональных и хищнических способах эксплуатации, — к чему, как не к окончательному расхищению, истреблению и истощению последних запасов и произведений природы? Истощение это замечается на каждом шагу: это видно в выгорании лесов, в истреблении зверя, в расхищении металлов, в вывозе сырья без возращения земле ее производительной энергии и в истощении почвы.

Во всей этой экономической эксплуатации поражает нас невольно отсутствие всякой предусмотрительности и страшное невежество населения. Как будто житель Сибири не думает оставаться в ней дольше завтрашнего дня, как будто он пришлый человек, случайный кочевник, который пьет здесь, а завтра там, и ему нет никакого дела до того, чем будут жить его сын, его внук, его правнук. Он без разбора и без оглядки хватается все, что есть лучшего у него под рукой, и, схватив, расхитив и обе-

зобразив, обращается к новой спекуляции. Мы набрасывались на все, на золотые самородки, на соболя, которого били около жилища, но как только предстоял настойчивый труд, требовались некоторые усилия и умение для создания прочной культуры и промыслов, основанных не на одной случайности, не на слепом счастье, мы отступали, терпелись и жаловались на скудость природы в этих девственных странах. Так мы переходили от промысла к промыслу. Сибирская промышленность и срывшие богатства повторяют старую легенду Уланда, в которой один владелец замка и старый рыцарь пытается сделать подарок своим дочерям; одной он дарит золотую цепь: «Я, — говорит он, — встретил в лесу одного незнакомца с золотой цепью и убил его для того, чтобы тебе сделать подарок». Другой он дарит стрелу и говорит то же самое: «Я встретил чужеземца, отнял у него стрелу и умертвил его»; третьей он дарит цветок, объясняя его приобретение таким же путем. Каждая из дочерей восклицает при этом: «Отец, ты убил моего жениха!» Точно так же добыча сверхчеловеческих богатств в Сибири стоила жизни и порабощения, золото развращало и убивало промыслы крестьянства, разхищение земельладельческих богатств равнялось похищению цветка. Со смертью каждой из этих промышленностей народ лишается одного из средств к жизни.

Предшествовавшие примеры эксплуатации Сибири и пользование краем только в известном направлении подали повод к мнению, что Сибирь обречена навсегда быть страной сырья и поставщицей его для других местностей; что ей суждено быть постоянно страной земледельческой и скотоводческой и что единственная экономическая ее сила только в сбыте этих продуктов. Такое воззрение на экономические судьбы Сибири становится преобладающим. По поводу сибирской железной дороги не раз откровенно заявлялось: «Главная цель дороги — это эксплуатация сибирских богатств и вывоз сырья для снабжения им русских мануфактур, точно так же, как сбыт фабрикатов на рынках Азии». Но так ли это? Если отсутствие промышленности и хищная, эгоистическая эксплуатация край держит его до сих пор на низкой ступени культурного развития, то следует ли из этого, что и на будущее время Сибирь должна быть обречена тому же экономическому застою, той же печальной участи «золотого дна», беспощадно расхищаемого? Как бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если

она остановится на том экономическом уровне, чтобы только вывозить их от себя, не перерабатывая их у себя дома, она невольно обречет себя на вечную каблу и эксплуатацию другими, более сильными в промышленном отношении местностями; она будет в постоянной зависимости от чужих рынков, данницей чужого капитала и в конце концов обеднеет и разорится до последней крайности. Таково именно настоящее положение Сибири. Она пользуется всем привозным и несет все невыгоды от этой экономической зависимости. А между тем потребность в удобствах жизни и запрос на мануфактурные произведения год от году увеличиваются. Мы видим, что потребности сибирского населения все более расширяются, запрос на мануфактурный и заводской товар является и в крестьянской среде.

Для удовлетворения местных нужд могла бы служить местная обрабатывающая промышленность. Обилие животных, растительных и минеральных произведений, кажется, должно было бы создать здесь заводскую и богатую кустарную промышленность. К сожалению, обрабатывающая и заводская производительность Сибири стоит ниже всех отраслей хозяйства и дает самые ничтожные итоги.

В то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляет не менее, как на 60000000 руб. привозных заводских товаров и мануфактур, судя по оборотам ярмарок (на одной Ирбитской ярмарке бывало недавно для Сибири мануфактур на 23179000 руб. и на 30 миллионов на Нижегородской), местная заводская промышленность недавно производила на 6377857 руб. (Военно-статистический сборник, ч. I). По подробным, собранным нами из разных отчетов сведениям, в 1873 г. оказалось, что в Сибири было 1262 разных завода и крупных заведения, которые произвели на 15347293 руб. заводских продуктов; но надо принять во внимание, что здесь весьма видную роль играло винокурение (а именно: 8627300 р.). По сведениям, с 1879-го по 1880 год заводская промышленность Западной Сибири достигает оборота в губерниях и областях всего 10501038 руб. Цифра эта показывает, какую ничтожную часть занимают местные произведения в приобретаемых мануфактурах. Надо заметить, что в большинстве местная промышленность довольствуется простою обработкою сырых продуктов. Если мы выделим винокурение, то увидим, что в общем числе заводов и фабрик в Западной Сибири играют роль, главным образом, кожевенные заво-

ды, составляя 30,22%, а по сумме производства — 22,88%. Салотопенные заводы составляют 17,6% всех заводских оборотов. Что касается высших производств, то они почти не зарождались в Сибири. В Западной Сибири, например, до 1880 г. основалась одна сукошная фабрика, выделяющая в этом отечестве шерсти грубого сукна на 193446 р.; в край, где находятся неиспаемые рудники и богатство металлов, на всю Сибирь 3 железных завода и в Западной части 3 чугуно-литейных заведений с оборотом в 138750 р. Ничтожность заводской промышленности в крае доказывается вдобавок тем, что из 3219193 души населения Западной Сибири в 1879 г. занято было на местных заводах всего 10109 человек*. Немалую услугу краю, и даже большую, чем крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная промышленность, зачатки которой уже сызвана появились в Сибири; эта промышленность до сих пор для крестьянства заменяла мануфактуру, она поддерживается в последнее время притоком ремесленников и переселенцев из России**, к созданию, настоящее значение ее еще вполне не оценено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять экономические силы Сибири развитием в ней местных производств. Так, в 1835 году министр финансов Канкрин пробовал обратить внимание на развитие промышленности в Сибири, предписывая местным начальникам добыть от местных промышленников сведения о том, какие производства могли бы развиваться в крае и что до сих пор мешало их развитию. Из переписки оказывалось, что в Тобольской губернии могли быть развиты различные производства; Курганский округ изобилует скотоводством, в нем произрастают свекловица и питательные травы, а поэтому можно бы устроить: а) выделку свекловичного сахара, патоки и рафинированного; б) стеариновое производство; в) выделку круп и крупячатой муки; г) обработку позарковых и пуховых штып; можно бы увеличить кожевенные заводы с выделкой на них клея; е) развести мериносовых овец и пчеловодство. В Туринске замечательны ремесла кузнечное, слесарное и выделка холста, которые могли бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и слабое развитие ее объясняются, во-первых, тем, что нет знающих капиталистов для заведения фабрик, а купечество предпочитает

* Памятная книжка Западной Сибири 1881 г. Исследования Павлова — Сидяванского о промышленности Сибири с 1868 по 1876 г.

** См.: Кустарные промыслы в Сибири и значение их. Ядринцева. Русская мысль, 1881 г.

свои спекулятивные обороты; во-вторых, нет мастеровых для мануфактурного дела, доказательством чего привольится фабрика Медведсва, которая могла возникнуть только тогда, когда вызваны были мастера из России (Донссенвис общесо губ. правления генер.-губерн. Западн. Сибири от 24 апреля 1835 г.). Точно то же дало в своем отчете и томское начальство. Пригласенные для собрания сведений кутцы ответили: «Заводя, фабрик, а также каких-либо промышленных заведений заводить потому не можем, что в Сибири не имеется необходимых мастеров». Для поощрения сибирской промышленности в 1839 году 11 сентября утвержден был, наконец, указ о раздаче даром земель в Сибири под фабрики и заводы (Архив главного управления Западной Сибири, д. № 2147). Но поощрение это не привело ни к чему, потому что опших земель было мало: нужны были техническое образование, умение взяться за промышленное предприятие, опытные рабочие руки и, наконец, понимание экономических нужд края.

Говоря об иркутском обществе, самом видном во всей Сибири, один из путешественников замечает: «Надеюсь, что нас никто не упрекнет в несправедливости, если мы скажем, что в Иркутске между купечеством, играющим в жизни самую важную общественную роль, царствует крайняя необразованность, и этим, конечно, не обидятся люди, о которых я говорю, потому что им и нигде получить образования, а многие из них вышли из простых ямщиков и обозных приказчиков. Такое положение общества отзывается и на его делах; кроме торговли, основанной на кудачестве, золотопромышленности и соединенного с ее процветанием винокурения, не идет ни одно промышленное и более широкое предприятие. Не выручают тут ни здравый ум, ни предприимчивость» (Очерки Вост. Сибири Ровинского). Эти слова глубоко справедливы уже потому, что в истории Сибири мы встречаемся и с отлагой, и с предприимчивостью русского народа, но ему недоставало чего-то другого. Ему недоставало истинного сознания экономических особенностей края и создания само-бытной, а не посреднической промышленной роли.

При отсутствии собственной производительности, естественно, создалась экономическая зависимость края в сфере торговли, которая повлияла на весь склад экономической жизни населения. В самом деле, взглянем на историю экономических сношений Сибири. Сыздавна этот край обречен пользоваться всем

привозным. Первым экономическим вопросом в Сибири, по завоевании ее, явилось снабжение края необходимым продовольствием. Сибирь, населенная пришлыми людьми, «людьми гулящими», авантюристами, бродягами, зверовщиками, промышленниками, требовала обеспечения во всем. Правительство должно было заботиться о продовольствии населения и привозило хлеб сюда. Впоследствии снабжением края товарами занялось купечество, но сношения с новым краем были затруднительны. Торговые сношения Сибири с ее метрополией, Москвой, производились только раз в год. Сообщения совершались по рекам, товары сплавлялись на дощатках, через волоки тащились нартами людьми, купцы иногда зимовали, операция торговли была медленная; поэтому только редкие купцы провозили в Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при беззастыи и отсутствии конкуренции. Товары и припасы, привозимые монополистом, продавались по необыкновенно высокой цене, и покупатель был в полном его распоряжении.

Из истории торговли на Востоке известно следующее. Уже далеко до прошлого столетия началась ввоз в Сибирь и Азию русских товаров. В Верхотурье стояла тогда таможня, где бралась пошлина с товаров. Пошлина бралась и с товаров, и с денег, привозимых сюда. «А ежели бы с денег пошлины не было, — объясняли тогдашние правила, — то бы мало в Сибирь российских товаров возили и больше ездили бы с одними деньгами». (Изв. о торгах сибирск. Миллера, 1735 г.)

Сибирь в это время во всем нуждалась: уже Миллер описывает, как сбыт товаров был значителен. «В Сибирь идут шелковые и шерстяные штофы и парчицы русских фабрик, ценовое золото и серебро, золотые и серебряные позументы и сетки русских фабрик, которых в сибирском торгу больше употребляется, чем чужестранных, для того, что купцам дешевле становится, а сибирские жители о доброте оных в тонкости рассуждать не знают». В Сибирь привозились и жестко обитые баулы, и стекло, и медная посуда, и вина. Миллер сообщает интересные цены этого времени. «В Ирбите и Тобольске разница небольшая, — говорит он, — ежели там четвертою частью более покупаемой цены товаров продать можно, то купец доволен». В Енисейске некоторые товары поднимаются в двойной цене, в Иркутске — тройной и четвертной и выше цене. Сахар стоит в Ирбите 5 руб. пуд, в Тобольске — 7 руб., в Енисейске — 10 руб., в Иркутске — 20 руб., в Якутске — иногда 40 руб. Красное вино стояло в Архангельске

1 р. всадо, в Ирбите — 2 и 3 руб.; в Сибири его продавали в 20 и 40 рублей. Миллер упоминает о негавшей развиваться в половине прошлого столетия заводской промышленности в Сибири; он говорит, что железо стало выводить из Сибири и что «со временем им можно будет не только всю Сибирь удовлетворять, но и употреблять его немалое количество в российские и заморские торги». То же говорит про стеклянные заводы: «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет». Но все это не оправдалось: заводы в Сибири падали. Зато Азия начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарские караваны привозили из Джунгарии бумажные ткани, известные, под именем иркетчины; Китай привозил дабы, шелк; из России же везли холст и крашевицу. Поэтому азиатские товары стали вытеснять русский миткаль и хохлянку; они наводнили Сибирь и приучили население к среднеазиатской мануфактуре. Русской мануфактуре трудно было соперничать. В это время, пишет Радинев, почти вся Сибирь ходила в белье и платьях из бухарских и китайских тканей; жители ходили в дабовых и фансовых рубках; голь — шелковая китайская материя — была распространена по всей Сибири; в нее наряжались солдаты и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, обитые полушубками; в сибирских канцеляриях употреблялась китайская тушь вместо чернил (О караванной торговле с Джунгарией и Бухарией // Чтен. Моск. общ. древн. и истор.). Бухарские купцы при своей ловкости даже взялись за торговлю русскими товарами. Но русские купцы начали жаловаться, указывали на льготы бухарцам, и свободная торговля с Азией была прекращена. Бухарцам не приказано было явиться в Россию. В 1800 г. тариф прекратил и китайский ввоз. Он имел в виду, чтобы русские товары были повышаемы в цене, а китайские — понижаемы. Тариф 1824 г. уничтожает всякую конкуренцию иностранного товара. Граница была замкнута. Китайские и бухарские шелк и фанса исчезли, а ее заменили миткаль, крашевица и разная привозная дерюга. Замкнутая со всех сторон Сибирь в это-то время получала только товары с русских фабрик через Ирбит. В 1832-м и 1833 годах, по словам Словцова, приобреталось Сибирью 35752980 р., по 15 и 20 миллионов в год российских товаров. Московские, костромские, владимирские фабриканты в это время были обеспечены от конкуренции. В начале нынешнего столетия и 30-х годов опять было возникала козкая своя промышленность в Сибири, например, железная, но ее приостановила золотопромышленность. Потребности, между тем,

на Востоке росли. Рассматривая ввоз в Сибирь товаров, мы видим, что она ничего не делала своего до последнего времени: железо шло с Урала, сукна, ситца — из Костромы, Москвы, железо — из Иванова; она получает и хрупкую посуду из Москвы, точила из Чердыни, дуги и деревянные изделия из шадринского заведения Ческинова; даже ложки привозятся семеновские, Нижегородской губернии, даже дрянные прищипки. К характеристике торга в Сибири служат следующие слова секретаря Тобольского статистического комитета Смоленского по поводу ярмарок: «Мануфактура русская идет для Восточной Сибири из Нижегородской ярмарки, для Западной — с Ирбитской. Сибирские купцы берут в кредит, и потому товар всегда залежавшийся; особенно много дурного товара на мелких торжках Тобольской губернии. Вязниковцы ездят дешево и кормятся даром: названные сибиряки принимают их как странников. Обманы, запрашивающие постоянно в ходу, но мануфактуры нарастают» (Смоленский). Ишувская ярмарка // Тобольские губернские ведомости. 1857 год). В примере товаров тот же секретарь статистического комитета приводит, что варенье, например, привозят паточное, а продают за сахарное в Сибири; берут за него по 7 руб. пуд, когда оно в Нижнем 4 руб., его одного продается на 70000 руб. на одной ярмарке. Бакалейщики говорят, что они получают по 35 и 50 процентов на рубль. Ирбитская мануфактура вошла в поговорку: «Никуда не годно, так в Сибирь», — говорят фабриканты. Г-н Овсянников в исследовании о сибирском транзите на Нижегородской ярмарке свидетельствует: «Самые важные из товаров, идущих из России в Сибирь, — мануфактурные товары — создаются в Московском и Приокском районах, и если вылаются в Сибири за иностранные и петербургские, то только для прикрасы. Между тем, иностранные товары в Сибирь не попадают. Табак, сахар, сласти идут с юга, вина — из Кизляра и Магдака или *внутренней фабрикации* — из Москвы» (Нижегородский сборник. Т. IV. 1871 г. Стр. 53).

Из этого видно, что «о доброте оных товаров сибирские жители и доселе в тонкости рассуждать не знают», как выражался Миллер. Кроме того, вина для Сибири начали фабриковаться в Ирбите. Там одно время была откровенная вывеска: «Здесь пригощаются мадера, херес и другие виноградные вина для Сибири». На дороге в Сибирь смельчаными торговцами были устроены хутора для фабрикации и переработки вин. То же происходило и с другими товарами. Не стесняемая никакой конкуренцией,

мануфактура благодетельных костромичей и москвичей пустилась в самую отчаянную фальсификацию. Так же поступали и другие заводчики. В «Ирбитском листке» за 1876 год напечатано: «В ноябре 1875 года из Кунгура от Г.М. было отправлено в Иркутск 22 короба обуви. В Томске при осмотре этих коробов обувь оказалась только в 3-х коробах, в остальных 19-ти — дрош и селом» (Ирб. ярм. лист. 1876 года, № 8). Такова эта торговля. Монопольные яления — кабала и обманы — были естественным последствием ее. «До 20-х годов у нас была странная монополия, — сообщает Н. П. Булатов, — всего два, три купца ездили на ярмарку и торговали привозными товарами. Местные произведения были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли закупить припасов на две недели, но цены на товары были ужасные. По приезде с ярмарки они несколько повыжились. Так, например, сахар вы могли сначала купить по 1 р. 50 коп. фунт, через неделю цена уже поднималась на 20, 25 коп. на фунт, через два, три дня еще... еще..., а через месяц доходила до 2 р. 50 коп. Бумажный платок верпиков в 6, уродливый, каких нынче не возьмет ни одна крестьянка, стоил по 1 р. 50 коп.; сукна почти не было, сукно носили только самые знатные люди, а в общем употреблении была нанка. Сукно было аршин по 15 рублей, и что это за сукно! Верно, ни один жандарм нынче такого не носит, толщиной в палец, ворс, как заячья шерсть, липит. И эти господа уверяли, что они дешевле продавать не могут. Когда купец уступал даже знакомым по покупной цене, и то брал барыша 18%. Дело было просто: в Сибири ходили ассигнации; серебро если и являлось изредка, то как товар, а не монета, и то были только одни рубли. Мелкой монеты здесь вовсе не водилось. Между тем во внутренних губерниях, как известно, и монета, и ассигнации ходили с лажем²⁶. Купец покупал на ассигнации и платил 10 руб., в с лажем записывал 11 р. 80 коп. Нам и в голову не приходило, что нас так обирают», — присовокупляет Булатов (Вагин, о Сперанском, ч. I, стр. 570—571). Но влияние монополистов не ограничивалось дорогой продажей товаров: они скупали у крестьян продукты по самой низкой цене, давали им в кредит товар и забавляли.

Подобный характер торговли продолжается и доселе в различных местах Сибири и особенно чувствителен на отдаленных окраинах. Какое попрание нажив представляют, например, Ташкент, Амур, Камчатка! 13 февраля 1873 года в камере самаркандского мирового судьи разбиралось дело

купца Соколова, при котором разъяснилось, что наши купцы в Ташкенте берут ныне не только 90%, но и 1 р. 35 коп. на рубль, то есть 135% барыша и объявляют это публично.

Торговлю на Амуре характеризует следующая корреспонденция морского офицера: «Здесьние купцы на товар, знаете ли, какие проценты берут? 200%, 300%, 400% и 500%. А слушается — и более. Так что если бы мы, гардемаринцы, жили бы все на берегу, то мы бы ходили не хуже кронштадтских посадских. Приказчики в лавках, например, жалования совсем ничего не получают, а договариваются с хозяевами так: хозяин говорит, что этот товар стоит столько-то, и ты должен получить за него столько-то, остальное все, что возьмешь больше, — твое. И такие контракты свидетельствуются с приказчиками в полицию. Выходит что же? Хозяин завода получает процент на товар; потом первый приказчик, продавая товар нашим купцам, берет процент известный; далее наши купцы берут проценты такие, какие им вздумается, то есть 200%, 300%, 400% и 500%, и, кроме того, еще приказчики набавляют опять-таки столько, сколько им вздумается! Так, например, обон (шталеры), которые в Питере стоят кусок 40 коп. — вы здесь платите 1 р. 75 коп.; лампа, которая у вас стоит 1 р. или 1 р. 25 коп., здесь 5 р.; японская платялочка, маленькая, которая на месте стоит 0,5 доллара (доллар — 1 р. 40 коп.) или того меньше — здесь 10 р. и т.д. Почему все это? Потому что нет конкурентов. Здесь 5, 6 купцов сговорились грабить и грабят. Явился, например, здесь раз какой-то человек почестнее, взялся доставлять мясо в экипаж, что-то рублей на 2,5 дешевле прежнего поставщика, — и что же? Ему не отдали подряд».

Положение Камчатки характеризуется уже тем, что сообщение с ней совершается один раз в год и сношения ведутся с Амура через Норчинск, Иркутск, Якутск сухим путем. По описанию протоиерея Громова, этот край совершенно ныне отрезанный. Нечего говорить, в какой власти находитесь он у местных спекулянтов и монополистов. В последнее время пуд муки стоил 5 р. и фунт пороха — 4 р. Замстим, что деньги здесь страшно дороги. Начеты и кредиты купцов в подобных местах характеризуются следующим трагическим случаем, рассказанным Коттрелем: «Несколько лет назад один человек с Индигирки заказал якутскому купцу резную золоченую раму для доставленного ему в наследство образа св. Николая. Цена была договорена в 70 р. На следующий год заказ готов, и

счастливым обладателем его дает купцу 56 шкур белых лисиц, рассчитывая каждую шкуру за рубль; но остался должен 14 рублей. По истечении 7 лет, и то время, как бедный владелец св. Николая заплатил своему заимодавцу 90 шкур, или 90 рублей за капитал и проценты, купец присвоил себе самый лик святителя и возвратил его только тогда, когда вынул вексель с должника в 1200 рублей!» Проценты подобного рода объективны в тех отдаленных местах, говорит Коттрель. Расчет был сделан таким образом: купец получил шкуру за 1 р. и продал ее за 2,5; следовательно, первоначальный долг из 14 шкур стоил ему по этой оценке 35 р. Если бы он эти деньги употребил в Якутске на торговлю, рассуждал наш торговец, он имел бы выгоды 150%, столько же — в следующий год и т.д. (Sibirien nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Strafcolonie, geschildert von Carlos Herbert Cottreel s/ 121, Dresden und Leipzig, 1846). Положение отдаленного Амура не в лучшем состоянии; в этот благословенный по климату край привозился хлеб вокруг света, и предметы необходимости с провозом достигают невероятных цен. Монополии и перекуп удесятеряют цены. Но кроме того, стачки, монополии и скуп существуют и по всем городам Сибири, а также на всех местных ярмарках. Жалобы на это беспрестанно выражаются в корреспонденциях из Сибири. Такое положение дел обусловливается самым свойством сибирского хозяйства.

Сибирское хозяйство издавна состоит в расхищении и вывозе сырых продуктов природы. Если мы взглянем на Ирбитскую, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, они нам обрисуют, что производит Сибирь и что сбывает. Так, на Ишимской ярмарке мы видим главные предметы сибирского торга: *сырое сало* из киргизской степи, с ишимских, якутских и курганских салотопен, с 500000 баранов. *Сырое сало*: свиньи в Ишме даже нарочно откармливаются хлебом: так, в 1860 году в Кургане откармливались 7200 свиней, на которых пошло 144000 пудов хлеба. Далее, *коровье масло*: до 60000 пудов его идет через Таганрог в Константинополь. *Кожы, щетина, пушнина, дикая птица*, как и *домашняя* составляют предмет сбыта. В Ишме гуси откармливаются для сала по 200 штук; далее — *рыба, скот*, все это вывозится, а взамен получается мануфактура. Здесь мы видим уральское железо, костромские и ярославские ситцы, нижнетагильские сундуки, чердынские то-

чила, шарнирные пряники и деревянные изделия из Тагила, Нижнего и т.д. Может, не всякому известно, что турок получает коровье масло из Сибири через Ростов-на-Дону; лондонская гостинная освещается стеариновой свечкой из сибирского сала, широкая пуховая шляпа, покупаемая европейцем, приготовлена из шерсти сибирского зайца; салоги, выделываемые в Лейпциге из сибирской кожи, красуются на ногах немца; чего и говорить уже, что сибирский мех обвивает шею европейской певички, и служит подкладкой плаща китайского императора*. Несмотря на богатство и разнообразие произведений, Сибирь пользуется, одевается и прошивается, однако, всем прошедшим через горнило русских фабрик. В то время, когда в Сибири только начинается заводская промышленность, сибирским сырьем и продуктами питается вся заводская промышленность Казани, Екатеринбург и других соседних местностей. Стеариновый завод Крестовниковых в Казани покупает до 170000 пуд. сибирского сала; Екатеринбургский завод Плещановых — 35000 пуд. Всего из Сибири сала вывозится до 980000 пуд. Казань скупает также на Ирбитской ярмарке и в Семипалатинске меха и выделывает их; для этого в Казани 11 скорняжных заведений. На 8 казанских овчинных заводах обрабатывается 19300 пуд. овчин, приносимых из Сибири. Льнопрядильная фабрика Алафузова получает из Сибири 30000 пуд. кулети и льна. Масла коровьего получает Казань из Сибири 25000 пуд. В городах Вятке и Слободском и их уездах выделывается до 250000 яловых кож на сумму 875000 р. Третью этого сырья закупается в Сибири и т.д. (Сибирский транзит и Нижегородская ярмарка // Нижегород. сборн., т. IV. Стр. 54-60). Количество ввозимых и вывозимых товаров может характеризоваться цифрами, например, Ирбитской ярмарки, существующей по преимуществу для Сибири. Сумма оборотов ее равняется от 40 до 50 миллионов. Мягкой рухляки здесь продается на 2200000 р., кож — на 4300000 р., коровьего масла — на 900000 р., шетины — на 460000 р. и т.д. Мануфактур отпускается на одной Ирбитской ярмарке от 25 до 30 миллионов. Свойства сибирской производительности видны также и на оборотах Нижегородской ярмарки. Сибирские товары, идущие сюда: сало, льняное семя, шетина, волос, кожи, коровье масло, кедровые орехи, меха, рыба, пряники, овчины, чай, металлы, соль. «Сибирский транзит, — говорит г-н Овсян-

* Распределение сибирских товаров к Петербургу, Москве и Казани можно видеть в последовании г. Овсянникова о Нижегородской ярмарке.

ников, — то есть вообще все товары, отправляемые из Сибири и с Урала в Россию, из внутренней России — в Сибирь и на Урал через Нижний, равняются от 13 до 14 миллионным пудов и оцениваются приблизительно в 30000000 р.» (Нижегород. сборн., 1871. 4. Стр. 47).

Сущность производительности Сибири и характер ее обмена состоит в сбыте собственных сырых продуктов и приобретении всего, до мельчайших потребностей хозяйства, привозного из европейской России.

«Мануфактура в Сибири все раскупается. Несмотря на обманы, на запрашивание при торге, ситцы крестьяне просто расхватывают, — пишет г. Смоленский, — то же и с железом. Сибирь любит страшно мануфактуру. Сибирский крестьянин ходит щеголеватого и любит ситцы, салоны, сукно и прочее. Потребности развиты сильно; оттого крепостники, заезжающие в Сибирь, жалуются на развращение нравов». О щегольстве приисковских крестьян писал с негодованием недавно романист Паули. «Есть деревни около приисков, где последние мода у крестьян в полном ходу; крестьянки ходят в кринолинах, мужики — в сюртуках». Наряду с этим есть масса крестьян, которым мануфактура при своей дороговизне совершенно недоступна. Наоборот, получая необыкновенно дорого мануфактуру, дешевизна местных произведений страшная. Мы указываем массу примеров эксплуатации крестьян и инородцев в Сибири кулаками и монополистами. Также можно себе представить, много ли выиграло «золотое дно», когда за бесценок шли соболя, черно-бурые лисицы, когда промышленник сбивает с острья за несколько грошей рыбы, которой бы хватило инородцу на год. До сих пор у чукчей за пуд черкасского табаку покупается 5 речных бобров, 10 красных лисенц, 10 куниц и 30 песцов. Нейман в Чукотскую экспедицию видел на ярмарке сам, что чукча платил по бобру за дровко для копий (Путеш. Неймана // Изв. Сибир. отд. Геогр. общества).

При дешевизне звероловства и продуктов расхищаемой природы не менее идут за бесценок и продукты скотоводческие и земледельческие. Хлеб в 1859 г. на Иртышской ярмарке пропался по 15 и 16 коп.; урожай давал сам-16 (Смоленский); промышленники скупали коровье масло по 3 р. 40 к. пуд; пуд сала и кожи стояли 2 руб. В шестидесятых годах один татарин в Акмолинске покупал баранов, получая 20000 тушек и 19000 пуд. сала; сало продавал, тушки отдавал киргизам в долг с обяза-

тельством в следующем году уплатить целым барашком. Хлеб в Сибири некуда девать — им кормят свиней; скот так дешев, что крестьянину ничего не стоит для удалой езды загнать лошадей. В Кузнецке, как говорит один путешественник, мещане имеют громадные покосы и держат лошадей. «Зачем?» — спрашивают их. — «Возить сено с покосов». — «А сено?» — «Кормить лошадей». Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали, куда деться с урожаем, и пропивали по возу хлеба около кабаков. Сами урожаи служат только к понижению цены продукта. Сибирь, словом, задыхается под током плодов своих за неимением сбыта. Уже Мальтус²⁷ в своем сочинении о народонаселении замечал это явление в жизни Сибири и русского Востока.

Таким образом, сырые сибирские продукты покупаются по самой низкой цене, почти за бесценок, а привозные — втридорога. Значительная часть крестьян не может приобрести самой необходимой мануфактуры при ее дороговизне. Бедный сибирский крестьянин носит свой холст и ткет дома плохую дерюгу, продувающую его в морозы, делает плохую обувь из кожи; за неимением железа употребляет деревянный замок, телегу с деревянными прозьями; живит его с елаково, бумагою в окнах вместо стекла; имея в избытке сало, он не может, однако, приобрести мыло и в глухих деревнях моется квашеными кишками. Привоз и барыши мануфактуриста страшно набавляют цену: один автор в 1858 г. в «Тобольских ведомостях» привел расчет, что Сибирь на одном стеарине переплачивает 60000 руб. (Тобол. губ. вед., 1858 г., № 43). Из этой картины видно, что вся Сибирь находится в положении инородца к торговле. Потребности у нее развились сильно, но окучить их своими продуктами она не в силах: сколько она ни даст продуктов, она все в долгу у мануфактуриста. Оттого сибирские купцы торгуют в кредит. Вот что сообщает г. Бутин об этом торге: «За Байкалом, на Нерчинской ярмарке, привоз товаров мануфактурных равняется полутора миллионам; на наличные деньги их приобретается всего на 375000 руб., что составляет 25% общего итога, то есть 75% из потребляемого привозного товара берется в долг. За это на Нижегородской ярмарке налагается за кредит мануфактуристам от 10% до 25%, кроме привоза. Кроме того, мануфактурист набавляет вперед за риск».

«Казалось бы страшным, — пишет г. Бутин, — что у нас есть немало торговых домов, которые торгуют на подобных условиях в продолжении нескольких лет сряду, затем систематически

«высудит на сделку» со своими кредиторами в России; еще страннее, что некоторые оптовые торговцы и фабриканты не особенно претендуют на сибирских купцов, если те в подобных случаях уплачивают копеек по 25 за рубль, и даже открывают им снова кредит. Разгадка этому весьма проста, — объясняет г. Бутин, — многие фабриканты, действуя как бы *в стачке*, упорно держат высокие цены на свои товары, а потому не особенно страдают даже и при *невзладных* сделках. То есть торгуют они без риска» (С.-Петерб. вед., 1873 г., № 108). Свидетельство это сибирского торговца, как человека компетентного в этих делах, совершенно подтверждается многими фактами и вообще ходом сибирской промышленности. Все частные условия и продажа на ярмарках Нижегородской, Ирбитской и других держатся на обширном кредите. Собственные выгоды фабрикантами и гуртовыми торговцами от этого кредита очень хорошо усвоены. Привычка сдавать товар только в кредит, получая впоследствии огромные бирьши, и также выгода сбывать плюшкой, залежалый товар при этом до того вошла в обыкновение, что московские торговцы отказываются даже иногда иначе продать. И этим объясняется случай с одним сибирским неопытным торговцем, явившимся закупить товар в Москву, которому ответили: «Нет, на деньги мы не опускаем: хотите — так берите в кредит!» Зато и те, которые пользуются кредитом, усвоили себе особые обороты. Известны сибирские торговцы, которые банкротились и предлагали на выбор: или полный отказ от уплаты, или повременить, дать им обернуться кредитом в Москве. Забирая товар, они разом затем поправляли дела на сибирских покупателях. Сибирские торговцы так привыкли пользоваться чрезвычайными обстоятельствами, наживаться в счет провоза, на счет случайных повышений цен, что при мысли о железной дороге высказывали даже опасения, как бы она не подорвала их монополию. Те же отношения, которые существуют в мелочной и частной торговле, отражаются и в общей. Они подтверждаются итогами и валовыми цифрами обмена на Нижегородской, Ирбитской, Ишимской и других ярмарках, то есть — всю торговлю Сибири. Ирбитская ярмарка имеет оборота до 50000000 руб. По ведомости 1866 года продано на ней мануфактуры в Сибирь на 23179800 рублей. Продано сибирских сырых произведений на 6719400 руб.

На Никольской ярмарке в Ишиме сбыто русской мануфактуры на 1036340 руб., сибирского сырья — на 856900 руб.

На Крестовской ярмарке, Пермской губернии, по отчету 1868 г., мануфактуры продано на 3376990 руб., сибирского сырья — на 510000 руб.

Отношение и процент, каким выражается оборот мануфактуры сравнительно с сырьем, указывает, что ценность сырья никогда не покрывает запроса на мануфактуру. Обнаруживаемые цифры близки к предположению, что Сибирь кредитует-ся на 75%. Вся сумма товаров, в недавние годы обращавшихся на Ишимской, Ирбитской и Ивановской ярмарках, о которых мы могли найти только сведения, распределялась таким образом: покупается в Сибирь мануфактуры на 27593130 руб. и сырья сдается на 8086300 руб. В последний, 1875 г., на Ирбитской ярмарке из суммы 43000000 руб. мануфактура занимала 30000000 руб. (Ирбит. ярмар. лист. 1876, № 1).

Относительно Нижегородской ярмарки мы узнаем только из исследования г. Овсянникова по поводу железной дороги, что привоз сибирских товаров на Нижегородскую ярмарку равняется от 15 до 16000000 р.; сбыт же мануфактур и бакалей в Сибирь и на Урал, как и в Азию, равняется 2500000 пудам (ценность не обозначена).

В общем по поводу проведения железной дороги было высчитано, что в Сибирь проходит 18000000 пуд. клади. Если провоз в Западную Сибирь мы положим по 1 р. за пуд, а в Восточную Сибирь — до 6 р. за пуд (нынешняя цена), мы поймем, что переплата за провоз равняется почти 63 миллионам рублей, которые ложатся значительной тяжестью.

Итак, навз Восток в большинстве потребления должен оплачивать мануфактуру и провоз ее по самой дорогой цене и при самых невыгодных условиях торго. Из этого видно, что над Востоком тяготеет самая широкая и грандиозная мануфактурная эксплуатация. В этом случае Восток и Сибирь стоят в той же тяжелой зависимости, как всякая страна сырья к мануфактурному рынку, не умевшая обеспечить себя собственным хозяйством. При бесцеремонной наживе мануфактурная эксплуатация здесь отражается вдвое хуже.

Нельзя сказать, чтобы невыгоды такого положения дел в крае не замечались. Так, например, ввиду обнаруженных стремлений относительно эксплуатации богатств на Востоке и вывоза их, при обсуждении вопроса о сибирской железной дороге, не раз заявленных, явились уже опасения: не будет ли при таких условиях сама железная дорога орудием для продолжения

тех же средств наживы, какие практиковались до сих пор, и не пора ли позаботиться скорее о поощрении местных промыслов, дабы железная дорога могла быть употреблена не для одного вывоза сырья, а и для пользы края и населения? Наконец, чрезвычайно трудно определить в указанных подобных ненормальных явлениях и отношениях на Востоке, кто более всего проигрывает. Мануфактура, постоянно увеличиваясь в потреблении, как известно, всегда сама распоряжается своею ценою; она имеет все шансы распорядиться рынком; зато сырье идет по самой низкой цене. Мануфактура, все более и более развивая потребности, расширяет район покупателей и все более получает выгоду; капитал ее в общей сумме растет, но сырье, сколько ни фундационируется при низких ценах, никогда не равняется капиталу, следующему за мануфактуру; отсюда — невозможность погасить долг, кредит и вечная кабала мануфактуристу. Кредит этот не может уплачиваться исправно, потому что, в частности, продавец мануфактуры в Сибири опирается на производителя сырья; отсюда — ряд перемещающихся банкротств; сибирский торговый капитал постоянно ломается и служит выразительным признаком общего народного дефицита всей страны. Кто же больше всего проигрывает в этом дефиците? Мануфактура и мануфактурист, доставляющий на Восток товар, — явно в выигрыше, несмотря на сибирские банкротства; лично он не разоряется, хотя ему долг не платят иногда, но он его давно выбрал в процент на кредит. В общей сумме покупка мануфактуры сильно растет. Это можно видеть на ввозе мануфактур на ярмарки. Как торговля ее увеличивается, свидетельствуют, например, цифры шерстяных и бумажных товаров. В 1857 г. на Ишимскую ярмарку их шло на 173000 р.; в 1867 г. — уже на 384000 р.; и так все мануфактуры. То же видно и из цифр Ирбитской ярмарки за последние два года. Что касается сибирского торговца, берущего в кредит у мануфактуриста, то мы привели свидетельством сибирского торговца; а что и он не в потере — видно из того, что он идет на сделку, платит 25 к. за рубль, ибо капиталу у него мало, но оставляет себе на черный день и опять разживается, или мануфактурист, наконец, великодушно погасив давно уплаченный долг, дает ему вновь в кредит и делает опять своим агентом в торговле. Банкротства не уменьшают кредит для Востока, ибо не другой, так третий агент, сибиряк, является для передачи мануфактуры, торговые дома всплывают и упиливают; для ману-

фактуриста это — просто расчет приказчиков, и сословие кулаков и торговцев в Сибири не уменьшается и не пропадает; торговля идет по-прежнему. На кого же ложится тяжесть дефицита? Кто все оплачивает? Ясно — потребитель мануфактуры. Говори о сибирских банкротствах, г. Бутин делает и в эту сторону уступку. «Потребители, в конце концов, также страдают, — говорит он, — потому что посредники между ними и производителями, то есть торговцы, любят жить не по средствам, и все делаемые на себя расходы, нередко доходящие до весьма значительной суммы, непременно падают на потребителя, в виде приплат на покупаемом товаре, так как фабрикант, проученный одной, другой «делкой» (т.е. банкротством), обыкновенно *поднимает цену* на предметы своего производства». Итак, потребитель несет все тяжести; он дает и барыш мануфактуристу, и платит за него кредит; он корытит сибирского торговца, служащего передатчиком и живущего не по средствам, он же отвечает и за банкротство последнего. Вот кто в убытке. Но потребитель мануфактуры есть в то же время и производитель сырья, то есть рабочий и земледельческий классы Сибири, а с ними — все звероловы и скотоводы, русские и инородцы. На них, на этот низший класс рабочего крестьянства и инородцев, обрушиваются все невзгоды. Мы указали, что положение сибирского торговца-капиталиста не особенно прочно: он на посылках у мануфактуриста, дающего ему в долг товар для распродажи по невысочайшей цене; цену эту он должен выбрать да еще себе получить барыш. Комиссионного процента, который ему придется, при высочайшей без того цене мануфактуры, ему мало: он желает «жить не по средствам», как выражается г. Бутин; он хочет, наконец, сделаться капиталистом и брать на наличные тот товар, который ему отпускали в долг; все это заставляет его искать себе монополии — вот ее причина; затем, с целью распространить и скорее сбыть товар потребителю, он решается пускать его *в кредит*, за который опять берет процент. В этом случае торговец берет пример с мануфактуриста, закабаляющего его кредитом; он старается и сам кабалить. Сибирский торговец, разлавая привезенный товар в кредит, в то же время и скупщик сырья; иногда это сосредоточивается и не в одном лице, но это все равно. И в этом случае сибирский торговец — агент мануфактуриста. Чтобы получить больше барыша себе при сдаче сырья на ярмарке или этим сырьем пополнить долг за розданную мануфактуру, он старается возможно понизить

Целю сырьем, как можно менее давая производителю, и этим опять служить целем и выгодам мануфактуриста. Действует же он в этом случае к явному ущербу страны и ее производительных сил и, разоряя других, разоряется часто сам. Но, желая наживы и стремясь уловить нарастающий долог, он в том и в другом случае, то есть отдавая в кредит мануфактуру за огромные цены инородцу и крестьянину и скупая у него сырье как можно ниже, действует беспощадно, употребляет все средства обманывания, обмана, начета, фальсификации. Торговец помнит, что и он должник, а потому кабакит другого. Вот что должно считать истинником сибирской кабалы. На производителе сырья, крестьянстве, между тем, звенится целая пирамида тягостей. Крестьянин оплачивает жизнь мануфактуриста, приказчика его, сибирского купца, оплачивает провоз, кредит и сбывает свой продукт в ущерб себе, не зная, куда с ним деваться. Отсюда вечный начет, вечные долги на производителя сырья и потребителя мануфактуры; он не может и не в состоянии их выплатить, потому что ему год от году сваливается на шею и чужой долг: он несет далг страны и торговца.

Последствия этих ненормальных отношений развиты в следующей главе.

Таков в главных чертах промышленный и экономический вопрос края. Несомненно, что разрешение этого вопроса будет лежать только в развитии внутренних сил Сибири.

Нам продолжают твердить по-прежнему о вывозе богатств края при помощи улучшенных путей сообщения и, так сказать, об открытии новых клапанов из Сибири; но разрешается ли этим вопрос благосостояния? Один вывоз не будет ли последней ликвидацией оставшихся богатств края, если мы только не позаботимся о средствах увеличения его производительности, если мы не дадим ему возможности развивать собственные свои силы? Только от экономической культуры мы вправе ожидать оживления нашего Востока и приобретения им настоящего значения.

По этому поводу уже раздаются довольно веские и разумные голоса со стороны местных граждан, наиболее проникнутых нелицемерным желанием развития родного края, — голоса, несколько охлаждающие горячку к северным путям и вывозу произведений из Сибири. Вот пример подобного отзыва*.

* Иностранцы и сибирские торговцы. Спирникова. Сибирская газета, № 34.

В смысле культурно-образовательном пришествие нового человека, а тем более с Запада, насаждающего у нас, у русских, всякие новшества, более чем желательно; сибиряк не настолько дик, чтобы бояться высшей культуры; он давно готов принять лучшие формы жизни, потому что старые слишком уж устарели и стеснили его жизнь и свободу. Как человек в неволе рад первому встречному, так и сибиряк, сжатый Уральским хребтом, рад человеку, пришедшему с вольного Запада. При всей еще незначительности здесь иностранного элемента сибиряк все-таки, сравнивая иностранца с собой, замечает большую разницу и поучается ей, находя его порядки лучшими, достойными подражания. Со стороны же экономической пришествие западного человека, «из не наших», едва ли особенно желательно, потому что западный человек с искони века привык только эксплуатировать восточного человека; не делает же он для нас исключения! Если б западный человек ввозил к нам сахар, масло, керосин, консервы разные, мебель, машины и т.п., все это мы принимали бы охотно и за все это с готовностью отдавали бы наши бумажки, лишь бы не требовал он за все это нашего сырья, в особенности нашего хлеба, которым мы в годы неурожайные сами едва прокармливаемся; пусть он берет от нас то, в чем мы сами не нуждаемся и что тем или другим путем все-таки уходит за границу, например, пусть он берет от нас скотские рога, шетину, шерсть, пушнину и т.п. Для достижения этого представляется один путь — путь конкуренции. Но прежде всего надо устроить наши внутренние пути сообщения, соединить наши реки каналами, железными путями и вызвать таким образом к жизни новые рынки, рынки внутренние, которые бы урегулировали цену на все в Сибири, уничтожив в ней резкую разницу, благодаря которой одни местности голодают, а другие от избытка лопаются. Эти рынки удержали бы в себе местное сырье, не отдавая его при нужде за границу, и создали бы, таким образом, противовес иностранной эксплуатации.

Точно такие же отзывы слышатся по поводу железной дороги.

Само значение для местной производительности этих дорог в последнее время в Сибири возбуждает опасения, не лишены основания, а именно: предполагают, что деятельность этих железных дорог будет направлена прежде всего к

вывозу сибирских произведений в сыром виде. Между тем, вопрос о вывозе сырья по самой низкой цене, так сказать, спекуляция на него, не может рассматриваться в смысле выгоды для народной экономики. С точки зрения этой экономики всегда будет иметь более значения обработка собственных произведений на месте, давая труд населению, повышая его рабочую плату и путем обработки возвышая цену местных произведений природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая к насаждению и развитию производительных сил, это соседство с азиатскими странами и значительное число инородцев, как входящих в состав сибирского населения, так и прилегающих к границам. Сибирь по отношению к соседним дикарям и рынкам Азии должна когда-нибудь играть роль мануфактурного рынка. Если дороги заволжские и мануфактурные произведения для Сибири, то можно себе представить, как должна повышаться цена их на среднеазиатских, туркестанских и монгольских рынках. Для того чтобы снабжать эти рынки нашими произведениями и сколько-нибудь конкурировать с произведениями иностранными, проникающими в Азию, а также сделать наши произведения для азиатцев доступными по цене и склонить их к приобретению предметов нашего производства, мы должны подвинуть самое производство как можно ближе к их границам, и в этом случае Сибирь должна представить наиболее соответствующий этим целям район. Если различные поделки и произведения, в том числе и предметы кустарной промышленности, проникают из России в Монголию, Китай и Туркестан, то можно себе представить, насколько усилится сбыт их при развитии сибирской промышленности.

Таково должно быть в общем направление экономической жизни края, если он захочет воспользоваться своими богатыми произведениями и своим положением.

Экономическое положение Сибири

VIII.

Земледелец и бедность сибирских поселенцев. — Господствующее явление монополии, крепостное право, кабала и торговая зависимость. — Тяжелые условия и народное хозяйство. — Земледельческая и торговая кабала. — Зависимость инородцев. — История монополии и кабала на Востоке в XVI, XVII и XVIII веках. — Борьба административная с монополистами. — Более нормальные пути экономического развития в будущем края.

Экономическая неразвитость края, его исключительное положение и зависящие торговые отношения не могли не отразиться на быте и степени благосостояния местного населения. Мы сказали, что конца-то сложилось представление, что в Сибири живут богато и население благоденствует. Ныне это подлежит проверке. Известная зависимость населения за Уралом и большее благосостояние крестьян, чем во внутренних бывших крепостных губерниях России, правда, не могли не броситься в глаза всем засажим и путешественникам. Это объяснялось отчасти условиями жизни зауральского крестьянина; новая страна, девственная почва, незатопленные леса, свободный труд и отсутствие крепостного права. Но рядом с этим весьма давно уже замечено другое явление, это — явление обеднения, нищеты и крайне зависимого положения. Подобные факты, находясь повсюду, заслуживают большего внимания, чем благословенные райские уголки, упоминание как редкое исключение в Сибири. Мы говорим об экономическом явлении, давшем повод некоторым исследователям обрисовать Сибирь, как место самых грубых, корыстолюбивых стремлений, доведших до разорения трудящуюся часть населения и выразившихся в монополии и кабале. Сделав попытку исследования в особой монографии по истории монополии, кабала и новейшего крепостного права на Востоке, мы не могли не найти связи и причин этого явления с общим экономическим положением края.

сотни десятин, имеют сотни штук скота, имеют обширные пчельники — и все это достается им за бесценок. Подобные люди достигают огромного влияния в сельском обществе, влияют на все дела, входят как раскравщики, как факторы экономической жизни и являются даже узурпаторами власти; они держат своих односельчан, как рабов, чинят незаконные суд и расправу, делая массу злоупотреблений.

В исходе XVIII и 1-й четверти XIX столетия в Кузнецком округе Верхне-Томской волости в деревне Березовой жил богатый крестьянин заводского ведомства Иван Степанов Новиков. Дом у него построен был на берегу речки Березовки при впадении ее в Томь на городскую руку и далеко отличался от прочих как величием своей, так и красивым наружным видом; богатое же внутри убранство комнат делало его похожим на дом значительного помещика. В смежности с этим домом находились два порядочной величины сада, правильно расположенные, с фигурными беседками, цветными грядками и в разных местах скамейками. Занимался Новиков хлебопашеством в огромном размере и торговлей разного рода скотом в значительном количестве. Часть хлеба отправлялась им славом по рекам Томи, Оби и Иртышу на пролажу в Сургут и Березов. Для работ по хлебопашеству и ухода за скотом он содержал до 80 работников из годовой платы и для присмотра за полевыми работами, за порядком в доме и для исполнения торговых дел более 40 приказчиков. Главное же управление по торговле вверено было томскому мещанину Федору Корнуганову, который и распоряжался всем полною властью. Сам Новиков разрешал только одни значительные торговые предприятия, с важностью выслушивая доклады и мнения чинно стоявших перед ним главноуправляющих и некоторых более смысленных приказчиков, поверял торговые книги, делал по ним замечания, сводил счета и вообще действовал как именитый торговый человек. Для выезда своего имел лучших лошадей и много городских экипажей; в числе последних была даже выписана из Москвы колеска, в которой Иван Степанович четверней или парой объезжал иногда поля свои, засеянные разным хлебом, или ездил в город куда требовала надобность по делам его, или просто, вздумав прогуляться к своим знакомым, имея их множество в высшем чиновном кругу. Поездка в город сопровождалась всею роскошью знатности, состоявшая кортеж из 4 экипажей, из коих в главном сидел обыкновенно сам Новиков, а в остальных сидели приказ-

чики. Под своз такой свиты требовалось около 20 лошадей, которые по предварительному извещению и заготавливались на станциях едва не за неделю до приезда его, ожидая Ивана Степановича как некую важную особу. Такой обрест жизни при уме его и независимом состоянии чрезвычайно сблизил Новикова с должностными лицами, любившими и даже уважавшими его. К сожалению, он только во зло употреблял это расположение и, не будучи чужд корыстолюбия, богатство *приобретал не совсем добросовестными средствами*. Не имея никакой общественной должности, он, однако же, тем не менее безнаказанно управлял Верхо-Томской волостью, и притом так деспотически, что не только волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земские и горные власти смотрели на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противодействовать ему и рабски подчинялись всем его приказаниям. Ни одна мирская сходка не оканчивалась без решения Ивана Степановича, ни одно распоряжение начальства не приводилось в исполнение прежде, пока не прикажет он. Очень редко бывая на мирских сходках, Новиков знал, однако же, все, о чем происходило на них совещание по той причине, что после каждой сходки являлась к нему депутация из крестьян и просила его совета и решения. Дурно ли, хорошо ли прикажет он, но дело решалось окончательно по его наставлению, и если кто осмеливался противоречить, ему грозил одним словом, что так приказал Иван Степанович. Волостное правление носило одно пустое название и скорее было канцелярией Новикова, чем присутственным местом: все споры между крестьянами, жалобы их на обиды, один другому нанесенные, и прочие иски и тяжбы их разбирались одним Новиковым, во дворе дома его или на станциях во время проезда, у той квартиры, где он останавливался. В первом случае строгий судья-самозванец каждый день, утром или после обеденного отдыха, выходил на крыльцо и, сев в приготовленные кресла, выслушивал жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьян, спрашивал ответчиков и обсуждал обстоятельства, тут же решал дела окончательно, и горе обвиняемому: его подводили к столбу, на дворе врытому, привязывали ремнями и наказывали плетью до тех пор, пока угодно было Ивану Степановичу; а он был до того жестокосерд, что то и дело кричал: «Прибавьте ему», так что иногда несчастного уносили на руках полумертвого; подобные решения случались и на станциях, хотя и нечасто. Во время рекрутских наборов по по-

лучении в волостном правлении указа о приготовлении очередных семейств для поставка рекрутов, хотя и составлялся для этого мирской сход, на котором избирались семейства, на очереди состоявшие, но все это была пустая форма; Иван Степанович устраивал дело по-своему. Он на дому у себя составил список о тех лицах, которых желал видеть в рекруты, и без всяких дальнейших рассуждений отсылал его в волостное правление с приказанием, чтоб поименованные в нем семейства немедленно приготовлены были к отправке, и затем в назначенный день отсылал их в рекрутское присутствие с письмами от себя на имя кого следовало. Привозимые, таким образом, принимались в рекруты без малейшего в чем-либо затруднения и задержки, так что волость очищалась за один раз, без недоимки, и считалась в этом случае самой исправной. Обсчитывать при расчете кого-нибудь лишними проценками на одолженные займы деньги Новиков также не считал для себя грехом. *Крестьяне постоянно были у него в долгу* и сколько ни уплачивали, все оставались недоимки. Избытки в скоте, а также и в других припасах входили в состав торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали в сторонние руки: все возлось к нему и *сдавалось приказчикам*, а цены за принятый товар зависели от самого Новикова беспрекословно. Если он узнавал, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчас же посылал приказника к владельцу такой лошади с приказанием отобрать ее и привести к нему. Посланец отправлялся, осматривал лошадь и, находя ее доброю, увозил на двор Ивана Степановича, а хозяину приказывал явиться туда же через неделю. Не смея ослушаться, крестьянин молча смотрел на увозимую и нередко любимую лошадь и не решался делать ни малейшего возражения. Когда лошадь Новикову поправится, то оставалась вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся в назначенное для того время, платили за нее, сколько к тому времени Ивану Степановичу и всегда менее против стоимости; крестьянин оставался доволен и тем, что получил, очень хорошо понимая, что ни убеждения, тем более возражения, не поведут ни к чему доброму; его же приважают вытолкать вон, а при случае отомстят еще посильнее. Высшие власти, посещая Томск и Барнаул, также хорошо знали Ивана Степановича; принимали его запросто на чай или обед. Ездили с ним по городу в одном экипаже и при случае пивали за его здоровье. Биография эта помещена в «Томских губернских ведомостях» 1858 г., №43.

Во время путешествия нашего по Сибири мы наталкивались постоянно на подобных крестьян-богачей, держащих остальных в кабале.

В деревне Косылевой мы встретили обширное хозяйство крестьян братьев Красноузовых. Дом их был поставлен на городскую ногу, обширные сараи и склады огораживали обширный двор, 5 сараев были наполнены 17000 пудов скупленного хлеба. Хлеб скупался по 17 и 20 копеек, продается же нуждающимся крестьянам по 50 к., а на рынке — по 70 коп. Пенящие значительные дивиденды. Красноузовы имеют 2 мельницы, до 300 голов рогатого скота, распахивают наймом до 100 десятин земли и во время уборки хлеба у них работают до 40 работников; в большинстве это должники, труд десятишника оплачивается им в страду 2 руб., а обыкновенного работника — 3 руб. Работник от Пасхи до Дмитриева дня, до 26-го октября, получает у них 25 руб., салогн, 2 пары рубах со штанами и ботинки. К торговле присоединяется ростовщичество. Крестьяне-богачи раздают товар и деньги в долг крестьянам, ставя двойные цены. За долги идет беспощадное взыскание и за долг, таким образом, приобретается не только скот, но и крестьянские дома. В каждой волости и на каждый район есть один или два таких вытравившихся крестьян-скупщиков. До каких размеров может дойти обогащение этим путем, примером служит состояние и доход крестьянина Сорокина, именного недавно хозяйство на Карасукс к югу от Юдннской области и арендовавшего земли у горного ведомства. Он имел запасов до 100000 пудов шевеницы, в табуле его находилось 8000 голов скота, в том числе 500 артамков. Торговли скотом огромна; рогатого скота отправлено: в Оренбург — 2800 голов, в Енисейскую тайгу на привокз — 1500 голов, на Иртыше шлется 1400. Кроме того, у него находится кожевенный завод, на котором выделывалось 5000 кож. В Павлодаре 2 лавки с мануфактурными товарами. За разными лицами долгов, между прочим, за одним оренбургским торговцем — 150000 рублей. По смерти своей в 1878 году он оставил по завещанию десяткам 6-ти сыновьям по 40000 руб. каждому — 240000 рублей, 2-м племянникам по 40000 руб. каждому — 80000 руб. и 3-м дочерям по 5000 руб., всего 150000 руб. Состояние и имущество этого крестьянина, занимавшегося покупкою и продажей хлеба и скота, равнялось более миллиона рублей. Такова картина в материальных условиях и степени богатства среди сибирских крестьян, зависящая от способов приобретения, а так-

же влияния деревенских скупщиков и кулаков в сибирской жизни, является, давно замеченного различными исследователями. Мы видим, что в глухих местах на Барабе при отсутствии конкуренции, изрядных ценах на хлеб, нужде крестьян в деньгах и потребности кредита, влияние кулаков и скупщиков чрезвычайно сильно и увеличение их богатства происходит на счет остального крестьянства, отрываясь чрезвычайно невыгодно на экономическом уровне массы.

Земледельческая кабала существует во многих местах Сибири; ближе сказать, трудно было бы найти место, где бы это явление не существовало. Вот как описывает явление мироедства один корреспондент с другом конце Сибири, в Верхотуренском округе. «Общинное владение землей без пределов породило особую общественную язву в Верхотуренском округе: это — кабалу-батрачество. Земли много, и богатые из крестьян, распольтив более значительными силами, эксплуатируют бедных, постоянно занимаясь расчисткой удобных к хлебопашеству мест, которые по сибирскому обычаю переходят от отца к сыну, от сына к внуку и т. д., из рода в род; они захватывают огромные участки земли: так, некоторые имеют до 300 десятин и засевают посредством помочей до 100 десятин, подчиняя, благодаря своему влиянию, за бесценок труд беднейших собратий, строят барки и сплавляют хлеб до Витима или Мачинской резиденции, где и получают 400 и 500 процентов за затраченный капитал. При наступлении срока уплаты податей, когда бедное население мечется из угла в угол, в это время мироеды ловят этих несчастных, и если жертва попадется в лапы, взявши каких-нибудь несчастных 10-15 руб., то ей уже не вырваться вечно». «Я знаю один подобный пример, — пишет корреспондент, — за долг отца, взявшего первоначально маленькую сумму и работавшего до самой смерти на своего кредитора для удовлетворения, причем все-таки долг возрос при смерти его до 200 рублей, мироед взял от матери вдовы более взрослого 14-летнего сына, оставив ее с двумя малолетками, и местное волостное правление, облекши это рабство законным порядком, засвидетельствовало, что вдова за долг отдала своего сына на 8 лет в работники».

Рассматривая тип мироеда — земледельческого крестьянина, мы видим в нем соединение ростовщика, получающего плату и проценты трудом, возвыситься который состоит в его производе. Но является и другая, более сложная форма

кабалы: это — кабала *торговая*, когда дается производителю вперед задаток на будущий продукт или он снабжается товаром. Она существует также во многих местах Сибири.

Образчиком мы можем представить положение алтайских крестьян по описанию известного ученого Радлова. Вот что сообщает Радлов в «Reise durch den Altai» в XXIII томе архива Эрмана (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin). «Много кедров около Телецкого озера, но жители крайне бедны. Большое дерево дает 30 фунт. орехов, худое — 2 фунт. Пуд стоит 1-2 руб. ассигнациями. Кедровая торговля, которая могла бы доставить достаток жителям, и есть главная причина бедности. Урожай кедровых орехов бывает годом, по древним сказкам — через три года. Во время неурожая и белок мало. Вот в такие-то плохие годы купцы пользуются положением бедняков и щедро при наступлении первого худого года открывают им свои лавки под условием, что осенью за каждый рубль ассигнациями они должны доставить пуд орехов; если покупатель не доставит, то должен вместо каждого недостающего пуда доставить два рубля. Долг в следующие два года увеличивается так, что сможет быть удовлетворен только тем, если бедняк в хороший год сможет собрать столько орехов, сколько должен купцу. Для ясности представляется пример. Иноходец берет от купца в начале первого худого года товару на 20 руб. ассигн. и обещает осенью 20 пуд. орехов. Но он доставил только 10 пуд. и остается, таким образом, купцу должен 20 рублей ассигн. Купец верит в долг до следующего года под условием — опять доставить 20 пуд. Во второй год дело еще хуже, и он может доставить только 5 пуд. орехов и остается должным 15 пуд., то есть 30 руб. ассигн. Купец отсрочивает опять долг на год, но и в этот год иноходец доставляет только 5 пуд.; таким образом, долг его возвысится в 25 пуд. орехов, или 50 руб. Если в следующий хороший год удастся ему доставить 30 пуд., то на второй год он должен только 40 пуд., и если в третий год доставит 30, то останется должен 20 пуд. Но купец получает за 20 руб. ассигн. 100 пуд. орехов, которые он продает за 150 руб. ассигн. Понятно, эта торговля должна обеднеть народ, потому что купец шесть лет терпит долг на иноходец, и все, что ему не заплачено в орехах, должно быть заплачено деньгами, мехами или скотом». Вот что сообщает потом г. Радлов о характере торговли на Алтае: «Китайские товары: чай, дабы продают наипи купцы уж в самом Алтае и на Чусе подданным нашим калмыкам. Чай там ценится в два теленка или в одного большого барана; большие дабы, ян-

дан-лап-бу, купленные за два чая, продаются за три. Большая часть купцов живет на Чус или в Атлас заимки, где на калмыцких землях держат свой скот на подножном корму. Там зимует и поправляется худощавый скот; там вырастает мелкий скот и лошади, и верблюды, необходимые купцам для перевозки тяжелых; там они кормятся и вырастают без всяких издержек со стороны хозяев. Кроме того, купцы отдают целые стада для сохранения по очень выгодной для них цене. Что такая торговля дает чрезвычайно много прибыли купцам — известно из вышесказанного, но все-таки многие из наших торговцев не довольствовались этими выгодами и позволялись отдаленностью края, чтобы еще увеличить свою прибыль. Я уже гораздо ранее имел случай говорить об одном обычае, существовавшем при торговле с инородцами. Это продажа товаров на мелкий скот, оставивший на вырост у хозяев. Теленок, например, купленный за 1 рубль, остается у первоначального хозяина; это ему нужно потому, что корова без теленка молока не даст; в четвертый же год покупатель выпробует этого теленка уже в виде взрослого быка, так что из одного рубля у него делается 15 или 20 рублей; в случае же смерти скотинки покупателю уплачивается стоимость теленка частью звериными шкурами и другими товарами, а частью — мелким скотом, который остается у хозяев опять на вырост, так что купец собирает иногда от одного чая в течение многих лет скот и шкуры в стоимости нескольких быков. Такие же расчеты производятся за товары, данные вперед на осень за белковые шкуры и оромы. В 1860 г. я имел случай видеть процесс, где одному торговцу за нескольких белковых шкурок и за два шива, в общей сложности за 28 коп., присуждено было получить от двоездца, живущего около реки Шибига, 87 быка! При собирании долгов торговцы наши часто были не слишком разборчивы в средствах свои, если долги или оказываются несостоятельными, просто, как говорят, у кого-нибудь из соседей или родственников отнимают сырого скот на том основании, что этому соседу или родственнику легче получить скот от должника, чем самому купцу. Калмыки — народ смиренный, бояливый и не смеют жаловаться. Кроме того, я сам слышал, что некоторые торговцы не утрудились даже покупать скот и лошадей, приобретенных не совсем чистым путем, и сбывали с рук по обстоятельствам или в Монголию, или дальше в Сибирь. Понятно, что торговля в таком отдаленном месте скрыта от всякого надзора правительства; производимая с народами бояливыми, как наши калмыки, она должна

была кончиться с эксплуатированной местными богатств. Алтай стал так беден, что я, проезжая в нынешнем году, почти не узнал тех местностей, которые посещал еще в 1860-м и в 1865 гг. Скота на дороге пугле не было видно; даже прекрасная Урусусльская долина была пуста; а где есть скот, везде слышно: «Ходжаймын мамы» (купеческий скот). Особенно обеднели чуйские двоеланцы, отличавшиеся прежде своим богатством. Правда, и чума, и другие прищипы, не относящиеся к нашему предмету, виноваты в этом; но значительная часть вины падает на неправильность торговли, не огражденной законом. Впрочем, купцы наши вели неправильную торговлю не с одними нашими подданными; их торговые сношения с соседними монголами также не были чисты от насилия». Г-н Радлов приводит множество примеров этой бесправной торговли и силы купцов среди инородцев. Взыскание долгов, нарастающих до огромных размеров, сопровождается отъездом имущества и скота — так приводится этому несколько случаев: «Монгол Д. с тремя товарищами пригнал 8 верблюдов в пункт Суок с каменным грузом; кушмы захватили этих верблюдов и говорили солдатам, что они возмрут их в обеспечение долга, слетанного 15 человеками монголов из разных станций, и что Д. с товарищами легче могут взыскать с них долг. Обращение к манычжурскому чиновнику Кя никак не помогло; русские не выдали зачатенных верблюдов, но представили Кя список должников, который был передан им Дзятыну; но удовлетворения хозяев верблюдов до сих пор не последовало. Правда, тому, кто не знаком со здешним ходом дел, невероятным покажется такое повеление русских купцов у китайских пограничных пунктов; но мне самому привелось быть свидетелем, как русский купец бесцеремонно привязал монгольского солдата к своей юрте, потому что он был должен ему большое число сурковых шкур, хотя должник от долга своего несколько не отказывался; купец мне сам сказал, что он только для того привязал должника, чтобы получить от него законную расписку, которую монгол с самого начала согласен был дать». Как мы видим, купец не стесняется учинить подобную расправу даже с китайским солдатом. «Такие отношения, конечно, не могут содействовать развитию торговли; напротив, они могут привести ее к падению и совершенному уничтожению». По мере того, как вырастала здесь торговля и растет число купеческих заимок, все более и более беднеет народ. Странная вещь: крестьянам запрещают селиться в Алтае будто бы для сбережений территории инородцам, а куп-

цам дозволяют заводить свои пауковые гнезда. Близкие несколько десятков лет тому назад в Алтае уверяют, что в Алтае господствовало обильное благосостояние, что алтаец, имевший 50 — 100 лошадей, считался за бедного. Описывая эти явления, г. Радлов приходит к заключению, что обеднение всего края лежит в тех формах торговли и злоупотреблениях, какие применяются к инородцам.

Ту же монополию, те же приемы торговли мы встречаем в Туруханском, в Березовском крае, в Нирьямском и киргизской степи. До какой степени проявляется монополия и кабала временами среди русского населения, а также в какое она вошла обыкновение, считаясь как бы законовою, может служить примером следующий факт в Тобольской губернии, заимствуемый нами из корреспонденции 1872 года. «В Тобольской губернии был поднят шум рыбопромышленниками против березовского исправника, будто он запретил крестьянам нагнаться менее, как за 25 рублей. Оказалось же, что он приказал не вылавывать видов иначе, как крестьяне прежде не закинут подати. Это было вызвано тем, что по Тобольскому округу накопилось 473548 рублей 47 коп. недоимки. Причиной этому было зтопление лугов и падеж скота. В это время, конечно, приходилось думать уже не о податях, а как бы не умереть с голоду. Таких разоренных людей волостные и сельские начальники, не обращая внимания на наличное количество сил в семье, принуждали наниматься и даже отдавать насильно к рыбопромышленникам без всякого приговора, даже малолетних. Приговори народ к рыбопромышленникам гуртами, — говорит корреспондент, — и все это делалось за полгода. Распоряжение исправника было только в ущерб 25 тысяч монополистов, кулаков, которые и подняли шум. Рыбопромышленники, как оказалось, нанимают крестьян на сезон за 6—14 рублей, и таких было 2000 народу. Половина должна была платить подати за 2, 3, 4 и 5 душ. Подати приходилось по 10 руб., а рабочему же давали монополисты 13 р. 50 к.; ясно, что они были вечно в убытках и долгах» (Восм. иллостр. 1872 г., №190). Те же кабальные отношения мы видим и при ведении золотопромышленного дела: «Насмка капиталистами крестьян для перевозки тяжестей на прииски поставила последних в роль кабальных отношений к перьям», — свидетельствует д-р Кривошапкин в «Описании Елисейского округа». Ремесла вообще, как и земледелие, были оставлены крестьянами, привлекаемыми золотопромышленностью, которая, по мнению г. Кривошапкина, более принес-

ла вреда, чем пользы крак). Такое влечение к легкой наживе и надежда на будущее, оторвав население от труда, поставило его в стеснительное положение. Такое состояние крестьян, а также необходимость сдать подати непременно в сентябре месяце, когда еще у них не могут быть выручены деньги с продажи сытых в лето хлебов и семя, заставили крестьян с радостью принять заемочайские услуги капиталистов. А тяжкая беда, как говорит народ, начать только: там уж спохватились, да не скоро выкрутишься! Вот и пошло: за них платили подати, им доставлялись в числе платежа одежда, обувь, при недостатке — и самый хлеб, мясо, рыба, чай, сахар, масло, жир, кожа и проч. Поэтому товар отпускался какой ни попало (в Ирбита не смотрят на достоинства закупаемого товара); цены выставляются, очевидно, какие вздумают, а крестьян душловывают при этом для перевозок вперед, с большим повышением цен, которые через полгода, когда придется везти, могут разыграться вдвое: да, кроме того, так как крестьянам при перевозке нужен по дороге для корма лошадей овес, то богачи-перевозчики снабжают их натурою, и уж, конечно, к большому разорению крестьян (Енисейский округ и его жизнь. Кривоняцкий. 1865 г. Стр. 7-8). Из этого видно, что формы подобной зависимости проявляются во всех отраслях сибирской промышленности, отражаясь самым тяжелым образом на хозяйстве населения.

Что замечательно, так это то, что явление монополии и кабалы выражается не в одном каком-нибудь сословии или группе в Сибири, но оно видно во всех слоях и проявляется также между крестьянами и кулаками, как и между крупными капиталистами. «Богатый крестьянин есть самый низший и самый многочисленный род хищников-эксплуататоров в Сибири, — пишет один исследователь, — и никто не пользуется такой дурной славой в Сибири, как богатый мужик. Эти люди составляют почти особое сословие в стране: есть целые деревни домов в 40, состоящие исключительно из богатых мужиков, которые в окрестных деревнях имеют своих «подшкыртников» и «десятищников», по местному выражению, то есть массу рабочих и кабальников. Черты из жизни сибирского крестьянства, убиваемого и разоряемого митроедством, кулачеством, кредитом и закабалением, лицами, выходящими из той же крестьянской среды, мы находим в любопытных бытовых очерках Н. И. Наумова, представивших замечательно ярко и правдиво эти явления крестьянской жизни. Из этого разря-

да людей в Сибири выходят монополисты целых обширных промыслов и округов; на таких монополистов нередко указывают путешественники, посещавшие Сибирь. Так, Шмидт упоминает о Сотникове, державшем в монополии Туруханский край. Другой путешественник, Коттрель, говорит о купчихе Б. в Минусинском округе, подчиняющей себе всю торговлю этого края. В Нарымском крае указывают монополиста В. На реке Кети славился священник, державший торговлю в своих руках и подчинявший всех жителей. Таких лиц множество. В городах существуют своего рода скупщики, кулаки и прасолы, держащие в руках своих рынки*. Те же формы монополии и кабалы поддерживают крупную промышленность: эксплуатация русско-американской компанией своих владений была основана на подобных началах; наконец, развившаяся золотопромышленность в Сибири выразила то же при помощи задатков с тою разницею, что только оформила кабату в стеснительные контракты, которые при кажущейся легальной форме имеют, однако, подкладку сплошь да рядом незаконную».

Нельзя подобные факты, как они не резки, принимать за исключительные, свойственные Сибири. Инстинкт корысти и наживы — черты, присущие всему человеческому обществу. Кулачество и то же мироедство, как и способы закабаления кредитом, существуют и во многих местах в России; особенностью этого явления на Востоке может быть разве то, что они проявляются здесь грубее и необузданнее благодаря неразвитию населения, его дикости и историческим условиям. Особенность сибирской жизни состоит в том, что перед русским населением на Востоке находится огромная масса инородцев, которая представляла удобную почву для эксплуатации и наживы всякого рода благодаря неразвитости, беспитерности дикаря, низкой культуре и его бесправно, неумело и незнанию защитить себя русскими законами. О характере наживы насчет инородцев свидетельствуют следующие факты. В торговле русских с инородцами цепы уступавляются до сего времени стачками торговцев, которые берут страшный барыш и держат в руках покупателя. В низовьях Енисей до сих пор промышленники берут с инородца 12 р. за луд пакли, 80 коп. за фунт черкасского табаку (Туруханский край, Третьяков). Капитал в киргизской степи

* Какое имеют господство прасолы на местных рынках и как они эксплуатируют крестьян — см. корресп. из Паллара, газета «Сибирь», № 21-й, 1875 г.

учетвердается уже на другой год. Как ведется торговля в степи, можно судить по тому, что русский торговец брал за мотыль, стоящий 5 коп., — 30 коп.; плюс дрянной выделкой продавался за полбарана, то есть киргиз платил 1 р. сер. за аршин; деревянное блюдо продавалось за барана, то есть за 1 рубль (Описание киргизской степи. Красовский. Ч. II. Стр. 244). Кроме того, русские торговцы стараются навязать всегда товар в долг инородцу, причем при повышенных ценах накапливается огромный долг, ставящий инородца в кабалу. Спекулятивная торговля в долг существует в Туруханском крае, где инородцы в неоплаченных долгах за хлеб; точно то же совершается и в киргизской степи. Не одни купцы, но и сибирские казаки, на значительном протяжении вовсе не занимающиеся земледелием, спекулируют на счет киргиза. Они берут у купцов товары и развозят их также в кредит киргизам, обмеривая и обвешивая их при этом. Г-н Красовский, составивший по официальному поручению описание положения киргиза, говорит, что казак спекулирует мелко, но с громадным барышом. Пользуясь всякою нуждою киргиза, он продает ему хлеб или выдает в долг по невероятной цене. «В течение года киргиз не один раз приедет в селение за хлебом, будучи готов за недостатком его в продаже на базаре отдать привезенную кожу первому знакомому казаку за полпуда муки; но видя нужду киргиза, казак купит у него за это количество муки две кожи. Между тем, полпуда муки стоит 15 и 20 коп., а две кожи — 6 руб. Пользуясь случаями самыми крайними, — прибавляет Красовский, — прибегая иной раз к обману, в другом — не пренебрегая и воровством, казак копит по мелочи киргизский товар до первой поезди на линию, где, сбыв его, купит для продажи в степи хлеба, чтобы снова сбывать его при крайности киргизам» (Опис. кирг. степи. Ч. I. Стр. 415).

Обратимся к Березовскому краю. Вот что сообщает о торговле там автор медико-топографических материалов о болезнях и вымирании инородцев в Березовском округе д-р Соколов: «Русские купцы, снабжая остяков и самоёлов, приняли за правило снабжать инородцев привозными товарами в долг до ярмарки или до следующего года, и это продолжается из года в год, так что инородцы постоянно закабалены не только за себя, но и за детей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы пользуются случаем продавать затхлую муку, так они сделали в 1862 году. Когда случился недостаток хлеба, начали инородцам вытаскивать

из амбаров остатки прежней муки со всяким сором, пылью, мышинным пометом и продавали по каким угодно ценам».

Из этого видно, что на нашем богатом и щедро одаренном природою Востоке в лице кабарыльников теперь является пролетариат самого жалкого вида в лице инородца: над ним тяготеез какая-то историческая судьба; вслед за завоеванием он несет в себе презрение низшей расы; он поставлен в суровую обстановку дикой природы, которая давит его в силу его невежества и беспомощности. Как дикарь, он не знает русских законов и форм быта, и вот при первом столкновении он испытывает самые грубые формы торговоши и эксплуаташии его труда и промыслов. По мере того, как потребности инородца растут, он становится все в большую зависимость и безвыходное положение. Быт его ухудшился даже сравнительно в прежним временем: когда инородец приучился к хлебу, он более почувствовал нужды в нем и чаще страдает от голода. Доктор Соколов свидетельствует, что самоеды, остающиеся при животной пище, здоровее остяков, которые снабжаются промышленной мукой дурного качества и при самых стеснительных условиях. Радлов, описывая быт телеутов, сравнивает с ними инородцев, которые уже вошли в соприкосновение с русскими, и приходит к неутешительным выводам. Виною этому, как мы увидели, в его очерках он считает купеческое влияние и злоупотребление в торговле по отношению к инородцу.

Вот эти-то указанные причины и бесправие инородца и дают особенно резкое направление сибирской кабале. Те же способы кабалы, практикуемые среди инородцев, входят в нравы, обычай и прием торговли по отношению к русскому потребителю.

Факты эти во всей совокупности явлений не могут не заслужить серьезного внимания. Мы видим, что они не составляют редкого и единичного явления, но охватывают всю жизнь страны и выражают характеристическую сторону быта. Эти явления проникают во всю экономическую жизнь Востока с высших экономических ступеней до низших, имея во главе богачей и капиталистов, промышленников, ростовщиков, кулаков, крестьян и мироздов, пиявчески высасывающих своего брата мужика. Они отражаются в самых разнообразных способах наживы и монополии, начиная с захватов целого края на откуп до стачек на сельских и городских базарах, как и ярмарках; понятно, что они вызвали некоторые опасения и преувеличения. Если эти многие явле-

ния были свойственны старым формам хищнического хозяйства, то естественно желать, чтобы они не возникали под новыми формами хозяйства и промышленности.

Чтобы объяснить себе столь грандиозное и обширное развитие сибирской торговой монополии, кабалы и кулачества, становится необходимым изучить их в условиях местного быта. Рассматривая явление монополии и кабалу на нашем Востоке, рядом с историей промышленности мы находим, что оно коренится в истории Сибири довольно давно.

Развитие различных форм этой монополии здесь обуславливалось во многом особыми географическими, экономическими и историческими причинами.

Промышленный дух, например, имел более простора в Сибири. Когда Россия жила крепостным правом, в Сибири большинство населения отдавалось промыслу, торговле и спекуляции. Сибирь, таким образом, рано переживала промышленную горячку, и в характере ее жителей резко обрисовалось стремление к наживе всевозможными путями. Отдаленность и глушь способствовали зарождению таких явлений, которые не могли существовать там, где властвуют более законность и гражданственность, наконец, этому способствовали и особые исторические причины, к которым мы обратимся.

Сибирский промысел и нажива, как и торговля, получили свое начало в эпоху завоевания края. Грубые и бесцеремонные способы этой наживы обуславливались сначала войной и неприглядным обращением с инородцем, не изгладившимся и впоследствии: война и промысел шли здесь рядом. Отражение завоевательных воззрений и принципов можно проследить во всей истории промышленной жизни края. Самое завоевание Сибири не было плодом одного воинственного и рыцарского духа; это завоевание руководствовалось практическими целями промышленной наживы. Казаки обыкновенно убивали инородцев и делили добычу, впоследствии научились вдобавок обращать их в рабство. Промышленные люди следовали за казаками и также завосывали и грабили*. В эту первую эпоху, можно сказать, «промышляли инородца» как зверя.

Когда край был покорен, завоевательные взгляды переставали действовать. Вслед за покорением Сибири и обложением инородца ясаком, то есть с наступлением даже мирного време-

* История Сибири. Фишер, Стр. 204.

ни, «промысел инородца», однако, не прекращается. Он принимает только новую форму усмирения бунтов. Побор ясака в казну, суд над инородцем, управление — все сопровождалось частною наживою, где об руку с казаком действовал и промышленный человек. Он приучился действовать грубо, дико, захватом. Смотря на инородца как на завоеванный народ, всякий побор, всякое обирание его считалось законным. Грабеж переходил в побор, побор — во взятку, нравы, перешедшие от казаков к воеводам, к служилым людям, перешли и к промышленникам. Не было состояния, не было учреждения в Сибири, которое бы не эксплуатировало инородца; пионеры колонизации, крестьяне-звероловники, хмелевники, отправлявшиеся на пограничную линию за промыслом, и те вели войну с инородцем. Кроме имущества инородца, он и сам делается на всю жизнь собственностью. Сибирь не избегала общего закона колоний, колонист здесь создал рабство инородца, и история этого рабства, проходившего через всю историю Сибири до XIX столетия, достаточно выяснена ныне историческими документами. Рабами приучились издавна спекулировать. Первоначальный полон послужил предметом мены и торговли. «Даже закабаление инородок для наложничества и брака имело свою целью не одну удовлетворение половых инстинктов, но также и коммерческой барыш», — пишет автор «Истории рабства в Сибири» г. Шаников. Когда кончалась война, то усмирение бунтов также сопровождалось захватом ясакчей, самое усмирение было только предлогом для добычи рабов. «Начиная от воевод и кончая последним купчишкой, — пишет историк рабства в Сибири, — захватывали для той же цели дикарей совершенно мирных и ни в каких бунтах и замыслах не виноватых; дичность самых мирных дикарей никогда ничем не была обеспечена от насильственного захвата их в неволю». Точно так же рабы добывались и путем торговли. Для этого существовал вывоз рабов из-за границы воюющими между собой инородцами. Голод и бедствия способствовали тому, что русские покупали инородческих детей. В Березовском крае мальчиков продавали по 25 к., а девочек — по 20 к. Правительство с Петра уже боролось против этого рабства. Но оно являлось под разными фикциями. Новообращенные в христианство обыкновенно присваивались в кабалу воспреемникам⁶. На инородцев наследовали кабальные записи.

⁶ Подобные фикции обращения инородца в рабство практиковались и другими народами. Такой же обычай упоминается существовавшим в

Такое положение дел продолжалось до 20-х годов нынешнего столетия и даже позднее. «С самого завоевания вплоть до наших дней, — говорит историк Словоков, — народонаселение Сибири разделялось на два класса: на рабский класс из невольников и лиц закабаленных, класс многочисленный, состоящий из инородцев, и зажиточный класс: работников-земельщиков-кабальщиков». Рабов употребляли для домашних работ, на зверовании, на передвижении товаров, для земледельческих работ и прочее. Под влиянием подобных же взглядов устанавливались и торговые отношения к инородцам, когда начинались с ним торговые сношения. Когда запрещено было держать рабов, рабство, по-видимому, рушилось; оно в сущности не уничтожилось, оно приобрело только новую форму кабалы и существует в форме торговой кабалы до сего дня. Торговля с инородцами и мета с ними составляли выгоднейшую статью торговли для русского населения Сибири, торговля эта создавала сопровождаемая бесчисленными злоупотреблениями. Голюбин застал в Камчатке разрезавших подъячих и солдат, которые с вином разрезали по инородцам и промышленники у них соборей. То же самое и еще больше делали купцы. «Великий камчатка имеет между купцами кредитора, — писал путешественник, — у которого инородец берет, не спрашивая цены, разные безделицы, купец же записывает в книги десятичную цену, каждые 10 рублей вышутся в 100 рублей». И это также было во всех уголках Сибири. Купцы действовали по отношению к инородцам с военной бесперемонностью при взыскании долгов. Например, в конце XVIII столетия купец Ситанов в Туруханском крае, развозя товары и закабляя инородцев, был, по словам г. Третьякова, автора книги «Туруханский край», полным властелином. Он требовал себе здесь «божеских почестей», распоряжался с инородцами собственноручно, обращал в работы для себя, запролавал другим и, когда свирепствовала здесь горячка, ездил по улусам, брал имущество мертвых и больных и производил чистый грабеж. Можно себе представить, до чего развивалась бесперемонность такой наживы в прежней истории Сибири. Итак, инородцы явились первой жертвой эксплуатации и кабалы. Судьба их изображена яркими чертами в истории рабства в Сибири и истории Русско-американской компании (Историч. этюдъ Шашков) Мы не имеем возможности передать этой грустной повести наших столкновений с инородцами, кон-

Капской колония у англичан, как видно из статьи W. Sargent о колониях в Essays by members of the Birmingham speculative club 1870.

чиняется вымиранием целых племен в Сибири, так же, как голодом и людоедством, мы не остановимся на страницах, напоминающих подобные же столкновения испанцев среди диких племен Америки, но мы не можем не указать на те средства насилия, которые здесь употреблялись. Рассматривая экономические отношения инородцев к русскому населению, мы видим, что оно действовало здесь, во-первых, захватом угодий у инородцев, которое совершилось тремя путями: просто забиранием силой угодий, покосов, рыбных ловлей, путем грабежа и порабощения» (Историч. этюды. Шашков. Стр. 251); путем заклада и отбирания угодий за долги (с. 252); долги эти накладывали на инородцев по 200 и 300% ; угодья закладывались за 1 р. 50 коп. и эти заклады с 1688 года не могли быть вымочены по 1823 г., например, то есть инородец не мог выплатить 1 р. 50 коп. в 135 лет; наконец кончилось тем, что такие угодья, как рыбные березовские пески, перешли захватом в руки русских, а остяки разорились и потеряли ресурсы к жизни (стр. 258). Далее, эксплуатация инородцев и обирание их производилось под видом торговли и нещобросовестной наживы, сопряженной со всеми злоупотреблениями, в контрабанде, фальсификации, поддельных расчетах и на стремлении закабалить инородца. «Инородцы — вечные рабы лукавых заводящих», — писал официально начальник алтайской миссии в 1853 г. Сыздываза были известны ужасные злоупотребления при торговле. Путем торговли и другими способами все инородческое имущество переходило к русским, а инородцы беднели до того, что не имели возможности добыть себе другой пищи, кроме падали или толченой коры. В Туруханском крае муку продавали по 4 р. 90 к. на фальшивый безмен с примесью льда и песка.

Торговцы взяли на себя поставку инородцу хлеба, свинца, пороха и рыболовных припасов, задавая вперед или приобретая при нужде, во время голода, все, что мог инородец дать. Закабалив инородцев вперед, поставили их в такое положение, что те бросили заниматься звероловством самостоятельно, а пошли в работники к русским на хлеба и содержание, отдавая за это одно весь свой труд. Даже крестьянин стал приобретать в кабалу инородца, и чем беднее был наниматель, тем инородцу еще было хуже. «В таких работниках, — писал Осипов в 1864 году о Нарымском крае, — здесь люди гибнут материально и нравственно».

В таких условиях начинала развиваться сибирская кабала и монополия, находя широкое поприще на беззащитном инород-

це. Действительно, в XVIII столетии нам представляется готовая широкая картина монополии, охватившая весь Восток. После военной победы вследствие завоевания и покорения завоевателей, казаки воеводы, промышленники стали искать наживы в торговле и спекуляции. Пример монополии в Сибири был показан казною. Сначала монополией пользовалась одна казна, она собирала в яsak пушнину, отыскивала руды, взята в монополию мамонтовую кость, продажу вина, табаку и ревеня. Рядом с этим занялись торговлей для себя воеводы и служилые люди. Воеводы торговали всем, говорит история Сибири, вином, съестными припасами, скотом, невольниками, пушвиной, испотребными женщинами. Рядом с казаком промышленник выкинулся тем же торговательством с инородцем, а подчас и грабежом. Даже сословия, стоявшие в стороне и не предназначенные к торговле, пустились в наживу под влиянием сибирской жизни. Дворяне, командированные в Сибирь на службу, поселясь в разных местах Сибири, «привилегии своего дворянства растеряли», как пишет летописец, и занялись промыслами. Даже монахи, как авантюрист Козыревский, были и завоевателями, и промышленниками. Монастыри также увлекались промышленной деятельностью, пишет автор «Очерков нравов в старинной Сибири». Они приобретали пашни, покосы, рыбные ловли, угодья покупались или отнимались у инородцев. Сюда вызывали гулящих людей, им давали лошадей, хозяйство и брали *кабальные занысы*, что они должны вечно работать на монастырь и давать 5 снопов. Торговля точно так же увлекает и белое духовенство. В краях Березовском, Нарыньском, Бийском, Туруханском и по всем сибирским окраинам духовные были первыми торговцами и монополистами, пишет автор «Нравов старинной Сибири». Это было явление столь частое, что указы XVIII столетия предписывали светским властям «того смотреть накрепко, дабы духовные персоны под образом разведков с требами для наблюдения к спасению человеческого аумчества не отправляли б». Но светские власти сами вели торговлю. Торговля духовенства держалась до 1820-35 годов, но и теперь еще не вполне искоренена. В Березовском округе около этих лет вся торговля была в руках протоиерея Ергунова. Он торговал вином, покупая ведро по 5 р. и продавая инородцам по 40 р. Торговые люди еще шире и необузданнее раскидывали сеть самой бесцеремонной наживы. Можно себе представить, какую выгоду представляла торговля, когда за медный котел давалось столько соблагов, сколько их могло войти в самый котел доверту.

Вино составляло подмогу в торговле, и инородцев сначала сплавляли и во время тяжкого похмелья склоняли на всякие условия. Кроме того, обычай кабалы с инородцев переносился очень быстро и на русских крестьян, но кабала русских имела и самостоятельное значение, занесенная из древней России и сохранившаяся на Востоке. Многочисленный след ее встречается в актах. Первые гулящие люди, эти русские пидальго, охотно давали на себя кабальные записи, иногда за несколько поттин на целую жизнь. Кабальные записи брались и с переселяющимися крестьян. С развитием в Сибири кое-какой промышленности, пишет историк, кабала усилилась. В XVIII столетии возникла Российско-американская компания с рабочими, состоявшими у нее в неоплатной долговой зависимости. Когда алтайские, уральские и другие заводы были у частных лиц в зависимости, то здесь, рядом с каторжными, работали и *кабальники*. Монастыри имели кабальных крестьян. Промышленники закабалили рабочих на промыслах, не могли этим не воспользоваться и торговцы. Торговцы-монополисты при отсутствии конкуренции в Сибири, привоз и продажа товары, обескуражив, обмеривая, наконец, стараясь втиснуть в долги, поступали так же с земледельческим русским сословием, как с инородцами. По словам Радищева, в прошлом столетии разве *один из ста* барабинских поселенцев жил не в долг, а то были все наемщики и получали зачатки от купцов. Торговцы пользовались их трудом и обогащались. Надо прибавить, что в это время ставили в безысходную нужду и зависимость крестьянство беспрестанно постигавшие Сибирь в прошлом столетии бедствия, означенные у Словцова в виде особой главы «Народными бедствиями». Это были вторжения неприятеля, изва, оспа, пожары, мор и недостаток хлеба. Все это проявлялось разорением жителей и дороговизной хлеба. Тягостные повинности, исправление дорог, бесплатная поставка припасов, почтовая гоньба, доходившая до того, что ездили на людях, когда не было лошадей, — все это рязарило и тяжело ложилось на крестьян. На крестьянах образовались недоимки, за которые следовала отдача на заработки частным лицам. Все это заставляло крестьян бросить земледелие, хлебопашество паю. Угладок земледелия привел к дороговизне хлеба, причем поживистись спекуляторы, продавая его по 10, 12, 15 р. пуд. Пользуясь нуждою крестьянства и дешевым скупом сырых продуктов при этой нужде, торговцы захватили себе в руки целые округа. Так, во второй половине прошлого столетия купец Попов имел в руках При-

камский, Прикамский, Приуральский край и был здесь монополистом; приказчики его развозили товар; променявали на сырье и оставляли в долг. Богатство Поповых возрастало страшно. Они терпели при несчастиях, теряя по 180000 рублей, и это им было ничто. Около 500000 рублей истратили они на попытки разыскать золото. При таких условиях росли быстро крупные монополисты в Сибири. Приказчики при громадных доходах с торговли и кабылы делались хоневарами, так, Поповы были сначала приказчиками у Зелениных, а Зеленинов — у откупщика Походнигина. Капиталы накапливались при бесцеремонной наживе, и накапливались быстро.

Последствие таких явлений — рядом с наживой одних шло обеднение сельского и инородческого сословия. «Видно, что Сибирь, как страна, заключает в себе золотое дно, — писал Слощов, — но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Посадский, поселянин, промышленник или торговец, туземный и инородец трудился, но *врудался как лаломник*. Sic vos non vobis iudificatis, felificatis и подобные припевы витязиссы очень приличествовали тогдашней Сибири». (Истор. обзор. Сиб. Ч. I. Стр. 267).

Различные формы монополии, кабылы и торговых злоупотреблений, давая себе повсюду чувствовать, но раз вызывали вмешательство самого правительства, а также меры, стремившиеся к ограничению их.

Как в прошлом, так и нынешнем столетии мы встречаем борьбу администрации на сибирской почве с различными злоупотреблениями и сопротивление к преобладанию монополистов. Раннее правительство ограничивало промышленников и простирало свое вмешательство с одними фискальными целями, так, оно запретило промышленникам и торговцам обирать соболя прежде сбора ясака, чтобы не было убытку «государевой казне», но впоследствии это вмешательство и ограничения потребовались уже в ограждение завоеванного инородческого населения от бесцеремонного грабежа и эксплуатации промышленных людей, кинувшихся сплывать, закабалить население и создавать рабство в Сибири. Только благодаря усилиям и законодательному вмешательству не развилось это рабство, как в Америке, и было прекращено покушение создать его в Сибири. Так, известны многие указы против закабаления инородцев, а именно: указы Петра 29 июля 1726 года, 1741 г., 1748 г. В половине XVIII столетия однако, рабская тенденция воскресла и

укрепилась, найдя опору в крепостническом духе, перенесенном из России. Купцы сибирские просили, чтобы им позволили иметь крепостных, видя готовый элемент для этого в инородцах. Но дух Екатерининского законодательства был уже против этого. Тогда появились в Сибири нелегальная кабала и захват инородцев. В 1808 г. Высочайшим указом 23 мая был нанесен новый удар невольничеству в Сибири. Но, несмотря на то, еще в 1825 г. в Омске сибирские рабовладельцы в числе 31 человека избрали поверенного, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя, упомянув о «произвольных», по их мнению, «действительных присутственных мест по отбору невольников». Но правительство указами 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. окончательно прекратило эти рабовладельческие покушения и назначило срок освобождению всех инородческих невольников. Однако законодательная власть, преодолевая враждебные ей общественные элементы в виде рабовладельчества и кабалы, пробовавшей утвердиться на легальных основаниях, не могла изгладить покушений и инстинктов русского, и особенно торгового населения к закабалению инородца под всякою другою формою. Мы видим у правительства по мере замирения Сибири точно так же постепенное стремление упрочить управление инородцем, устроить податную систему и по возможности оградить их от торговой эксплуатации и разорения. Это проявилось различными мерами: к первым мерам относится умеренный ясак по окладу 1763 г., оказавшийся, однако, с повинностями и благодаря тогдашним злоупотреблениям нелегким; работы ясачной комиссии Сперанского, пробовавшей установить управление инородцев; посылка двух ясачных комиссий при императоре Николае I для устройства инородцев и исправления недостатков уложения Сперанского, сложение недоимок с инородцев, накопившихся по 1 января 1832 года. Рядом с этим правительство не могло не обратить внимания на ту эксплуатацию, которую создавали по отношению к инородцу русские. Чтобы обеспечить инородцев от частной эксплуатации, казна пыталась сама брать на себя продовольствие их, но это не удалось. Вымирание и голод инородцев, происходившие до Сперанского, заставили предпринять систему казенного продовольствия хлебом, но она была в первое время в самом дурном состоянии. Сперанский обратил на это внимание и увеличил объемы и средства казенного продовольствия — организована была продажа в долг. Но едва сибирское уложение успело войти в

силу, как на инородцах накопились уже громадные долги за казенный хлеб. Вопреки уложению начали взыскиваться эти долги с неизмеримой строгостью: у инородцев отбирали все, так что они пускались в бег. Хлеб в магазинах перестали брать. Скоро взыскания должны были прекратиться, и тогда долги из года в год на инородцах только возрастали, доходя до 200 руб. на человека. Инородцы даже приучились не платить долгов. Кроме того, казенная продажа не только не устраивала частной эксплуатации, но оказалась орудием для нее же. В казенные магазины поставщиками явились купцы и вывозили на хлеб. Казенная торговля не умерла, а иногда возвышала цены. Частные торговцы входили в стачки с чиновниками, с вахтерами. (Ист. сиб. инородц. в XIX стол. Шашков. Стр. 266, 267, 268, 269-271). Что купец давал вахтеру, то он брал с инородца за хлеб. Цена хлеба поднималась, и торговцы склонялись к покупке частного хлеба искусственными мерами. Дело даже Сперанского не поправило, и казенное снабжение не помогало. В сороковых годах при ревизии Восточной Сибири граф Толстой снова обращает внимание на злоупотребления торговцев: он нашел, что иркутское купечество, выезжая в инородческие стойбища до сбора ясака, скупает все лучшие ясачные меха. Поэтому купцам было запрещено ездить до тех пор к инородцам для торговли и торговать только дозволялось с 1 июля по 1 сентября (время самое невыгодное), точно так же запрещалось у инородцев торговцам иметь склады и магазины. Закон 1844 года, однако, вызвал опять пагубные последствия. Казна не могла обеспечить инородцев необходимыми продуктами, а частная торговля пала. Падение частной торговли отзывалось еще хуже на инородцах. Кроме того, казенные магазины и вахтера их по-прежнему оставались агентами купцов и были с ними в стачке. Наживались вдвойне и вахтера, и купцы. При этом за неимением частных торговцев начинали записываться ею исправники, а иногда даже посылаясь комиссии для исследования инородческого быта, как было в Туруханске (Сибир. инородц. в XIX в. Стр. 276). Запрещение 1844 года не осуществилось, потому что началась контрабандная торговля купцов через посредников, живущих между инородцами. Это еще больше увеличивало дороговизну товаров. Точно так же от торговой эксплуатации мало помогли и другие запрещения. Например, было составлено предельное самое ужасное и беспощадное обирание инородца. За волку он отдавал все, и торговцы вели торг больше всего на водку.

Ведро продавали им иногда за 40 р. Но достаточно было и одной бутылки, чтобы у пьяного отобрать всех соборлей. Вино строго запрещалось продавать сыздавна, но это не помогало, и торговцы контрабандно всегда торговали им, торгуют им купцы и чиновники. Инородцы, кроме того, страстно любят мухомор, заменяющий водку. «Чрезмерное употребление мухомора, говорят, бывает часто причиною смерти, как торговля мухомором в Анальрске, например, укоренилась давно для чукчей, а в 1866 г. извещали — она находилась в руках русского купца К...» (Сибир. вестн. 1866 г., № 13).

Злоупотребления торговли продолжают и до сих пор. Все меры правительства к ограждению инородцев, как оказывается, не достигали цели, но рядом с этим мы видим все-таки постоянные усилия ограничить явные беззакония. Меры ограждения и покровительства инородцев доселе не имели, однако, ни постоянства, ни последовательности и впадали в беспрестанные ошибки. Чтобы прекратить грабжи и притеснения купцов, правительство предписывало местной администрации взять на себя продовольствие инородцев в отдаленных местах, но это приводило только к тому, что чиновники брали на себя торговлю и злоупотребляли вдвойне и за себя, и за купцов.

Как по отношению к инородцам, так и во всей своей промышленной деятельности на Востоке местное торговое сословие, как мы видим, следовало своим, особым путем наживы и обогащения. История показывает нам, что постоянными целями, к которым оно стремилось, была монополия. Тенденцию к этой монополии мы указали коренящейся давно в истории Сибири. До Сперанского могущество купцов в Сибири было страшное, купцы хотели монополизировать все. В начале нынешнего столетия откупщик Передовищев взял на откуп половину России и всю Сибирь. Палутинов, тобольский купец, был в связи с ним и Иркутскими купцами, которые все стремились к стачке, то есть к тому, чтобы ввести свой торг и монополию, устранив других. Старались ограничить торг мещан, убить мещанство — подавленное это состояние замечается и доныне, налагали пошрины, сикось запретить торговлю крестьян, наконец, в 1810 г. в Иркутске монополизирована была даже мясная торговля в городе тремя купцами. Контракт начинался так: «*Никто, кроме нас и тех, кому собственно мы нас будет дано сие позволение, не должен торговать мясом в городе*» (Изв. сиб. отдела Географ. Общ.)

Наконец, борьба монополистов с административной разрыгалась при Трескине. Борьба и раздражение против трескинских времени во многом объясняется этими мотивами. Некоторые думают, что в это время купечество стремилось заирывать общественными делами и добивалось власти, что на отдаленном Востоке зарождался древний Новгород. Но это едва ли так; факты говорят, что это вовсе не было стремление к правильному самоуправлению, а было стремление к монополии. Точно так же и, наоборот, напрасно видеть в борьбе Трескина с купечеством уничтожение монополии. Трескин сам хотел монополизировать все в пользу своего и подчиненных, на этом основании он имел стачки и с купцами, как показало следствие Сперанского. Словом, это была облыжная игра в сибирской истории, где купечество жаловалось на произвол не из-за произвола, хотя он и был, а из стремления к монополии, старая администрация выказывала злоупотребления купцов не для искоренения монополии, а затем, чтобы завладеть ей самой. Наконец прибыл в Сибирь Сперанский: из материалов о ревизии его видно, что он открывал также на пути повсюду злоупотребления частной наживы. Ленское и киренское население жаловалось не на одних исправников, а также и на самодурство купцов. Киренские купцы считали за крестьянами огромные долги. Задолжавши раз, жители делались неоплачиваемыми должниками. Купцы немилосердно с них изыскивали долги, разлезжали по деревням без проговоров, нахально, бессовестно обманывали крестьян в своих обязательствах, притесняли и обещали инородцев и проч. (Шапов. Сибирское общество. Изв. сиб. отд. Геогр. Общ.). Так было почти везде в Сибири. В книге г. Вагина о времени Сперанского мы видим, что раскрытие злоупотреблений в Нарьмском крае показало, что торговля здесь была также монополизирована. В Тутке притеснялись буряты купцом Белозеровым (стр. 99). Из дел Тельшинской фабрики оказывались стачки чиновников с купцами (стр. 100). Ревизия Сперанского в Киренске показала монополию торговли вином (стр. 103). В Томске купцы стесняли крестьян и налагали на них сами пошлину за торговлю сельскими произведениями (стр. 154). Даже епископ Михаил протестовал против страшной монополии и злоупотреблений купечества (стр. 38, 39. Вагин. Ч. I). В Сибири образовывалась капиталистическая олигархия, тяготевшая страшно на население. Сперанский застал ее в борьбе с административной Трескина. Как ни желательно сочувственно смотреть на эту борьбу, как на подавление возникающей буржуазии,

кабалившей народ, но мы видим, что тогдашняя сибирская администрация вовсе не стремилась подавить купцов во имя их злоупотреблений, а имела другие мотивы и побуждения. Сперанский издал на это, конечно, строго, он взялся прежде всего искоренить участие чиновничества в монополии и очистил администрацию. Он также оживил ту регламентацию в торговле, которая была предложена для чиновнических притеснений, но в то же время и в качестве образованного теоретика, последователя начала Адама Смита и приверженца особой торговли он нашёл иные пути, всякую удачу с торгового сословия и своими законами о невмешательстве дал ему впоследствии усилиться. Сперанский, увидя чуждую казенную монополию, созданную Трескинским, наживу чиновников, естественно, стал на сторону подавленной торговли, но он не был на стороне и частной монополии. (Меры его см. Свобода хлебной торговли и проч. См. Вагин. Ч. I. Стр. 178. Гл. X. Стр. 334, 337, 353, 355). Он отвергал просьбы купцов о монополизировании торгова, право думы на торговлю и прочее. Он пытался поощрить вообще развитие частной промышленности, поэтому старался покровительствовать купцам, был знаком с монополистом Кантинским и другими, не подозревая их злоупотреблений. Злоупотребления Кашилинских остались необнаруженными, они продолжались до ревизии сенатора Толстого, даже отчасти далее, до Муравьёва. Купцы Черныш в Баргузине делали то же. В Якутске даже существовала система грабежа под видом торговли... (Вагин. Ч. I. Стр. 586—587). В развитии промышленности и поощрении торговли Сперанский видел вообще благо края и в устранении опеки для торговцев — «свободу обмена», «libre échange». Но он не видел другой стороны сибирской жизни. Поэтому, думая покровительствовать свободе торговли, Сперанский не создал особых законов против промышленной монополии. Он устранил только при себе ее лицам и влиянием. Но как только уехал, торговцы начали действовать в прежнем направлении. «Мысль Сперанского, — пишет г. Вагин, — осталась легковитною» (Ч. I. Стр. 355). Мало того, эта свобода была для них поощрением действовать бесконтрольное. Сперанский не подозревал, что под именем «libre échange» сибирские промышленники будут разуметь только свои монополистические и кабальные цели. Впоследствии сибирское торговое сословие так привыкло к закабалению извозчика и крестьянина, что стало считать это неотъемлемым своим законным правом и первым правилом всякого коммерческого предприятия. Выражением желан-

ний и понятий сибирских купцов в XVIII веке служит просьба их и уполномочия, данные депутату Самойлову, отправленному из Енисейска в Екатеринбургскую комиссию. Они уполномочили своего доверенного просить «отдать им в монополию торговлю в Енисейском и Туруханском краях. Просят запретить торговлю иногородним. Просят дать им монополию водного сообщения между Иркутском и Енисейском, запретив иркутским купцам сплавлять по Ангаре товары на своих судах. Просят себе монополию винокурения и выноторговли. Просят о введении в Енисейской губернии крепостного права. Просят об торгическом привилегии кабалы детей нищих, чтобы за воспитание утвердить их в холостах. Наконец, город просит об испомоществовании себе от казны. Впоследствии просьба *монополий* заменилась просьбой *привилегий*. Те же стремления торгового сословия и те же воззрения прошлого столетия отразились в 1855 г. в записке К. о Туруханском крае, Данилова в испрашивании *привилегии* пароходства на Енисейске и в просьбе Лавровского, просившего белый Туруханский край себе в аренду» (Енисейский округ. Крылошапки. Стр. 14).

Из этого видно, что стремление к монополии шло издавна и сохраняется до последнего времени. Кабала сделалась слугинком сибирской жизни и промышленности, составила подкладку ее и отразилась в различных промыслах. Так, между прочим, кабальные условия труда вошли целиком в золотопромышленность: задатки, выдаваемые рабочим, одежда и продовольствие, засчитываемые работой, не что иное, как тоже старинная форма эксплуатации и прежних договоров. В золотопромышленных контрактах были даже такие права, по которым хозяин мог перепродавать рабочих на другой прииск, и в этом отражается явление торговли людьми. Контракты золотопромышленных рабочих носили до последнего времени самые стеснительные условия. Наконец, здесь существовало множество злоупотреблений: «В отношении к рабочим, — говорит автор одной статьи о золотопромышленности, — злоупотребления совершаются при найме, при продовольствии, при снабжении необходимыми вещами за дорогую цену, несмотря на дурное качество, при удовлетворении прихотей и потворстве дурным наклонностям (например, пьянству) за несообразную цену, при малой заботливости о санитарных условиях и при отсутствии всяких мер касательно обеспечения будущности рабочих.

Золотопромывальщики жалуются большей частью и на администрацию, и на рабочих; но положительно свидетельствуется всеми близко знакомыми с делом, что без злоупотребления администрации и без эксплуатации рабочих, наконец, без вреда местному населению и калле золотопромывальщики не могли бы получать огромных выгод, какие получают, по крайней мере, крупными из них» (О золотопромывальщиках в Сибири. «Московск. ведом.» 1875 г., № 70).

Исключительные условия золотопромывального труда и их монополизм давно обращают на себя внимание. Замечательно, что подобные же условия пробуют возникать в Сибири и в едва начинающейся заводской промышленности, по крайней мере этому представляют свидетельства следующие недавно опубликованные факты. В одной из поместских фабрик условием найма ставилось: пользование продуктами от фабриканта исключительно из его лавки, хотя фабрика находилась около города; здесь существовали задатки и зачеты вперед, снабжение наемных дурной провизией и затхлою мукой, отчего начали разнываться болезни, практиковались обещывания, масса злоупотреблений и несправий, свойственных только прежнему быту (Корресп. С.-Петерб. вед. о фабрике Ядринникова в Тюмени). Сибирская промышленность, таким образом, является как бы немыслимою без кредита, задатка и закабаления. Из этого видно, что обычаи старого быта пробуют просачиваться и под формами нового промышленного склада. Сами промышленные понятия формируются на Востоке совершенно своеобразно. В виде поощрения промышленности в Сибири принято просить только монополий и привилегий. Когда промышленники начали говорить о поощрении золотопромывальности для края, то они разумели всегда отлагу рабочего в их полную власть; мало того, они требовали, чтобы их предприятиям постоянно помогала администрация, так они вытребовали присутствие на приисках казаков, содействие администрации и сельских обществ в доставке рабочих и поимке беглых. Дурное содержание на приисках остовершенно вызывало эти бегства, и предупреждение этого составляет до сих пор предмет искательства и хлопот золотопромывальников. Эти предупреждения являются не в виде улучшения быта, а в виде желанни прикрепить рабочего и возвратить его с помощью власти.

Подобные требования местных монополистов-хозяев считаются ныне обременительными для самой администрации и

ставят власть в бесчисленные затруднения. Наиболее честные представители администрации, всмотревшись в условия этих отношений, хотели своим долгом взять сторону не монополистов и эксплуататоров, а эксплуатируемых, как людей, находящихся в беззащитном положении. Таково было отношение генерал-губернатора Восточной Сибири Синельникова. Узнав о том бесправии и притеснениях, какие практикуются золотопромышленниками в сибирской тайге шдали от надзора, он делал попытки облегчить положение рабочих, обеспечить им их заработок, который весьма искусно выкачивается обратно при помощи водки и товара, а также при расчете. Для прпровождения партий рабочих посылались особые доверенные лица, а заработок рабочих предлагалось отдавать на хранение. Такими мерами генерал-губернатор желал хоть сколько-нибудь сохранить трудовые деньги людей, работавших целое лето, сохранить от соблазнов и сетей, расставляемых им золотопромышленниками и кабатчиками в то время, когда семьи этих тружеников голодали по деревням и ждали возвращения отцов и братьев с заработком, большую часть, к несчастью, доселе являвшихся обобранными козлеками.

Принимая во внимание все эти явления, последователи местной экономической жизни не могли не останавливаться на подобном характере деятельности местных экономистов и смотреть на него как на экономическое и гражданское зло. Один из исследователей, обрисовывая их значение в крае, сообщает, что сила, значение и смелость подобных эксплуататоров и монополистов растет по часам и достигает огромных размеров. «Действуя с бесприменностью, этот класс людей простирает претензии на все: на земли, леса, воды Сибири и недра земли. Он стремится захватить и эксплуатировать все, устанавливает свои цены на хлеб, мясо, водку, соль и старается захватить себе весь рынок. Есть города в Сибири, которые находятся почти в крепостной зависимости у подобного эксплуататора и кулака».

Восьма характерными примерами приводятся следующие факты из местной жизни. Зная, что железо привозилось с Урала, один промышленник в Восточной Сибири построил завод и конкурентней вытеснил привозное железо. Подобное предприятие было бы, конечно, выгодно для края и населения. Но едва уральское железо было вытеснено, монополист разом поднял цену шдное. Второй случай: тот же эксплуататор на винокурси-

ном заводе предложил окружающим крестьянам брать барду по 15 коп. бочка, рассчитывая ее за поделенные работы или за деньги. Когда скот привык к барде, цену подняли разом на 60 коп., и стали давать только тем, кто обещал работать на заводе. У крестьян, отказавшихся от покупки барды, начал падать скот, и кончилось тем, что пять веревек закабадились этому предпринимателю. Из этого видно, что даже местная заводская промышленность далеко не послужит с пользой для края, если будет руководима подобными монополистами. Такая наглая нажива и хищничество практикуются без всякой застенчивости. Подобный класс монополистов и спекулянтов является ныне силою, давит на общество, кабыла *missu* людей, руководит общественными делами, преследует личные цели, заискивает у властей, рисуется благотворителем, а в последнее время — и просвещенными негодьями, но на деле преследует цели монополии и грубейшего бесправия и наживы. Нет сомнения, что указанный класс хищников не мог не возбудить отвращения и негодования, точно так же, как возрастание и усиление его не может быть признано как благоприятное явление в будущей гражданской жизни восточной окраины.

Рассматривая причины ненормальных экономических явлений на Востоке, мы приходим к заключению, что они лежат в историческом прошлом края и в особых условиях, созданных его исключительностью, удаленностью, господством произвола, отсутствием законности, наконец, коренившихся в торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствии собственной промышленности. Прежде всего мы видим общую эксплуатацию области ее мануфактурным рынком, а затем эксплуатацию внутреннюю посредниками торговли и монополистами. Таким образом, это не столько явление местной безнравственности и особого характера сибиряков, как предполагали некоторые, сколько явление чисто экономического порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помочь ему.

Само собою, что наш Восток не должен остаться вечно странюю монополий, мироедства и купечества, точно так же, как не может ему быть суждена вечно одна торговая зависимость. Чтобы избавиться от нее, страна должна позаботиться о развитии своего хозяйства и промышленных производств, начиная с ремесленных и кустарных. Но, устранив внешнюю монополию и кабалу, она, конечно, должна

будет обратиться и к внутреннему устройству жизни. Злоупотребление и кабалу, как мы видим, во многом поддерживает на Востоке бесправие и отсутствие законности. Введение новых судов, широкая гласность, покровительство инородцу и гражданское подноправие на Востоке — вот лекарства от грубых захватов и злоупотреблений, но, кроме того, конечно, потребуются и некоторые экономические средства предупреждения монополии и кабалы.

Очень немудрено, что в будущем в жизни Сибири придется еще считаться с притязаниями монополистов и мироедов, как и со старой традицией наживы, если не явится на помощь населению разумные силы общества и сознание здоровых путей экономического развития, гражданская доблесть и более нравственные основы общечеловеческой связи и солидарности интересов всего населения.

Общие условия цивилизации не могут не повлиять на местный строй жизни на Востоке и, конечно, установят более нравственные и морализующие общечеловеческие отношения. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы дальнейшая жизнь населения не могла быть гарантирована от известных экономических злоупотреблений, сознаваемых правительством и обществом, и не было никаких путей более здорового развития. Мы видим, что наш Восток далеко не обделен природою при общей гармонии интересов и плодотворном направлении труда — он может рассчитывать на завидную будущность. Сила и богатство его будут равняться обилию даров и производительности, географические условия указывают ему известную роль в мировой торговле, и от него будет зависеть при помощи развития своих внутренних сил и искусства занять первенствующее и нарастающее положение в экономической жизни народов на севере Азии.

Управление Сибирью и реформа Сперанского***IX.**

Затруднения в деле управления Сибирью из отдаленности края. — Эпоха воеводского управления, ее недостатки. — Воеводский произвол и злоупотребления. — Петровский период. — Реакция в Сибирь. — Права чиновничества. — Пестель и Трескин в Сибирь. — Борьба с юридическими обществами. — Сибирский данок. — Назначение Сперанского, его реакция, открытые злоупотребления. — Взгляд Сперанского на управление Сибирью. — Заключительные работы. — Сибирские учреждения 1822 г. — Докламы и недостатки учреждений. — Результаты 50-летней практики сибирских учреждений. — Новые административные проекты. — Старейшие задачи управления.

Управление Сибирью было сопряжено всегда с громадными затруднениями, так как она представляла собою завоеванный край, в котором приходилось удерживать новоприсвоенные земли, усмирять инородцев, вести дипломатические сношения с азиатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обеспечивать ей продовольствие. К этому еще присоединилась чрезвычайная отдаленность Сибирь от Москвы и Петербурга на целые тысячи верст, а следовательно — и от правительственного надзора. В этом и состояла всегда «особенность управления» этим краем. С одной стороны, свойство деятельности в крае вызывало особые полномочия, быструю распорядительность и обозрение дел на месте, с другой — отдаленность края требовала особенного контроля и надзора за правителями, так как в этом крае всего легче могли развиваться злоупотребления, произвол и самовластие. В преобладании того или другого из этих начал, в борьбе их и трудности соединить обе эти задачи заключается вся история сибирского управления и до Сперанского, и после него.

В древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью, им предоставлялось неограниченно завелы-

* Большая часть настоящей главы была помещена особой статьей в «Вестнике Европы», 1875 г.

вать всеми частями управления: войском, судом, сбором ясака, ссыльными*; кроме того, им поручались промышленные казенные монополии: торговля мехами, вином, табаком, речным, мамонтовой костью и проч. Сначала правительство во взгляде на Сибирь руководствовалось завоевательными соображениями, потом — фискальными. Управление вверялось совершенно усмотрению воевод: «Делати по тамошнему делу и по своему высмотру, как пригоже и как Бог вразумит», — говоривалось в инструкциях. Воеводы определялись почти в каждый из городов, причем воеводы тобольские назывались иногда сибирскими, они не были подчинены друг другу и не имели между собою никакой связи на месте, стаясь с «Сибирским приказом» непосредственно. Воеводы переменились очень часто, «независимо от смены отдельных воевод вследствие открывавшихся злоупотреблений по челобитным и доносам товарищей или дьяков, были еще общие раскассированья воевод, применявшиеся с воцарением нового государя или при иных обстоятельствах, — пишет г. Фойницкий, изучавший сибирские дела этого времени. — Кажется, это было сознательной мерой политики, направленной к тому, чтобы воеводы долго не засиживались и не делались слишком смелыми в злоупотреблениях» (Управление ссылки И. Я. Фойницкий). Полная перемена воевод повторяется в 1629-м, в 1635 г. и позднее. Другая мера обеспечения власти против чрезмерного усиления и неправильных действий воевод состояла в назначении им помощников, товарищей и дьяков. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дела не улучшились и соревнование властей вело только к интригам, не устраняя произвола и беззаконий. В первое же время бесконтрольность воевод породила такие злоупотребления, что высшее московское правительство должно было начать борьбу с ними. Чтобы предупредить злоупотребления воевод, им запрещалось иметь мехов и имущества более, чем необходимо; по возвращении их из Сибири их обыскивали с женами, детьми и домочадцами; но столь нивыше меры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назидательное они смотрели как на наживу. Сами нажива и хищничество считались совершенно законными, естественным в новозавоеванном крае и вырабатывались постепенно историей и жизнью этой страны. Военный побор и контрибуции постепенно переходили во взятку при гражданском управлении; «полон» переходил в кабалу и

* Полн. собр. закон. № 561.

рабство инородца с татарина переносилось на русского; военачальническая власть со всеми привычками оставалась и при гражданском управлении, резкой черты между ними не было; абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось и на колониста; промышленная монополия в пользу правительств возбуждала дух той же промышленной наживы и в воеводах; эксплуатации всякого рода правительствались как частными лицами, так и воеводами. Взгляд на край, как на место наживы, был твердо усвоен сверху донизу. Страна эта не имела и тени гражданского полноправия и потому вплоть до настоящего столетия славилась громадным злоупотреблением. Строгие указы против грабителей посылались сюда постоянно, воевод часто сменили, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало делу. Разные «конфузии» и беспорядки в Сибири не прекращались, и от подневных управителей обыватели терпели по-прежнему «деспотское разорение». Петровская эпоха представляет дезорганизацию прежних учреждений и замену их новшами²⁵. «В течение почти всего XVIII ст. ведение судьбами Сибири представляло неструю и постоянно изменяющуюся картину. Сибирский приказ с подчинением сенату утратил всякое значение. Со своей стороны сенат, обремененный массою дел, не мог иметь времени для разрешения текущих вопросов сибирского управления. Множество самостоятельных центральных ведомств, друг от друга не зависящих, решавших сибирские дела, породили разрозненность и путанность в управлении. Власть, потеряв единство, не нашла гармонии и в Сибири. Вначале местное управление раздвоилось: подле тобольского губернатора явился независимый от него иркутский вице-губернатор. В 1764 г. Сибирь разделяется окончательно на два губернаторства. «Введение губернского управления умножило в Сибири число инстанций, увеличило переписку, а с нею — медленность производства и преобладание канцелярии, открывавшие широкую дверь своеволию и злоупотреблениям» (Фойницкий). Общее губернное учреждение в Сибири введено было в 1782-м и 1783 г. без всякого соображения с местными особенностями края, прибавляет тот же автор. Оно не дало ни большого единства, ни гарантий от злоупотреблений. Сибирь разделилась на три наместничества, в которых учреждено два генерал-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всех наместничествах общее учреждение было введено на всем его пространстве, со всеми верхними и нижними расправами, надвор-

ными судами, совместными судами и проч. Границы уездов были назначены без соображений с местными условиями, и во многих пустынях появились полные уездные штаты. Число инстанций умножилось, но и медленность увеличилась. В 1797 г. генерал-губернаторства были упразднены, упразднено и Колыванское наместничество, в части которого — Алтайском горном округе — взамен учреждено горное управление, независимое от гражданского начальства. Тобольское и Иркутское наместничества были переименованы в губернии, но в Иркутскую губернию назначен военный губернатор с гражданской властью. Для сокращения производства все средние места закрыты и совместные суды также уничтожены. Таким образом, шла беспрестанная административная планировка. Смена наместничества, генерал-губернаторств и проч. задачи управления не разрешала. «Отсутствие всякого надзора в центре, разрозненность власти на месте были характеристическими чертами этой эпохи, — говорит исследователь. — Злоупотребления служилых людей не только не унимались, а продолжались с большою силою». Власть восвод всецело переходит к наместникам и генерал-губернаторам, при этом она является настолько же обширна и бесконтрольна. Отсюда те же последствия — произвол, самовластие и развитие злоупотреблений.

Начиная с Петра I, наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы. Взяточничество и после петровской реформы осталось таким же, каким было и до нее. «Крестьянам, — писал де Геннин²⁹ Петру, — бедным разорение от судей, и в городах от земских управителей, и в слободах зело тягостно и без охранения, а купечество же и весьма разорилось, так что едва посадского капиталиста сыскать можно. И хотя здесь всем известен экземпляр, учиненный князю Гагарину (то есть казнь его за взятки), однако здесь, в Сибири, не унимаются бездельники. От земских комиссаров лишние сборы чинят и обиды народу. Судебные комиссары делают великие пакости и неправды. И хотя челобитные и донесения на них от бедных людей есть, но никакого розыска и решения не чинится, и на кого быют челом, те по воле ходят, и знаемо (то есть известно), что таким ворам потачки от надворных судей. Также об учиненных обидах от солдат рассмотрений и резолюций не чинится. А камериры³⁰ своим подчиненным, также надворные судьи

и магистрат своим подчиненным потакают». Из этой картины, представленной де Геннином, видно, что взяточничество и побор охватывали в XVIII ст. в Сибири всех лиц, все учреждения, с высшего до низшего, все судебные и административные должности. Брали все, начиная с губернатора и кончая канцеляристом; брали всем, что имел обыватель. Так дело идет в продолжение всего XVIII столетия. Жолобов, казначей в 1736 году, «злохитростными вымыслами из великих себе взток составил огромное состояние», он брал всем, начиная с золота и драгоценных мехов, кончая мясом и яйцами. Иркутский ревизор Крылов вымучил у иркутских жителей одними деньгами до ста пятидесяти пяти тысяч рублей. Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности. Правители, пока жили в Сибири, не боялись ничего и ничего. Часто они не обращали внимания на царские указы и действовали наперекор им. Так, какой-то воевода Вяземский не только «творил и пащен, и санных покоев охотникам согласно царскому указу не дел, но и посылатника, с которым была послана царская грамота, убил и изуевичил». Власть над личностью и имуществом при таком порядке была полная. Воеводы и губернаторы в XVIII столетии отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Произвольные конфискации имущества, заточение и казни личностей, имущество которых хотел приобрести воевода, были в полном ходу. Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом столетии. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пир на весь мир, и кто к ним не являлся на торжество, должен был доставить приношение. Генерал-губернатор Гагарин употребил свою власть в Сибири, чтобы скопить огромное состояние; он украсил дом свой как дворец, на потолке у него был аквариум с дорогими рыбами, лошади подковывались золотом и серебром. Наместники еще более кичились властью, и в 1782 г., когда Кошкин открывал наместничество, он стоял на императорском троне и принимал поклонение от всех сибирских народностей. При нем также задавались пиры для народа с жареными быками. Дворы губернаторские были набиты чевальницами. У Чичерина было 150 гайдуков, Якоби привез с собою 40 человек

одних музыкантов. Немцов завел лейб-стражу под названием «глухой команды». В Иркутске один губернатор из подражания архiereю, которому звонили, приказал при своем выезде стрелять из пушек. Главный начальник нерчинских заводов Нарышкин устраивал пиры, разбрасывал казенные деньги, составил себе лейб-стражу из крестьян и каторжников, из бурит сформировал *красный гусарский* полк и брал мирные города. Словом, сибирские управители стремились постоянно к «вицеровисту»²¹, их одолевало упоение властью, и они желали выказаться себя безответственными и вполне независимыми. Генерал-губернатора Гагарина даже подозревали, что он хотел отделить Сибирь и сделаться независимым. Другие правители не уступали ему в пышности и гордости. Стремление к вицеровисту отлывалось и далеко позднее в сибирской истории: оно вошло в привычку правителей. Сибирские правители, привыкая распорядиться независимо, часто даже сами начинали убеждаться, что они никому не обязаны отчетом, и не признавали являвшихся на смену личностей. Отдаивавши провинция поэтому не раз повергалась в анархию. На смену взяточника Жолобова, например, в 1733 г. явился новый губернатор Сытин, но по приезде он захворал и вскоре умер, поручив исполнение своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольц, не имея предписания свыше, не смел ехать в Иркутск. Жолобов также не признавал своей смени. Тогда в Иркутске составилось временное правительство из подьячего Татаринова, ишмана Лисовского и епископа Иннокентия. Члены этого временного правительства убедить иркутское общество просить сибирскую кашшелярию назначить губернатором *малолетнего сына Сытина*, под опекою полковника Бухольца. Но Жолобов путем интриг, упроеив бургомистра и купцов подать голос за него, снова добился исправления должности. Получив указ опять о назначении, он обрушился местью на подьячего Татаринова и всех, кого считал врагами, в том числе Литвинцева. Он ставил их на правех²², бил палками и истязал. Покончивши с одними, Жолобов припимался за других. Наконец, приехал следователь, бритатир Сухарев, и положил конец этим гонениям. Для обуздания Жолобова и гонимых им лиц Сухареву дана была целая рота солдат. Подобно Жолобову и многих других правителей приходилось сменять только силою; точно так же только при помощи военной команды могли сменить следователя Крылова; сменять таким же путем и других чиновников. Из этого уже видно, как разра-

стала власть сибирских правителей. Нечего говорить, что перед такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. В случае сопротивления, при малейших жалобах и оппозиции, на жителей обрушился террор правителей, каким ознаменовывали себя Жолобов, Крылов и другие. Не только пытки и кнуты были в употреблении, но прежние правители нередко применяли и смертную казнь.

В этот древний период единственным обузданием местных начальников для правительства служила их строгая кара. Но как их ни подвергали ответственности, как часто их сменяли, положение дел не изменялось. Являлись изредка ревизоры для обследования дел на месте, но, подобно Крылову, посланному при Екатерине, преследуя предшественников, они сами доходили до величайшего своеволия и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною им силою. Словом, каждая власть, какая только не являлась в Сибирь, немедленно же в силу особых обстоятельств преобразовалась, усваивала самовластие и предавалась наживе.

Мы уже указали, что причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, какое представлялось правителям в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия вдали от контроля, при неограниченных уполномочиях, точно так же, как развитие злоупотреблений, не встречая ниоткуда препятствий, явилось естественным при отдаленности края и при тех искушениях к обогащению, какие представлял край. На это указал впоследствии Кородаев в записке своей, внесенной в Государственный совет.

Конец и начало нынешнего столетия повторили характер и нравы предшествовавшей эпохи в сибирском управлении. В это время думали уничтожить зло большим доверием главным начальникам и усилением их власти. Для этого в 1783 г. было открыто в Иркутске наместничество. Первым наместником иркутским и колымским был генерал-поручик Якоби. «Губерния была разделена на четыре области, и все это чиновничье деспотствовало», — говорит иркутский летописец. Сам Якоби был сатрап-сибирит. «Одно осталось о нем в памяти иркутян: пышно-весело жил». Под конец он отдан был под суд и томился под ним десять лет. «Местное население, подавленное, истощенное самовластием и поборами, — говорит г. Вагин, — имело только одно средство — бороться с ними жалобами и доно-

сами». В прошлое столетие жалоба и донос наказывались весьма жестоко, тем не менее видим, как во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дело», чтобы как-нибудь добиться правосудия; тогда подсудимого заковывали, под строжайшим присмотром отсылали в Москву или в Петербург, где вновь ставили на правек, причем он должен был объявить, о чем знал. Иногда успевали подсудимые разоблачать, что делается в Сибири, и приносили свои жалобы, и тогда-то вот посылались ревизии, как при Жолобове. В конце прошлого столетия общество стало смелее в жалобах и доносах по поводу злоупотреблений. Вероятно, этому способствовало упитокжение «тайной канцелярии». Но проверка доносов была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средств оправдаться. Действительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дела. Пример можно было видеть на деле Якоби. По этому поводу Екатерина написала на нем: «Читано перед нами несколько тысяч листов под названием сибирского якобиевского дела, из коего мы много ничего не усмотрели, кроме ябеды, сплетен и клеуз». Этими словами, было положено подозрение на сибиряков, подозрение совершенно не оправдавшееся, которое послужило к дальнейшим недоразумениям. «Слова эти были клеймом на сибиряков, — говорит иркутский летописец, — за которое они впоследствии дорого поплатились. Горе отдаленной провинции, — прибавляет он, — ежели правительство поставит между ей и собою оплот предубеждения». Тем не менее к правителям Сибири правительство начинало быть бдительнее. Так, Нагель при Павле I был привезен из Иркутска с фельдъегерем для личного объяснения с государем по поводу какого-то доноса и снова возвращен, когда имп. Павел вспомнил, что его знал в каком-то полку. В это время смены правителей делаются только чаще. Так, после Штранцмана был в Иркутске Лещано, гордый, надменный и сухой, как говорит о нем летописец. Лещано этот не поладил с комиссариатским начальником Новитским и вызвал жалобы иркутских жителей, увлекшись разведением огородов, обсаживанием города березками и проч., чем тяготились жители. На ревизию прибыл немедленно сенатор Селифонтов. Он сошелся с Новитским и представил Иркутскую губернию «в таком бедственном положении, что на нее без слез взглянуть невозможно». Лещано был удален немедленно от должности, а Селифонтову приказано от правительства представить, какими

мерами думает он исправить положение Сибири. Его мнение состояло в том, чтобы Сибирь разделить на три губернии и соединить ее под управление одного генерал-губернатора, облеченного *особенною высочайшею доверенностью*. Таким образом, Селифонтов вновь проектировал одно усиление власти. Оставался вопрос: кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этом дана была ему особая инструкция для управления, существовавшая 20 лет вплоть до назначения Сперанского. Сибирские правители в это время усваивают склонить правительство к мнению, что все беспорядки в Сибири происходят от ябеды и клевет местных жителей, а не от неистовств административной. Селифонтову говорится в инструкции, что «по духу ябеды, издавна замеченному между сибирскими жителями», тех, которые имеют беспокойный характер и могут влиянием своим на общество препятствовать благим мерам правительства, ссылать в отдаленные места. Это послужило для сибирских губернаторов правом карать челобитчиков. Опираясь на это право впоследствии, Трескин и Пестель разворнули свою страшную систему. Селифонтов сочувствовал бедствующей Иркутской губернии, как видно, только до тех пор, пока не въехал в Сибирь. Облеченный громадною властью, он явился «как вице-рой, — говорит летописец, — все пало ниц и безмолствовало». Селифонтов оставил жену в Тобольске, а в Иркутск привез свою наперсницу малам Бойе; она остановилась в генерал-губернаторском доме. «Сейчас, — говорит тот же летописец, — догадались, через кого надобно *обделывать* дела, и обделывали». При Селифонтове управляли, таким образом, мадам Бойе и секретарь Вакулин, который, разделив Сибирь на комиссарства, продавал их управителям, кто больше даст. Порядки явились прежние. При Селифонтове проезжало посольство Головина. Губернатор Корнилов, между тем, не ладил с Селифонтовым, как Новицкий с Лепяно; он передал положение дел Головину. Дошло дело до Петербурга, и указом был сменен Селифонтов с запрещением въезжать в столицы. Так кончилось его вице-ройство. После Селифонтова назначается Пестель²³ и привозит с собою Трескина. В эту эпоху мы видим, что сами смены управителей и облечение злоупотреблений, не прекращавшихся, в Сибири являются только орудием для чиновничьих интриг. Доносы и обвинения сыпались из Сибири, но каждый обличал предшествовавший порядок с тем, чтобы сесть на место предшественника и, забрав власть, подражать ему и делать то же. Таким

образом, самый беспорядок в России служил поводом играть в места для сибирских чиновников. Смена генерал-губернаторов не помогла делу, а усиление их власти и доверие становились только средством для них разделить отдаленную провинцию между своими любимцами. Управление Пестеля послужило завершением всего предшествовавшего и последней попыткой приложить способ управления самовластия и подальшего.

Пестель, понимая ошибки своих предшественников, решил первым делом упрочить свою власть в Сибири и обеспечить ее надолго. Он управлял Сибирью 14 лет до Сперанского и в это время позвал предшествовавшую систему до крайнего развития, опираясь на все предыдущие уполномочия и вытребовал новые. Пестель решил начать управление не с разоблачения злоупотреблений, как его предшественники, но с уничтожения жалоб и пресечения всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностям, но злой и самолюбивый, он явился в Иркутск с тем, чтобы вместо приветствия объявить обществу: «При назначении меня генерал-губернатором в Сибирь первая моя всеподданнейшая просьба была, чтобы перемешать здесь белые воротники. Я был в Вятке на следствии, и там тоже белые воротники и все наголо ябедники». И Пестель засмеялся гнусливым, злопением смехом». (Пояснен. к иркутской лет. в чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Таким образом, Пестель отнесся с явным недоверием к обществу и объявил, что будет искать причины зла в нем. По убеждениям это был защитник всякого начальнического авторитета; утвердить такой авторитет он поставил своею целью, а общество должно было погрузиться в безмолвное повиновение. В помощники он выбирает расторопного и распорядительно-почтамтского чиновника Трескина, без которого не решался ехать в Сибирь. Это был раб и наперстник Пестеля. Пестель ему безусловно верил во все время своего управления, он предоставил ему полную свободу и власть, какую только мог ему передать на основании инструкции; а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина так характеризует г. Вагин: «Это был человек умный и деятельный», до известной степени, конечно, «но его ум и деятельность были не государственного человека, а канцелярского и полтцейского чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописание. Трескин был превосходный исполнитель, как большая часть людей этого рода, он мог быть только хорош в хороших руках. Его предос-

тавили самому себе, облекли высокой властью. В нем вполне развились полицейские замашки, и из него вышел невыносимый деспот». Как человек, как семьянин Трескин даже был добр; впрочем, подобных качеств не чужды самые кровожадные звери, любящие своих детенышей.

В своем управлении Трескин руководствовался вполне собственным усмотрением. «Законом он не исполнял, на министерские приказания не обращал никакого внимания», — сообщают исследования г. Вагана, он позволял себе величайшие самоуправства. Его заступник и поклонник Геденштром говорит, что «губернию он считал вотчиною, а себя — полновластным в ней приказчиком или управляющим». «Даже помещичий произвол никогда не достигал в России такого развития, как трескинский произвол в Иркутской губернии. Его можно только сравнить с произволом и мелочным вмешательством Аракчеева в военных поселениях». Оставив распорядителем и самовластным Трескина распорядиться в Сибири, Пестель уехал в Петербург и все время пребывал там. Здесь он являл и направлял по-своему сибирские дела.

14-летнее управление Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотреблениями, которые достаточно выяснились благодаря решению Сперанского и собранному ныне материалу. Выточничество в этот период не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресечение всякой гласности, всяких жалоб превратило его в обыкновенный порядок. «Трескин имел достойных сподвижников, — пишет г. Вагин на основании своих исторических материалов. — Жена и любимцы его бесчинствовали открыто. Агния Федоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», как о ней говорили, и весьма притом нестрогих правил». «К ней отправлялся всякий, кто хотел дать, — пишет иркутский летописец. — Исправивши, комиссары без доклада могли войти в уборную, даже в спальню. Она называла чиновников своими детьми». В самом деле, места под конец все были заняты чиновниками, привезенными Пестелем и Трескиным «из Москвы» (Вагин. С. 11). Сам Трескин подозревался, что при заготовке хлеба в казенные магазины через комиссаров он имел «*личный доход*». Что касается выточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видеть, — пишет иркутский летописец, — в передней сидящего лакея, фаворита барыни самой, записывающего, кто что принес, и толпу кушеров с кульдами, со свертками, дабками²⁴, с анкерами²⁵ и тому по-

добным». Жители Иркутска, имевшие дела, говорили, по отзывам старожилов: «Вот, Агнесе Федоровне надо постояться. — Купи мех собольих! Принесут мех, сторгуют его за пять, за шесть тысяч, и мех возьмут, и деньги. Другому, третьему — то же. Ошибто мех раз 50 продавали» (Рассказ Обухова, приложение к т. I. Стр. 565). Она брала собольих, муфтами, рассказывает другой старожило, взятки давали губернаторше, проигрывая часто в карты. «Она за взятки, — сообщает третий современник, — раздавала места. У нее был подставной Третьяков. У них в гостинице дворе были и лавочки, где они продавали, что им надарять» (Посельский. Приложение к исслед. Вагина. Т. I. Стр. 582). Агнеса Федоровна жила в связи с Белявским, секретарем мужа, который управлял не только за Трескина, а и за Пестеля, он был также взяточник. Кроме того, отличались взяточничеством главный доверенный жены Трескина, Третьяков, землетать Геленштром, человек образованный, но в то же время, по словам Корфа, «доносчик и развратник». Г-н Вагин сивился смягчить приговор Корфа за ум и образование Геленштрома, но в сущности это был образованный вор. Наконец, продался Лоскутов, который, неистовствуя, нажил огромное состояние.

Такой порядок должен был прикрывать Трескин, участвуя сам в нажнне, как свидетельствуют исторические материалы. Трескину оставалось на выбор — или изменить свою систему, или сойти со своего поприща, или стереть недовольных с лица земли, и он выбрал последнее. Белявский был правой рукой и злым гением Трескина. «Все бездельники, в бараний рог надобно согнуть», — беспрестанно твердил он губернатору. «И подлинно гнуль», — говорит современник. Это было тем легче сделать, что, как мы видели, сам Пестель старался задвить всякий донос и преследовать недовольных. Начало своего управления Пестель ознаменовывает гонениями двух губернаторов, тобольского и томского: Хвостова и Корнилова, за то, что те не соглашались с его мнением, и один поддал, помимо Пестеля, записку министру внутренних дел об улучшении края. «К преданию их суду были выставлены не эти, а другие доводы, но они были так же ничтожны и грязны, как и первые» (Истор. исслед. Т. I. Стр. 6). Начальник провиантского депо в Тобольске генерал Кутзави о чем-то поспорил с Пестелем, и тот нарочно выхлопотал право себе предавать суду провиантских и комиссариятских чиновников. Тогда он открыл мнимые злоупотребления по провиантской части и предал Кутзавина суду и домашнему аресту, устроив

около дома егоauptвахту. Дом, имени его, фабрики около Тобольска были разорены. Сам он посылал постоянно прошения и ничего не мог добиться. Сенат несколько раз предписывал освободить Кутзина, но Пестель оставлял без исполнения сенатские указы. 11 лет Кутзин содержался под арестом, разорился, наполнил Сибирь воплями своих прошений и умер под стражею в 1817 г.; жена его умерла от горя, дочь ослепла от слез (Истор. исслед. Стр. 7). На провинциальных чиновников было открыто гонение, «как на жидов». «Употребляя во зло свое знание сенатора, а потом члена государственного совета, Пестель настойчивым образом требовал самых жестоких наказаний тем лицам, которых преследовал. Стремление его к преследованию доходило до мелочности. Нередко сибирские судебные дела переходили в общее собрание сената и в государственный совет, единственно по несогласию Пестеля с решением других сенаторов» (Истор. свед. Стр. 7). «Крайнее самолюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, неутомимая истинность — вот были отвратительные черты Пестеля», — говорит материалы. Личное бескорыстие Пестеля было подвергнуто большому сомнению. «Не верьте бедности моего предместника», — писал Сперанский.

Но если Пестель мог простирать гонения на лиц сильных и значительных, то в преследовании менее значительных обывателей и подчиненных он переходил все границы. Произвольные действия Трескина на первых же порах вызвали сопротивление иркутского общества. Хозяйственные реорганизации жизни и вмешательство Трескина превзошли все ожидания, как эти приемы были сибирские жители ко всякому вмешательству предшественниками Трескина. Трескин вздумал распланировать и перестроить заново Иркутск, который не славился в это время опрятностью, и решился провести это дело необыкновенно широтливо. Он приказал к такому-то времени все старые дома сломать, а когда дожины не были снесены, то к ломке приступила полиция (Т. I. Стр. 573-574). Он обходил город, заходил к жителям, вмешивался в хозяйство, пробовал кушаны, чинил расправу, ежели что дурно приготовлено (Стр. 573). Он преследовал, говорят, питье чая, запрещал в отороде садить табак, насильственно заставлял бурят заниматься земледелием и, наконец, пробовал отвести реку, затопляя суда. В одной из жалоб, поданных на него, говорится: «Господин генерал-губернатор Пестель и губернатор Трескин приказали собирать в полицию в городе купеческих и мещанских, а по деревням крес-

тынских дочерей под тем предлогом, чтобы отдавать их в замужество за поселенцев, и что одним только отцам, матерям и родственникам известно, чего стоила свобода, сопряженная с бесславием детей их» (Записка Сибирякова. Прилож. к истор. свед. Вагина. Стр. 547). Иркутское общество, привыкшее уже ранее заявлять свои жалобы и пытавшееся к обнаружению злоупотреблений и неправды в Сибири при Якоби и Лещано, выставило канцелятом в голову Михаила Ксенофоновича Сибирякова, личность умную и уважаемую в городе. Такой представитель общества не мог быть приятен Трескину; он видел, что общество хочет с ним бороться. Придвигшись к прежней полсудности Сибирякова, он предложил выбрать другого, но дума объявила, что она «делает новые выборы единственно из повиновения распоряжениям начальства». В то же время дума и магистрат отказались исполнить требование назначения купцов при осмотре пушных товаров, обвиняясь справедливо, что это неустановленная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрыто неудовольствие Трескина и Пестеля. Но тайные причины состояли в подозрении Сибирякова и Мыльникова в составлении доноса, посланного в министерство внутренних дел на действия губернского начальства.

Действительно, Трескин и Пестель выставили Сибирякова и Мыльникова «вредными нарушителями общественного спокойствия» пред высшим начальством. Пестель при этом решился оклеветать общество и указать, что благому его управлению мешают только беззаведственность и пороки упрямых. «Какое местное начальство может установить порядок общественный там, где разврат и самовольство состязаются с законными распоряжениями, — писал он во всеподданнейшем рапорте 1808 г., — где уже меры кротких воззваний тщетно были испытываемы и где дерзость укоренилась в средоточии общественном? Одни только примеры неустранимого строжайшего взыскания с неповинующихся могут подать способы и надежду восстановить по времени колеблемое развратом спокойствие, которого желают многие, но которое теряется в собственном их расположении к заблуждениям». Пестель просил поэтому подвергнуть общество «чувствительным и примерным взысканиям», Сибирякова же «за явное возмущение и проч.» в пример другим, как равно и Мыльникова, разослать по разным городам Иркутской губернии. Добившись их осмылки как бы «в насмешку над сосланными», Трескин доно-

сил, что им выбраны города, удобные для продолжения коммерческих оборотов, но вместо того им не выдавали даже паспортов, прошения не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали в Петербурге, Пестель храбро и бойко отписывался, что «иркутское общество только без них может находиться в спокойствии». Вступился за Сибиряковых Сперанский, бывший тогда в силе, вступился Держанин, но Пестель умел представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряков так и умер в ссылке.

Установив в глазах правительства свои воззрения на ябедников, Пестель и Трескин уже смелее начали преследовать своих врагов. Мы не имеем возможности подробно излагать все случаи, внесенные в материалы, даже в сухом изложении полные самых потрясающих подробностей и напоминающих какую-то мартирологию, да это и не относится к нашей цели, имеющей в виду рассмотреть только самую систему местного управления до Сперанского, не останавливаясь на частностях. Достаточно сказать, что так же, как в Иркутске, Сибиряков и Мыльников, в Тобольске нарушителем тишины выступил купец Полуэтов. При Пестеле же был отдан под суд откупщик Передовицков, взявший винные откупа в Сибири, которые Трескин предварительно отдал уездным местным откупщикам.

Председатель уголовной палаты Гарновский и прокурор Петров протестовали против неправильного начатия дела, но были удалены от должности. Передовицков же притеснялся на допросах, его заставляли подписывать показания против себя и, наконец, разорив, сослав в каторжные работы (Ист. свед. Стр. 20-22 и прил.). Такие поступки власти не могли возбудить в местном населении особенного расположения к ней. Кроме того, у Передовицкого, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось «*квартетом* недовольных», и употреблялись все меры, чтобы уничтожить ее. Из Иркутска были высланы брат Сибирякова в Жиганск и за ним купец Дубровский. Подвергся преследованию купец Киселев, человек умный, смелый и горячий. Не было благовидного повода поступить с ним, как с прочими, поэтому придумали другой способ. Киселева объявили сумасшедшим и посадили в больницу. Там он пропал без вести. Народная молва обвиняла в этой смерти Третьякова, доверенного и любимца Трескина, который был тогда смотрителем больницы. Гонения

обрушились даже на людей мелких и незначительных, как, например, на какого-то популярного советника Петухова; служа в уездном суде, он решил дело не так, как хотел Пестель. Петухов этот протестовал против решения уездного суда, постановленного в угоду губернатору; за это он был отрешен от должности, а когда он подал жалобу на высочайшее имя, — это послужило поводом к ссылке его в Туруханск, потом — в Мезень. Но и здесь преследует его Пестель. Когда он принят был в Мезени на службу, Пестель просит сослать его в Колу, «так как мезенская округа граничит с Тобольской губернией, и потому пребывание Петухова вредно для Сибири». Это была последняя попытка повредить Петухову. Пятилетние преследования потрясли его, несчастный сошел с ума. «Мы сообщали только крупные факты, — говорится в конце материалов г. Вагина, — которые в свое время наделали большого шума, которые заверены и официальными актами, и записками современников, и преданиями. Но сколько личностей, подобных Петухову, страдало и гибло бесследно, не сохранив о себе известий даже в архивной пыли!» Множество чиновников отдавалось под суд по самым ничтожным причинам: один — за неправильную переписку прощений, другой — за продажу чужой телеги, третий — за неприличные проступки, короче, за пьянство. Основную же причину были подозрения в недоброжелательстве начальству. Трескин держался в этом случае такой тактики: он позволял чиновникам наживу и злоупотребления, но тем самым держал их в руках. При малейшем недовольстве он их упекал. В этом случае прощались взятки, и всегда наказывались донос и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась, таким образом, к тому, чтобы в Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрению и во избежание жалоб подвигать их на месте, а что доносится в Петербург — самому перехватывать и перерешать. Таким образом Пестель отрезал Сибирь от всякого правосудия. Во время своего управления он устроил строгий надзор за всем, что писалось из Сибири; он оцепил Сибирь таможенными, начал перехватывать письма, тушить прошения и бумаги в присутственных местах, наконец, обрушился на челобитчиков. Благодаря этому долго не доходило ничего до высшего правительства без веденья Пестеля, который всему давал свои объяснения. По словам старожила С. С. Щукина, Трескин не мог видеть, чтобы печатали что-нибудь из Иркутска в газетах, особенно о ценах на хлеб, кото-

рые он выставлял по-своему. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь вел переписку с Петербургом, и, заподозривши, например, в этом монголиста Игуменова, «образованнейшего человека своего времени», как сообщает г.Вагин, его начали притеснять, отдали под суд, отрешили от должности и запретили въезд в Иркутск. «Ужасными мерами уничтожения непокорных, — говорит современник, выписка которого приведена в материалах, — при неограниченном доверии высшего правительства к представлениям Пестеля или — что все равно — Трескина в Иркутске наконец все части попали если не в формальную, то, по крайней мере, в политическую зависимость от губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I. Стр. 32). Таким образом, рядом с развитием злоупотреблений усиливались и самовластие, и сила Пестеля. Производ и злоупотребления существовали не только в Иркутске, но и в других частях Сибири. Самовольные от губернаторов улаивали и подчиненные — так бывает всегда. Енисейский городничий, по словам Корфа, катался по городу на чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу об его смене. Охотский начальник самовольно удаляет от должности своих чиновников. Третьяков, Геленштром берут пример расправы с Трескиным. Лоскутов дошел до такой необузданности и смелости, что высек нижнеудинского протоиерея Орлова плетью. «Но не одни только личные преследования были отличительною чертою сибирского управления за время Пестеля. Управление это представляло поразительный пример самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему», — пишет далее г.Вагин. Даже и там, где выражалось стремление к внешнему порядку: чистоте улиц, правильной постройке домов и т.п., даже и там стремление это выражалось действиями, явно противными тем самым законам, которые оно, по-видимому, старалось исполнить. Некоторые отрасли по управлению были крайне запущены. По всей северной окраине Сибири народ в буквальном смысле умирал с голоду. По Иркутской губернии Трескин ввел насильственные закупки хлеба и казенную монополию хлебной торговли. Наконец, повинности населения были в высшей степени обременительны. Средством скрывать эти беспорядки служило постоянно представлять отдаленный край в самом цветущем положении и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые был мастер Трескин. Все прикрывалось самой явной официальной ложью. Пестель и Трескин обманывали не толь-

во правительство, но они хотели обмануть и местное население в противность тому, что последнее видело собственными глазами. Так, например, в 1807 г. Трескин опроверг слух, разнесшийся между жителями, что начальство не шнускает крестьян в город для продажи хлеба, а жителей принуждают закупать хлеб в казенных магазинах. Трескин публикует, что задержание таких не было, и доносит Пестелю, что слухи эти идут «от известной и оглащенной ябеднической партии». А между тем принудительная закупка хлеба во все время трескинского управления вошла в систему. «Жители Иркутска и окружающих селений очень хорошо знали, знает и потомство, — говорят материалы, — что у Трескина на бумаге делалось одно, а на деле другое». «Публикации эти имели в виду одну цель: пустить Пестелю пыль в глаза и предупредить доносы на новые злоупотребления» (Т. I. Стр. 34). Трескин искусственно повышал цены на хлеб, завел страшный скуи его, монополии, отдал их в руки комиссаров и купцов, выставил фальшивые цифры о ценах и в то же время доносил об увеличивающейся производительности края и его благосостоянии. Последствием монополий и злоупотреблений по продовольственной части на отдаленных окраинах происходил ужасный недостаток в хлебе, начинался голод. Так, в 1811 г., а потом в 1815—16 годах, в Туруханском крае между инородцами обнаружилось людоедство. Но когда начали доноситься слухи об этом в Петербург, Пестель представлял огромные книги с бюрократическими отчетами и уверял в противном. Массами фальшивых сведений и перепиской он старался закрыть правительству глаза. Точно так же он отбивался и от всех жалоб, называя их клеветой и доносом. «Но если и был кто самым вредным и опасным доносчиком, — говорят материалы, — то разве один Пестель. В своих доносениях он осыпал клеветами сибирское население и показывал все правительству в превратном виде. В такое мрачное время стоном стояла Сибирь, и особенно Иркутская губерния» (Т. I. Стр. 34).

Останавливаясь на этой эпохе, предшествовавшей ревизии Сперанского, мы несколько поражаемся массой злоупотреблений, обрушившихся на этот отдаленный и бедный край. Управление Пестеля нам рисуется каким-то темным пятном на фоне сибирской истории. Оно действительно кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляем его отдельно, без связи с предыдущей историей, как оно рисуется нам в материалах. Но, смотря ныне более хладнокровно и с истори-

ческой точки зрения, мы не найдем в нем ничего более обыкновенного, ничего, принадлежащего исключительно системе Пестеля и Трескина. В сущности, оно руководствовалось теми же правилами и традициями, как и предшествовавшие; оно было плодом системы и отражало все черты управления, давно укоренившегося в Сибири. Управление Пестеля было только окончательным и более решительным применением системы, подготовленной ему в том же направлении предшественниками. Последствия этой системы отражались таким же образом и ранее. «Но в этой одной эпохе, которая подверглась ревизии, обнаружены злоупотребления, — писал Сперанский Козубову из Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнем управлении Сибирь была в другом или лучшем положении. Напротив, с переменою людей переменялись только вилы и степень злоупотреблений». Таким образом, Сперанский с высоты государственной точки зрения уже определил управление Пестеля как часть предшествовавшей системы. В управлении Пестеля действительно как в спектре отразились все крайности сибирской истории. Присутствие его времени злоупотребления были в связи с административным порядком целой эпохи и основывались на свойствах управления, давно принятого. Главными недостатками этого управления могут быть отмечены ясно самовластие и произвол. Произвол этот развивался естественно при том просторе действий и власти, какие создавала им давали огромные уполномочия. Власть воевод, губернаторов и генерал-губернаторов постоянно усиливалась, расширялась и подчинила все ведомства. Все предоставлялось личной воле и усмотрению администратора, конечно, имея в виду соображение с законами и справедливостью. Но правитель незаметно терял почву и приобретал привычку действовать по личному произволу. «Власть личная нередко обращается в самовластие, — писал Сперанский по поводу управления Сибирию. — Люди с лучшими намерениями могут ошибаться, могут увлекаться личными взглядами — и, действуя по совести, действовать противозаконно» (Истор. свед. Т. II. Стр. 321-322). Действительно, эти черты произвола быстро усваивали люди при огромной власти в отдаленной стране. Личность здесь пользовалась тем, в чем не была ограничена, ее поведение было продуктом того положения, в которое она ставилась. Правители, недурные в России, преобразились, являясь в Сибирь. «До 1819 года нигде не было такой дерзковости к самовластию и жестокостям над подчиненными, как в

Сибири у некоторых начальников, высших и средних, — высказывал свое мнение граф Блудов. — Все они были посылаемы туда из внутренних губерний, и казалось, что не только со вступлением в отправление им данных в сем крае должностей, но непосредственно по переезде через Урал в них исчезало всякое к ним сострадание» (Истор. свед. Т. I. Стр. 31-32). Тот же грозный Трескин является другим человеком в другой обстановке. «Долг справедливости обязывает сказать, — говорит историк, — что как частное лицо Трескин считался весьма добрым человеком и что впоследствии, когда он был уже отрешен от должности и жил в своей деревне, в нем не было и следов прежнего иркутского деспота» (Мат. Т. I. Стр. 11).

Селифонтов, плакавший над Сибирью, точно так же преображается здесь. Правители вследствие своего положения понемногу сами начали убеждаться, что действительно все зависит от их личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу в управление они вносили свои личные страсти. Увлечась положением, они сами из себя создавали вице-роев, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютного поклонения, торжество в честь свою и полного обожания. Закон и правительство они отодвигали на второй план, выдвигая только свою особу, внушая жителям, что только от одних их все зависит. Нигде так начальство не приучало преклоняться себе, как в Сибири, нигде оно не упражнялось более в самовластии, как здесь. «Сибирь не испытывала крепостного права, — говорит один из историков, — но она испытала гораздо худшее — административный произвол, так же, ежели не хуже, воспитавший общество». Привычки своеволия распространились и на низших исполнителей; они шли от губернатора до отдельного заседателя. Если первые ограничивались безусловным приказанием и требованием покорности, последние вводили дисциплину и внушали к себе уважение страхом. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутов был один из типов того времени. В Западной Сибири был подобный же заседатель Ярцев. Сам образованный Геленингом высказывает мнение после Сперанского, что «филантропия неуместна в Сибири», «она вреднее холеры», что положение алтайских горных крестьян лучше, ибо горные правители «управляют крестьянами как хозяева и лозами могут, если хотят, принуждать к добру» (Истор. послед. Т. II. Стр. 317). Это был общий взгляд тогдашних администраторов,

Такими были и средства управления. Результат самоуправления заключается в неограниченности власти главных сибирских правителей и в примерах необузданности, издававшимся низшим.

Вторую главную черту управления этой эпохи является неистинность к самой широкой регламентации, проходившей через всю историю. Новозавоеванный и пустынный край действительно сначала требовал устройства и деятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствием, основывать промыслы, водружать гражданственность, но впоследствии привычка распорядиться общественной жизнью вошла в нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управления. На Сибирь постоянно менялись взгляды, а поэтому предпринимались новые меры и производились беспрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колонией дородливой, затем с начала XVIII века на нее имеют виды как на колонию горнозаводскую, далее обращают ее в колонию штрафную, потом земледельческую, наконец, помещаются виды торговли с Азией и т.д. Все это давало случай каждому из администраторов вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такие опыты, как десятичную пашню Сомойново с приписью 3400 бобылей в обязательные работы, обязательное селение пеньки, прииски и переселение людей на рудники и заводы, чиречинское проведение дорог на Барабе, неудачную дащ-милитию Лещаню, и Камчатке искусственное создание казачьего войска с приписью крестьян и поселенцев, бесчисленные опыты устройства сосланных, принуждения бурят обращаться к земледелию при Трескине, учреждение и распорядок лоскутовских поселений, продовольственное снабжение инородцев, казенные монополии, полдержанис монополии и привилегий частных, как русско-американской компании, казенного торгового и проч., и проч. Регламентация частной жизни в прошлом столетии доходила до необыкновенной мелочности. В прошлом столетии делаются приказы не опущаться крестьянам на ночь из дома; один управитель, как Лещаню, заставляет обсаживать города березками, другой, как Трескин, планирует вновь город, ломает дома, отводит реку, преследует сеяние табака в огородах, вмешивается в домашнюю жизнь, преследует питье чаю. Лоскутов приписывает молитвы крестьянам, дает инструкции, как печь хлеб, рязивует квашню и т.п. Губернатор Чичерин с командою ездил наблюдать около города за полевыми работами крестьян.

Наконец, при Трескине казья покупают весь хлеб и магазины для продажи частным лицам по высшим ценам ввиду «поощрения к хлебопашеству». Можно представить при этом, какие размеры принимала регламентация, как действовала на общество и какой простор давала злоупотреблениям.

Развитию злоупотреблений в стране способствовали ее отдаленность, отсутствие контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обязательно она поручалась одному лицу. Это единоличное правление могло менее всего способствовать надзору и выбору безкорыстных агентов. На Сибирь, кроме того, утвердились с самого древнего времени воззрения, как на завоскитную и промышленную колонию. Наказы и подбор развилась сыздавна. Дух спекуляции переходил с частных лиц и на служилых людей. Вособы торговали мехами, вином, зерном и проч. Они делали бесперемонные доборы; впоследствии после преследований и кар, а также с укреплением бюрократического управления с Петра набор стал утонченный и скрытый. Нравы прежних служилых людей перешли и к старым приказным, при крутой реформе Петра, от бояр-воевак к губернаторам. Отдаленная страна представляла все шансы скрывать злоупотребления. В случае доносов и жалоб канцелярский мир прикрывался целыми массами бумаг, запутывал дела перепиской, и казуистическая процедура облегчала выход вятчникам. Невозможно было уследить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главным начальником. Конинтеп служилых людей был постоянно один и тот же в отдаленной провинции, и людей добросовестных нетде было взять. Существовало одно приказное сословие, которое только постоянно перетисвалось и перетисовывалось. Новые начальники привозили с собою свежих чиновников, но это всегда оказывались любимцы, на которых еще менее простирался контроль и которым еще более дозволялось, как Трескину. Надо заметить, что злоупотребления были источником настолько же обогащения и четных лиц. В Сибири промышленные люди создали кабату и рабство инородца, торговое сословие жоло монополиями. Все это было в связи с администрацией и взаимно друг друга деморализировало. Купцы в этом случае искали поощрения у правителей, закабали крестьян и инородцев, а правитель опирался на общество и устраивал стачку с богатыми. Так было при Трескине, который давал случаи наживаться одним купцам и преследовал других.

В злоупотреблениях были замешаны целые сословия. Правительство не могло знать, что совершается в Сибири, и скоро администраторы здесь выработали целую систему представлять и соопыять картинку совершенно иную, чем представлял край. Отсутствие гласности представило все удобства для развития злоупотреблений.

Когда начинались жалобы и доносы невольных, и недовольные эти являлись часто из того же торгового сословия, которое искало наживы и монополий, то местные власти разоблачали подобных людей, как лиц, заинтересованных в злоупотреблениях, принимали их грехи, а потому и правительство имело часто основание не придавать значения жалобам подобных людей. Этим воспользовались впоследствии Трескин и Пестель, чтобы зажать рот всяким жалобам.

Таковы были главные черты системы, существовавшей во Сперанского. Эта система, как мы видим, выработалась из особенного положения края, вдали от центра управления. Кроме того, в начертанных управлении явлен был след участия самих местных правителей, проводивших свои мнения и требования на высшие сферы. Таким образом, взгляд исполнителей часто руководил и законодательством, и перевернул его для Сибири. Что ненормальности управления лежали в общем свойстве принятых начал, доказывает то, что порядки пестелевского управления существовали в начале либерального царствования Александра I. Многие жалобы из Сибири находились в руках Сперанского, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положение дел.

Во все управление Пестеля и Трескина общество, конечно, пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были все средства гласности, оно прибегало к доносам. Под конец управления Пестеля жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнее, все важнее по содержанию, все разительнее по общему согласию в позданиях, пишет барон Корф. Сначала Пестель отпирал эти доносы. По поводу доноса 1808 года министр просил Пестеля «прекратить незаконные действия местного начальства». Но Пестель, сообщив отношение министра Трескину, предпринимал не прекратить злоупотребления, а принять меры против подобных «изветов». Представив свои объяснения министру, он пишет, что «объяснения его (Пестеля) принять с уважением», что в его усердии не сомневаются и что сообщение ему дошедших до правительства сведений служит

доказательством доверия к нему. Содержание бумаги он сообщил Трескину, чтобы «неблагонамеренные люди» знали, как правительство относится к их доносам (Мат. Стр. 35). Словом, Пестель угрожал, что все жалобы будут представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала их подавали купцы, видимо, не сошедшиеся с Трескиным в своих делах. Наконец, они проникают из всех слоев общества. Генерал Купкин пишет из своего заключения грозные послания, выдвигаются мелкое чиновники и, наконец, простолковины. Донос в это время получает как бы общественное значение и сливается в единичный протест. Местное общество употребляет в борьбе этой все усилия, чтобы дать о себе знать. Доносы вывозятся в хлебе. В 1818 году иркутский мещанин Саламатов берется под величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить донос лично государю. Он пробирается через Китай, через степи и сибирские леса, добирается до Петербурга, подает лично донос государю и «просит приказать его убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Он был отдан на особую ответственность государем петербургскому государю генерал-губернатору Милорадовичу. Об этом мещанине писал в 1819 году Сперанский Голицыну: «В числе доносителей по здешнему краю был некто иркутский мещанин Саламатов. Бумаги его мне препровождены от графа А. А. (Аракчеева), но где он сам — мне неизвестно. По слухам же, он должен быть в Петербурге под стражею или под надзором. Человек сей, — пишет Сперанский, — разорен здешним начальством до основания и разорен несправедливо; у него здесь семеро малолетних детей почти без пропитания, бумаги его написаны глупо и бессвязно, но главные статьи о поступках Лоскутова и других в существе своем теперь обнаружены и найдены справедливыми» (Ист. змт. публ. библиот. в пам. графа Сперанского. Стр. 259-260). Это предприятие бедняка, бросившего детей и идущего под страхом смерти в Петербург, носит печать как бы гражданского подвига. К этим протестам присоединился, наконец, кроткий архиепископ иркутский Михаил. Но независимо от жалоб до правительства доходили сведения о страшных беспорядках в Сибирь и голодах у инородцев. При таком положении дел пребывание Пестеля в Петербурге вызвало всеобщее негодование и насмешки. В 1815 г. в комитете министров предложено возратить сибирского генерал-губернатора к своему посту или назначить ревизию. Но Пестель долго еще продолжал жить в Петербурге. По своим связям с Пашулевым он пользо-

вался покровительством и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеев разошелся с Пакулевым, Пестель потерял поддержку. В то же время в кабинете министров было высказано решительное мнение, что в Сибири необходима ревизия и смена Пестеля. Вместе с этим подана была записка Коошляевым о необходимости изменить самые начала управления Сибирью и дать ей новое учреждение.

Оставался вопрос: кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выбор пал на Сперанского.

Как ни печально было положение Сибири в XVII и XVIII столетиях, но, по мере заселения ее, она приобретала все более и более значения. Довольно давно уже правительство обращало внимание на богатство этой страны. Во все XVII столетие из нее вывозили меха, устраивали рыбные и другие промыслы, добывали мамонтовую кость, отыскивали руду. Приток вольной народной колонизации в первое время был обширный: богатство соболей, лисиц, белки, песцов и т.п. привлекали сюда промышленников, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатством. В начале XVIII столетия сложилась поговорка: «Сибирь — золотое дно». Ряд путешественников, начиная с Мессершмидта, производил исследования над обширной страной и ее минеральными богатствами. Петр Великий сосредоточивает особенное внимание на Сибири ввиду развития здесь горных промыслов; в XVIII столетии заводятся повсюду рудники и заводы с припискою к ним крестьяне; в XVIII же столетии присоединяется киргизская степь, и начинается торговля с азиатскими государствами, особенно с Бухарою; бухарцы навозят в Сибирь товары, караваны тянутся из Китая. Рядом с этим страна приобретает более и более гражданского и оседлого населения; с половины XVIII столетия пионеры колонизации и промышленники выходят из лесов и селятся деревнями, остроги и поселы обстраиваются. Сибирь, таким образом, превращалась из звероловной и горной колонии понемногу в земледельческую и вместе с прочной гражданственностью начинала показывать задатки промышленного развития, но в значительной части своей страны еще оставалась неизведанной: промышленные люди, купцы, мореходы, пионеры, казаки все еще продолжали делать открытия, то оглябая мысы Ледовитого океана, то углубляясь на Амур и в киргизские степи. Страна эта поэтому была во многом загадочной, и эта-то таинственность еще более возбуждала ожидания таившихся в ней сокровищ. Петр Великий направляет экспедицию к Бу-

харе: за поисками бухарского золота; при Екатерине точно так же снаряжаются военные экспедиции в глубь Азии, является мечта о сношениях Сибири через Среднюю Азию с Индией; при Павле, говорят, даже была мысль предпринять поход в Индию в союзе с Наполеоном; при Александре I точно так же обращается внимание на Среднюю Азию и Индию — между прочим, мы видим, что правительство намеревается приобрести кашмирских коз.

Все это заставляло государственных людей сообразить множество планов и вообще относиться восторженно к этой стране будущего. Козодавлев называл Сибирь, в официальных бумагах не иначе как «Мексика и Перу наше». С назначением в Сибирь Сперанского по этому поводу возлагали на него обширные надежды в деле устройства и управления края. Козодавлев писал, посприим Сперанского, что «история Сибири будет делиться на две только эпохи: первая — от Ермака до Сперанского, вторая — от Сперанского до X». Котубей в письме к Сперанскому выражался так: «От вас, конечно, никто ожидать не может, чтобы вы остановились на каких-нибудь мелочах, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобного Селифонтову, останавливать могут. От вас ожидать будут видов государственного человека, и, если смею я сказать, виды-то сии и полезны быть могут, ибо при всех ваших способностях можно ли ожидать большого добра там, где не существует свойственных оснований к произведению оного? Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образованию управления в сих колониях наших и пр., и пр., и сям, так сказать, утешить людей, мало привыкших к произведениям сего рода». Козодавлев немедленно при отправлении Сперанского, приветствуя его, посылает записку свою, читанную в комитете министров, о новых основаниях сибирского управления и прилагает книгу Пратта «*Syn les Colonies*» о мексиканских колониях для руководства. Граф Нессельроде пишет Сперанскому, что «друзья его будут следить за ним с участием и симпатиями». Одним словом, от Сперанского, как от смелого реформатора, ожидали все «видов государственных» или установления новой государственной точки зрения на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандиозного.

Не так относился сам Сперанский к своему положению. Из его переписки и материалов видно, что он далеко не разделял восторженных увлечений своих друзей. Он нисколько не увлекался новой ролью, назначенной ему, он даже не имел определенных воззрений на край, в который ехал. Из его писем

к дочери из Сибири видно, что при въезде в Сибирь он питал к ней даже предубеждение. Мрачным взглядом своим на страну он был обязан во многом исключительности своего положения. Известно, что поездка в Сибирь никогда не входила в план его деятельности. Самое назначение его сюда было случайно. Только что возвратясь из ссылки и находясь в Пензе губернатором, он ожидал сжегнутно своего возвращения в Петербург, и новое назначение его застало врасплох. Он принял его за приличное удлиненис. Хотя «поездка его была обставлена всеми наружными знаками доверия, обширными полномочиями, почетом, — говорит биограф Сперанского барон Корф, — тем не менее Сперанский понимал, что это назначение — продолжение ссылки. Все пребывание его в Сибири было отравлено этим горьким чувством»⁸.

Само свое назначение в Сибирь Сперанский считал частным поручением и «последним испытанием», как он выражался в письме к дочери. «На Сперанского возложены были и ревизия края, — пишет г. Вагин, — и труды административные, и законодательные, наградою их указаны достижение цели — возвращение в Петербург».

По всему этому Сперанский смотрел на пребывание в Сибири, как на ступень к скорейшему приближению, но в то же время досадовал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно, что он к своему назначению относился без энтузиазма, без того увлечения, которое шаюновляло его в прежних реформах. Он спешит как бы выполнить формальность, показать свою деятельность и наиболее выгодном свете и потом поскорее оставить ее. Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской деятельности. Все, что он здесь видел, это «труд Геракулеса при очищении Аугустовых конюшен», как выразился в письме к нему граф Нессельроде. Действительно, с самого начала въезда в Сибирь Сперанскому предстояла кропотливая ревизия, которой он посвятил свое пребывание здесь. Ревизия эта не представляла особенной важности ввиду других задач, возложенных на него, однако она заняла много времени. С государственной точки зрения сам Сперанский не придавал ей особого значения, и она может быть только характеристична для выяснения того положения, в каком застал Сперанский Сибирь, и личного его отношения к делу искоренения злоупотреблений. В этом смысле она может

⁸ См. Чувства Сперанского в Сибири. Сборник «Сибирь», 1875 г.

быть примерна и замечательна только относительно тех приемов, какие употреблял он. Мы указывали, до чего в предшествующее управление Пестеля и Трескина развились злоупотребления и как они искусно прикрывались. Когда донесся слух о назначении Сперанского в Сибирь, в Иркутске произошла паника. Некоторые чиновники сошли с ума, как правитель дел Бельвский, Кузнецов и другие. Трескин струсил. Никто не ожидал, чтобы Сибирь посетил человек бескорыстный, однако многие надеялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанский нашел средства разоблачить злоупотребления, он дал место гласности и постарался опереться на общество. Первым делом по приезде его в Тобольск было уверить жителей, что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что их можно приносить. Действительно, во все время проезда через Сибирь Сперанский облекается с местными жителями, останавливается у купцов, идет часто пешком за экипажем, расспрашивает крестьян. Местное общество так привыкло ко взяточничеству и поборам, что в Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлеб был взят, блюдо возвращено», — отвечает он в дневнике.

По мере того порядки сибирские открылись пред его глазами. Выхав в Тобольскую губернию, он замечает: «Главнейшие жалобы были на земскую полицию, преимущественно на лихоимство, потому ревизия не вызвала здесь особенно строгих мер». Исправив важнейшие беспорядки, показав несколько примеров строгости и «доправив взятки» с земских чиновников, он двинулся далее. Но чем более он подвигался в глубь Сибири, тем положение края более поражало его. «Полоскание дел в Томской губернии было гораздо хуже, поборы тягостнее, чиновники дерзновеннее, преступления очевиднее, на самого губернатора падали сильные подозрения», — говорит он. «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, — писал Сперанский, — что и можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления воцарившиеся и по глупости губернатора Иличевского, по жадности его жены, по строптивому корыстолюбивому брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые...» «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого, — пишет он в другом письме к Столыпину, — слухи ничего не увеличивали, и дела хуже еще слухов...» «При обозрении Тобольской губернии представлялась мне возможность пресечь или, по крайней мере, ог-

ранее злоупотребления и до времени охранять порядок средствами, в инструкции определенными, — доносит Сперанский государю 31 июля 1819 г. — Но в Томской губернии средства сил будут недостаточны. Здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников, не только способных, но и посредственных, еще менее и перемены их тем затруднительнее. Злоупотребления, доселе открытые, ведут к другим, еще не обнаруженным. Поэтому Сперанский спрашивал разрешения в случае надобности сменить томского и иркутского губернаторов. Из Томска уже назначаются следственные комиссии для расследования беспорядков в Нарыме и Туруханске. Из Туруханска идет посланный на следствие Осипов: «Бесчестность земных чиновников до того велика, что я с самого приезда не могу получить ответов на свои отношения...» «Бежал бы отсюда без оглядки», — восклицает в другом письме к Сперанскому этот следователь. В Томске также учреждена была комиссия, и Сперанский спешит в Иркутск. Настоящим гнездом злоупотреблений была Иркутская губерния. Вопль жителей продолжался только до границ Иркутского уезда. В этом уезде и в самом городе жалобы друг смолкли. таков был ужас перед местным управлением». Исправник Лоскутов перед приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу, говорят предания. На берегу Кана Сперанского встретили воинственные жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили из лесов с прошениями. Лоскутова Сперанский арестовал немедленно. Говорят, что обаянно хитрокроткий и сдержанный Сперанский здесь не выдержал. С. С. Шуклин приводит в своих записках рассказ об этой встрече. Лоскутов был в мундире и едва произнес: «Исправник Лоскутов...» — «Лоскутов?... Арестовать его, бездельника!» — воскликнул Сперанский. С него сорвали шапку и арестовали. «На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, — писал Сперанский Столыпину, — пресловутым Лоскутовым, исправником нижнесудинским. С двух первых слов я его отпустил и тут же арестовал, оставил за границей губернии, за Каном, как за Спирком²⁷. Мера сия была нужна, — продолжает он. — Страх его десятилетнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе принести жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов». Корф прибавляет: «Когда Сперанский приказал взять Лоскутова, бывшие при этом крестьяне упали на колени и, хватая за руки Сперанского, воскликнули: «Батюшка! Да ведь это Лоскутов!»

Несчастные думали, что и Сперанский бессилен пред этим человеком. В Нижнеудинске Сперанский назначил сейчас же следственную комиссию и приказал описать имение Лоскутова. У него было найдено 138243 р., кроме разных вещей, серебра, мехов, которым оценка не сделана. Все это имущество было отправлено торжественной процессией в Иркутск. «Иркутск саждал Сперанского в полнении. Трескин пригласил илюминацию и музыкантов. Показалась ладка, — пипит один современник. — Внимание было напряжено. «Не генерал ли губернатор? Кто такой?» — окликают иркутяне с берега. — «Имущество Лоскутова!» — отвечает прибывший офицер. Трескин поблблвел. Кто-то заметил: первая битараея сбита». Из Нижнеудинска же Сперанский послал бумагу Трескину с запросом, правда ли, что приносить жалобы поселенцам на Лоскутова было запрещено самим Трескиным? Сперанский здесь был буквально завален жалобами. По вель отъезда из Нижнеудинска их поступило 280. Сумма предъявленных на Лоскутова взысканий простиралась до 129000 рублей. Много жалоб поступило впоследствии. «Это были жалобы на взыскательства, жестокости, принуждения к даровой работе, насильную продажу хлеба и скота по произвольным ценам, самоуправные суды денег за неумеренные проценты, притеснения по закупкам хлеба и натуральным повинностям, чрезвычайные денежные сборы, наконец, что торг с инородцами был захвачен исключительно в руки Лоскутова и двух его клевретов», — рассказывает г. Вагин.

По приезде Сперанского в Иркутск также были учреждены следствие и ревизия. Но жалобы в Иркутске в первые дни боялись даже подавать. При объявлении Сперанским, что Трескин устранен от должности, жители страшлись, что впоследствии снова он займет место и отомстит. Иркутские прикоминили пример с губернатором Жолобовым. Трескин, кроме того, составил себе в Иркутске партию не только из чиновников, с которыми делился, но и из купцов, с которыми торговал. Но когда увидели, что подавать жалобы не опасно, то они последовали в страшном количестве. Число их достигало до 300 в день. В скором времени в иркутском казначействе была распродана вся гербовая бумага, так что делались надписи на простой, употребленной вместо гербовой. Крестьянам разрешены были словесные жалобы, и двор иркутской следственной комиссии не мог помещать просителей. Сперанскому в первое время приходилось «развязывать клубок с медленностью и великим терпением», пока

Трескин оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная мнопольня обязана глазом народным, — писал Сперанский, — но пред законом должно обличиться законными мерами...» «Злоупотребления очевидны, но должно доказать их. Трескин — человек наглый, отменно смелый, неглуп, хотя плохо воспитан, но хитр и лукав, как демон»...

Сперанский, однако, успел открыть и разобличить трескинскую организацию. Комиссия, учрежденная под председательством Цейера в Иркутске для раскрытия злоупотреблений, привлекла к ответственности до 216 лиц: сумма одних частных взысканий простиралась свыше *двух миллионов*. «Все то, что о злых делах говорили в Петербурге, — писал Сперанский, — не только есть истина, но — и это редко бывает — истина не увеличенная». Злоупотребления были так велики, что, по мнению Сперанского, всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». «При открытии злоупотреблений даже Цейер, человек с добродушным характером, — говорит г. Вагин, — при виде ненавистных беззаконий ожесточился, расстроил свое здоровье, сделался мрачным меланхоликом, стали опасаться за его рассудок». Положение Сперанского было тем тяжелее, что он видел свою невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Он старался по возможности облегчить это положение. «Ревизия Сперанского была более собственная, нежели формальная, — говорит г. Вагин. — Он отбросил всякие формальности. Жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестокі, что Сперанский решил исключить слово *взымки* из сибирской ревизии. Большую часть дел подобного рода он обращал в гражданские иски и приказывал удовлетворять обиженных. Словом, он прекращал множество дел домашним образом. Многих виновных он прощал и старался сохранить полную беспристрастность правосудия. В этом случае он часто высказывал даже великодушие и отрешался от того личного чувства и страсти, с какой часто совершаются дела такого рода». Напротив, эта роль по его личному характеру была неприятна. «Мое ли дело размыкать, преследовать, обличать, лонить преступлений?» — не раз с горечью восклицает он в письмах к Столыпину. «По совести я никого не обвинял, кроме тех, кои потускали злоупотребления, — пишет он ему, — но по закону *все без разбора виноваты*, и список их по сие время по всем трем губерниям составляет уже около 150 человек»... «Если бы успех порученного мне дела должно было измерять количеством обнаруженных злоупотреблений, — писал

Сперанский Гурьеву, — то было бы мне чем утешиться. Но какое же утешение! Преследовать толпу мелких исполнителей, утешенных примером и попустительством главного их начальника! Дела сего начальства приведены теперь в такую ясность, что мудрено было бы их затмить».

В этом случае Сперанский хорошо понимал, что причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе, что злоба и преследование тут не помогут. Несмотря на то, что Сперанский множество дел разрешил сам, он должен был предать суду двух губернаторов, 48 чиновников, всех же замешано было 681 человек. Взыскания насчитывались до 2847000 руб. Все эти дела были представлены в Сибирский комитет; лица, участвовавшие в злоупотреблениях, были разделены на категории, но к более строгому наказанию были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрешены от должности и должны были удалиться во внутренние губернии, но и тут были сделаны исключения. Трескин лишен был чинов и знаков отличия.

Как ни могла казаться снисходительной подобная ревизия по своим последствиям ввиду огромных злоупотреблений, лоскутовских неистовств и т.п., но враги Сперанского в Петербурге находили ее жестокою. До какой степени, между тем, слабы были взыскания, видно из многих фактов, приведенных в материалах. Между прочим, Сперанский сделал сначала распоряжение обвиненных в злоупотреблениях и отланных под суд отдать под надзор полиции, но вскоре и это отменил. Геденштром, увлеченный за шутки, снова поступил на службу. Лоскутов отпросился в Иркутск и жил свободно. Сперанский отдавал даже такие распоряжения относительно подсудности изобличенных чиновников: «Если казенный недостаток пополнен или достаточно обеспечен, оставить дальнейшее исследование, тем более, что при настоящем положении дел и при недостатке чиновников и употребить к сему некого». И действительно, многие замешанные в делах совершенно были оставлены без взысканий, а когда были получены сведения о наложенных взысканиях, то некоторые из подсудимых, как Геденштром, задали даже пирушку.

Что Сперанский не преследовал с особенной яростью мелких чиновников старого управления, это, конечно, могло объясняться только высотой его взгляда и пониманием, что всякие преследования тут будут бесполезны; но не может не показать-

ся странным, что в своей ревизии и изобличении Сперанский преднамеренно обошел главного виновника — Пестеля, а Трескина не обвинил даже во взятках, несмотря на улики. «Дела могли ему доставить множество материалов для обвинения Пестеля не только в крайнем произволе, но и в недобросовестности пред высшим правительством», — говорит г. Выигт. Из писем видно, что Сперанский хорошо знал ту связь, которая существовала между Пестелем и Трескиным. Он знал, что все бумаги составились для Пестеля в Иркутске, что Пестель покрывал Трескина и был его участник. В одном письме он говорит: «Связь с Трескиным у Пестеля другого рода, чем служебная. Не верьте бедности моего предместника». О талантах Пестеля он отзывался презрительно: «Не только Сибирью, мне кажется, ему трудно было бы управлять и Олонетскою губерниею; это самая слабая голова, какую я когда-либо знал». При всех уликах, однако, Сперанский пожелал «сделать исключение из общего правила и не говорить ничего худого или, по крайней мере, молчал о своем предместнике», как он выразился в одном письме Аракчееву. Он сначала умалчивал было об ответственности Пестеля в сибирских беспорядках, но доклат его был возвращен от государя с повелением постановить заключение и о Пестеле. Действительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, каким образом главный управитель в продолжение нескольких лет скрывал и переренгал дела сибирского управления во всех инстанциях, пребывая постоянно в Петербурге. Но здесь, вероятно, обнаружилось бы тесные отношения некоторых лиц к Пестелю, как, например, Аракчеева, а это не входило в план Сперанского, видевшего для себя за ревизией новую поприща в Петербурге. Одной ревизии, как человек государственный, Сперанский не мог придать какого-либо значения в улучшении дел и прекращении злоупотреблений в крае. Представляя критический отчет о своей ревизии государю в 1820 г., Сперанский говорит: «Но эти меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении их непрочно. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края свойственный»... «Ревизия есть дело временное, — писал он там же Голыцину, — и повторить ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей плетны; но и люди без добрых учрежде-

ний мало доброго произвести могут». После ревизии люди остались те же в Сибири; страна терпела недостаток не только в чиновниках честных, но вообще в чиновниках. «Здесь вопрос, — писал Сперанский, — не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных»... «Я не могу даже составить своей канцелярии, — жаловался он, — и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника» ... «У меня управление без людей, обширное производство дел почти без канцелярии», — прибавляет он.

У Сперанского было немного своих помощников, так как остальной штат управления нечем было заменить после Трескина. Вместо Трескина назначен был иркутским губернатором вице-губернатор Зеркалев, «человек без больших способностей и даже малограмотный», «в бумагах он терпеть не мог кавык». После него был определен комендант Цейдлер, человек добрый, но по своим понятиям об управлении он, как все современники, скорее приближался к Трескину. Томским губернатором оставался Илличевский, при котором было открыто столько злоупотреблений; о способностях его Сперанский отзывался довольно презрительно. Тобольским губернатором считался 70-летний фон Бриш. Про начальника Якутской области говорят материалы, что бескорыстие его было, быть может, *небезупречно*, но он оставался потому, что в те времена и долго еще после на этот недостаток смотрели сквозь пальцы, если только он не выходил из известных границ». Этому начальнику, между тем, считали еще за дельного человека. Но в это же время оставались на местах и такие начальники, как управитель Охотского порта Ушинский, о котором в 1823 году отзывался Рикорд: «Ушинский во всех действиях своих руководствуется одною только властью начальника, не подпываясь ни чести, ни совести, и потому решительно осмеливаюсь объявить свое мнение, что дальнейшее его управление Охотским портом противно человеческим и божеским законам». Сперанский должен был большинство чиновников, изблещенных во взяточничестве по суду, оставить на местах, потому что «нечем было заменить». Несмотря на всю строгость ревизии в Иркутской губернии, Сперанский и здесь по недостатку в людях удалил очень немногих наиболее обвинявшихся чиновников. В отдаленных местах он принужден был смотреть снисходительно даже на явно виновных в злоупотреблениях. Сперанс-

кий, сменяя и заменяя другими, приходил к необходимости призывать уже отрешенных за взятки только потому, что они иногда казались менее жадными тех, кого сменили.

Характеристический анекдот по этому поводу приводит один из старожилов С. С. Шукин. «Сперанский, славшийся по Сибири в качестве генерал-губернатора в 1819 г., изумлялся неслыханным злоупотреблением разных лиц, — говорит Шукин в своих записках. — Он отрешил первого исправника Зинова, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 руб., следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Скальвали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как *честнейший из исправников*, приехал в Иркутск, где получил новое назначение». Самым разительным примером недостатка в чиновниках, говорит г. Вагин, служит дело об определении исправника в Туруханск. Назначив следствие в Туруханске в первом проезде по Сибири, Сперанский отрешил бывшего исправника Стыртова. Вместо него Сперанский определил Корсакова. Этот Корсаков, явившись, дрался с крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнял требований следователя Осипова, посланного Сперанским, хвастался тем, что брат его служит правителем дел у Сперанского, притеснял Стыртова в сдаче дел, а сам не занимался делами. О нем писал Осипов, что «он малейшей нет надежды, чтобы по строптивости своей этот исправник приобрел любовь инородцев»... «От него уже бегают, я уж не понимаю, на что он походит», — прибавляет следователь. Сперанский предлил Корсакова сменить и назначить опять Стыртова, уже смененного по ревизии. Пока дело цело, «человек, о котором говорили, что «он не знаю, на что походит», остается на месте почти год после этого отъезда и заменен был не лучшим. То же самое было и с другими перемещениями. Чиновники не могли изменить своих привычек и воззрений и при Сперанском. «Нравственный уровень толпашного чиновничества был невысок, — замечает г. Вагин. — Пример продажности подавали высшие чиновники; кроме того, у средних и низших были свои пороки: пьянство и разврат, сопряженные с буйным разгулом...» «Этих пороков были не чужды и некоторые из способнейших людей того времени, — прибавляет исследователь (Матер. Вагина. Стр. 140). — Но лучшим примером, до чего могли пасть нравы в среде сибирского чиновничества, служит опять рассказ Шу-

книга об ожиданиях Сперанского. В важных случаях у Трескина собирались для совета исправники и главные лица управления. Перед приездом Сперанского на чрезвычайном конгрессе один из приближенных Трескина Третьяков предложил следующий вопрос Трескину: «А что, Н. И., Михайло Михайлович ест хлеб?» — «Как же, Алеша, не ест?» — «А если ест, то трудно ли будет с ним познакомиться? Пусть кум Андрей (один из исправников) даст столько-то, Евстафий Фомич (другой исправник) столько-то». Таким образом пересчитал всех, и решено было собрать, как тогда говорили, несколько сот тысяч рублей и поручить их Лоскутову поднести при первом вступлении Сперанского на границу Иркутской губернии».

При таких условиях ревизия осталась почти без последствий. Мы видим, что Сперанский и сам понимал, что без укреплений, без более удовлетворительного контингента чиновников, наконец, без новых «оснований» управления невозможно дальнейшее управление Сибирью. Совершив ревизию, он и считал свое поручение конченным. «Считая пребывание свое здесь временным, — писал Сперанский, — я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вещей порядке есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, с здравым смыслом на сие не отважится»... «К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего. Смело даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство решится к себе последнего доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства; а введение сие от меня не зависит», — так пишет он к Кочубею.

В плане Сперанского было, раскрывши беспорядки и злоупотребления в сибирском управлении, немедленно уехать из Сибири и участвовать только в составлении для нее нового положения и новых оснований управления. Но он был оставлен еще на год управлять Сибирью в качестве генерал-губернатора на старом положении. Лично для себя, как мы указали, он получил с горем новую отерочку, приняв ее за несмелость, но, кроме того, он понимал и всю трудность что-нибудь сделать здесь при прежних средствах. Как ни предполагают биографы Сперанского, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел, но сам Сперанский справедливо не предавал

такого значения своему управлению. В этом смысле он делает следующие характеристические замечания насчет своего управления в качестве генерал-губернатора Сибирью:

«Какою волшебною силою человек, брошенный сюда из Пензы, — пишет он Кочубею, — без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никаких новых и значительных инструкций, мог вступить в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Цейсром обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составленные, и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманых и привычкою скрепленных? Мы не в том веке живем, и Сибирь не тот край, где бы истина могла произвести сии явления! Как я могу управлять без моральной власти? Скажут — законит, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род отчуждения; надобно знать его меру, чтобы им пользоваться. Вопрос: кто наиболее всего пострадает от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, мне данная, будет пренебрегаема, в сем не могу иметь я ни малейшего сомнения». Таким образом, Сперанский, поставленный в прежнее положение правителей, сознавал полную невозможность управления краем. Он понимал, что злоупотребления и при его управлении по-прежнему будут развиваться. Свои воззрения на дальнейшее управление Сибирью он откровенно высказывает в письме к князю Голицыну: «Когда все дела, порученные мне (то есть ревизия) окончены, мне остается влечь здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, — говорит он, — но не истребить, ибо порядок управления, краю сему насвойственный, остается тот же, исправить я его не могу; люди остаются те же, переменить их нечем. Я не могу даже дать движение суду над ними; ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течения дел». Таким образом, Сперанский был достаточно откровенен в этом случае, чтобы не закрывать глаза себе и другим, и не желал быть рыцарем, вы-

ставляющем личную борьбу с злоупотреблениями за их искоренение и прекращение, а своим предписанием и циркулярам придавать значение, как бы дела от этого изменились.

Управление его действительно ничем особенным и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода деятелей, не могла изменить порядок дел, и в общем влияние ее было не особенно заметно. Проявление злоупотреблений не прекращалось. «В то время, когда Сперанский преследовал прежние, — замечает справедливо г. Вагин, — под его управлением, под самой грозой его рескриптов, почти в его присутствии совершались новые злоупотребления и возбуждали необходимость в новых преследованиях». Так же дело шло во все время его управления. Если чем могло отпугнуться его управление, то разве некоторыми попытками ослабить прежний административный гнет, мелочность прежней регламентации и предоставить более свободы обществу. В этом случае весьма любопытны следующие его взгляды на управление. Первым делом он пытается заглянуть вековой разлад между обществом и управителями. Он пробует жить в мире с обществом. В раскрытии злоупотреблений он обратился к гласности, к общественному мнению, и только благодаря этому мог открыть многие злоупотребления, покрывавшие Сибирь. Он пользовался помощью общества кабинетным, частным образом и облекался с ним для своих целей. Во время поездок он знакомится с купцами, мещанами, выслушивает крестьян и пользуется их мнениями. Материалы, ныне собранные, указывают, что и его законодательная деятельность не лишена была частного влияния. «Сохранилось предание, — говорит г. Вагин, — что в Иркутске Сперанский советовался о некоторых частях своего законодательства с известными лицами из местного купечества. Некоторые из купцов и мещан, бывших в киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составлении учреждения о киргизах». Этот дух его управления, а именно: при помощи обхождения с обществом и установления с ним солидарности, конечно, был делом его личной тактики и не перешел ни в законы, проектируемые им, не мог быть и передан его последователям и заместителям.

Далее видно, как говорит г. Вагин, что «он был решительный враг того полицейского ханжества, до которого были такие большие охотники многие администраторы не только его, но и позднейшего времени; он отнюдь не видел в стеснениях личной

свободы панации против всевозможных преступлений». Действительно, в своих распоряжениях он постоянно умеряет пыл исполнителей, приученных прежними порядками не щадить личность и не церемониться с ней. Вторую черту его управления было ослабление прежней регламентации, к которой так склонны были его предшественники. «Крутые меры, принятые Трескиным, — сообщает г. Вагин, — частью были прямо отменены Сперанским, частью значительно ослаблены». Мы говорим, до какой степени регламентация влезла в нравы сибирского управления. Крестьяне обращаются с просьбами к Сперанскому, чтобы их пощадил от иланировки селений и обязательной постройки каких-то форменных колодез с валом и колесом. Некоторые города просят дозволить им навалом укрепить берег, так как это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасение от разливов рек. Трескин отводил устье Иркутка под тем предлогом, что река имеет «неправильное течение», и старался дать ей новое русло, но река держалась своего «неправильного течения» наперекор Трескину. Сперанский, конечно, был других взглядов на управление, чем Трескин и предшественники. Он административные задачи не возводил до архитектурских обязанностей, до насильственного «устройства», до крашения заборов, домки домов, как это делали другие, даже позднее Сперанского; с высоты своего поста не лез для вмешательства в городское хозяйство, не обирал и не разорял городских дум в пользу любимцев. Он предоставлял самому обществу вести дела свои.

Из его распоряжений и предписаний видно, что он был приверженец свободы торговли, и в этом случае был поклонник Смирновской школы. Он издавал постоянно инструкции и правила, и предметом их было, как он выражался, «всемерно благоприятствовать всякому свободному движению торговли и удалить все препятствия, какие при прежнем управлении нередко возникали из ложного понятия о ярмарках, о сборе ясака и тому подобных мерах». В Сибири относительно торговли с инородцами существовали до 1819 г. две системы. Одна из них была основана на опеке администрации над инородцем в предупреждение кабалы и злоупотреблений купцов выходом к инородцам волки и т.п. Но при этом политика и местные чиновники и ограждение инородцев от злоупотреблений купцов сами принимались за торговлю и вели ее к общему благополучию — и охраня инородцев, и не забывая себя. Другой системы домогались

постоянно купцы в своих выгодах, и ее привыкли понимать под именем «свободной торговли». Сперанский склонился к этой последней и особенно способствовал ее развитию, покровительствуя местным купцам. В этом слуге было не только замечательно его управление, но взглядами этими проникнуто и составленное им положение, послужившее основой к позднему законодательству для Сибири. Меры эти замечательны были по одному, а именно: по результатам, какими они отразились в сибирской истории. Система запретительная и опека над инородцем, как мы видим, привели здесь к тому, что чиновники захватили в свои руки торг и стали купцами. Что касается поюой «свободы торговли» и покровительства торгоу купцов с инородцами по идее Сперанского, то она казалась тоже не особенно выгодной. Некоторые купцы, пользуясь покровительством и отсутствием всякой защиты инородца, взяли себе целые местности, как Нерчинский край, на откуп, закабаляли торговлей население и делали с инородцами и крестьянами, что хотели». Купцы закабывали в Сибири при помощи долгов не только крестьян, но и мелких чиновников. Злоупотребления их остались пообнаруженными и безшказанными и при Сперанском. В Якутске существовала та же система грабежа под вылом торгоуши, и это гинулось до времен Муравьева⁹ (то есть до шестидесятых годов). Многие администраторы познее Сперанского поэтому должны были начать борьбу с этим злом.

Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Из этого видно, что как система вмешательства, так и дурно понятая «свобода торговли» в Сибири при известных порядках вели одинаково к печальным последствиям, а поощрения Сперанского «свободе торговли» только проявили другое зло, не менее опасное. Не изменялись и другие злоупотребления сибирского быта при Сперанском. Система казенных подрядов при Трескине, сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребления эти не уменьшались и после Сперанского. Реформа Сперанского ничего тут не сделала.

Собственно управление Сперанского в Сибири, как мы сказали, не могло ни принести заметных результатов, ни послужить к изменению дел. Управление это прошло поэтому незаметно: ни дух его, ни меры Сперанского, ни личные качества не были

оценены и понижены в Сибирь даже теми, кому он наиболее лояльно относился, как, например, торговцам сословием. Сибиряки так привыкли к регламентации, к вмешательству администрации, к «строительству» Трескина и ему подобных, что невмешательство Сперанского в дела общества и его созидательное «laissez faire, laissez passer»⁴² просто было объяснено ленью, неисполнением своих обязанностей и поставлено ему иркутянами в вину. Трескин же, наоборот, превознесен за его распорядительность вместе со своей системой. «Трескин был прекрасный распорядительный начальник, — говорят старожилы Иркутска, рассказы которых помещены при материалах г. Вагина. — Трескин все-таки *дворян* был, *административный* человек. Он город устроил, ведь это все, и улицы, и... все это Николай Иванович. До него — стыд сказать — «отходил» на улицы были. Братские даже, — на что уж! — и тех пахать заставил. Словом, он ввел всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были *дорогие*, и *заседатели*...» «Трескина я глубоко уважаю, — говорит другой. — Это был *замечательнейший администратор*». В этих отзывах явливается даже деспотизм и взыскательность Трескина. Лоскутов, по мнению современников, был *также отличный администратор*. Он устроил *нижнеудинские* поселения, и тут же приводят рассказ в доказательство его способностей, как он *умил* поселенцев, «спарывая всю пшцу с головы до пятки»... «Сперанский же *не был администратор*. — прибавляет тот же мудрец старожил. — Он был только умный человек на бумаге». Так, управление Сперанского было поныне современниками, выдрессированными Трескиным.

Об управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существовавшей обстановке, без солидных учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотреблениях исполнителей он и не мог произвести существенных изменений в ходе дел сибирской администрации. Как мы видим, он сознавал это и старался даже разъяснить другим, разрушая иллюзию, будто *одна его личность* могла что-либо сделать.

Составлением Сибирского учреждения⁴³ Сперанскому выпало на долю расцезь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и раз и навсегда прекратить постоянно возникавшие беспорядки и злоупотребления в Сибири. Но в силах ли он был это сделать? Управление Пестеля и Трескина отражало только вековой режим сибирской администрации. Таким образом,

чтобы искоренить неудобство и беспорядочность управления, необходимы были не частные, а общие меры. Ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени, не помогла, как не помогало прекращению злоупотреблений его управление. Средство оставалось одно: создать новые основания управления, уследить причины зла. Общие недостатки сибирского управления состояли в самовластии, бесконтрольности, незаконии и личном произволе, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство създавни сознавало, что управлять этим новоприобретенным и отдаленным краем на общих основаниях не было возможности, а потому давно старалось создать в нем особенный порядок управления, свойственный местным условиям. Попытки эти проходит через всю историю Сибири. Когда-то при воеводском управлении был учрежден в Москве особенный «Сибирский приказ», которому воеводы были обязаны отчетом и который был вроде колониального департамента. С 1708 г. по 1764 г., то есть с Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившие в Тобольске. Вся Сибирь называлась сибирской губернией и имела пять провинций. В состав ее управления входили не только Сибирь, но и часть нынешних Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Этим огромным районом заведывал один губернатор с огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому из губернаторов князю Гагарину, создавшему из себя сибирского вице-роя. Губернаторская власть после Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тем, устроена была военная омская линия с особым начальством, и к России присоединено было новое инородческое царство в лице киргизов. Тогда, при Екатерине, вздумали и в Сибири устроить особое наместничество. Екатерина видела в Сибири обширную инородческую колонию и решилась дать ей права подчиненного царства. Она принимает меры в улучшении быта инородцев, водворяет покровительство торговле бухарцев, обещает из них создать особую торговую думу для целой Сибири с делопроизводством на бухарском языке, уничтожает казенные монополии, наконец, наименоывает Сибирь «царством», дает ему особый герб с двумя соболями и чеканит особую сибирскую монету. В Тобольске символом царской власти, под покровительством которого считается это инородческое царство, поставлен был трон, на котором сибирский наместник принимал свидетельство верноподданности от хана средней киргизской орды и

остатках князей. Конечно, было странно видеть, что край, все более и более заселенный русскими, вдруг как бы обратно назван был инородческим царством, с предоставлением особого покровительства и даже автономии инородцам. Но это объясняется не столько тем, что Екатерина Великая хотела обратить Сибирь в первобытные формы татарского царства, сколько ее реформаторскими планами, которые она имела в виду относительно целой России и которые не могли не коснуться и Сибири. В этом случае она скорее пробовала здесь создать нечто вроде отдельного и местного управления наподобие колониальных сирийских правительств. План этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, зато от него осталась в Сибири обширная заместительская власть. Уже первый заместитель вместо того, «глобы ступить на ступеньках трона, учрежденною в Тобольске и исполнявшего власть одной монархии, взобрался сам на него и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство; то же произошло и в деле управления. Наконец, в 1799 г. заместительство было отменено в Сибири, и трон отправлен в Петербург, а Тобольская и Иркутская губернии восстановлены в прежнем виде. Нечего говорить, что ни заместительства, ни губернаторства не могли вполне обеспечить хорошего управления. Уже иркутский наместник Якоби попал под суд, за ним Лещано, наконец, последовали ревизия Селифонтова и смена последнего. Мысль устроить в Сибири порядок управления, отдельный и сообразный с ее положением, высказанная при введении общего управления в 1775 г., снова повторилась правительством в инструкции Селифонтову. «Сибирский край требует изменения как в разделении его, так и в самом образе управления особенного постановления». С этой целью и был послан Селифонтов «для личного осмотра, собрания сведений, — как говорила инструкция, — статистических, географических и камеральных, и основания на самых достоверных сведениях разделения и порядка управления края». Самое управление Селифонтову поручалось с временною целью, «прежде, нежели будут приведены к концу все предположенные к лучшему его образованию меры». Наконец, в 1803 г. учрежденное комиссарств было предтечею более общих преобразований, причем опять упомянуто, что эта мера предпринимается «прежде — пока можно будет составить полное образование края».

Даже во время генерал-губернаторства в Сибири Селифонтова и Пестеля мысль об издании новых правил для управления

Сибирью не оставлена правительству. По сибирским делам был учрежден особый комитет, подчиненный комитету министров. В 1814 году сибирскому генерал-губернатору предполагалось дать новую инструкцию. В 1816 году было предложено восстановить в России на всем пространстве наместничества — конечно, в этот план входила и Сибирь. Вероятно, в то время таким образом выражалась мысль о децентрализации. Сведения и материалы, в видах составления нового особого положения для Сибири, продолжали собираться и при Трескинне. Правительство не могло только приступить к преобразованию сибирского управления, отлежавшее войнами 1812—1814 годов. Несмотря на то, в видах удобства местного управления и быстрого решения дел правительство делало постоянно частные изменения в сибирском управлении, между прочим, предоставляя главным администраторам особые уполномочия. Это дало повод последним самым хлопотать об увеличении власти. Таковы, собственно, были особенности в основаниях сибирского управления в эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но в конце управления Пестеля взгляд правительства изменился: оно должно было усомниться в пользе увеличения этой власти, и министр Козодавлев выразил в своей записке решительное мнение против такого порядка. «В первое время открытия беспорядков в Сибири, — писал он, — они были приписываемы слишком ограниченной власти тамашников, а потому она была увеличиваема постоянно и всегда, как новые и сильнейшие беспорядки открывались». Таким образом, являлось вновь сознание о необходимости ограничения власти правителей. Мысли эти высказаны довольно определенно в проекте министра внутренних дел Козодавлева, который обыкновенно ставит в параллель с проектом Сперанского. Рассматривая причины существовавших беспорядков, Козодавлев приходит к заключению, что для предотвращения их возобновления «необходимо начертать более сообразное с местными условиями управление». Проект его заключал следующие основания: «не распространяясь в исчислении всех зол, происходящих от самовластия местных начальников, — пишет министр, — мне кажется, что власть их должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учреждение верховного в сибирских губерниях правительства совета или комиссии, частью определяемых из чиновников от правительства, частью избираемых из тамошних жителей разных сословий, может еще ограничить власть начальника, ко-

торый, как председатель сего места, имеет только перевес в случае равных голосов. Впрочем, в случаях, чрезвычайных и по делам, времени не терпящим, главный начальник может дело остановить или приказать исполнить без отлагательства, не считая на несогласие совета, но в ту ж минуту без малейшего промедления он должен сообщать об оном тому министру, до части которого производимое дело касается». «Кроме того, — прибавляет Козодавлев, — мне кажется, что при ограничении власти местного начальника небезопасно будет усилить и власть магистратов и городских приказаний. Магистраты городов остзейских губерний доказали и доказывают пользу, каковую они принесли и приносят промышленности, торговле и вообще образованности жителей тех губерний». Таковы были мысли министра, высказанные в заседании комитета, которые он предполагал положить в основание реформы и перелал Сперанскому.

Что касается мнений Сперанского, то после совершенной ревизии он видел также необходимость произвести коренную реформу сибирского управления согласно местным условиям края. Он сознавал, что управление на общем положении при отдаленности Сибири невозможно, и требуется создание особых оснований. «Если бы расстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными переменами, но Сибирь требует общего и совокупного во всех частях образования», — писал он, обозрев сибирские порядки. «Она не может быть управляема, как Новгородская и Тверская губернии, между тем настоящий порядок и правила одинаковы», — присовокуплял он в письме к Кочубею.

Трудность административных задач в Сибири состояла в том, что здесь не прилагались, не прилаживались вовсе те начала управления, которые проектировались в других областях, порождая совершенно иные результаты. Здесь не удавалось управление ни на общем основании, ни на особенном. При том и другом порядке являлись особого рода неудобства. Если при одном порядке страна терпела от самовластия при увеличении власти, которая предоставлялась местным начальникам для скорейшего решения дел, то, с другой стороны, замедление дел и зависимость их от дальних центральных учреждений приводили в Сибири к другим затруднениям. Решения дел или каких-либо необходимых для края распоряжений приходилось ждать по несколько лет; так, раз пришедший груз в Камчатку со съестными припасами должен был дожидаться разрешения о при-

пяти их из Петербурга. Дела уголовные лислись десятки лет. Таким образом, усиление власти и предоставление ей значительных полномочий послело произвол, а уменьшение власти и подчинение хода дел отдавленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края. Одни меры парализовали другие; сибирское управление требовало, между тем, местного управления со всеми гарантиями от произвола административной. Централизация здесь прижила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории. Эти задачи должно было разрешить и примирить Сперанскому.

Сперанский хорошо видел, что доселе управление Сибирью основывалось на личном доверии к администраторам и что их власти не было положено оснований. Он поставил целью поэтому сибирских правителей подчинить законам и сделать орудием правительства. Но само ограждение законами не могло достигнуть цели, по его мнению, без особых прочных учреждений, могущих следить за этой властью. Самые лучшие начальники, предоставленные себе, могли ошибаться. Вот что чрезвычайно справедливо высказал он по этому поводу: «Если бы личная власть в Сибири, — говорит он, — предоставленная до 1819 года бывшим в Сибири главным правителям, и ограждалась подробными и самыми верными правилами, то и тогда, быв удалена от надзора и не имея вокруг себя ни преграды, ни предостережения, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным свойствам тут не защита, ибо в самовластии впадают постепенно, нечувствительно и не всегда с худым намерением. Напротив, при намеренных самых лучших, по самому усердию к добру и желая дойти к нему кратчайшею дорогою или избрав решительнейшие меры, увлекаются в заблуждения, сперва для сокращения нарушают формы маловажные, потом идут к важнейшим, наконец, касаются и сущности дела и, таким образом, поступая всегда по добрым побуждениям, испроизводят порядок, и, действуя по совести, действуют противозаконно». Главную программу и целью своей реформы он поставил поэтому: 1) преобразить личную власть начальников в установление и, соединив единство ее действия с *гласностью*, оградить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами; учредить ее действия (то есть распоряжения), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и пуб-

личьями; 2) усилить надзор, собрать раздробленные и бессильные его части в одно установление, и таким учреждением заменить, с одной стороны, удаленный от Сибири надзор высшего правительства, а с другой — недостаточный надзор общественного мнения; 3) разделить и определить те административные функции, которые были прежде смешиваемы в разных учреждениях; 4) привести в согласие все части управления; 5) приспособить управление к особенному положению тех сибирских областей, которые (при огромном пространстве имеют весьма мало населения; 6) ввести простоту и удобство обрядов в видах успешности и быстроты разрешения дел.

Как ни были благонамеренны и соответственны обстоятельствам эти цели, но, конечно, при всяких благих намерениях важнее всего их выполнение. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанский стремится осуществить их? Имея в виду содействовать быстрому разрешению дел на месте и устроить контроль в сибирском управлении, Сперанский проектировал составить отдельное высшее управление для Сибири. Он предложил образовать в каждой части Сибири «главное управление под председательством генерал-губернатора»; главное управление должно было служить и высшим правительственным местом в Сибири. Генерал-губернаторская власть являлась исполнительной, она составляла только часть установления. Дейтельность ее состояла только в надзоре и исполнении. Таким образом, он проектировал ограничение власти и специальное ей назначение. В помощь генерал-губернаторам учреждались советы из чиновников местного управления и частью от министерств: «Мнение этого совета необходимо во всех важных предметах, присланных совету», «Но мнения совета без утверждения председателя недействительны; члены совета не могут останавливать исполнения, но они имеют право неприятное мнение представлять высшему начальству». Роль советов была *совещательная*. Подобные же советы устанавливались в помощь губернаторам из чиновников главного управления по губерниям и окружные советы у окружных начальников.

Таков был план, на котором построено сибирское учреждение. План этот основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений другими. «Введением коллегиального управления, — говорит г. Вагин, — Сперанский имел в виду предохранить власть от ошибок и увлечений.

Но это *николько не ослабило исполнительной власти*, от нее зависело, принять или не принять мнение совета. Одно уже это показывало теоретичность проекта, именного в виду разном *согласии и ограничении, и независимости* исполнительной власти, то есть два противоположных начала. Присоединение советов к тому же не было собственно мыслью Сперанского. Еще в проекте наместничеств в 1816 г. предлагалось по всей России учредить при наместниках советы с правом совещательного голоса; в законе Козодавцева упоминается о применении совета собственно к Сибири. Самый совет при том у Козодавцева имеет более широкую программу, чем у Сперанского. Учреждение советов имело разительное сходство с теми учреждениями, которые Сперанский привнес в действие в первую счастливую эпоху своей деятельности в министерствах». Насколько они близки были этим учреждениям, по мнению Корфа, далеко не удавшимся и не соответствовавшим первоначальным планам Сперанского, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общего управления, с этим нельзя не согласиться, потому что главное управление Сибирью было сходком с обыкновенных губернских правлений, введенных в России с некоторым выделением совета и правом обсуждать только дела в большем размере. Точно так же они соответствовали и принятому принципу коллегиального порядка обсуждения дел в присутственных местах, принятому, существовавшему довольно давно и, как видим, не раз предлагавшемуся. Если чем и отличались проектируемые для Сибири губернские и главные управления с советами, состоявшими в подчинении у губернаторов, то очень незначительно от прочих присутственных мест в России; принципиального же различия между ними не было. Сперанский старался примирить неудобства сибирского управления соединением коллегиального порядка с единоличным и гарантировать обыкновенной комбинацией при помощи зависимости одних чиновников от других.

В общем изменение и проекты Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко в комитете и разномыслия здесь были незначительны. Исключая его проект об освобождении подзаводских крестьян, что и было отклонено. Но Сперанский почему-то боялся, что его проекты и в этом виде не пройдут. Это дает повод г. Вагину задать вопросом: вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были

представлены или были значительно изменены? «Некоторые сибирские старожилы, — отвечает г. Вагин, — рассказывали нам, что изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта, что в последнем, например, был дан простор выборному началу, которого вовсе нет в утвержденном учреждении, что сибирскому управлению предполагалось дать устройство, гораздо более свободное от централизации, что в Сибири предполагалось устроить особый департамент сената и т.п.». Некоторые из этих рассказов могли быть вымышлены, но другие согласны с мнением Сперанского, говорившем «о силе» своих предположений. Это дало повод заключить, что проекты Сперанского были увезены вчерне и что он *«по обыкновенной своей уступчивости»* решился переделать их в Петербурге, видя невозможность провести их целиком. Из материалов, биографий, сведений и писем Сперанского ныне ничего, однако, не подает повода заключить, что его проекты были изменены. Опасался же Сперанский, вероятно, того, что вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты. Такое объяснение гораздо проще.

Как бы то ни было, из всех этих предположений видно, что новое учреждение сибирского управления не удовлетворило ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены. Учреждение это обвиняли в том, что оно ведет к последствиям, совершенно противоположным, чем было высказано в программе, начертанной на основаниях. Наконец, ставили в вину, что проект Сперанского основан был на одном бюрократическом начале. Обвинения эти раздавались как из лагеря консерваторов, недовольных заметно старого режима бюрократическими формами взамен приказного произвола, так и людьми, ожидавшими от Сперанского большей реформаторской инициативы. Один из противников сибирского учреждения Геленинстром замечал при его введении: «Сперанский должен был восстановить в Сибири действие законов и с ними навлек тибель на Сибирь, потому что исполнителями законов стали чиновники, чтящие только удовлетворение своей прихоти и корысти...» «Вместо общего железного века учреждение ввело бумажный, увеличив до крайности письменное производство». «Власть генерал-губернатора только по видимому ограничена советом, в действительности все дела решаются по его произволу». Такие и подобные отзывы раздава-

лись об учреждении. Но мы остановимся на более современной критике сибирского учреждения, принадлежащей добро-совестному исследованию г. Вагина.

«Сибирское учреждение имеет другие, более очевидные в наше время недостатки, возбуждает другие, более серьезные вопросы, — говорит он. — Первым условием программы Сперанского были гласность и публичность действия власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение. Оно замыкает деятельность власти в тесный круг канцелярий и присутствий и тем самым налагает на нее характер бюрократизма, а не гласности и публичности. В сибирском учреждении нигде не постановлено того, чтобы постановления советов обнародовались во всеобщее сведение. Слова программы о публичности и гласности действий власти остались без всякого приложения в самом законе. При отдаленности правительственного надзора, при слабости общественного мнения недостаток публичности и гласности давал исполнителям возможность обходить и даже прямо нарушать его без опасения, что такие поступки их получают полную известность», — замечает г. Вагин.

Другой важный недостаток составляет, по мнению г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую по учреждению Сперанского представляет организация местных советов. Членам советов предоставлено важное право — право и индивидуального, и коллективного протеста; но члены советов, хотя высоко поставленные в составе местной администрации, находятся в прямой зависимости от генерал-губернатора или губернатора и потому не могут с полной свободой употреблять свое право протеста. «Всякий дорожит своим местом», — справедливо замечал Геденштром. Притом само право протеста было весьма ограничено. К тому же можно было всегда обойти протест и принять самую противозаконную меру, не внося ее в совет. По делам же, лично зависящим от начальника, право протеста вовсе не имеет места, и произвол может царить во всей силе. Таким образом, самое главное установление, на котором соиздавалось управление, не достигало своей цели*. Сибирское учреждение, кроме того, было составлено «наскоро», присовокупляет г. Вагин, и, ясное и понятное лишь для самого Сперанского, оно оставляло широкый простор для произвольных толкований другим.

* Ошибки меры, предложенные Сперанским, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирский комитет» признал нужным составить совет главного управления, хотя отчасти из особых чиновников, но подчиненных генерал-губернатору.

Мало того, в своем проекте о сибирском управлении Сперанский не только не был прогрессивнее других, но стоял даже ниже и своих требований других государственных людей. Указывая главные и существенные недостатки в проекте Сперанского, г. Вагин говорит: «Невольно является вопрос: почему Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева — ввести выборный элемент в высшее сибирское управление? Ему были известны личности, совершенно способные для выборов в этом случае, довольно недожженного ума и порядочно образованные для того времени. Вероятно, он поразился, — говорит г. Вагин, — тем безмыслным, поработанным состоянием, в каком даже ныне находятся служащие по выборам во всех смешанных утреждениях. Эта зависимость объяснилась, однако, очень просто как положением городских и сельских обывателей в общей лестнице сословий, так и их невежеством». Но недостатки эти, по мнению г. Вагина, были исправимы. Тем не менее, участие выборных лиц, присовокупляет он, в местных главных советах могло быть устроено и на лучших началах. При хорошей организации выборов могли избираться лучшие люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положению. Так как таких людей требовалось бы немного, то и выбор их не был бы особенно затруднителен. Если бы даже большинство их и представлялось обычной нашей апатии к общественным делам, то из среды их могли время от времени выдаваться личности, которые вполне сознавали бы свое назначение и выполняли его с энергией и достоинством. Появление таких личностей в кругу зависимого чиновничества, участие их в делах и влияние их приносило бы несомненную пользу. Во всяком случае, участие выборных и в известной степени независимых лиц в высшем управлении странною служило бы обеспечением против произвола и — что еще важнее и что принесло бы положительную пользу — участие людей, близко знакомых со странною и тесно связанных с ней своими интересами, могло помогать высшей администрации в знакомстве с положением и нуждами края, особенно в экономическом отношении. По всему этому нельзя не пожалеть, что Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависело от него, а не от обстоятельств.

Из материалов видно, что проект Козодавлева был известен Сперанскому, что доказывается письменным ответом на записку его, «В теории я совершенно встретился с вашими

мыслями, — писал Сперанский, — *на практике — не знаю, но употреблю все усилия согласить их*». Но, вероятно, в это время убеждения Сперанского вообще не особенно склонились к выборному началу. Из его управления в Сибирь видно, что он подавил и утверждал его даже там, где оно существовало прежде, как в городской и земской полиции. «Сибирским обывателям выборы нередко *обременительны*», — писал он в сибирском положении. Подавление выборного начала было тем губительнее, что общество лишлось последней силы и средства защиты. Один из иркутских старожилов Н. П. Булатов говорит, что «кучество до Трескина было так сильно, что пять или шесть губернаторов сряду были смещены по их жалобам». После террора Пестеля и реформы Сперанского городские общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Меры его были совершенно противоположны в это время мыслям Козодавлева о значении выборного начала в городах.

В своем проекте, как видим, Сперанский не решился ввести в советы даже других должностных лиц, кроме занимающих уже известные должности на месте. Совет предполагалось составить из губернатора и председателей губернских мест. Эти недостатки сам Сперанский сознавал и делал такие объяснения в своем отчете. «*Правильнее было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но, во-первых, составить его из дворянства и купечества невозможно потому, что там, в Сибирь, нет дворянства и весьма мало купечества; во-вторых, составить совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях. Впрочем, когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее придут в большое движение и доходы умножатся, тогда можно будет составить совет главного ее управления из людей высшего сословия, сие не сделает существенной пермены в предполагаемом плане учреждения*». Такое поведение Сперанского в Сибирь, не оправдавшее ожиданий, несколько возбуждало удивление исследователей, припоминая прежнюю роль его как реформатора, а потому стараются объяснить эту непоследовательность Сперанского только исключительностью его положения.

Исторические материалы указывают, что положение Сперанского в Сибирь действительно не было спокойным и уверенным. Из писем к Кочубею видно, что во время отъезда Трескина он даже опасается, чтобы тот не вернулся в Сибирь,

слова опралавшись. Точно так же он знал, что Пестель в Петербурге имел связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанского и в Сибири, как видно из той же переписки. В Петербурге интриговали и старались уверить, что он даже «безбожник, не верует во Христа» и т.п., хотя Сперанский был религиознее врагов своих. В одно время нападает на него отчаяние и решимость выйти в отставку и ехать умирать в Пензу. Такое положение для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремлении во что бы то ни стало добиться присады в Петербург. Стремления Сперанского в эту эпоху ограничивались, как видно, устранением произвола и выточничества в администрации, что он думал сделать, замыкнув деятельность администраторов в строгие формы и правила, ограничив их законами и взаимным контролем. Он полагал, что «точно определенные правила для чиновников поставят оплот от злоупотреблений и неразумения». Проведение строгого коллегиального и канцелярского порядка составляло постоянный предмет его деятельности. Принимая во внимание, что такой порядок в свое время составлял замену староприказного произвола и произвожности, мы должны признать, что стремления Сперанского были до известной степени прогрессивны. В голове Сперанского вырабатывался новый административно-бюрократический тип бескорыстного чиновника. Он стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

Достигло ли учреждение Сперанского всех целей, к которым он стремился? Установление Сперанского существовало около 50-ти лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты в Сибири, чтобы судить о нем. Придуманные Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников. Советы явились вполне им подчиненными и были только «ширмами для генерал-губернаторской власти», как выразился один из критиков позднейшего сибирского управления Дм. Завалишин в письмах о Сибири, в «Московских ведомостях» 1865 и 1866 гг. Генерал-губернаторская власть, по-прежнему усиливалась и сосредоточивая в себе все части управления, по-прежнему коротилась к прежнему вице-королевству, к прежней реляментации, а губернаторская власть или была бессильна против злоупотреблений, или относилась равнодушно к ним. Та-

ким образом, план Сперанского в главных чертах совершенно оказался практически несостоятельным, он имел слабые гарантии, а потому и начал разрушаться при его пресмычках. Правила, начертанные Сперанским, никем не исполнялись, и один путешественник в Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченнейшему в мире обществу. После Сперанского Руперт, управлявший Камчаткой, выразился, что он так связан, что может это сделать сколько угодно, а добра несколько (Sibirien, Kottell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину в бездеятельности созданных учреждений трудно сваливать на одного Сперанского: этому было много причин, а между прочим и кратковременность пребывания Сперанского; его личное влияние в Сибири не могло еще укрепить в народе чувства законности и независимости от произвола. Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось потому только, что Сибирь даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанского и провести их в свою деятельность, а те, кто понимал их, искал только орудия для своих интересов. Многие из пресмычков и исполнителей плана Сперанского далеко не стояли на высоте своего призвания. По отъезде Сперанского явились наместники, которые стремились парализовать его план и действовать противно ему. Уже первый генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич (протекже Аракчеева) с самого поступления в это звание стал испровергать те правительственные начала, коих введение и охранение составило его обязанность. Вообще мы не ошибемся, если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение. Так, например, особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян даже никогда не были изданы. Степные думы, проектируемые для инородцев, должны были доставить самостоятельное управление, подчиненное только общим окружным управлениям, на практике же они подчинялись земским сулам и сделались чем-то вроде волостных правлений. Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнес. Права хозяйственного самоуправления, данные Сперанским якутским казакам, были нарушены на первом же шагу и впоследствии постоянно нарушались. Заселение сельскими Сибири и приручение их к осел-

лости согласно уставу о селенных, проектированному Сперанским, вовсе не удалось. Кроме того, начинали рождаться прежние пороки. После Сперанского усилилась централизация министерств и шарлатановала власть и самостоятельность местных учреждений; последние же, по примеру министерств, стремились усилить местную централизацию. Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединение различных ведомств. Искусственная регламентация снова входит в привычки администрации. Каплевич создавал военные поселения. В Западной Сибири делались попытки введения опеки государственных имуществ, отживших свое время во внутренних губерниях. В Восточной Сибири целые населения зачислялись в казаки, которые напоминали аракчеевские поселения, и снова стали нисходить до трескинско-го строительства и вмениваться в мелочи городского хозяйства и архитектурской части. Одни украшали город, другие ломали дома, третьи проектировали увеселения, а главные задачи управления ускользали. Проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений. Таким образом, даже те слабые предположения и облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались. Местная администрация не улучшилась, и дела шли по-прежнему. Уже в 1827 г. накопившиеся злоупотребления вызвали вновь ревизию в Западной Сибири. Эта ревизия произведена была сенатором князем Курашым и Безродным, в 1846-м и 1847 г. обстоятельства вызвали ревизию графа Толстого в Восточной Сибири и в 1851 г. следовала третья ревизия члена государственного совета генерал-адъютанта Анненкова. Все эти ревизии, и особенно последняя, открывали полный беспорядок в Сибири и множество злоупотреблений. После этого понятны отзывы местных жителей, приводимые г. Вагиным о времени Сперанского: «При нем было лучше — типе неслишко, а там опять все пошло по-старому». С 1851-го и до 1881 г., в течение 30 лет, в Сибири ревизий не было. Между тем, нельзя не припомнить выражения Сперанского: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточно, чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию». Понятны отсюда беспрестанно несущиеся из этого края жалобы, как и создававшая идея своего рода мессиянства, господствующая в сибирском обществе. Каждый приезд нового генерал-губернатора вызывает здесь селкатно и ожидания, но надежды эти постоянно разрушались, и общество терпело разоч-

рования. До последнего времени с отъездом кажлого генерал-губернатора из Сибири открывалась та же картина беспорядков. Так было с отъездом графа Муравьева, генерала Сипякинского и генерала Казначопа. В последнее 25-летие бывали времена полной распухлости и злоупотреблений, напоминавших время до Сперанского*.

Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, не опытный в сибирских делах, перед кучею злоупотреблений, веками утвержденных, когда за рутину стоит весь подчиненный ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества? Генерал-губернатор Сибири не оскверняет себя взяткой, а любимцы его ведут интригу и подысывают назначения. Целый сонм исправников, станowych, урядников, распоряджающихся по-своему, сильнее генерал-губернатора. Они делают беззакония ежедневно, ежегодно, в тысячах сед и деревень, без всякого опасения. Риск попасться — самый ничтожный: из сотни тысяч беззаконий донесется одно; да и попробуйте уличить, найти свидетелей для опытного «старого воробья», хитрого на увертки и казуистику! Сибирский заседатель и исправник прыскают схватить куш, в там хотя бы и под суд; он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем.

Прямой интерес местной бюрократии и политики ее состоит в том, чтобы предубедить приезжего начальника края против местного общества и населения, чтобы закрыть дорогу к жалобам и доступ к правде.

И этого не раз добивалось местное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь изобильна и пристрастна к «ябедничеству». Такая политика практикуется с Пестеля и Трескина в Сибири. «Ябедник» Известно, что значит прослыть в Сибири ябедником: это то же самое, что донощиком на начальство, протестантом, крамольником, который нетерпим в обществе, и всякий поймет, чего это стоит при всемогуществе сибирской власти. Ябедникам угрожают острог и высылка в места отдаленные, и не раз сибирские челобитчики и искатели правды платились таким образом. Наконец, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается уверить, что сибирское об-

* См. Нужны ли реформы в Сибири? Москва, 1881 г. Дореформенная Сибирь. Голос. 1881 г., № 162.

инство незрело, недоразвито, невежественно, грубо, что ему требуются «ожовые рукавицы», и, таким образом, играя властью и огромными полномочиями начальника, созданными в страхе ему, обращает его силу в другую сторону. Такое предубеждение и борьба с обществом внушались в Сибирь самым лучшим сановником, прискакавшим принести пользу краю. Что же вытравывала от этого власть в Сибири? Во-первых, она оставалась одинокою, разъединенною с обществом, которое жалко само по себе и питало только страх к этой власти, не умевшей вникать в его нужды. Во-вторых, управитель Сибири чувствовал полное свое бессилие, находился без почвы и вне жизни населения. Испытав горечь удлинения, убедясь в бессолеркательности, приворстве и низости чувств местной бюрократии, окружавшей его, он спешил, как Сперанский, поскорее оставить эту неблагоприятную страну». До правительства доходили лишь частные случаи; более общие понятия о положении дел оно могло иметь только из отчетов. Но отчеты составляли сами исполнители, и поверять их на месте было невозможно. Ревизии захватывали только один известный период времени, и по окончании их все могло идти по-старому. Общественное мнение если и было, то не имело для себя выражения. Многие вновь вводимые законы ослабили впоследствии прежние учреждения, старались ограничить генерал-губернаторскую власть, а других учреждений не шло вовсе. Самые существенные, самые полезные реформы прошлого царствования после освобождения крестьян, как новый суд и земские учреждения и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало изменению к лучшему сибирского управления, и недостатки этого управления столь явно ныне обнаружались, что, по мнению правительства, требуется вновь рассмотрение более удобных и сообразных с местными условиями начал управления. В последнее время в печати вновь начали появляться мнения о необходимости реформы в Сибири. Неудовлетворительное положение дел в сибирской администрации выражалось в последнее время циркулярами генерал-губернатора Синельникова, точно так же публикуемыми распоряжениями генерала Фридерикса, указывавшего на медленный ход дел и другие беспорядки. То же обнаруживалось в Западной Сибири: тобольский губернатор указывал недавно на накопившиеся дела в судебных местах.

Настоящее положение администрации характеризуется, наконец, следующими отзывами местных начальников губерний.

Вот как отзывается начальник Иркутской губернии в своем отчете о положении дел: «В административных и судебных учреждениях губернии целиком сохранились прежняя централизация, смешение властей, неравномерность в распределении труда и бедность его вознаграждения. Судебные учреждения страдают скоплением дел в судах первой степени, так что дела лежат по пяти и шести лет без движения; судебная деятельность полиции характеризуется тем фактом, что из ста семидесяти одного уголовного дела, представленного на утверждение начальника, отменено в 1872 году — 100». О сельском правлении говорится следующее: «В волостных правлениях головы безграмотны, выправляют за них писаря. Делопроизводство в волостных правлениях громадное, выпускают до 20000 номеров в год исходных бумаг; разнообразие обязанностей требует такой всесторонности, какой не может добиться от своих органов даже губернская администрация. Кроме того, приносятся жалобы на злоупотребления в изюродческих управах». Все это может исчезнуть, говорит начальник, когда будут в Сибири учреждения, которыми пользуется и европейская Россия. Сибирские же учреждения отжили свое время. Относительно сибирского общества делаются им следующие замечания: «Общественные потребности здесь не сознаются; нет крепко организованного общества, которое создало бы свою солидарность и умело управлять своими интересами. Недостаток этот обнаруживается тем, что золотопромышленники жертвуют сотни тысяч на устройство театра, богадельни и юнкерской школы, а между тем никто ничего не пожертвовал на дело изучения причин эпидемии и проч.» (Отчет начальн. Иркут. губерн. за 1873 год). Точно так же характеризуется положение дел в Томской губернии: «Главнейший недостаток судебных и административных мест в Западной Сибири заключается в постоянной медленности и накоплении дел, — говорит начальник Томской губернии, — что происходит от недостатка развитых деятелей. Местные учебные заведения хотя и выпускают каждый год известное число воспитанников, окончивших курс, но лучшие из них отправляются в университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяет потребности. Ожидать приезда на службу способных людей из внутренних губерний империи невозможно, потому что там представляется ныне более обширное, нежели в Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошем вознаграждении. В Сибири же штаты прежние и ограни-

ческие: староста-начальник губернского правления получает 285 рублей жалования в год; помощник его — 215 рублей. Между тем, по нынешнему ценам лакей уже получает 10 рублей в месяц, итого: 120 в год». Волостные правления, по отчету, не представляют ничего отрядного; волостное начальство безграмотно, фактически управляют ими писаря из мещан и других сословий, например, из оседлых, не связанные с местным обществом никакими интересами, часто безразличные и заботящиеся только о собственной своей выгоде; отсюда растраты, причем писарь остается в стороне, а отвечают волостные начальники. Устранить это может единственно развитие грамотности и выборы из местных крестьян, говорит начальник края. Административный и судебный строй остается для Сибири тот же со времени Сперанского, то есть с 1822 года, прибавляет он, особенно судебные учреждения, несмотря на увеличение населения и переполнение края элементом оседлых; поэтому ныне действующие учреждения не могут справиться с громадным количеством уголовных и гражданских дел. До сих пор принимаемые меры оказываются паллиативными, и все вызывает необходимость судебной реформы в Сибири во всем составе (Отчет начальника Томской губернии за 1873 год). Подобные же отзывы мы находим о других областях Сибири. Наконец, это свидетельствуется и другими фактами: последнее время генерал-губернатор Казников застаёт Западную Сибирь далеко не в утешительном виде, как об этом писалось. Приезд его напомнил приезд Сперанского в Сибирь, жители осаждали его прошениями и жалобами. Во время его ревизии обнаружены многие злоупотребления и недостатки. Не вдаваясь в подробности, мы можем заметить, что настоящий момент во многом сходствует с эпохой, которую переживала Сибирь перед приездом Сперанского — так же чувствуется потребность перемен и обновления. Как тогдашняя Сибирь во многом отставала от России, так и нынешняя отстает и не похожа на внутренние губернии, живущие после реформ прошлого царствования другой жизнью. Эпоха, на которую простирались учреждения Сперанского, как видно, оканчивает свое существование и отжила свое время, а с этим вместе является к учреждениям Сперанского более независимое и критическое отношение.

Как бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учреждения Сперанского, которое было и не вполне введено, тем не менее мы приходим к заключению, что основные цели его про-

граммы — контроль, гласность и «публичность» управления — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им. И ошибка была в принципе. Сперанский слишком положился на одни официальные, коллегияльные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать сами учреждения. Он мало придавал значения общественному развитию и подготовке общества и администрации к той деятельности, которую должен был всегда иметь законодатель в будущем. В этом случае нельзя не согласиться с замечанием г. Вагина: «Но жизнь народа зависит не от одних учреждений административных. Она развивается под влиянием самых разнообразных условий. Эти условия иногда гармонируют между собою, иногда противодействуют одно другому. От взаимодействия и противодействия их зависит большая или меньшая быстрота народного развития, то или другое направление народной жизни; но ни в каком случае народная жизнь не может зависеть исключительно от одного из этих условий. Учреждение страны именно только одно из условий народной жизни — правда, одно из важнейших, но во всяком случае не единственное. Невозможно приписывать одним только учреждениям успех или упадок народной жизни; можно только показать место, какое они имели в кругу других благоприятных и неблагоприятных условий. Степень влияния одних и тех же учреждений на народную жизнь может быть совершенно различна; здесь многое, если не все, зависит от обстоятельств». По этому поводу автор указанного сочинения о Сперанском старается обратить внимание на те элементы, из которых складывалась сибирская жизнь и общее ее течение под влиянием различных условий. Сибирь никогда не знала крепостного права; но, к сожалению, влияние и привычки крепостного права отразились и в Сибири — они выразились в самовластии и опеке, переносимых из России разными деятелями. «Права и быт людей, — говорит г. Вагин, — под влиянием таких деятелей изменились далеко не к лучшему, и нередко появилось между ними то царство террора, к которому были способны только начальники, воспитанные в духе аракчеевских поселений или бывших кадетских корпусов». К числу важных, задерживавших развитие общества условий, кроме того, автор относит отсутствие и недостаток на месте образования. Народное образование шло здесь чрезвычайно медленно. Сельские

училища, так сильно поддерживаемые Сперанским, были большей частью закрыты при его преемнике. В Западной Сибири только после 50-х годов сделаны попытки к учреждению этих училищ. Кроме двух гимназий, существовавших при Сперанском, только в конце 30-х годов была открыта третья гимназия в Томске и затем в 1869 г. в Красноярске. Число училищ осталось то же, какое было при Сперанском!

При Сперанском была мысль о высшей школе для Сибири, мысль об университете, которая существовала еще с 1803 года, но не была решительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, в местной администрации этот вопрос долго игнорировался, хотя потребность просвещения все более росла. Отсутствие высшего учебного заведения в Сибири лишило администрацию возможности приобрести на месте свой контингент образованных людей. Сперанский писал, что учреждения без людей тщетны и что законы не могут исполняться без исполнителей. Недостаток людей он считал величайшим препятствием к осуществлению наилучших даже узаконений; Сибирь же должна была довольствоваться только приезжими образованными людьми. Сам Сперанский думал не только о юридическом образовании для местных деятелей, сколько о преимуществах для привлечения чиновников; так, он проектировал раздачу земель на выслугу, которая не повела ни к чему и благодушно была отменена правительством. В первое время Сперанский замечал уже с горечью, что в Сибирь едут только «титлярные советники», то есть люди незначительные, которые вследствие указа, изданного об университетских экзаменах, не имеют никакой надежды служить в России. Впоследствии также вводились различные приращения на службу в Сибирь, как двойные прогоны и половина годового жалования, но контингент чиновников не был удовлетворительным. «Большинство всегда улекали в Сибирь служу, что Сибирь — «золотое дно», — говорит г. Вагин, — что в ней можно наквититься службой лучше и скорее, чем в других местах торговлей. Все эти господа не имели ничего общего с Сибирью; им были чужды ее нужды и интересы; они не имели ни малейшего понятия о положении и учреждении края, которому намеревались посвятить свою деятельность, ни желания принести этой деятельности действительную пользу краю. Они заботились исключительно о своих личных целях, а эти цели нередко стояли в разрез с пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только

тогда, если это было согласно с личными их выгодами; при этом у них не всегда доставало и умения ни что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась низшая администрация Сибири». Одним словом, в Сибири выразилось резко явное, известное в наше время под именем *ташкентства* и носившее свое местное название. Являвшиеся на службу образованные люди точно так же не могли дать прочного развития обществу, так как они приезжали на время и далеко не сближаясь с обществом, не составляли ничего с ним единого. В силу этого недостатка людей самые лучшие администраторы оставались одиночками и бессильными в борьбе с сибирскими беспорядками. В таком положении находились граф Муравьев-Амурский, Деспот-Зинович и мн. др., пробовавшие искоренить местные злоупотребления. Местные начальники жалуются на постоянный недостаток людей и на то, что истинно образованных лиц сюда привлечь трудно. При недостатке образованных само общество грубело; оно не имело у себя никакой интеллигенции, не могло создать ни ученых, ни человеколюбивых, ни литературных учреждений, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общем невежестве не могло выработаться ни здравого общественного мнения, ни чувства собственного достоинства. То, что в других местах ограничивало произвол или самовластие, здесь потянуло ему. Состав общества в отдаленной Сибири, состоявший из торгового класса, подчиненных чиновников, бедных мещан, безмотвных крестьян и диких шорцев, не имел никакого настоятельного значения и не мог противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрий Завалишин в «Письмах о Сибири» выражается, что молчаливое слово «острог» могло наложить в Сибири всегда печать молчания на местного обывателя. Правдивого слова поэтому не раздавалось, а общество искало латных путей, что способствовало как развитию злоупотреблений, так и понижению нравов. Подобострастие, грубая лость невежественного обывателя была всегда к услугам самого маленького начальника в Сибири и брала она самого, если он только не был достаточно от нее гарантирован собственным достоинством. Обеды, торжества и овалы начальству, как пишет один турист, вошли здесь в приятную обязанность. Эта лость деморализовала обе стороны. Сибирских начальников уверяли, что остяки, например, желают доставить монумент в честь их и собрали на это пожертвования, или что иркутские буряты назначили стипендии в иркутском благород-

ном институте девиц и т. п., между тем как подобные обольщения давали повод к новым поборам. При невежестве, при забитости жителей Сибирь оставалась страной безгласности. Если в России с реформами развились новые требования жизни, гласность, общественное мнение, мешавшее злоупотреблениям; если русское общество освежилось при помощи многочисленных университетов, то в Сибири ничего этого не было, и она жила, полная дореформенных нравов.

Ко всему этому надо присоединить крайне ненормальные условия экономической жизни в Сибири, точно так же дававшие особое направление жизни. Откупа, золото, винокурение, монопольное пароходство, разные спекуляции в 30-х годах наполняют сибирскую жизнь и овладевают ею. Чиновничество не могло удержаться от общего натиска, оно пускается спекулировать. Уровень его бескорыстия сильно падает. В сороковых годах администрация Сибири представляет множество слабых сторон, а предания сохраняют грандиозные подвиги сибирского чиновничества на поприще обогащения. Подле сурового генерал-губернатора Корчакова под боком являются чиновники, которые составляют громадные состояния спекуляциями. Советники губернских правлений пустились в золотопромышленность. Полицеймейстеры и жандармские штаб-офицеры получали доход от тайной продажи и контрабанды золотом, как и поборами с золотопромышленников. Горные исправники приобретали по сотне тысяч, потакавая злоупотреблениям золотопромышленников и откупщиков, даже полстные писаря от займа рабочих приобретали по 6000 р. годового дохода. Были уголки в Сибири, потонувшие в невероятной роскоши, как Алтайский горный округ с горным чиновничеством, расхищавшие промыслы и богатства кабинета*. Разные монополии, откупа, золотопромышленность развивали частные злоупотребления. Золотопромышленность приобрела вскоре преобладающее влияние на весь экономический быт. Вместе с ней развились спекуляции, развращение нравов, подкупы. Благодаря ей, с одной стороны, сформировалось могучее сословие монополистов, с другой — эксплуатация населения. В общем своем типичии, привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитие в Сибири некоторых наиболее свойственных ей отраслей промышленности.

* См. Администрация в Сибири. Газета «Неделя». 1873 г. № 15. История горного мира. «Неделя». 1881 г.

В стране не развивалось долго прочной заводской промышленности, зато как в стране, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой в кредит, в ней распространилась громадная зависимость крестьян и инородцев от торговца и кулака и все злоупотребления долгового закабаления, в которое поставлены целые области, вроде Березовского, Туруханского края, Забайкалья и других мест.

Особенно было печально положение инородцев, обреченных на притеснения, белствия и, наконец, вымирание. Ипородческий быт представляет самую мрачную картину местной жизни, и борьба администрации против угнетения инородца до последнего времени была бессильна.

Подобные условия, задерживая развитие края, отвлекают жизнь общества в другую сторону, покрывают страну злоупотреблениями и ставят затруднения для администрации. Общество здешнее требовало поэтому особенных забот о его воспитании, пробуждения в нем законности, нравственных чувств, солидарности и общественной деятельности и помощь администрации. А этого и не могли дать учреждения Сперанского, напротив, они сами постоянно парализовались общественной жизнью. Чтобы пробудить общество к жизни и призвать его к деятельности, необходимы были другие средства, о которых не думал Сперанский и мысль о которых, может быть, не созрела в сознании тогдашнего общества. Только в последнее время высказывается, что Сибири необходимы университет, земство, гласный суд, просвещение, развитие литературы и науки, открытие путей гласности и создание здравого общественного мнения, могущих двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что считал необходимым министр Козодаев и имел в виду для будущего Сперанский, всего легче может быть ныне выполнено при посредстве земства. Там, где администрация, как убеждает трехсотлетний опыт, употребляет тщетные усилия к искоренению злоупотреблений, естественно всего обратиться к самоуправлению и дать большой простор ему, создан из него самый действительный контроль.

Что касается установления вообще новых взглядов Сперанским на страну, то мы видим, по крайней мере в первое время, — они не отличались ничем особенным; взгляды его во многом сходились даже со старинными воззрениями на Сибирь. В первое время он смотрел на нее, как на место, «при-

годное только для ссылки, но не как на место для жизни и гражданственности, основанное на хлебопашестве и промышленности». «Сибирь — просто Сибирь», — писал он к дочери.

Впоследствии более ознакомившись с краем и особенно объехав юг Сибири, он несколько разубедился. В это время о юге Томской губернии он писал Гурьеву, как о «крае — благословеннейшем не только в Сибири, но и в целой России». «Природа его назначила к сильному и богатому населению, — говорит он, — металлы составляют только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутреннего его достоинства. Все почти руды хозяйства и в самом большом размере могут быть в нем устроены». Впоследствии точно так же он переменял и другое мнение, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными. Наконец, он выражал мнение, что «Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных соображений», и говорил, что он открыл Сибирь как Ермак, для России; конечно, он разумел под этим то, что он установил своим управлением на нее гражданскую точку зрения, но ознакомиться вполне с нуждами края он, конечно, не мог. К сожалению, лучшие взгляды и воззрения Сперанского не получили популярности и не прошли в общество, зато другие взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и после него по-прежнему «просто Сибирью». В сороковых годах думали даже, что Сибирь не может приносить никакой выгоды России, что все пространство от Астия до Ледовитого океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не иметь никакого ни промышленного, ни гражданского значения. Мысли эти, конечно, были в высшей степени странны относительно местности в 240000 кв. миль с разнообразным климатом и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многие нужды и потребности края при Сперанском еще не были выяснены. Так, Сибирь остается штрафной колонией. Благодаря штрафному назначению гражданственность сибирских областей надолго задерживалась; точно так же они не могли воспользоваться многими правами, доступными другим областям России: для ссыльных, конечно, не полагалось реформ. Только ныне, по мере развития гражданственности и с лучшим выяснением промышленного, экономического и политического значения этого края, устанавливаются на него более благоприятные воззрения. Вместе с тем и жизнь края выдвигает целый ряд местных вопросов о значении ссылки, о свободной колонизации, о соеди-

нении края с Европой железными путями, вопрос инородческий, промышленный, вопрос о развитии сил края и пробуждения общественной жизни и т.д. Вместе с тем краю придается все более государственное значение. В деле культуры, цивилизации и торговли в Азии ему указывается уже теперь видная роль в будущем, точно так же, как широкое и богатое развитие в условиях его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанского. Нынешний законодатель и реформатор может стоять уже на другой точке зрения: то, что при Сперанском могло быть главным, то может считаться побочным, и наоборот.

Немудрено понять поэтому, что современные нужды управления, а также административная реформа в Сибири рассматриваются ныне несколько с иной точки зрения. Превысившим сибирским учреждениям с их сложным бюрократическим механизмом и генерал-губернаторской властью не приписывается более всеисцеляющая сила*.

Все соображения по этому поводу заставляют ныне склоняться скорее за упразднение и в крайнем случае за уменьшение генерал-губернаторств на Востоке, чем за их поддержание. Сокращение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 году делает весьма видный шаг в управлении восточными областями и степями по преимуществу. От подобных сокращений швиряет только бюджет и ускорится проведение гражданских и культурных начал в жизнь населения. Что касается управления сибирскими губерниями Восточной и Западной Сибири, то, обладая русским полноправным населением, они не нуждаются более в «особенностях управления». Весьма продолжительный опыт доказал ясно, что такие особенности не послужили гарантией ни от злоупотреблений, ни от самовластия, напротив, сибирские генерал-губернаторы со времени Сперанского наперекор духу «сибирских учреждений 1822 г.» и существующему законодательству стремились расширить свою власть, сосредоточить в подчинение всех ведомств и этим уничтожить всякий взаимный контроль и почву правильного развития законности. Во все время трехсотлетнего существова-

* По последним известиям, есть предложение образовать только пограничные генерал-губернаторства на Амуре, в Туркестане и в киргизских степях. Остальные же губернии Сибири привести на общее положение с уничтоженными существующих особенностей.

ния края не было обстоятельств, когда бы генерал-губернаторские уполномочия явились необходимыми. Все, что мы видим в истории управления края, — это постоянную борьбу центральной власти с наместническими наклонностями, вице-ройством и закононарушениями местных управителей. Такова история генерал-губернаторства, начиная с Гагарина, Якоби и кончая игрою в честотобие позднейших администраторов. Многие деятели, знающие историю края, с упразднением генерал-губернаторства на Востоке предвидят устранение последних препятствий и противодействующих сил гражданским реформам в Сибири. Такая власть, по существу, не могла перенести каких-либо самостоятельных и огражденных законом учреждений, в том числе даже и «Нового городского положения». Вот почему общественный голос и высшая власть отчасти признают своевременность упразднения сибирских генерал-губернаторств. Из этого следует, что административная реформа в Сибири не может ограничиться в данную минуту одною внешностью и размежеванием работ управления. Вероятно, потребуются изменения по существу и заметы старых учреждений новыми. В Сибири, как и везде, предстоит выделение военной власти от гражданской, которые ныне соединены в лице генерал-губернаторов и военных губернаторов, выделение функций суда от администрации, что может быть достигнуто введением новых судебных учреждений, уничтожение особенностей административного управления и введение общего положения по управлению губернией с подчинением губернских учреждений министерствам, а не генерал-губернаторам, наконец, выделение от администрации дел по земскому хозяйству и призвание общественных и земских сил к содействию и удовлетворению (насуших своих потребностей. Одно губернское управление мало принесет еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильна совладать с многосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравью, ни регулировать повинности. Это сознают хорошо сами местные администраторы, представляя единственным оправданием, что у них нет других органов, кроме заседателей и исправников. Таким образом, одна реформа губернской администрации немислима ныне без помощи других учреждений, общественных и земских. Это те самые органы, о которых мечтали Сперанский и Козодавлев.

К введению тех же реформ в Сибирь, какие введены в европейской России, теперь не может встретиться препятствий, принимая во внимание гражданское развитие населения, земскую силу его, податные обязанности, общественные повинности, которые несет местное население наравне с другими областями империи. Только при участии земских сил достигнется тот контроль в земском хозяйстве, к какому стремится издавна высшая власть, уничтожатся существующие злоупотребления и устроятся другие затруднения по управлению. Вместе с тем администрация будет иметь под рукою живую силу общества, а не мертвый механизм. Призвание этих лучших земских и народных сил на общественную арену, соединение общих усилий администрации и общества на благо и пользу населения будет единственным разрешением административного вопроса в Сибирь. На Востоке по причине его отдаленности, отсутствию контроля и согласия в деятельности администрации, при отсутствии связи приезжих чиновников с местной средою призвание общественных элементов может оказать услугу более важную, чем где-либо. Рядом с этим платичное доселе к своим делам общество лучше научится понимать свои гражданские обязанности, пробудит в себе самостоятельность, уразумеет цель своего существования и в идее гражданского развития осуществит залог лучшего своего будущего.

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири

X.

Педоциатик знаний при открытии Сибири. — Характеристика сибирского общества в XVIII ст. — Понятие просвещения в XIX стол. — Время Сперовского. — Ограничительный педоциатик учебник заведений. Уменьшенный уровень сибирского общества и общественной жизни городов. — Пробуждающаяся любознательность и стремление к образованию. — Выпускование университетского аттестата на Востоке, его история и основы основания университета в Сибири. — Надежды, возлагавшиеся на него, и открывавшаяся лучшая будущность края.

Рост и развитие наших окраин должны были находиться в зависимости от распространения знаний, идеологии культуры и вообще умственного прогресса русского населения. Если бы знания и наука служили бы первым открывателям, если бы они обладали знанием природы, то борьбы в действительной борьбе досталась бы легче и не стоила бы многих жертв. При помощи знания русские люди легче бы открыли богатства страны, сумели бы более воспользоваться дарами природы и создали бы цветущий культурный мир из мира пустыни подобно тому, как развивались многие европейские колонии. Нечего говорить, что Сибирь и наш Восток при больших средствах просвещения могли бы уподобиться если не Индии, то составить богатейшие по источникам дохода владения, население же на свободных землях могло бы достигнуть замечательного благосостояния. Но при завоевании Сибири славянская царственность и русское общество не могли выдвинуть просвещенные знаниями силы, потому что в самой России просвещение только что зарождалось.

Знание и наука совсем не удовлетворяли в наших открытых на Востоке. Открытие Сибири и знакомство русских с Азией далеко не походило на открытие Америки ни по своим побуждениям, ни по своим последствиям. Если открытие Америки было плодом пылкого желания, если оно сопровождалось переворотом в промышленности, даю толчок европейскому прогрессу и

оказало влияние на всю мировую цивилизацию, то открытия русских в Азии имели сравнительно весьма ничтожное значение и оказали слабое влияние даже по отношению к России. Чтобы определить, насколько лучшие знания умствования в открытиях, сделанных нами в Сибири, достаточно вспомнить, что ее завоеватели были простые казаки, несвежественные простолюдины, а колонизаторами — «гуляющие люди», промышленники и беглые крепостные рабы, точно так же, как достаточно вспомнить о степени умственного развития России в XVI и XVII столетиях. Значение открытий на Востоке долго не создавалось самим русским обществом. Открытия Дежневым Берингова пролива, Атласовым — на льдах севера, Поярковым — в Охотском море и Хабаровым — на Амуре не имели европейского значения до тех пор, пока они не были исследованы Берингом, Врангелем и другими. Не пылкий дух знания, не интересы мировой науки двигали нашими открытиями в Сибири; вторжение в нее было последствием безотчетной и слепой отваги, энергии, искавшей выхода из стесненных обстоятельств, в которых жила русская народ в XVI столетии. Большинство же дальнейших открытий и завоеваний шло в этом крае руководим духом нужды и погони за богатством. Торговые и промышленные люди в XVII и XVIII столетиях, выселившиеся в Сибирь, занимавшиеся здесь промыслами и торговлей, были также люди, совершенно невежественные; немало сибирским поселениям было положено людьми без всякого образования, неграмотными. Даже те из них, которые стояли во главе обширных предприятий, как Шалауров, открывший Таймырский берег, или Баранов, глава русско-американской компании, были люди полутрагические и грубые. Что касается крестьянства, то, конечно, оно представляло темную массу и стесненную силу, двинувшуюся на Восток без всякого сознания своей роли здесь. Культурное развитие населения в XVI и XVII стол. соответствовало тогдашнему положению невежественной Руси. Оно с собой принесло земледельческий промысел, и это было все. Словцов прав, давая следующий отзыв о первых колонистах Сибири: «Они не принесли мастерств, кроме навыка срубить дом и заготовить упряжь для пахотные способы; женщины их умели только соткать толстый холст и сермяжное сукно для своего обихода». При своих убогих средствах переселившееся крестьянство, отделенное тысячами верст от остального русского населения, долго существовало в Сибири оставленным на произвол и на борьбу с суровой природой в лесах и тундрах.

Жизнь Сибири до начала нынешнего столетия и даже более была жизнью страны невежественной и варварской в полном смысле слова. Искание и разработка сибирских богатств совершались слепо и наугад; рудокопы, открыватели золота и серебра, были людьми без всяких технических знаний. Эксплуатация лесов, мехов, рыбных промыслов и минеральных богатств были, по выражению одного историка сибирской культуры, историей расхищения естественных запасов природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждал любознательности в переселенцах; известно, например, что некоторые из них чертили самодельные карты, по которым составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелем; некоторые являлись знатоками трав, вроде Эпизова, составившего первый травник, и т. д., но эта любознательность, этот порыв ума к знанию замирали, не находя средств опереться на науку. Русские открытия в Азии и приобретение нового неизвестного континента не освежали русского общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизации и культуры Сибири, то она также в XVI, XVII и XVIII столетиях не отличается ничем замечательным, в ней также не участвовало знание. Русский простолоудин колонизовал Сибирь наугад, без всякого расчета; он занял сперва север, захватил тундры и оставил в пренебрежении юг, который начал заселяться долго спустя. К тому же едва ли не большинство колонистов состояло из бродяг и авантюристов, которым казна должна была впоследствии подносить хлеб, чтобы они не умерли с голоду. Масса народа гибла и терялась по лесам, бросаясь насобум вперед; русские часто оставляли уже занятые земли, как, например, по Амуру. При невежестве населения очень туго развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекал нашего внимания. Торговля с Джунгарским ханством и Бухарою, достигшая значительных размеров в половине прошлого столетия, внезапно прекратилась в начале нынешнего. Владения на Восточном океане несколько не способствовали международной торговле и не создали у нас торгового флота. Русские долго эксплуатировали юноросен и кончили их разорением. Перенеся колонизацию в Северную Америку и дойдя в своих исканиях богатства до Калифорнии, русские в самой Сибири до начала нынешнего столетия не могли завести торговли с киргизскою степью. Они не сумели воспользоваться ни своим географическим положени-

ем, ни топографическими условиями, ни естественными произведениями богатого и обширного края. Гражданственность в Сибири туго прививалась, население росло медленно; только с половины прошлого столетия оно начало выходить из лесов. На всем пространстве Сибири были раскинуты только белые остроги; как население было ничтожно, можно судить по тому, что к началу нынешнего столетия оно составляло миллион с небольшим, а на всем Камчатском полуострове считалось только две тысячи мужского населения. Русские переселенцы не оказали никакого влияния на инородцев в культурном смысле. Самой России Сибирь приносила менее пользы, чем можно было рассчитывать. По мере приобретений на Востоке на Сибирь возлагались пыльные надежды, но после первых увлечений авантюризма вслед за обольщениями и ожиданиями выгод явилось полное разочарование, бывшее результатом пагубной культурной несостоятельности, и Сибирь сделалась надолго забытым и запустелым краем, судьба которого вызвала следующую характеристику местного историка Словцова: «Сибирь, как страна, заключала в себе золотое дно, но, как часть государства, представляла ничтожную и безвредную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столетия. Проводниками просвещения здесь в XVI и XVII столетиях могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, к сожалению, воеводы и служилые люди редко чем отличались от массы остального населения; в Сибирь их привлекала та же нужда. Что касается духовенства, то даже в прошлом столетии в Сибири еще встречается масса священников безграмотных. В XVIII столетии старых служилых людей сменяли приказные люди и старые подьячие, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятий и знаний в тогдашнем сибирском обществе характеризуется следующими примерами: когда Петр Великий предписал сибирскому начальнику собирать для музеев всевозможные «раритеты» из области сибирской природы, доставлять замечательные экземпляры местной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены в величайшее недоумение, не понимая, чего от них требуют. При Екатерине II хотели предпринять топографическую съемку, но в Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающих людей; местное начальство не могло доставлять самых элементарных географических сведений. Первое духовное лицо в Тобольске в начале нынешнего столетия, по свидетельству аббата Шапта,

не хотело верить, что Земля обращается вокруг Солнца. Не богаче была научными познаниями Сибирь и впоследствии: в 1840-х годах в Сибирь был разослан местным начальством циркуляр, приказывающий разыскать и доставить где-то будто бы убитого царька соборей, который по величине должен был равняться, по крайней мере, слону.

Жизнь сибирских городских обществ в начале XIX ст. обрисована в последнее время местными исследователями Вагиным и Шаповым по мемуарам и запискам старожилов. По сказанию современников Трескина, в обществе иркутском в конце XVIII и в начале XIX в. «была дичь совершеннейшая, образования не было почти никакого». И это свидетельство действительно подтверждается фактами. Кроме существовавших некогда навигацких школ, в Иркутске до начала XIX столетия не было никаких училищ. Только при содействии Трескина в 1816 — 1817 гг. открыто было по Иркутской губернии до 18 кое-каких приходских училищ; но до Сперанского да и после существование их было самое жалкое и шаткое. Крестьяне желали вовсе избавиться от училищ, «как от некоторой обременительной повинности».

Не менее равнодушно относилось к образованию и городское общество. Еще в 1821 году иркутский губернатор Цейдлер писал: «Чиновники здешние стараются только обучать детей своих грамоте и спешат записывать в канцелярскую службу для достижения скорейшего офицерского чина, и потому обучаются они плохо и поступают без сведений и малолетние на службу, и потому нет надежды, чтобы кто сыну своему предназначил трудный путь наук, и потому скоро развращаются и делаются неспособными к прилежанию и занятию трудною наукою; купечество, имея в виду только приобретение богатства, ведет детей своих особою дорогою, приучая ходить с оboзми, закутать в Якутске белку, лисицу, соборей, отвозить их в Ирбит, и оно довольно, ежели 14-летний мальчик преодолевает трудности дальней дороги». В Сибире есть целые волости, не умеющие ни читать, ни писать, и только немногие имеют понятие о том, что делается за их околицей.

Еще недавно в Сибире были безграмотные священники, управлявшие службою на память. До какой степени распространены здесь суеверия, свидетельствуют следующие, опубликованные местной этнографией факты. Так, например, в дневнике Тюменцова, домашнего секретаря Трескина, а впоследствии члена

совета главного правления, следовательно, самой интеллигентной личности по положению, под 1819 годом записано: «Мая 21 докладывано губернатору, что леший в старом генерал-губернаторском доме давил часового. Происшествие случилось пополуночи в 6 часов. Солдат сказывал, что сначала приходили к нему военный офицер, потом старик, который попочевал его табаком, просил сделать на кареул, что часовой исполнил, но старик не был этим доволен и ударил его по щеке. Затем полезли из старика маленькие безобразные чертенята. Они напали на бедного солдата и издевались его, и он к вечеру отправлен в лазарет. Предание говорит, что в немистическом доме давно показывались разные привидения: то старик с тремя глазами, то волк с пламенною пастью, то криворотый паперец и т.п. В полночь отворялись двери, пол полом брэнчали кандалы, выходил Лещаню и проч. В мае же часовой от казначейства видел в старом немистическом доме носимую большую свечу с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе». Иркутская духовная семинария, этот единственный пертоград¹⁰ высшей сибирской интеллигенции, как ныне, так и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направлению науки не имела и не могла иметь живого влияния на умственное развитие иркутского общества. Но все-таки в прежнее время при жалком состоянии губернской гимназии, при отсутствии интеллигентного класса в обществе наиболее любознательные граждане иркутские, по-видимому, интересовались несколько и семинарским учением. Впрочем, и тут для них, кажется, только и были интересны какие-нибудь высокостепенные выражения семинарских муз или описания каких-нибудь особенных случаев, вроде посещения семинарии сенатором и т.п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношение к действительной жизни в сибирском обществе в начале XIX века, разумеется, были немыслимы. Граждане иркутские тогда еще без разбору и с одинаковым вкусом читали как и условия оптимистические, так и кое-какие критические статьи разных сочинителей. Они увлекались всяким забавным балагурством, всякими смехотворными изречениями и потешными афоризмами, имевшими некоторую претензию на юмор или сарказм, всякими песнями и одами, отсылающимися хотя бы самыми слабыми сатирическими тенденциями. Об общественной жизни городов Восточной Сибири историк замечает, что в Западной Сибири, в Усть-Каменогорской крепости, общественная жизнь даже, как

вплотую, была живее иркутской, а Усть-Каменогорск, надо заметить, походила на ту линейную крепость, которая описана у Пушкина в «Капитанской дочке». В самой столице Сибири, в Иркутске, в этом центре сибирской интеллигенции, общественная жизнь была так же дика, как и на далеких окраинах Востока. Н. П. Булатов, современник Трескина и Сперанского, характеризует ее следующим образом: «В старину, я помню, здесь в общественной жизни была совершеннейшая дичь. Разделение полов было чрезвычайное не только в купеческом, но даже в чиновничьем классе. Если вы только знакомый или даже родственник хозяину дома, но не близкий, то вы могли быть с ним тридцать лет знакомы и никого не видеть из его женского семейства. Бывало, соберутся на вечер, даже не на простой, а на парадный, с танцами; мужчины сидят в одной комнате, женщины — в другой, и никто ни слова слышно, как муха пролетит. Начинаются танцы: кавалер с дамой двигаются молча, как марионетки. Воздумав вы поговорить со своей дамой — слышите от нее односложные «да» и «нет», а если вы усобищаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маленькая или тетушка подойдет к вашей даме и скажет: «Пойдем, Душанша, пора домой». Вы упрашиваете, чтобы по крайней мере позволили кончить танец. Вам отвечают: «Нет, батюшка, нам здесь не компания». С приходом Сперанского общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли в нашу житейскую обстановку новый элемент. Разумеется, при общей покорности Сперанскому принято беспрекословно и это нововведение. Бывали и скандалы, не крупные скандалы, а так, разрыв недоразумения, скорее, следствие нашей дикости взглядов на все новое. С его времени мы стали видеть новых людей; а прежде бывало, если пройдет по улице человек с крестиком, то за ним, наперное, бегут ребятишки». Сам Сперанский в одном письме из Сибири к дочери так описывал специальный склад и характер сибирского общества: «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для сельных, выгодное для некоторых частей торговли, лобовитное и богатое для минералогии, но не место для массы и высшего гражданского образования. Худое управление сделало из Сибири суцый вертеп разбойников. Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и позволения собираться, танцевать или ничего не делать. Мы впервые завели здесь общественные собрания, и на собраниях этих я, например, польский веду со старухой, одетой в гластовую юбку

и шушун и полярной платком. У нас спектакли, а у нас своего рода маскарады: это сущая история всех наших делов костюмов. Тут китайцы, японцы, алеуты, шаманы и Бог знает, чего тут нет, и все одето с большой точностью. *Умного разговора в обществе почти нет никакого. Я привык здесь к удивлению, не с кем слова перемалывать.* Слышав, один здесь умный и некогда острый человек, болен и стар: это потухающий огонек, который изредка только вспыхивает... Какое невыносимо тяжелое положение! Три почти три не слышать ни одной ноты, прибавь к сему — *ни одного почти умного слова*, три года ни разу с удовольствием не смеяться. Видел я здесь на бале у тобольского губернатора и *земское общество, сужь да крат, да две-три ближайшие лань*. Таково было мнение первого образованного человека своего времени о сибирском обществе и его жизни.

При господстве эгоистических, кулацки-приобретательных и семейно-родовых интересов в сибирских городских обществах крайне недостаточно было развитие общественной солидарности, социального общеклассового общения. Например, в городе Нердинске иркутский епископ Мизюлин писал в 1821 году: «Тамешние граждане столь же несогласны в сердцах своих, как дамы их расцелены на больших расклеванных, подобно Пиедам луковичным». О жизни и физиономии Иркутска после Сперанского мы можем судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имеющемуся у нас в руках: «Внешность города крайне непривлекательная: ветхие дома выходили на улицу углами, илные задними, надворными стенами, илные полуразвалившиеся сараи; неуклюжие и дырявые тротуары существовали только на двух улицах; берег Ангары, величественный по своему местоположению, начиная от триумфальных ворот до сибирского дворца завален был мусором». Этот же путешественник передает свои впечатления, произведенные на него гордом, так: «Я не слышал ни где ни одного музыкального звука, ни одной улицы вокального пения. Все было тихо, как в пустой храме, только изредка в торговых домах звучали цепи сторожевых собак и раздавался тревожный набат *покалоти*⁴⁾. Если случились запоздалые дрожки, то они мчались по пустой улице опрометью и моментально исчезали во дворе за массивными воротами. Потом снова воцарялась молчаливая тишина — и какая-то безотчетная тоска закрадывалась в мою душу». Практически-узкий и эгоистически-деловой характер иркутского общества довольно хорошо обрисован одним местным поэтом того же времени:

У нас пока в Сибири два предмета:
 Мозольный труд и деловой расчет.
 Всем нужен хлеб да звонкая монета,
 Так любознательному на ум пойдет?
 Купец сидит, как филлин, на прилавке,
 Его жемч чужок с кумою пьсу;
 Чиновник кланом хлопочет о хрибахе
 И прочного глезда себе не ищет.
 Сегодня здесь, а завтра — на Уралом,
 Кто нажался, тот едет генералом,
 Кто не сумел, тот с понохом идет.
 Коробочник намет драго торговле;
 Его дивил: труды, а не обман;
 Он тоже спит в тени шамской кровли,
 Его принот — походный балаган.
 Он уж глядит на Запад, как астроном,
 Он бредит иль Десной, иль Волгою, иль Доном;
 Там у него отканы, там родил
 (И кто это понятие для маки).
 Привыкшая с утра до поздней ночи,
 С пером в руках, хлопочут лишь о том,
 Как овесть шог крутлей и искороче,
 В своем житье донсальз уж простом...
 А тот, кого судьба облобызала
 И гвездышко гвиздам его свила,
 Гласит: не нам учить себя сначала,
 Молодежьким та очередь пришла.
 Сумел нажать с нежудрецьким умитком
 И пенсию, и пражку, и почес,
 И кое-что в наследство ребячишкам —
 Концы концов! Закончен наш расчет...*

Среди отсутствия эских умственных и общественных интересов местное общество, прилипши к своему старому образу жизни, прозяло десятки лет как улитка в раковине. Его не возбуждали ни интеллектуальные, ни литературные и эстетические потребности. Путешественники, как Шатт, Паллас и другие, отмечают эту жизнь безобразными кутежами. Одна туристка рассказывала, что, остановившись в сибирском городе, она увидела музыкальный «орган». «Что это, у вас играют?» — спросила она. «Нет, искорчен, не играет». — «Отчего?» — «Да в него шампанское лить». Оказалось, что перетившиеся гости избивались таким путем от утошения. Такова была судьба музыкального инструмента на Востоке. Иногда эта тупая жизнь, на восточной окра-

* Этот замечательный памятник сибирской этнографии носит название «Воспоминание послэки по Восточной Сибири» А. Александрова.

ине до того уже отупевла людей, что взгляды и мирозерования их ничто не могло изменить; самый сильный свет и масса новых впечатлений не поражали человека: он был слеп и глух ко всему. Примером этого может служить сибирский купец Мальков, посетивший Петербург в 60-х годах, в то время, когда было все оживлено и одушевлено движением общественной жизни. Что же делает этот сибирский выходец среди этого движения? Вот что сообщают труды алтайской миссии о г. Малькове и его воззрениях на Париж, куда случайно занесла его судьба.

«Вавилон, — говорит Мальков. — Вавилон, злейший древнего; котлы мяса и плоти услаждение всяческое; жажление в волях сердец своих, единый закон, кумир, задача, цель жизни! Либерализм, обладающий Вавилоном этим, распорядится так же верно и самовластно своими поклонниками, как бубен шамана и щесты с наверху на них тряпьем и конским волосом — своими; фасон и материалы другие, дух — тот же. Все неугомонно, тревожно, второпях и уторелой многоопечительности, почти неестественной, пекут этот «насушенный хлеб свой»; и высоко всходит и пучится это тесто из трех сотой муки: тщеславия, сластолюбия и самополия; на закваске духа безверия и, следовательно, безнравственности, глубокой, уже не сознаваемой, вошедшей в натуру тамошнего человека» и т.д.

Таков взгляд сибирского купца на западноевропейскую жизнь. Он же обратится к благотворительности не под влиянием каких-нибудь гуманных или христианских побуждений, а потому, что ему сказала томская торговая Домна Карповна, что на него будет возложено дело, от которого он не смеет отказаться, и дала записку, повторяя: «Бия, Бия, будещи с хозяйками богатыми» и тому подобную чушь. Это проричание сибирской кликуши решило судьбу сибирского купца.

Сперанский, явившись реформатором в Сибирь, думал хоть чем-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составлением для нее законов, он посетил общества, делал вечера, прививал вкусы и потребности социального общения. Сперанский, видимо, проникнутый господствовавшим тогда в образованном русском меньшинстве сентиментально-филантропическим духом, считал первым долгом учредить и в Сибири эти примитивные «образчики филантропии», такие же благотворительные человеколюбивые общества, какие учреждались тогда и в России по примеру и образцу императорского человеколюбивого общества. В то же время он и в самом

обществе сибирском, особенно в купечестве, всеми мерами возбуждал чувства и склонности к общественной благотворительности, поручая думам городским призывать общество «к делам человеколюбия и милосердия». Учреждением человеколюбивых обществ в Сибири он особенно интересовался. Далее, чтобы ничуть не уничтожить общественных дел в Сибири в самом их корне — невежество народных, Сперанский обратил внимание и на дело народного образования. Как ни были велики усилия Сперанского, но это только одинокие попытки и мечты: ни влияние, ни деятельность его не оставили в жизни Сибири никаких следов по многим обстоятельствам. В книге г. Вагина о Сперанском приведены многие отзывы современников, и один из них говорит: «Практические Сперанского в Сибири ничем не замечательны; были только запутанность и неразборчивость, целые возы просьб увезены, а некоторые даже не прочитаны». (Извест. с-пб. отдела, т. V, 1874 г., стр. 41). Сибиряки также не поняли Сперанского. Они, как видно из отзывов современников, отдавали и отдают до сих пор предпочтение Трескину, который имел на постуках Лоскутова, свирепствовавшего при цесаревском управлении Сибирью, распространил вяточничество, жена которого продавала места заседателям, который наполнял Иркутск ужасами, но настроил в Иркутске «ретиришы»⁴⁴ и пробовал притупить бурят к земледелию. Так тупо относилось большинство сибирского населения к реформе Сперанского, замечает историк. «А после него все пошло по-старому», — сказал один из современников, переслав г. Вагину свой рассказ о Сперанском. Конечно, Сперанский в роли организатора ничего не мог сделать там, где нужно было прежде расчистить черноземную почву и потом уже сеять. Он бессильен был создать и гражданские идеалы для этого общества и поднять его ум. Для этого нужны были громадные образовательные средства. С отъездом его все лучшее его начинания рухнуло, и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла в свое прежнее стойчее положение. Если, по словам Сперанского, и в России, и в Петербурге остались излишними все его желания и предложения «сдвинуть грубую толпу, которую никак с места сдвинуть не можно», то тем более трудно было ему расшевелить азиатскую колючую сибирского общества, вдруг смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извест. сибир. отдела, № 1, т. 5, 1874 г., стр. 42).

По этим характеристикам можно судить, до какой степени было важно и необходимо просвещение в Сибири. Обратим же внимание на историю развития образования.

Кое-какие школы начинают зарождаться в Сибири только в половине прошлого столетия. Вероятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношению к Сибири. В числе первых школ в Сибири учреждены школы специальные: навигацонные в Иркутске и Нерчинске и геодезические в Тобольске и Томске. Навигационная школа в Иркутске была основана в 1754 году. В 1781 году здесь открыта городская школа, а в 1789 г. она преобразована в главное народное училище. Училища эти открывались и в других городах, но, говоря вообще, дело шло медленно и туго. Некоторые из школ, открытые в прежние времена, до приезда Сперанского, были или закрыты, или преобразованы; так, например, закрылся класс монгольского языка в Иркутске, приготавливавший переводчиков. К памятникам просвещения прошлого столетия относятся, кроме того, горные училища в Барнауле и Нерчинске. Эти специальные училища при своем формальном существовании и ничтожном влиянии имели чрезвычайно слабое значение в деле развития Сибири: в них получали образование очень немногие туземцы, например, талантливый Лосев, выпущенный из навигацонной школы и выдвигавшийся при Сперанском своими дарованиями. Самыми крупными учебными заведениями в Сибири были в то время две семинарии — в Тобольске и Иркутске, но существование их точно так же не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения, кроме разве того, что при Тобольской семинарии сохранились некоторые сибирские летописи о покорении Сибири. Воспитание в этих семинариях в начале нынешнего столетия отличалось схоластичностью; они были рассадником семинарской педантичности; на своих экзаменах и актах они выпускали целую массу христов и палашенных сочинений. Наука их ничем не была связана с сибирской жизнью. В 1791 году в Тобольске издавался даже при главном народном училище под редакцией Сумарокова литературный журнал «Иртыш», превратившийся в «Ипокрену»⁴⁶; издание это наполнялось псевдоклассическими подражаниями и риторическим стихоплетством, за что получил достойный приговор от образованного человека того времени — Словцова, сказавшего в своей истории, что «вместо того, чтобы заняться сообщением интересных сведений о Си-

бири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзии «вонючей». Стремление к образованию в сибирском обществе в это время было еще очень слабо; иркутские чиновники, по словам Цейдлера, старались только выучить детей своих грамоте и сплать их поскорее на службу; купцы приучали детей с ранних лет ходить с обозами и торговать в Якутске и Ирбите, в образовании же не нуждались. В начале гвлетшнего столетия, перед приездом Сперанского, были основаны две гимназии: тобольская и иркутская в 1806 году. В тобольской до 1823 года число учеников не превышало 27; увеличению числа их препятствовала теснота училищных помещений. В иркутской гимназии при основании было 35 учеников, а в 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уездные и приходские училища в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Енисейске. В Томске продолжало существовать простое народное училище. Кроме того, в 1821 году учреждено было в Тобольске училище для детей почтовых служителей на 40 воспитанников, которые должны были, окончив курс, поступать в почтовое ведомство. В Омске учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведение собственно для детей казачьего сословия, со средним гимназическим курсом. В некоторых местах Сибири открыты военно-сиротские отделения, преобразованные впоследствии в батальоны военных кадетов⁶⁷; по словам Ватина, из этих батальонов вышло немало людей способных, конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попытках устройства народных училищ. В 1816 году, по настоянию Словцова, бывшего директором иркутской гимназии, основано было в Иркутской губернии до 18 народных школ. На устройство училищ пожертвовано было 5003 р.; кроме того, инородческие крестьянские общества обязались содержать училища на свой счет. Училища эти, однако ж, не нашли сочувствия и поддержки в администрации Трескина и Пестеля. Открыв школы, Трескин отказался опускать содержание учителям из общественных сумм; общества также перестали заботиться о содержании училищ и, видя равнодушие к ним начальства, пожелали уничтожить их; вопрос об этом возбуждался несколько раз. Нельзя без удивления видеть, замечал по этому поводу губернатор Зеркалев, что губернское начальство, содействуя открытию училищ, в то же время возбуждало вопрос об их уничтожении.

В таком положении находились образовательные средства Сибири к приезду Сперанского.

Сделавшись генерал-губернатором Сибири, Сперанский обратил внимание на устройство учебной части в этом крае; деятельным помощником ему явился Словцов, образованный сибиряк, преданный душой и телом Сибири. Как образованный человек, Сперанский не мог не поразиться невежеством сибирского населения, точно так же, как почти нетронутым еще богатством края, его обширностью и значением для Азии; экономическое развитие русских владений на Востоке стало занимать его не менее, чем гражданское и политическое. 250 лет мы владели Сибирью, и из этого ровно ничего не выходило. Сперанский пытался установить на Сибирь определенную политическую точку зрения. «Я пресек много вопиющих насилий, — писал он, — но, может быть, того важнее — открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Край этот заслуживает государственного внимания вполне». Сперанский нашел край в крайне беспомощном положении. Сибирь страдала от массы страшных злоупотреблений; в ней не было людей, кому бы можно было доверить управление, что сильно мешало реформам Сперанского. Невежество сибирского общества было поразительное. «Два года не видеть вокруг себя ни одного образованного человека, не слышать ни одного умного слова — это ужасно!» — писал Сперанский. За столом у себя он часто принимал людей, вернувшихся из Камчатки, с Алеутских островов, с Ледовитого моря, из Китая, прошедших Яблонувый хребет. «Сибирь — истинная страна допыхотов», — замечает он в одном из своих писем. Он видел в то же время, что необыкновенная энергия и предприимчивость пропадали бесплодно и самая кипучая деятельность без знания дела, при темноте отважных предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна представляла богатый научный материал, но им никто не пользовался. Генерал-губернатор, занимаясь отправкой экспедиций то к полюсам, то в степи, принужден был сам показывать обращение с компасом и учить, как следует дрессировать верблюдов для путешествия. Он же первый ботаницировал около Иркутска. Понятно, до какой степени он должен был поражаться отсутствием даже самых элементарных научных знаний в Сибири.

Одною из первых попыток его было учреждение в Иркутске ланкастерской школы, за устройство которой он принялся с лихорадочной деятельностью, едва спустя месяц по приезде в Иркутск. «К счастью, со мной была книжка о сей методе, и все

вскапело», — пишет он 23 сентября 1819 года. Он возобновляет устройство народных училищ, погибавших при Трескине, и поручает их попечению Словцова и Зеркалева. Снесясь с митрополитом, он обеспечивает жалование народным учителям, предлагает крестьянским обществам открытие школ, дает толчок основанию иногородних училищ. Он оказывает свое покровительство всем, кто берет на себя заботу об открытии учебных заведений. Он поднимает упавшую навигацционную школу в Охотске, заботу о ней принимают на себя князь Шаховский и Ушутский, по приглашению которых в нее начинают поступать дети казаков, мешан и якутов. Содержание этой школы было обеспечено Сперанским. В то же время в Гижиге основывается школа на пожертвование купца Баранова. Во время пребывания Сперанского в Кяхте тамошний бургомистр Игумнов изъявляет желание основать училище и поддерживать на свой счет ремесленное воспитание для мешан. Словцов развивает мысль соединить ученье в сибирских сельских училищах с ремеслами, как было когда-то предложено для Камчатки. В изданных Сперанским сибирских учреждениях и уставах постановлено было заводить школы не только у казаков и кочевых инородцев, но и в полудикой кирпичной степи, только что присоединенной к Сибири.

С отъездом Сперанского сибирские училища, основанные при нем, начали быстро падать: сельские училища Иркутской губернии были большею частью закрыты, так как теперь они не находили уже энергичной поддержки в местном начальстве. Скромный сибиряк Словцов, единственный способный сотрудник Сперанского в учебном деле, перестает пользоваться влиянием, оставляет практическую деятельность, поселяется в Тобольске и погружается в скромные архивные и исторические изыскания о Сибири. Учебное дело начинает опять двигаться чрезвычайно медленно на Востоке и получает безжизненный, казенный характер. 8 декабря 1828 года сибирские учебные заведения переданы в ведение губернаторов. Тогда же повелено было каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии. Как туго и медленно приводилось в исполнение это повеление, можно судить по тому, что, кроме двух гимназий, открытых в начале нынешнего столетия, только в конце тридцатых годов открыта третья гимназия — в Томске, а предписанная по указу 1828 года красноярская гимназия открылась только через сорок лет после проектирования — в 1869 году!

Число уездных училищ должно оставаться то же самое, какое было при Сперанском. По указу 1828 года было назначено их в Иркутской губернии 7, в Томской — 3, в Тобольской — 8 и в Енисейской — 2; прибавлялись они туто, и преподавание в них находилось еще в большем пренебрежении, чем во всех других училищах. Из остальных учебных заведений Сибирь имела только несколько узкоспециальных, и притом для известных сословий: омское казенное училище, теперь военная гимназия; до последнего времени, как и при Сперанском, оно считается первым по средствам и объему преподавания учебным заведением края; горное училище и духовные семинарии, которых, кроме двух прежних — тобольской и иркутской, открыто в последнее время две — в Томске и Якутске. О женском образовании до шестидесятых годов в Сибири почти не было и речи; в 1838 году было учреждено первое женское учебное заведение в Иркутске — сиропитательный дом. По плану Цейдлера, он должен был положить основание женскому образованию в крае, но заведение это иркутским обществом под влиянием попочительства купеческого сословия было обращено просто в заведение для приготовления прислуги. В 1845 году открыт в Иркутске же девичий институт. Иркутский институт основан на началах, принятых в дворянских институтах внутренних губерний, и с самого начала стремился к аристократической исключительности, хотя в Сибири не было ни резкого разделения сословий, ни коренного дворянства, в силу чего никому было туда поступать, кроме разве детей приезжих чиновников да немногих почетных граждан. В шестидесятых годах, при общем пробуждении сознания необозримости женского образования, открыто было несколько женских училищ и гимназий в Омске, Красноярске, Томске и Иркутске. Сибирское образование не шло выше средних учебных заведений.

Какую пользу приносили Сибири поименованные учебные заведения в эти 50 лет, можно отчасти судить по числу учащихся в гимназиях. Из недавно опубликованных отчетов о числе учеников в разные годы видно, что в первые годы после открытия гимназий в Сибири число учащихся в тобольской и иркутской гимназиях не превосходило 27 — 35 человек. В 1838 году число учеников едва доходит до 117 — в первой и 150 — во второй. Затем с конца тридцатых годов начинается такой же медленный рост томской гимназии; только в 1853 году в ней число учеников доходит до 95, а в 1861 году достигает 160.

В 1873 году в четырех сибирских гимназиях находилось следующее число учащихся: в тобольской — 179, в томской — 298, в иркутской — 238 и в красноярской — 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастание числа учащихся, далеко не пропорциональное росту населения, не говорит в пользу развития учебного дела в крае. Впрочем, этот медленный рост объясняется отчасти и тем, что сибирские гимназии далеко не удовлетворяли ни местным потребностям, ни местному складу жизни. Склад сибирского общества несколько иной, чем в русских губерниях. Элементов, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназий, сравнительно было очень мало. Потомственных дворян и помещиков в Сибири вовсе не было; гимназии существовали преимущественно для детей чиновников, так как гимназическое воспитание мало удовлетворяло другие сословия. В одном из отчетов мы читаем, что на 688 гимназистов в сибирских гимназиях приходилось 431 гимназист из детей дворян и чиновников, 236 — городских сословий, т. е. купцов, мещан и разночинцев, и 21 — сельского сословия, которому гимназическое воспитание было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была исключительно промышленной; в ней господствовали материальные интересы; стремление к наживе постарая было преобладающим. Общество, невежественное, ничем не убежденное в пользах знания, не видело никаких наглядных примеров применимости гимназического образования в практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать детей своих в гимназии, а учило их в лавках. Выше мы привели отзыв губернатора Цейлера, жалующегося на отсталость купцов. Один из путешественников по Сибири в тридцатых годах приводит следующие слова одного из даровитых представителей иркутского общества: «Мальчики наши, — говорит он, — научившись читать и писать и познакомявшись с первой частью арифметики, принимаются за аршин и счеты; потом, съездив раза по два в Якутск и в Москву и, так сказать, оперившись торговыми опытами, замышляют жениться и сами производят детей». Другой старожила, жалуясь на ограниченность воспитания, говорит, что самым модным воспитанием считается у почетных и зажиточных граждан отдавать детей выучиться только грамоте, а потом пристроить их к коммерции, т. е. делать надзирателями за приказчиками (Путешествие Александрова 1828 года).

Хотя формальное образование очень мало затрагивало сибирское общество, но последнее, тем не менее, отличалось переизбытком, способностью к усвоению внешности, некоторого доска и даже известной степени развития, более высшего по сравнению с соответствующими слоями населения в русских губерниях. Это подмечено многими исследователями, сравнивавшими сибирское население с великорусским. Точно так же в сибирском обществе встречались самородки, люди замечательно даровитые, пробивавшие себе дорогу к образованию из самых темных слоев, из школ, по-видимому, самых неблагоприятных для развития и узких по назначению. Все это обуславливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское население было свободным триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно покончившая с крепостным правом. Простор и богатство нового края, предприимчивость, кипучая промышленная деятельность — все это способствовало развитию умственных способностей населения. Благодаря материальному достатку оно познакомилось с широким комфортом, а с ним приобрело и новые привычки жизни. Великорусский ум, не связанный в Сибири ни традициями, ни предрассудками, избавленный от заскорузлого староверства, способнее был к восприятию нововведений. Население в Сибирь стекалось со всех сторон, как в страну поисков за богатством; передвижение здесь было довольно значительное, а сношения поддерживались от Иркутска до Москвы по транзитному пути азиатской торговли. В Сибири жила масса людей бывалых, обмен сведений поэтому был более значительный. Граней между сибирскими условиями было менее; жизнь с народом шла теснее; сибирское население составляет как бы одну народную массу, а поэтому все заимствования, всякие сведения, всякая мода доходят в нем быстро во все слои населения. Привычки сибирского населения, как замечено исследователями, ближе подходят к привычкам цивилизованного общества, чем во всех других местностях России. Интересы науки, случайно закосимые в сибирское общество, иногда затрагивали людей, по-видимому, не имеющих ничего общего с образованною и привилегированною средой, но это были большей частью самоучки или люди, всего менее обязанные сибирским учебным заведениям. Многие сибирские купцы как прошлого, так и нынешнего столетия отличались замечательными даровани-

ями, любознательностью и довольно высоким развитием⁸. Иркутский хроникер Александров указывает на некоторых иркутских купцов, обязанных самим себе известною степенью образования, людей замечательных во всех отношениях. Таких людей можно найти и в мещанской среде, в которой они оставались до смерти; например, небогатый торговец Андрей Пиретин в Томске и другой, служивший приказником на приисках и конторщиком по откупам, люди, пораженные дарованиями, смелостью ума, знаниями, особенно последний в области исторической. Пунисы и Бабурицы в Сибири были не редкость. Из сибирских убогих школ, из навигационных классов, из каптоцистских полубащальонов выплывали личности, которые впоследствии делались образованными людьми. Недавно в Тобольске умер весьма замечательный по образованию человек, целую жизнь посвятивший за наукой, оставивший замечательную библиотеку, хотя вышел из полубащальона каптоцистов и принадлежал к вырожденным в детстве киргизам, когда-то покупаемым в нашей степи на положении рабов. Достаточно проследить имена ученых и литераторов, выходивших из сибиряков, чтобы получить понятие, откуда они вышли и как шло их воспитание. Здесь мы видим детей купцов, причетников, мещан и казаков; один из ученых историков Штот, составивший себе имя в литературе, сын дьяка и матери тулгузки; один из выдающихся естественников — сын простого казака. Обращавший на себя внимание филолог Даржи-Банзаров был бурятом; талантливый путешественник в Кангар Чокан Валиханов — киргиз⁹. Мы не считаем известных личностей, вышедших из среднего сословия. Большинство сибирских путешественников совсем не были в учебных заведениях, из литераторов многие не окончили курса в местных гимназиях — словом, здесь мы всего менее видим патентованной учености. Вообще, учебные заведения в Сибири играли второстепенную роль по своему влиянию. Жизнь и развитие общества шли независимо от влияния учебных учреждений, которые стояли в сибирской жизни как-то в стороне, и это будет совершенно правильно, если мы примем во внимание качество и ученое достоинство прежних сибирских гимназий. Эти гимназии основывались при самых убогих средствах; долго они не находили учителей, недостаток в которых

⁸ В путешествиях Фалькс по Сибири упоминается в письмах Черепныхых в Тобольске: план из них составлен в 1760 г. историческую хронику, известную под именем Черепныховской летописи, другой был зоологическим.

чувствуется даже и теперь, и наполнены лицами случайного подбора, почему-нибудь претендовавшими в Сибири на педагогическую компетентность. В сороковых и пятидесятых годах эти гимназии имели учителей из отставных чиновников разных ведомств, из семинаристов, из частных приставов; в томской и тобольской гимназиях, по воспоминаниям вышедших учеников, между учителями были полупомещичьи, слепые, хромые, страдающие запоем; понятно, что при таких педагогах сибирские гимназии не могли пользоваться никаким влиянием.

Если взять число грамотных в Сибири, то их оказывается очень немного. По сведениям военно-статистического сборника, в прибалтийских губерниях приходится 1 грамотный на 19 жителей; в губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168; в губерниях, не имеющих этих учреждений, — 1 на 471; в Сибири же — 1 на 664 человека всего населения. Относительно числа получающих среднее учебное образование Сибирь стоит также на последнем месте; сравнительно различные округа, мы увидим, что в Финляндии приходится 1 гимназист на 284 жителя; на Кавказе — 1 на 462; в Одесском округе — 1 на 467; в Киевском — 1 на 516, а в Сибири — 1 гимназист на 1100 жителей. Все это показывает решительную отсталость Сибири в учебном деле пред всеми другими областями России. Число учебных заведений в Сибири точно так же весьма ограниченное. По сведениям статистического временника за 1865 год, средних учебных заведений в Сибири было 3 с 575 учащимися; низших — 16 с 1321 учащимися; народных, приходских училищ 86 с 2671 учащимися; заводских школ 14 с 144 учащимися; притом в Сибири не было ни одного технического, ни одного земледельческого и ни одного высшего учебного заведения. В настоящее же время в четырех гимназиях — 700 учеников; в уездных училищах по четырем губерниям — 1441 человек. Недостаток средних и вообще учебных заведений в Сибири выступает особенно ярко при сравнении Сибири с другими областями; когда на всю Сибирь приходится 4 гимназии, в Финляндии — их 6, на Кавказе — 6, в Одесском учебном округе — 9, в Киевском — 12. В Сибири между тем более 4000000 жителей; в Кавказском учебном округе 4160000 жителей; в Одесском учебном округе 4200000, а в Финляндском всего 1200000 жителей. К тому же надо принять во внимание расстояния одной местности от другой в Сибири, что несомненно имеет большое значение для распределения учащихся в Сибири. Достаточно вспом-

тить, что четыре сибирские гимназии расположены на пространстве 250000 квадратных миль и присоединяются к Казанскому учебному округу, который сам равняется 26705 квадратных миль. Иначе сказать, сибирские гимназии растянуты по протяжению в девять тысяч верст.

По условиям ученики сибирских гимназий распределяются следующим образом: детей дворян и чиновников 495, городских сословий — 184, сельских — 21, следовательно, сельскому населению почти недоступно гимназическое образование. В девяти уездных училищах Тобольской губернии по отчетам 1863 года видно, что детей крестьян было столько же, сколько и детей чиновников, т. е. ровно 18% общего числа учеников. В 1861 году из 1441 учащегося во всех уездных училищах Сибири было детей крестьян 275, а детей дворян — 276. Несмотря на значительную численность инородцев в Сибири, дети их почти совершенно не пользуются учебными заведениями. В других областях России, где инородцев значительно меньше, чем в Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27% всего числа учеников; в одесской гимназии их было 22%; в Казанском округе — 2%; в Сибири они не составляют и одного процента. В прежнее время инородцы принимались в омский кадетский корпус, преобразованный теперь в военную гимназию; сюда поступали дети киргизских султанов, но в настоящее время их перестали принимать и сюда.

Какое слабое влияние имели сибирские учебные заведения на увеличение образованного сословия, можно судить по числу окончивших курс в гимназиях: в иркутской гимназии в 1860 и 61 годах окончили курс по 14 человек; с 1862 до 1865 года среднее число выпущенных из гимназии было 9 человек; затем ежегодно выходило от 6 до 11. В томской гимназии в 1871 г. окончивших курс было 23; в 1872 г. — 12 и в 1873 году — 3 человека. В 1872 г. было получено известие, что в классической тобольской гимназии окончил курс всего 1 ученик. В 1872 и 1873 годах в красноярской гимназии в VII классе находилось только 3 ученика; в 1874 г. окончивших курс было 3. Все это показывает, что прибыль образованных людей в Сибири из существующих там учебных заведений была ничтожна и почти незаметна. Гимназии, дававшие каждая от 3 до 9 лиц ежегодно на 4000000 население, едва ли могли оказывать заметное влияние.

Состояние учебных средств в Сибири, о котором в последнее время мы знаем из местных корреспонденций, далеко не приглядное. Об учебном деле в Томской губернии заявляются следующие достоверные сведения: число школ далеко не соответствует обширности территории и числу жителей; они находятся без надзора, с плохими учителями; школы в окрестностях государственных крестьян страдают отсутствием того же правильного присмотра. Содержание сельских учителей ничтожно — 100 р. в год; хорошие наставники не идут, в большинстве преподают священники, но они исполняют требы на больших расстояниях, заняты домашними делами, а потому не имеют времени заботиться о школах и поручают обучение лицам, уволенным из низших духовных званий, людям неразвитым и сомнительной нравственности. При таких учителях дети получают отвращение к обучению, а родители берут их из школ и отдают сельщнопоселенцам на выучку; оканчивает курс едва треть детей, остальные две трети выходят ранее. Поэтому чувствуется особая потребность в учительской семинарии. Уездные училища существуют только в городах: Томске, Каинске и Кузнецке; они страдают недостатком учебных пособий. Томская гимназия поставлена в невозможность быть рассадником образования в губернии, говорит один официальный отчет, по скудости в ней преподавателей. Многие из учителей не соответствуют своему назначению. Губерния стоит вдали от университетов, способные люди не идут сюда, поэтому оканчивающие курс не приобретают достаточно основательных сведений; однако ж, несмотря на эти неблагоприятные условия, гимназия в последнее время переполнена учащимися: в некоторых классах в 1873 году было до 70 учеников, тогда как по уставу допускается не более 40. Теснота здесь страшная, на каждого ребенка приходилась половина кубической сажени воздуха, между тем известно, что норма необходимого воздуха определяется тремя саженьями. Переполнение гимназий учащимися побудило начальство отказывать в приеме многим желающим. Томская гимназия до сих пор не имеет своего собственного дома. Осенью 1873 года, однако ж, открыто было в ней три параллельных класса.

О состоянии учебного дела в Енисейской губернии имеются такие данные: уездных и приходских училищ здесь 4; кроме того, открыта учительская семинария, в которую в 1873 году поступили 15 человек. Несмотря на то, по отчету губернатора, в семи первоначальных школах учение не про-

изводилось за неимением учителей. Открывшаяся красноярская гимназия находится в младенческом состоянии: она также страдает недостатком учителей; кроме окончивших здесь курс троих учеников, все остальные, до пятидесяти человек, выхаживали из II-го, III-го и IV-го классов.

Число учебных заведений в Иркутской губернии довольно значительно: в Иркутске считается 19 учебных заведений, но неудовлетворительность их рисуетя следующими словами одного из местных корреспондентов: «Учебные заведения Сибири не имеют почти учителей, и их приходится набирать из людей, не подготовленных к учебному делу. Так, например, в личном составе иркутской губернской гимназии только четыре учителя носят по справедливости это имя; остальные — юристы, топографы, старые инженеры, музыканты и проч.; заведующий гимназией не получил высшего образования. Нынешний генерал-губернатор отнесся с большим вниманием к этому явлению сибирской жизни. По его настоянию в иркутской гимназии происходит ревизия, говорят, намеренно порученная тому лицу, которое произвело ее в 1874 году и признало, что все обстоит благополучно; произведя же ревизию по предложению генерал-губернатора в 1875 году, оно признало, что не все обстоит благополучно». Реальная провинция, преобразованная в технический институт, начинает падать за неимением средств и учителей.

Состояние учебного дела в Тюменской губернии лучше всего характеризуется тем, что Тюмень, большой промышленный город, не имел до 1879 г. гимназии, а сибирские богачи воспитывали детей в узданом училище. В городе Асмолинске только в 1874 году открыто первое городское училище. А вот что пишут из Барнаула, богатейшего города Томской губернии: «В Барнауле, при населении в 13529 человек, до сих пор нет среднего учебного заведения; население его, промышленное и торговое, нуждается в образовании своих детей и поставлено в необходимость отправлять их в томскую гимназию, за 400 верст, и в омскую, за 900 верст, которые до того переполнены местными учениками, что иногородним недостаёт места. Четыре года тому назад последовало высочайшее повеление об открытии в Барнауле гимназии, но до сих пор оно не приведено в исполнение». Нечего говорить о слабом развитии учебного дела в отдаленных областях в Семипалатинской области, по отчету 1873 года, число народных-учебных заведений сократилось на три.

О народном образовании в Якутской области говорится в одном отчете следующее: «В области недостаток начальных народных школ, в существующие или открытые школы невозможно приискать способных учителей до весьма ограниченного содержания, им назначенному, сравнительно с ценнами, существующими теперь на все вообще потребности. Иностранное население, и при желании распространения грамотности, как было замечено в самом отдаленном Колымском округе, по своим весьма ограниченным средствам и бедности жителей не может помочь делу образования открытием в своих селенных школ. Живя и имея хозяйство свое за несколько сот верст от городов, где учреждены учебные заведения, извороты не имеют средств посылать туда детей: в самом отдаленном крае, как Якутская область, где большая часть населения находится почти в диком состоянии и исключительно в невыгодном положении, благотельно было бы ассигновать из казны достаточные суммы на открытие и содержание начальных школ, тем более что якуты уже сознают пользу грамотности, как видно из того, что наиболее состоятельные отправляют детей в городские учебные заведения и при составлении приговоров на открытие школ ближайшие к Якутску по возможности дают часть денег на содержание при школе мальчиков из бедных семейств».

«До какой степени относительно образования и других необходимых для развития мер обезволены некоторые обширные части Восточной Сибири лучше всего можно видеть на Забайкальской области, — пишут в «Московские ведомости». — Население ее уже достигло 450000 человек, следовательно, уже далеко превосходит население губерний Архангельской, Астраханской, Олонеккой, Ревельской, которые все имеют гражданские гимназии, а первые три — и духовные семинарии. По положению своему Забайкальская область важнее всех сибирских губерний, потому что чрез нее идут все те торговые пути из Китая, из которых совершаются главные торговые сношения Китая с Россией; через нее же сношаются с Сибирью и Россией и Амурский край, и Великий океан. Политическое значение Забайкальской области еще значительнее: она одна может служить опорой Амурскому краю и чрез нее только можно действовать на Китай, а между тем Забайкальская область не имеет ни гражданской гимназии, ни духовной семинарии».

Между тем потребность образования в сибирском обществе с каждым днем чувствуется все сильнее и сильнее; гимна-

зии переполнены учащимися и вынуждены отказывать многим желающим по неимению помещений для более обширного числа учеников. В красноярскую учительскую семинарию явилось такое множество желающих, что их некуда было помещать. Особенно усилится прилив в сибирские школы с введением общей воинской повинности. Потребность образования обнаружилась за последнее время основанием на счет самого общества реальной гимназии в Иркутске, ходатайством об открытии такой же гимназии в Томске, в Барнауле, в Тюмени, из которых последняя теперь уже открыта. Египетск просит об открытии в нем классической мужской прогимназии. В то же время пишут из Акмолинска: «Открытие женской прогимназии было бы у нас величайшим благодеянием».

Все показывает, что стремление к образованию за последние годы в Сибири постоянно растет. «Местное население всегда сильно опущало эту потребность, — говорит г-н Вапш в своей истории учебного дела в Сибири при Сперанском и позднее, — оно отдавало учить детей своих всем, кого хотя сколько-нибудь считало способным к этому; оно встретило всеобщим ропотом распоряжение последнего времени, которым обучение детей запрещалось сосланным полякам; оно открывало школы везде, где находило к тому средства и где ожидало пользы от школ. Только весьма немногие гордыя отказывались заводить у себя народные и женские школы, частью — от недостатка средств, частью из буржуазной расчетливости, в надежде, что заведение этих школ примет на себя правительство. Частные лица время от времени жертвовали значительные суммы на народное образование, хотя и менее того, что жертвовалось на благолетие храмов. По мере увеличения числа средних учебных заведений увеличивалось и число сибиряков, стремившихся к университетскому образованию. Стремление это достигло в последнее время весьма высоких размеров. Можно почти положительно сказать, что в последнее время не идут на университетский курс только те, кто или чувствует совершенную неспособность к тому, или принадлежит к тем счастливцам, которым не нужно ни знаний, ни труда, чтобы занять известное положение в обществе, или, наоборот, находится в тяжелой зависимости от семейной обстановки... Одни из молодых сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие, иногда без всяких средств, пенком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают универси-

тетский курс, перебиваясь изо дня в день частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных земляков-товарищей. Любовь к науке доходила иногда у них до самоотвержения. Между тем недостаток средних учебных заведений по необходимости сдерживал стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как велико было бы оно при других, более благоприятных условиях; можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти 50 лет оставалась одним только проектом», — замечает в заключение г-н Вагин.

Стремление облегчить доступ сибирякам к высшему образованию выразилось основанием в Сибири нескольких обществ для пособия нуждающимся студентам местного происхождения. Такое общество действует уже несколько лет в Тобольске; подобное же общество основано в Томске. Предположено было открыть общество содействия учащейся молодежи в Иркутске для поощрения как местного населения, так и для содействия высшему образованию. Учреждение это мотивировано следующим образом: «Неимение высших учебных заведений в Восточной Сибири при невозможности ожидать, чтобы край в близком будущем приобрел их, поставляло и поставляет в крайнее, можно сказать, безвыходное положение учащуюся молодежь. Так называемые казенные и общественные стипендии, во-первых, ограничены в числе, во-вторых, учреждены преимущественно в столичных университетах и медико-хирургической академии; в специальных учебных заведениях их нет; в-третьих, рассчитаны исключительно на высшее образование, тогда как подготовка к нему на месте довольно затруднена, и, в-четвертых, ограничиваются по отношению к сумме пособием от 300 до 350 рублей, в полном смысле этого слова недостаточным для обеспечения материальных нужд учащегося, тем более, что, выдаваясь на руки юноше, часто совершенно бесполезному, пособие это расходуется не всегда произвольно...

Мы держимся того убеждения, — пишут далее учредители, — что важнейший недостаток настоящей системы заключается в том, что, высылая наших детей за пять тысяч верст, забрасывая их в незнакомую сферу, мы оставляем их без попечительного надзора, который, с одной стороны, служил бы центром соединения для юношей, с другой, не представляясь отнюдь каким-либо опекуном, стесняющим самостоятельность, являлся бы на помощь молодым людям всегда, когда

они в этой помощи встретят нужду, притом безразлично, будет ли это помощь материальная или чисто нравственная».

Сибирь много теряет от недостатка специалистов, в ней нет техников, почему промышленность находится в застое. Производства развиваются туго; Сибирь поэтому не может удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всем привозным, начиная с гвоздя, при массе своего железа, и кончая сукнами — при огромном количестве шерсти и скота. Все товары доставляются Сибири необыкновенно дорого и самого дурного качества; многие сорта русских фабрик и даже кустарной промышленности имеют сбыт только в Сибири. Сибирь находится под торговым игмом отдаленных местностей с их мануфактурными центрами. Между тем, потребности сибирского населения все более растут, и тяжесть, ложасьшаяся на потребителей в силу дороговизны привозного, за отсутствием своего, все более дает себя чувствовать. Не поможет Сибири и изобилие сырья, с которым она не знает, что делать, — меха, кожи, сало она не умеет обрабатывать, хлеб ей некуда сбывать; для основания металлического производства нет знаний и средств. Местное изобилие в виде скота и хлеба только подбуждает цены и дает прибыль одним приезжим торговцам, закабаляющим население. Таково экономическое положение Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдают отсутствием всяких рациональных способов ведения дела. Масса скота падает в Сибири от язвы, от эпидемий, от небрежного ухода, и пособить этому недостает знаний. Молочные и скотоводческие продукты пропадают даром; множество сортов морской и речной рыбы за неумением готовить и солить ее гниет на берегах; самые богатые уловы не служат ни к чему для населения. Недостаток образованных людей дает себя знать во всех сферах труда и промышленности.

В Сибири большой недостаток учителей для учебных заведений. Недавно еще в наших газетах была публикация от министерства народного просвещения, которое делало вызов на вакантные и незамещенные должности штатных смотрителей и учителей в следующих городах: Ачинске, Нерчинске, Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске, Киренске, Енисейске, Верхнеудинске и Троицкосавске. Еще больший недостаток в Сибири медиков. На целые округа величинной в европейские государства приходится один медик, да и тот в дальних; целые ино-

родческие области находятся без медицинской помощи. В Березовском крае, по словам доктора Соколова, остяки умирают от шинги, тифа, сифилиса и простуды; болезни здесь осложняются и принимают невиданные нигде формы. По официальным сведениям, в Восточной Сибири развитие сифилиса в Киренском округе принимает третиные формы, зараженными являются поголовно целые семьи и даже иногда роляты дети с уже испорченными костями. Якутская область в 70000 квадрат миль с 230000 жителей имела только трех уездных врачей; в последнее время в этой части Восточной Сибири свирепствовала оспа на пространстве 7000 верст; инородческое население было заражено поголовно; в Камчатке, Гижиге и Олутске постоянно свирепствуют разные болезни; чтобы хотя несколько пособить бедствующему населению, из Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляем подробно недостатков медицинской части в Сибири, так как это не касается предмета нашей статьи; мы упомянули об этом для того, чтобы показать, как страдает Сибирь от недостатка здесь образованных людей. Вопрос о расширении образования в Сибири стал теперь самым существенным жизненным вопросом. Но недостаток образования, кроме непосредственного влияния на практические стороны жизни, должен был отражаться и на всем умственном складе сибирского общества и его общественной жизни.

Обращаясь к современной общественной жизни сибирских городов, мы должны указать, что вообще проявление ее крайне бедно и печально. Приводим местные известия об этом предмете: «Наше сонное общество только изредка подает признаки жизни, — пишут из Омска в 1875 году, — но и то по поводу смены какого-нибудь начальствующего лица, местного скандала и т.п. Омск — тип провинциальных трясинок. Проходят годы, десятилетия — и никаких признаков разумной жизни в нем не заметно. Там, где-то за Уралом, вдали, за 3, за 5 тысяч верст, происходят события: человечество вырабатывает лучшие формы жизни, борется за идеи, страдает и побеждает или временно отдыхает, усталое и побитое врагами прогресса, а у нас что? Беспросыпная косность, непроглядные сумерки и никакой надежды!...»

«Судя по нынешнему благоустройству, никто не задумался бы назвать Красноярск городом вполне европейским, — пишут в том же году из другого места Сибири. — Но, всматриваясь глубже, не найдешь здесь и следа серьезных общественных

интересов; в подтверждение достаточно привести следующее: у нас считается весьма естественным, что ежегодно очень значительный контингент учащихся задолго до окончания курса из женской гимназии выходит замуж, а из мужской — расходится по разным присутственным местам. В большинство случаев это делается по настоянию самих родителей. Но это бледнеет перед тем, что совершилось на днях: закрылась публичная библиотека за неизмением читателей... При этом самое закрытие для самого общества прошло незаметно...» Подобные жалобы несутся из Томска, где также давно закрыта библиотека, из Тобольска, из Енисейска и других городов. Об одном из городов Сибири, Барнауле, Финч отозвался в своем дневнике, как о городе, где только любят вкусно поесть. Таков же отзыв дал о нем 100 лет назад Паллас.

Наконец, вот картина жизни Иркутска — столицы Сибири — нарисованная одним из недавно посетивших его путешественников: «Нет в Сибири города, о котором бы заботились так много и начальство, и общество, как Иркутск, — говорит г-н Ровинский, — а между тем, местные удобства жизни и гигиенические условия нигде не находятся в таком ужасном пренебрежении. Смотря на эту деятельность со стороны, нельзя не заметить, что все это было не что иное, как подражание. В Иркутске вы найдете много учреждений, которых нет ни в одном городе России, общество основывает приюты, благородные институты, юнкерские училища, театры, но дело в том, что все это делается обществом не добровольно, а по предложению начальства, и каждый жертвователю норовит, чтобы его подочка положила к стати, выставила бы его на вид. Таким образом, это со стороны некоторых людей составляет средство к достижению известных целей и к забавлению начальства. Иркутск, по-видимому, создал ученые и учебные учреждения, имеет благотворительные общества, клубы, как бы общественную жизнь, но все это только так кажется. Общество тут ни при чем... Надеюсь, что никто не упрекнет нас в несправедливости, если мы скажем, — продолжает г-н Ровинский, — что в Иркутске между купечеством, играющим в общественной жизни самую важную роль, царствует крайняя необразованность, потому что им негде было получить образование, а многие из них вышли из простых ямщиков или обозных приказчиков. Что касается общественных проявлений жизни, то все это делается не коренным, туземным обществом, а чиновниками, которые нынче здесь, а

завтра там, которые в Иркутск попали случайно, предаются общественной деятельности от скуки и потребности фигурировать там, где, по пословице, на безлопате и Фома — дворянин. Осуществлению их планов помогает только их влиятельное положение. Неумелость этих людей роняет часто дело и компрометирует его на будущее время, а более талантливые при удаче могут внести в общество такие воззрения, в духе которых действуя, можно внести в край громадное зло. Искусственно созданные, без сознания самого общества, учреждения поэтому беспрепятственно падают; к таким принадлежат: отдел Иркутского географического общества, общество грамотности, юридическое, медицинское, несколько проваливавшихся иркутских газет и, наконец, местная публичная библиотека, на которую очень быстро была собрана сумма в 4353 рубля, не считая подписчиков, но в конце концов она пришла к полному недостатку средств для своего поддержания, а городское общество показало участие в ней только тем, что хотело раз продать ее с публичного торга на толкучку. Подобную же судьбу, говорят, испытывает ныне иркутская реальная гимназия, основанная на общественных суммах и на обещания, которые вслед за тем остались невыполненными».

Умственная жизнь Сибири при таком состоянии городов ничем себя не заявляет. В Сибири, по сведениям «Военно-статистического сборника», 19 типографий и 4 литографии, но в них не печатается ничего, кроме официальных ведомостей, худших во всей России, и официальных бланков. Учить частных типографий, недавно основанных, еще плачевнее: в Иркутске только одна частная типография; она попыталась издать календарь и, глубоко разочаровавшись, потерпев убытки на первом шагу, бросила это предприятие. В Красноярске один чиновник выписал машину и литографский станок для развития местного книгопечатания и просвещения и принужден был печатать этикетки для водок и напитков; такая же участь постигла типографию в Томени. На всем протяжении Сибири до последнего времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг. Иногда достоинство книги ценится одним переплетом; только в Иркутске и Томске в последнее время основана специальная книжная торговля. Мы отмечаем это потому, что по странной случайности в одном из русских статистических сборников

нашли известие, что в Сибири находится 11 книжных лавок и 12 библиотек. Что касается публичных библиотек, то, возникавшие в шестидесятых годах в некоторых городах Сибири, они давно прекратили свое существование. Значительное книгохранилище находится при Тобольской семинарии; богатая библиотека — при омской военной гимназии и довольно значительная — в Томске, куда жертвовали для общественного пользования книги даже богатые золотопромышленники, как Горохов, но все они остаются недоступными для публики. Есть только кое-какие библиотечки при разных ведомствах и батальонах для собственного употребления. Местное же общество довольствуется газетами при клубах, халитыми вином. Правда, при таких читальнях бывают и книги, но о подобных книжных богатствах можно судить по семинарской клубной библиотеке, имевшей в последнее время 15 периодических изданий и «18 разных наименований книг!» По всей Сибири нет музеев⁹⁰, кроме небольшого горного кабинета в Барнауле, принадлежащего специальному ведомству и никем не посещаемого. Нет собрания сибирских горных пород в стране золотопромышленности; нет никаких образцов местной минералогии, и на всем протяжении Сибири вы не увидите никаких доказательств алтайских и енисейских богатств, хотя наш Эрмитаж хранит изысканнейшие произведения из чудовищнейших яшм, выделанных в Сибири на колыванской фабрике, а Бишкский округ изобилует 515 различными породами цветных камней. Четыре года тому назад одно частное лицо в Красноярске хотело основать музей, составленный из пород, выглых с золотых россыпей, но это ему не было разрешено, потому что одно ученое учреждение, разрешавшее этот вопрос, напело, что подобные камни с содержанием золота должны быть оплачены пошлиной, но определить ее решительно отказывалось за незнакомством с удельным весом. Но и существующие уже в Сибири ученые учреждения ведут свое дело вполне за неимением умственных сил. Так, сибирские отделы географического общества существуют только трудами приезжих путешественников и чиновников. Основанное в Иркутске земледельческое общество не имеет заседаний, а основанное в Омске общество для изучения Западной Сибири имело всего одно заседание со времени своего открытия, где произнесена была вступительная речь и придумана печать. На приглашение его никаких исследователей не последовало, и память о существовавшей его исчезла. Но не одни искусственно созданные ученые учреждения на Востоке терпят круше-

ние: в последнее время в силу недостатка интереса к общественным делам, в силу неразвитости здесь не прививается даже новое городское положение, как извещают местные корреспонденты.

Нам оставалось бы сказать о судьбе сибирской печати, как характеристике местной умственной жизни. Попытки создать эту печать начались давно. Собственно периодическая печать серьезно зародилась в Иркутске, типичная с газеты «Амур». По страсти, этот орган должен был служить Амуру прежде всего, а потом уже всему краю. Затем явился «Сибирский вестник» Б.А. Милотина, но продержался недолго. Создаются «Кяхтинский листок» и небольшие газеты на Амуре, но это были скорее домашние газеты, чем публицические. С 1875 года в Иркутске местная печать явилась более постоянной. Частный орган «Сибирь», привлекая лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу. В 1880 году основалась частная газета в Томске.

Едва ли, однако, кто решится сказать, что печать получила прочную почву в Сибири. Потребность в ней чувствуется очевидно многими ввиду множества возникающих общественных вопросов, но для нее существует много неблагоприятных условий. Роль местной печати и важность ее далеко не вполне и не всеми еще осознаны. Эта печать переживает самый тяжелый кризис на почве самой элементарной гласности. То, что доступно обличениям в европейской России, то почти не допускается в Сибири. При существовании известной свободы печати в столицах положение печати окраинной представляет горький контраст. К тому же само общество или часть местных сословий часто недружелюбным и враждебным образом относится к местной печати за разоблачение многих злоупотреблений. Сибирские кулаки и монополисты являются ее первыми врагами. Сибирское общество еще не сознает, что эта печать может оказать серьезные услуги, что она — залог будущей умственной жизни, залог разумного и сознательного движения, что пока она единственное выражение общественной мысли.

Роль местной печати в Сибири уже понемногу, однако, намечается. Многие местные вопросы исключительно обязаны разработкой этой нарождающейся печати на Востоке. Несомненно, что в будущем она окажет еще более гражданских услуг местному обществу и, главное, воспитает в нем его гражданские обязанности.

Но еще чувствительнее на Востоке и в Сибирь вследствие недостатка образования является отсутствие местного образованного сословия или интеллигенции. Сибирь много терпит от недостатка в ней людей образованных: все лучшее, что воспитывается в местных учебных заведениях и стремится получить высшее образование, никогда уже не возвращается в Сибирь. В Сибирь же приезжают из прочих губерний России по большей части люди с ильямом или с сомнительным прошлым. Недостаток честных и образованных людей здесь давно чувствовался, на это жаловались Сперанский, Капцевич*, это чувствуется до последнего времени*. В Сибирь вызывали искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощрения, но и эта мера почти не приводила к цели. Являлась масса людей, соблазненных содержанием и окладами, но самый мотив, побуждавший их ехать в отдаленный край, показывал, что сам край не играл никакой роли в их соображениях. Конечно, приезжали в Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служение стране, но их было немного, и деятельность их была временная; это было слишком много авантюристов, которые наделали немало для приволакиваемому их краю. Представители интеллигенции и знания, забравшись в Сибирь, стремились как можно скорее вырваться из нее, вывозя очень много и камен оставляя очень мало. Ученые вывезли из Сибири редкости и опустошили архивы; инженеры и техники — лучшие образчики коллекций; предприимчивость, закинутая в Сибирь, — богатство. Обмен, таким образом, не уравновешивался, и край мало выигрывал. Из него вышло много даровитых людей, художников, писателей, государственных деятелей, ученых туземцев, которые много поработали для отечества, но вообще мало сделали в частности для Сибири. Сами учебные заведения при таком фатальном законе играли странную роль: отчасти они сами понижались в своих достоинствах под влиянием невежественной среды, а основываемые самим обществом под впечатлением каких-нибудь случайных импульсов не поддерживались им; с другой стороны, они способствовали выезду из

* Число лиц по образованию в сибирском обществе и местной администрации, конечно, трудно было определить, но все-таки по этому поводу имеются некоторые сведения, а именно: по иркутскому календарю 1875 года видно, что в 1861 году в числе штата служащих в Восточной Сибири было в двух губерниях, с Зибайкальской областью, только 39 человек с университетским образованием, 101 — с гимназическим и 271 — кончивших курс в низших училищах.

крик всего наиболее даровитого, оставляли его без последних ресурсов и ничем не могли возмездить его за потери. Полному Сибири представляла доселе странное и исключительное явление, это было общество без образованного молодого поколения, дерево без цветов и плодов. Положение образованного человека в сибирском обществе было невыносимо тяжело: среди невежественной среды, полной грубых недостатков, он являлся одиночкой, не имел почвы, не было даже небольшого кружка людей, к которым он мог бы примкнуть и признать в них свое отечество. Он не находил себе поддержки и сочувствия; ученые в Иркутском географическом отделе называют себя «закинутыми» в этот печальный край. Люди со слабыми силами сплотить и рядом погибали здесь и падали нравственно (так погибла здесь, например, масса медиков и учителей).

Один из погибших в Сибири поэтов, горный инженер Баульдауф, следующим образом выражает это одиночество:

Как хотелось славою жить,
Славою честию, славою грешною,
Но в Даурии с котомкою
Трудно славу получить.
Что шевелю родные горы,
Что уютным дыном свал,
Он Даурию узнал,
И из глаз катятся слезы.

Отдел Иркутского географического общества заявил даже своей целью поддерживать нравственные силы ученых, заслуживших в Сибири. Понятно, что многие образованные люди находили единственным спасением своих сил бегство из Сибири, и только немногие труженики решились отдавать свои силы краю. Но самое трагическое положение доставалось на долю тех зрелых местной интеллигенции, какие временами проявлялись здесь, начиная со Сянова, друга Сперанского. Такой туземец, желая приносить пользу, находил самый упрямый отпор в нравах и жизни. Положение развитой, интеллигентной и одаренной сердцем личности среди грубого, невежественного, живущего исключительно промышленно-кулацкими интересами и пропитанного эгоистическими взглядами и корыстными побуждениями общества с горечью обрисовано историком Шаповалом в статье «Об отсутствии высших нравственных чувств у сибиряков». Положение это тяжело, невыносимо, но оно несравненно важнее было по своим социальным и историческим последствиям. Между местной интеллигентной личностью и обществом образовывался

тот антагонизм и та грань нетерпимости, которые не приносили пользы ни той, ни другой стороне. Они обе страдали недостатками и ошибками. Общество в силу своего непонимания не пользовалось способностями и талантами человека, который мог принести ему большую пользу; человек же интеллигентный под влиянием раздражения презирал это общество, а с ним — и местные общественные вопросы. Таким образом, нарушалась та связь, которая необходима для гармонического развития; живые части его жести отлепляло, не оплодотворяя друг друга. Между тем, нигде, может быть, образование не способно принести таких благодетельных плодов, как в Сибири. Русское население окружено инородцами и азиатскими народностями. К местному населению применялась масса элементов, понижавших его достоинства. В это общество вводила масса сосланных сюда преступников, которые растлевали нравственность общества и постоянно разрушали понятия о собственности, о праве, о личной неприкосновенности и т.д. Все это способствовало только падению и регрессу общества, а в крае не было никаких средств противодействовать этому растлению и сколько-нибудь поднять это косное общество, не поднимавшееся ни до высоты гражданского долга, ни до понятия собственных интересов в целой совокупности, ни до собственного сознания. Здесь не было примеров гражданской честности, самоотвержения, возвышенных стремлений. В то время, когда Россия переживает реформы, изменяющие ее быт, сибирское общество остается в прежнем неподвижном положении. Вот каковы были последствия отсутствия местного образования.

Стремление к просвещению, однако, все сильнее чувствовалось, а потребности образования проникли в сознание общества. Что местное общество не чуждо этого сознания, доказало сочувствие и всецелая на сибирской почве идея о сибирском университете.

Вопрос о сибирском университете получил особенное значение в крае ввиду отсутствия в нем какого-либо просвещенного класса и отсутствия умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функциями жизни силы, которая составляет необходимо свойство социального живого организма.

Университетский вопрос, как вопрос гражданский, был хорошо понят местным обществом; отсюда в продолжение многих лет проявлялись весьма определенные стремления

этой идеи занять свое место. Ход приготовления и составления университета в Сибири составляет весьма видный акт в истории просвещения, чтобы не остановиться на нем.

Мысль об основании сибирского университета явилась весьма давно. Еще в высочайше утвержденных императором Александром I предварительных правилах народного просвещения, опубликованных при указе правительствующего сената 24 января 1803 года, постановлялось, между прочим (пун. 14), что в учебных округах учреждаются университеты «для преподавания наук в высшей степени», коих в то время назначилось 6, а именно, кроме существовавших уже в Москве, Вильне и Дерпте, в округе Санкт-Петербургском, в Казани и Харькове, и затем предназначаются для университетов городов: *Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие*. «по мере способностей, какие найдены будут к тому удобным». Вследствие такого заявления правительства о намерении учредить, когда окажется возможным, университеты в Киеве и Тобольске, известный П. Г. Демидов, делая свои знаменитые пожертвования на пользу отечественного просвещения, между прочим, пожертвовал в том же году 100000 рублей для предназначенных к открытию Киевского и Тобольского университетов. В письме министра народного просвещения графа Завадовского к Демидову от 6 июня 1803 года относительно этого капитала говорилось: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние моим училищам, то к тому ближайшее средство положить оные в воспитательный дом вечным капиталом, назнача доход от процентов, по мере капитала, каждому месту определенного; а доколе присплет время к открытию университетов в Киеве и Тобольске, то капиталы, сим училищам от вас определенные, росли бы обращением своим, без прикосновения к оным».

Итак, уже в начале нынешнего столетия в правительственных сферах и в кругу образованных людей ясно сознавалась мысль о необходимости учреждения в Сибири университета. Не приводилась она в исполнение целых 75 лет по многим причинам: отчасти ввиду более близких забот о просвещении в европейской России и о создании здесь университетов, отчасти потому, что самое осуществление сибирского университета казалось многим преждевременным по имевшемуся незначительному числу средних учебных заведений в крае и по незначительности населения в Сибири вообще, а также вследствие возникавших опасений, что в универси-

тете будет слишком мало: число слушателей, что трудно будет привлечь достаточное число хорошо подготовленных преподавателей, и, наконец, что таким образом значительные расходы, потребные от казны на содержание университета и на возведение нужных ему зданий, не вознаграждаются в достаточной мере и не дают желаемых результатов.

Действительно, просвещение в Сибири развивалось весьма медленно. Сперанский застаёт Сибирь с обрывками специальных учреждений, лежащих в крае без всякой системы, как когда-то навигационные школы⁵¹ без мореплавания. Он увидел эту обширную страну странною «невежественной чернью и отверженными преступниками», хотя она представляла «все удобства для гражданского развития», как выражался он, и при умении пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественной колонией России.

Сделавшись генерал-губернатором и распорядителем судеб Сибири, Сперанский не мог не обратить внимания на жалкое и беспомощное положение учебной части в этом крае. Своими заботами и хлопотами о развитии просвещения в Сибири Сперанский привык к этому делу генерал-губернатора Западной Сибири Каптевича и вызвал сочувствие даже попечителя Казанского учебного округа Магницкого. Сибирский комитет согласился с предложениями Сперанского, Каптевича и Магницкого, находил, что выработанные учебные проекты и высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибирью правилами». Таким образом, мысль о сибирском университете снова возникает.

Генерал-губернатор Каптевич во всеподданнейшем отчете 20 марта 1823 года указывал на недостаток нравственных начал в сибирском населении, на недостаток в крае просвещенных чиновников и на невозможность сибирякам по бедности получать образование в университетах европейской России. Он докладывал о необходимости учреждения в Сибири высшего учебного заведения. Тогда же Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в виде отделения Казанского университета с целью приготовить в нем учителей для сибирских гимназий и училищ, студентов для пекинской миссии, детей сибирских чиновников — к гражданской службе, а купеческих детей — к торговле с Китаем. На содержание училища Магницкий исчислил 66750 рублей в год, кроме постройки здания и содержания пансионеров. При осуществлении

своего проекта он, между прочим, имел в виду употребить пожертвованный Демидовым капитал в 50000 рублей на учреждение университета в Тобольске, который через приращение процентами в 1822 году представлял сумму в 121301 руб. 75 коп. и давал 6000 дохода. Изыскивая новые средства, Капшевич проектировал отдавать в оброчное содержание рыболовные озеры Западной Сибири, Чаны и оброчную плату обратить на содержание высшего училища. Предполагалось на сибирский университет употребить также доходы с имения бывшей Виленской иезуитской коллегии. Но Демидовское пожертвование было передано в Московский университет, и мысль о высшем учебном заведении в Сибири, возбужденная Капшевичем и одобренная сибирским комитетом, осталась, к сожалению, без исполнения надолго. Взамен университета в 1835 году повелено было содержать в сибирских пеманьях и в Казанском университете казенных воспитанников из сибирских уроженцев, число которых было ограничено. В представлении Капшевича мы найдем все те мотивы необходимости высшего учебного заведения для такого отдаленного и богатого края, как Сибирь, которые вошли в позднейшие представления. Всякий сколько-нибудь дальновидный государственный человек не мог не предвидеть, что громадный край, изобилующий в большей его части разными естественными произведениями, обладающий несметными минеральными богатствами, должен был привлечь население, которое будет нуждаться в средствах образования для подрастающих поколений, не говоря уже о значительном числе людей, живущих в Сибири вследствие служебных обязанностей, и дети которых также нуждаются в образовании. Невозможность удовлетворения такой потребности в самом крае неминуемо должна была произволить постоянный отлив молодого поколения из Сибири в европейскую Россию, где представлялись все средства для получения образования, и эта часть сибирского населения в большей части случаев для Сибири была потеряна навсегда, так как, свыкнувшись с большими удобствами жизни, лишь немногие из уехавших решались возвращаться в тот край, лишая его тем самым совершенно естественного и надежного элемента для занятия должностей по всем частям местной администрации и на всех поприщах разнообразной частной деятельности.

Несмотря на признанную потребность и постоянно ощущаемый недостаток в Сибири в образованных людях, дело уни-

верситета с 1835 года умолкло лет на 20. В это время на Сибирь всего менее обращалось внимания, она стала странною забытой, и даже период золотопромышленности в 40-х годах не привлек забот о просвещении края. Это был весьма темный период в жизни сибирского общества. Нечего говорить, что две гимназии могли дать самый ничтожный контингент людей среднего образования, даже если бы они стояли на уровне своего призвания. К сожалению, эти гимназии, отдаленные, не снабженные достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень дурную картину убогого существования. В сибирские гимназии неизбежно являлись преподаватели, а потому множество кафедр оставалось вакантными, остальные замещались людьми, случайно на них попавшими, или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди них встречались слепые, хромые, полусумасшедшие, слившиеся с крута, люди жестокого нрава и крайне скудных познаний. «Я помню свою гимназию, — пишет один сибиряк в своих воспоминаниях, — как собрание монстров-преподавателей, которые ежедневно перед нами не столько излагали познания, сколько давали разные комические и эквилибристические представления; один рассказывал избитые анекдоты, над другим, немцем, глумились и хохотали до упаду, третий гонялся за нами с костью; в коридорах и на окнах артель учеников ставила часовых, чтобы предупреждать пьющих в коридоре водку учителей о появлении инспектора. Тут было не до науки!» Гимназии в таком виде существовали до 60-х годов. Кто же пополнял роль образователей в нескольких губерниях и областях Сибири за отсутствием просвещения? Состав местных канцелярий снабжали семинарии, бурсы, наконец, полубатальон военных кантонистов. Понятно, каких деятелей из них получала сибирская администрация. Если из низших школ выходили иногда люди способные и с дарованиями, как сообщает г-н Вагиз, то не нужно забывать, что из тех же бурс и кантонистов выдвигались забытые розгами идиоты, ворившие казенного имущества, безграмотные писаря, выслуживавшиеся иногда до высших должностей халатством и пронырствами. Другую часть сибирского общества воспитывали осельные преступники или засажие спекулянты, которые вместе с просвещением развивали у детей пороки. Иные глумились над претензией сибирских жителей «обучаться», и какой-то осельный иностранец филолог обучил сына купца в насмешку та-

тарскому языку вместо французского. Такова была судьба края, где не было правильной системы воспитания, где не было представителей настоящей науки, не было здорового воздуха общественной жизни. В такой среде настоящий просвещенный человек рисковал или задохнуться, или спешил бежать, бежать из нее, и из Сибири бежали.

Университетский вопрос между тем находился как бы под ступом. Это происходило оттого, что Сперанский и другие администраторы, мечтая о принятии просвещения, а также полнимая вопрос о высшем учебном заведении для края, к сожалению, слишком понадеялись на обыкновенный административный прием поднятия этих вопросов путем канцелярской переписки, забывая одно, что в таком деле, как просвещение, должно быть привлечено и общество своим участием, что в нем самом должна быть затронута потребность жизни — искра сознания, и что только на этом фундаменте прочны и осуществимы подобные учреждения. Мысль о высшем образовании в Сибири не могла, однако, совершенно заглохнуть, она появилась снова в половине 50-х годов. Это совпало уже с началом прошлого царствования.

Что мысль о сибирском университете не была совершенно забыта в официальных сферах, свидетельством служит всеподданнейший доклад министра народного просвещения Норова по некоторым вопросам народного образования, представленный им государю императору 5 марта 1856 года; из доклада видно, между прочим, что правительство в то время уже признало полезным учреждение в Сибири университета. Заявляя об этом, Норов присовокупил, что «эта благодетельная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия краю, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают также животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды». Но предположение Норова осталось невыполненным отчасти по причинам, приведенным выше, отчасти же вследствие того, что в течение 20 лет, протекших со времени его заявления, министерство было озабочено различными работами по устройству других училищ, преобразованиями их и учреждением новых учебных заведений в европейской России.

Среди непроглядных сумерек сибирской жизни можно сказать, что это был единственный вопрос, который временами освещал царивший мрак и соединял около себя обще-

ственные симпатии. В то время, когда вопрос об университете на Востоке временно замолк в Сибири и реже вызывал толки вообще в русском обществе, мы находим о нем статью в берлинском журнале, в «Архиве Эрмана», которая довольно подробно затрагивает вопрос о значении русской науки на азиатской окраине, говорит о предстоящем основании в Сибири университета, знакомит с пожертвованиями, сделанными на него, и довольно основательно разбирает преимущества различных городов, где его можно было бы открыть.

Таким образом, вопросу о сибирском университете суждено было возникнуть периодически. Пожертвование Демидовым было в 1803 году, представление Капшевича — в 1823-м; доклад министра Норова — в 1856 году, а последнее представление генерал-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытию особой комиссии, было в 1875 году. С 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведение в Сибири начали заявлять весьма часто как лучшие администраторы, так и лица, заинтересованные просвещением края. В Тобольской губернии сторонником этой мысли явился бывший тобольский губернатор А. И. Деспот-Зелович¹²; в Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось к этой мысли учебное ведомство. Шестидесятые годы, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать оживлений и в отдаленной Сибири, сосредоточившейся на заветной идее об университете. В это время Иркутск, получивший значение наиболее интеллигентного и переклассового центра Сибири, принял под свое покровительство и деятельно разрабатывал ту же идею. В Иркутске об этом шли учебные советы, и были делаемы неоднократные представления. В это время вся Сибирь была убеждена, что университет должен быть основан в Иркутске. Некоторые частные лица также пробовали поднять этот вопрос. Покойный профессор Эйхвальд в это время вел переписку по поводу сибирского университета с одним золотопромышленником. Г-н Сидоров предложил пожертвование 20 площадей приисков, а также до 10000 рублей в год на разработку этих площадей, но пожертвование это, о котором говорилось уже в печати, почему-то было отклонено. В тех же 60-х годах мысль об университете являлась любимой мыслью молодых выступавших сибирских писателей. Об этом писались статьи, читались публичные лекции в Красноярске, Томске и Омске, проектировалось целое общество для собрания пожертвований. Одним

словом, университетский вопрос сосредоточил надежды и идеалы будущего, он отождествился вообще с лучшей будущностью края, на нем покоилась вся сила убеждения и жар молодого сердца. В 60-х годах создавалась целая литература о сибирском университете. Он сделался не чужд и массе населения. Последний горожанин, последний мещанин в глухом уездном городе говорил о нем. Бедные городские классы в Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано в нем более, чем кто-либо. Так как в Сибири нет крупного и богатого дворянства, то континент пензильей наполняется в большинстве бедняками. Окончившая курс средние-учебных заведений, эти бедняки не могли получить дальнейшего образования, так как проезд до университетов обходится дорого. В то время, когда только некоторые счастливицы благодаря средствам или казенным стипендиям пробирались в университет, люди способные, с жадной жаждой знания, талантом и определившимся часто призванием тонули в безвестных офисах местных канцелярий или ехали в глухую сибирскую тайгу на привиски, уходили в приказчики и целую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенных желаний знания. Некоторые из сибирской молодежи без всяких средств путешествовали чуть не пешком, с обозами в дальние университеты; это было своего рода пилигримство*. Отцы, расставившиеся надолго с детьми, глубоко чувствовали разлуку; некоторым уже никогда не было суждено увидеть детей своих. Лучшие силы из Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведение было на месте. Этого не могли не сознавать самые простые люди. От этого в вопросе о просвещении звучали давно наболевшие жалобы и семейные слезы, но университет сознавался в смысле и общих потребностей. Часто при недостатке знающих людей, специалистов, техников, химиков (золотопромышленники для анализа какого-нибудь камня или руды возили их в Петербург, отыскивая специалиста, и т.д.) само собою рождалось заключение: вот был бы университет, не то бы было!

Но вопрос, столь понятный даже для простых людей, не всегда был доступен для людей, считавших себя авторитетными, но не разделявшими интересов края. Некоторые умудря-

* До последнего времени видно, каким испытанием подвергается сибирское юношество в погоне за просвещением. В отчетах тобольского и Томского сообществ вспомоществования студентам и бедным учащимся привожатся примеры, как бедствуют дети бедных чиновничьи-илов, причетников, дети городских ремесленников, ищущих просвещения (см. газета «Сибирь», 23 и 24 номера 1879 года).

лись даже выставлять какие-то политические мотивы препятствием к обыкновенному общечеловеческому образованию. Так, один из видных администраторов Восточной Сибири, приобретший громкое имя в 60-х годах, по поводу вопроса об университете в Сибири выразил следующую парадоксальную мысль: «Сибирякам опасно давать высшее университетское образование, гораздо более благонадежными могут быть здесь вызванные на службу из европейской России чиновники». Такое странное заключение, не говоря уже о том, что оно совершенно неуместно, выставляло сибиряков, таких же русских подданных, какою-то враждебной народностью и вдобавок отличалось светобоязнью.

Вот несколько точек зрения, с которых этот вопрос рассматривался в местной и столичной печати в течение последних восемнадцати лет.

1) Потребность высшего учебного заведения в Сибири обуславливается отдаленностью страны и затруднением для туземцев отправлять за 3—6 тысяч верст для обучения в русских университетах.

2) Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественноисторических знаний, без которых богатства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения был крайне низок.

3) Необходимость высшего образования вследствие недостатка медиков и учителей.

4) В видах доставления лучших сил администрации.

5) В видах учреждения и поддержания таких ученых и общественных учреждений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

6) В видах вообще воспитания общества, создания в нем образованного класса и лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

7) В видах разработки науки на Востоке и открытий в области знаний географических, исторических, филологических и проч., которыми должна обогатиться наука, привносящая во внимание обширность, непочатого для науки азиатского материка.

8) В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

9) Ввиду воспитания инородцев и дипломатических сношений наших с соседними странами Востока.

10) Для усиления и сохранения русской национальности ввиду новых приобретений и присоединений на Востоке.

11) Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без этого являются немислмыми.

Во многих статьях, посвященных этому предмету, выражались следующие мысли, рисовавшие в то время настоятельные нужды края.

«Число средне-учебных заведений в Сибири, — говорит г. Вагин*, — до последнего времени было очень невелико, они страдали более или менее серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как оно было бы велико при других, более благоприятных условиях, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здесь обещанное уже с 1825 года высшее учебное заведение, особенно если учреждению его будет предшествовать увеличение числа и улучшение качества средне-учебных заведений. Можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти пятидесяти лет оставалась одним только проектом...». «Потребность и жажда учиться у сибиряков в последнее время достигла весьма высоких размеров, — пишет тот же автор, — одни из сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие иногда без всяких средств пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, пробираясь частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных своих земляков-товарищей. Любовь к науке доходит у них иногда до самопожертвования... Просвещением Сибири должна была доселе пользоваться только от лиц приезжих, но большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что «Сибирь — золотое дно», что в Сибири можно *нажиться службою* скорее и лучше, чем в других местах торговлей. Еще Сперанский заметил, что в Сибирь едут одни «*титоварные советники*, то есть люди, которым за недостатком образования была закрыта дальнейшая дорога».

«Мы предоставляем судить, — говорит по этому поводу другой автор, — насколько подобный случайный приезжий контингент, часто с не совсем безупречной репутацией и воззрениями, мог удовлетворять действительным потребностям края; наконец насколько он окажется пригодным при введении новых учреж-

* Исторические сведения о гр. Сперанском в Сибири, т. II, стр. 389 и след.

детей в Сибири. Признавая важное значение университета на Востоке в связи с введением реформ, без которого они не достигнут своей цели, — говорит та же статья, — мы должны прийти к тому заключению, что этим учреждением должна начаться самая реформа. Создание высшего образования в Сибири будет иметь столь важное значение, что одно уже оно повлияет на изменение всего склада сибирской жизни. От университета создастся целая умственная атмосфера. Можно сказать, что только с ним наступит сознательная жизнь местного общества, а самый край вступит в новую эру исторической жизни. Те же статьи, представляя ненормальное положение общества, из которого лучшие интеллигентные силы уходят, забывая ученую, литературную и гражданскую карьеру вне родины, где они не находят деятельности, указывают на недостаток гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов в крае, без которых жизнь становится эгоистическою, сухою, черствою и грубо животною».

Наконец по поводу будущего значения университета на Востоке в печати указывалась ему следующая роль: «Оставляя в стороне те благотворительные последствия, которые может иметь это учреждение для края, мы хотим определить, какое он будет иметь значение для цивилизации в мировом значении в смысле просвещения и изучения Азии. Известно, что материк Азия остается отлученным от европейской жизни, европейская цивилизация имеет весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенах инородцев, целые миллионы азиатских народностей населяют соседние русским азиатские страны. Открытие этих народностей для европейской науки и призывание их к жизни может составить эпоху в истории человечества. Единственное европейское население, прилегающее с севера к Азии, — население русское, чрез него должен, между прочим, пролагаться путь просвещения. Посмотрите же, какими средствами обладает это русское население для своей великой миссии. Население этого края невежественнее многих глухих провинций европейской России, оно не обладает никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское население среди могучей девственной природы часто дичает и стоит беспомощным, окруженное инородческими племенами, влияющими на него более, чем оно на них. Понятно, что отсюда является постоянное отступление от культуры русского населения, понижение расы вследствие метисации, а также облыродчение русского элемента». Приводя многочисленные при-

меры этого поглощения русских инородцами, местный публицист заключает: «Ежели Сибирь еще на 50 лет останется в замкнутом состоянии и без образования, можно ручаться, что мы увидим вырождение и преобразование здесь русских в самосдов, якутов, бурят и киргиз...». «Единственное спасение сохранить нам свою национальность, укрепить ее и, усвоив цивилизацию, внедрить ее к другим народам — это образование. Не нужно забывать, что просветительная миссия на Востоке должна иметь в виду, кроме света знания, внесение гуманных христианских начал в жизнь азиатских народов, привитие идей человечности и равноправия. Служба подобную службу делу цивилизации и просвещения на Востоке, Россия окажет услугу не одной себе, но и всему человечеству».

Вслед за этим в печати указывались и примеры, как давно уже заботятся о развитии просвещения европейские народы в своих колониях, делались ссылки на пример английских университетов в Индии, Новой Голландии, в Капской колонии. Со взглядами наших противников просвещения на окраинах могли быть сопоставлены разве взгляды полуварварской Испании, когда в прошлом столетии явилось запрещение училища в Лиге для благородных индейцев, когда основание училища в Буэнос-Айресе было отвергнуто, испанским колониям запрещено было мечтать об университете, а епископ Санта-фе настаивал на том, что креолы для того, чтобы остаться верноподданными, не должны учиться ничему, кроме закона Божия.

Истощив массу аргументации, литература об университете испытывала крайнее напряжение, и ее ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно к вопросу об университете, — говорит автор статьи «Сочувствие к науке на Востоке», — выразив наши желания, мы жители Востока империи, можем утешиться одним, что среди нашего поколения есть души, которые стремятся к просвещению. Может быть, нам не удастся дожить до основания великого образовательного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинят все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспомнит всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке, она вспомнит добрые ей пожелания в день своих радостей, как они помнят ее в дни ее скорби».

Такою скорбью отзывались все эти долгие ожидания, и при таких условиях идея сибирского университета дождала до

половины семидесятых годов; к ней все болос примыкали чувства местных писателей, образованных людей и местного общества, она становилась излюбленной мечтою и явилась потому не случайно, не плодом одной административной фантазии, без всякого отношения к жизни окраины, как думалось людям, в первый раз узнавшим о существовании этой идеи и не знакомым с жизнью края, напротив, вполне современная, она ждала благоприятной минуты для своего осуществления.

В 1875 году появилось радостное для сибиряков известие в газетах о том, что новый генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков⁵³, ознакомляясь с нуждами и потребностями края при вступлении в управление, решился сделать государю императору представление о необходимости высшего образования в Сибири. 25 апреля 1875 г. состоялось при назначении г-ад. Казнакова Высочайшее повеление: *«Подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовиться из среды своей людей сведущих и образованных в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения, и по ближайшему и всестороннему обсуждению этого предмета подвергнуть чрез министерство народного просвещения на высочайшее воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета».*

Начались приготовления, которые состояли в том, что генерал-губернатор предположил открыть новые гимназии для усиления среднего образования, как подготовительного средства для образования. С этою целью положено было открыть гимназии в Омске и в Томеги. Но при этом новоя административная Сибирь пришла к убеждению, что учреждение новых заведений этого разряда в числе, соответствующем действительным потребностям края, представляется в последнее время почти невозможным вследствие недостатка преподавателей. Без местного в Сибири университета вновь учреждаемые в ней, хотя бы в самом малом числе, гимназии, подобно тобольской и томской, будут затруднены в привлечении необходимых для них учебных сил, и по-прежнему лучше воспитанники гимназий с выездом для получения высшего образования в европейскую Россию в большинстве случаев будут исчезать бесследно для Сибири. По-прежнему выписанные за тысячи верст и со значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже наполовину образованные чиновники, будут проживать в Сибири, тяготясь своим положением и помышляя после

трехлетнего обязательного служения возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будет продолжать испытывать недостаток в образованных деятелях.

В новом представлении по поводу сибирского университета все эти затруднения были предвидены, и потому в нем говорилось, что к осуществлению сибирского университета приступить является вполне своевременным; в этом убеждают все чаще повторяющиеся заявления местных начальников и генерал-губернаторов о крайнем недостатке в Сибири деятелей на всех поприщах государственной службы и в особенности о крайней затруднительности замещения вакансий медиков и учителей в средних учебных заведениях, о весьма ощутительном неудобстве замещения всех этих вакансий исключительно пришлыми силами, которые в большей части случаев оказываются не вполне соответствующими занимаемым им местам, и, наконец, о безвыходном положении родителей, вынужденных для предоставления детям их высшего образования посылать их в европейскую Россию, где они вполне отчуждаются от семейства и их родных обычаев. Сверх сего, Сибирь — страна, еще почти непопеченная в научном отношении; ученые экспедиции, отправлявшиеся туда для исследования края, успели разработать только весьма незначительную часть имеющегося в нем научного материала; борясь с затруднениями, сопряженными с огромными переездами, экспедиции эти могли заниматься своим делом лишь урывками, извлекать научные сведения только частями. Научный центр в самой Сибири дал бы возможность сосредоточенным в нем ученым силам исследовать край с большим удобством и с необходимыми для успешности работ последовательностью и постоянством. Обилие подлежащего научному исследованию материала в Сибири доказывается уже тем, что она издавна привлекала и привлекает в последнее время исследователей не только из европейской России, но и из некоторых стран Западной Европы. С начала прошлого столетия начали посещать Сибирь знаменитые путешественники. В начале нынешнего столетия посетили для изучения богатств ее Гумбольдт, Розе, Эренберг, Лелебур, наконец, в последние годы Миддендорф, Котта, Брем и другие.

Прошло более тридцати лет, заключает представление, с тех пор, как дарованы преимущества приезжающим на службу из европейской России в Сибирь, и тем не менее прискорбная действительность показывает, что ни административная, ни суды,

ни народное здоровье, ни учебное дело в этом крае не обеспечено достаточным числом сведущих, образованных и преданных своему делу лиц. В подтверждение этого достаточно сказать, что в двух только гимназиях ведомства министерства народного просвещения, существующих в Западной Сибири, недостает в настоящее время *шести штатных преподавателей* по важнейшим предметам гимназического курса, древним языкам и русскому языку со словесностью, одного по истории с географией и двух по новым иностранным языкам, и что *недостаток врачей превышает 31%* штатного числа сих должностных лиц при разных учреждениях этого края, а именно: врачей положено штатом 122, *недостает же 39 человек*. Независимо от сего Сибирь и вне служебного поприща не менее, если не более нуждается в полезных деятелях, без которых ее производительные средства, связанные с естественными богатствами, остаются мало исследованными. Примеры такого явления очевидны; не имея университета, Сибирь из своих уроженцев не могла воспитать ни одного вполне образованного поколения, которое бы всецело посвящало ей, как родному месту, свои полезные силы. Мало того, в ней постоянно повторяется следующее неутешительное явление, общее для обеих половин ее: лучшие воспитанники, окончившие курс в местных гимназиях и поступившие в университеты империи, по приобретении там высшего образования в весьма редких случаях возвращаются в Сибирь, но несравнимые в преимуществах службы с уроженцами не сибирскими и увлекимые либо служебными выгодами, либо несомымыми дотоле удобствами жизни в столичных и больших городах избирают местом своей деятельности европейскую Россию. Таким образом, Сибирь представляет то редкое и в высшей степени прискорбное зрелище, что учреждения в ней средне-образовательные заведения вместо того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служат как бы средством для отвлечения из нее свежих живительных умственных сил в европейскую Россию, из которой взамен их нередко являются на службу, не без значительных для государства денежных затрат, искатели счастья, не успевшие в ней пристроиться по недостатку сведений, а иногда и сомнительной нравственности, и большинство случаев люди, смотрящие на службу в Сибирь, как на дело временное, и пытающиеся при первой возможности оставить ее и возвратиться в европейскую Россию. Со времени первого заявления мысли об учреждении университета,

говорит представление, народонаселение в Сибири возросло до 500000, открытых в ней *четырёх* гимназий ведомства министерства народного просвещения оказывается недостаточно для удовлетворения потребности края, а учреждение новых средне-образовательных заведений встречает затруднение по недостатку подготовленных преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается в людях с высшим образованием, и удовлетворить этой нужде не могут высшие учебные заведения империи, куда учащиеся должны следовать за 4—5, а иногда и более тысяч верст; словом, представляется ныне настоятельная необходимость возвысить уровень образования в Сибири, дать местным ее уроженцам средства развивать и оберегать свои умственные силы на пользу самой Сибири, что может быть достигнуто только учреждением университета в этом крае.

По вопросу о том, найдется ли достаточное число слушателей для сибирского университета, вопросу, служившему аргументом для многих противников университета в Сибири, выяснилось следующее: 1) в гимназиях Западной и Восточной Сибири в 1875 году выдержали испытание зрелости 38 молодых людей (в том числе в Тобольске — 9, Томске — 14, Иркутске — 10 и Красноярске — 5) и 2) в 1875—1876 учебном году в четвертых классах духовных семинарий (где оканчивается общий курс и из коих дозволено поступить в университет) тобольской и иркутской числится 31 ученик и в среднем отделении томской духовной семинарии, соответствующем четвертому классу преобразованных по новому уставу семинарий, 34, всего в трех семинариях (из четвертой, благовещенской, сведений не имеется) 65 учеников. Имея в виду эти данные как более или менее постоянные, а также принимая во внимание стремление молодых людей к высшему образованию, что подтверждается, между прочим, тем, что из 23 выдержавших в минувшем году в гимназиях тобольской и томской испытание зрелости 20 заявили желание поступить в университеты и в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию, можно допустить, что и при нынешнем числе средне-образовательных учебных заведений университет в Сибири имел бы ежегодно от 60 до 70 новых слушателей, считая в том числе и воспитанников духовных семинарий. Такое число слушателей вначале, бесспорно, небольшое по сравнению с другими университетами, впоследствии, по мере открытия новых гимназий и выпуска из них воспитанников, возросло бы, и во вся-

ком случае университет в Сибири в самом начале своего открытия не остался бы без такого контингента учащихся, при котором возможна его деятельность с довольно значительными результатами для края. Поставив, таким образом, вопрос об университете и при объясненном выше небольшом составе слушателей на почве практической возможности его осуществления, представление полагает, что отсрочить учреждение сего заведения до времени подготовки большего числа слушателей значило бы замедлить открытие новых средне-образовательных учебных заведений и оставлять на долгое, если не на неопределенное время, неудовлетворенными потребности края в образовании достойных для него деятелей. Вот данные, которые приведены были в проекте 1875 года*.

Затем были выражены следующие предположения: а) университет полезно бы было учредить из четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского; б) число кафедр по каждому факультету можно было бы на первое время ограничить наиболее необходимыми и основными с тем, чтобы со временем, по мере присылки достойных профессоров и увеличения числа студентов, число их постепенно пополнялось до нормы, положенной общим уставом университета; в) сообразно ограниченности числа кафедр предполагалось уменьшить число преподавателей, а следовательно, и сумму падающих на государственное казначейство расходов, произведя также возможные сокращения издержек и по некоторым другим статьям, определенным действующими правилами университета; г) за необходимость изыятиями проектируемый университет подчинить действию общего устава университетов в империи.

Вообще по составленному в Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительные сокращения расходов сравнительно со штатами 1863 года, например, сокращение 63000 рублей вследствие уменьшения числа профессоров и доцентов, 12985 рублей — от предположения не учреждать на первое время факультетских клиник; на стипендии студентам назначалась сравнительно небольшая сумма — 10 тысяч рублей. Всего относительно штата среднего по стоимости содержания университета (Харьковского) расход сокращен на 126609 рублей. Таким образом, сумма, необходимая для содержания уни-

* Три года спустя представлялись уже новые данные об учебном деле в Сибири, которые мы приведем ниже.

университета в Сибири, исчислена первоначально в проекте в 212220 рублей. Сумма эта, по мнению генерал-губернатора Западной Сибири, может быть еще сокращена на 6000 рублей, отпускаемых ныне на 20 сибирских стипендиатов в университетах по мере окончания курса или вообще выбытия этих стипендиатов.

Кроме того, ввиду экономической и финансовой стороны дела обращено было внимание на слишком крупные издержки, которые в настоящее время несет государство вследствие преимуществ, предоставленных приезжающим из европейской России на службу в Сибирь. Собранные по этому предмету сведения показывают, что в одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалование ассигновано к расходу в 1875 году 67032 руб. 81½ коп. и что в 1874 году выдано пособий (окладов годового жалования) вновь определенным на службу в этот край 12804 руб. 80 коп. По полученным же от генерал-губернатора Восточной Сибири сведениям назначено в этой части Сибири на 1875 год на прибавочное жалование за сибирскую службу 65430 руб. 86 коп., а на выдачу годовых окладов жалования вновь определенным на службу в Восточную Сибирь чиновникам употреблено в 1874 году 21687 руб. 73 коп. Таким образом, в совокупности издержки эти простираются для обеих частей Сибири до 167000 рублей в год. Необходимо допустить, что с учреждением сибирского университета и по мере приготовления в нем деятелей из уроженцев Сибири потребность в пришлоем элементе служащих постепенно падала бы, а с тем вместе и расход на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, в представлении сибирского начальства была исчислена в 500000 рублей, причем первоначально университет должен был быть без клиник с заменою их местными госпиталями. Сумма эта была слишком ничтожна даже по местным средствам, принимая во внимание, что в то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназии было ассигновано 425000 рублей*. Сверх того было указано, что часть необходимых для постройки денег находится уже в пожертвовании

* Постройка других учреждений, как, например, Харьковского технологического института, обошлась в 2000000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглиц на сооружение рисовальной школы пожертвовал 100000 р. Казалось, для сибирского университета на постройку скорее необходимо было бы 300000 р. казенных приложить к частным пожертвованиям.

Демидова, и капитал этот достигает 151000 рублей; затем на этот предмет может быть еще обращено пожертвование г. Цибульского в 100000 рублей, а следовательно, в 1875 году от казны понадобилось бы не более 350000 рублей. Наконец, в изыскании средств к сокращению издержек казны на этот предмет генерал-губернатор Казнаков указывал на могущую произойти экономию для казны 200000 рублей при введении вольных почт. Хотя соображения относительно вольных почт не оправдались*, но они служили свидетельством всей напряженности в изыскании средств к облегчению казны в этом деле. Одним словом, требования по расходам на создание сибирского университета были доведены, как указывают документы, до последнего минимума. Относительно предоставления прав и преимуществ для привлечения профессоров и доцентов в новый университет не испрашивалось ничего, как только те преимущества, которые установлены вообще для служащих в Сибири; затем предполагалось открытие на первое время лишь самых необходимых кафедр**. Сумма на личный состав должна была по смете не превышать 212220 рублей. Основание отделения *восточных языков*, столь необходимого для Сибири, отлагалось на неопределенное время.

Предположения и требования эти были до того умалены, ограничены, и состав университета мог явиться столь неполным, что министерство народного просвещения в своих замечаниях сочло нужным указать, что при недостаточных платах едва ли можно рассчитывать на привлечение достойных профессоров и доцентов, без чего самый университет не станет на

* Вольные почты в руках монополистов были бы только бременем для Западной Сибири, как доказало обстоятельное рассмотрение этого вопроса.

** В историко-филологическом факультете по проекту генерал-губернатора предлагалось только 6 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах вместо положенных по уставу 1863 года 11 кафедр при 12 профессорах и 7 доцентах. В физико-математическом факультете предлагалось в проекте 8 кафедр при 12 профессорах и 4 доцентах вместо положенных 12 кафедр при 16 профессорах и 3 доцентах. В юридическом факультете предполагалось вместо 13 кафедр при 13 профессорах и 6 доцентах иметь 8 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах, причем политическая экономия и статистика соединялись в одном лице. История важнейших иностранных законодательств, международное право и история славянских законодательств совсем опускались. Медицинский факультет предполагалось сократить до 11 профессоров и 9 доцентов. По штату сибирского университета предполагалось только два лектора иностранных языков (а по общему уставу их предполагается четыре).

подобающую высоту, почему необходимо для привлечения профессоров и доцентов увеличить оклады в полтора раза более, чем в других университетах. Относительно состава и числа кафедр министерство, соглашась в общем, нашло нужным сделать только некоторые изменения; так, на физиологическом факультете вместо шести кафедр и восьми профессоров назначить до семи кафедр и девяти профессоров; на юридическом факультете прибавить также по кафедре и по профессору. Вместе с тем высказано было желание не устранить для сибирского университета кафедру истории иностранных законодательств, а включить ее в состав энциклопедии права; нельзя также исключить международное право, так как оно имеет не один исторический интерес, а потому, чтобы дать хотя бы общее понятие о нем, положено соединить в один предмет «государственное право» и «общую теорию международного права». Считено нужным прибавить также несколько профессоров и доцентов на медицинском факультете. В общем же увеличение против представленного проекта генерал-губернатора предполагалось только до четырех профессоров, двух доцентов и одного помощника прозектора. Относительно постройки университета без клиник министерство народного просвещения также не нашло удобным согласиться и в общей смете полагало бы на постройку университета определить не менее 600000 рублей. Размер статей расходов на лабораторию и кабинет до 1000 руб., на ботанический кабинет 400 руб. и выпуску журналов 750 руб., найден уменьшенным, так как по отдаленности сибирского университета и затруднительности высылки и получения необходимых предметов расходы эти должны бы быть увеличены. Вообще министерство нашло нужным на постройку университета увеличить расход до 600000 рублей, а на личный состав и на учебные принадлежности просить 307820 рублей*. Министр финансов со своей стороны не встретил препятствий к внесению в смету министерства народного просвещения 1878 и 1879 гг. потребных на постройку университета сумм, но с тем, чтобы в число их были зачислены не только суммы, уже пожертвованные на сибирский университет, но и те, которые ввиду окончательного решения вопроса об учреждении университета вновь поступить могут. По мнению министра народного просвеще-

* По штатам 1863 года с присоединением других сверхштатных сумм другие университеты получают: С.-Петербургский — 375586 руб., Московский — 466950 руб., Харьковский — 357973 руб., Казанский — 376872 руб., Киевский — 373160 рублей.

ния, предполагалось открытие сибирского университета с 1 июля 1879 года в составе четырех факультетов. Министр же финансов находил, что отпуск денег следует назначить с июля 1880 года с ассигнованием 100000 рублей на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось к 1880 году. Местом основания университета по первоначальному проекту был избран Омск. В таком виде согласно высочайшему повелению 24 апреля 1876 г. вопрос о сибирском университете внесен был в министерство народного просвещения, а последним — в государственный совет.

Проект сибирского университета при таких условиях не встречал, по-видимому, особых препятствий к своему осуществлению. Можно было ожидать, что открытие университета после долгих ожиданий наконец осуществится, и надежды Сибири сбудутся, но и на этот раз ожиданиям сибирского края суждено было исполниться не столь скоро, как ожидалось. Славянское движение и война с Турцией, как и финансовые обстоятельства России еще раз отодвинули этот вопрос, почти решенный, на второй план и приостановили практическое осуществление начатого дела. Самый проект учреждения университета, к сожалению, далеко не привлек должного внимания столичной печати и общества и не вызвал всестороннего обсуждения, может быть, благодаря тому, что самый проект не был опубликован. Один только пункт этого проекта вызвал внимание общества и печати, напомнив, что проект этот рассматривается. Пункт этот касался избрания города для сибирского университета и, играя, по-видимому, второстепенную роль, получил тем не менее первостепенное значение для края. При этом нужно иметь в виду обстоятельства, которыми избрание места для университета сопровождалось.

Когда-то по мысли жертвователя Демидова предполагался местом для основания университета Тобольск, но город этот давно потерял свое значение центра и митрополии Сибири. В 60-х годах предполагалось основание университета в Иркутске как пункте, получившем особенное развитие в крае, но впоследствии не раз высказывались преимущества Томска, как центрального пункта для обеих частей Сибири. При поднятии вопроса об университете в 1875 году большинство полагало, что выбор падет на Томск, как на самый видный город Западной Сибири, обладающий всеми необходимыми для университетского города условиями. Таково же было ожидание жертвовате-

ды, давшего в числе первых 100000 рублей на основание Томского университета. Но административные соображения заставляли проект высказаться за Омск — город, находящийся на окраине, а не в центре Сибири. Несмотря на все аргументы в пользу Омска как города будущего и его административные преимущества, мысль избрания его резиденцией университета, противоречащая вообще интересам сибирского края и общества, явилась вдобавок неожиданностью для сибиряков и, понятно, вызвала самые горячие протесты. Омск представляет в Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничий город, имевший когда-то военное и административное значение при завоевании киргизской степи; но и это значение с покорением степей в значительной степени утратилось. Находясь в стороне от главного Сибирского тракта и центра населения, он угрожал сделать университет пустым. Наконец, город Омск переполнен исключительно элементом местным, временным и никакой связи с страной не имеющим; для самих приезжающих он играет роль только временной станции*. Вот почему общественное мнение Сибири весьма решительно выступило против Омска, а местная и столичная печать решительно отдавала преимущество городу Томску.

История этой борьбы и соперничества городов за университет составляет яркий эпизод и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирские городские общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представления. Вот что писал, например, томский городской голова: «Последние петербургские газеты и телеграф приносят в Томск давно ожидаемую с нетерпением весть о близком окончательном решении вопроса относительно дарования Сибири первого университета. Такое важное, можно сказать, историческое событие для Сибири побудило нескольких главных, как представителей всех слоев общества, обратиться ко мне с заявлением назначить в одно из заседаний думы вопрос об обсуждении обстоятельств, относящихся к этому делу. Разрешая утреждение в Сибири университета, правительство в благом попечении о нуждах края имело несомненно целью предоставить жителям Сибири дать детям своим высшее образование без излишних затрат, неиз-

* Из взвешенных и рассмотренных доводов и числовых данных, рассмотренных в особой комиссии при государственном совете, оказалось, что Омск не обладает ни одним из преимуществ для университетского города по сравнению его с Томском.

бежно сопряженных с отправкою для обучения в университетские города европейской России. Для достижения этой цели местопребывание университета, конечно, должно быть избрано в том из городов, который не только находился бы в центре Сибири по своему географическому положению, но в то же время был бы в тесной связи со всеми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Таким центральным пунктом является город Томск».

Разобрав все аргументы за Томск и Омск, а также указав значение этих городов вообще для края, представитель томского городского сословия говорит в заключение: «Все эти доводы и факты приводит, с одной стороны, к несомнительному убеждению, что учреждение университета в гор. Томске было бы далеко полезнее для обеих частей Сибири, и указывает, с другой стороны, что университет г. Омска рискует остаться вовсе без слушателей и быть закрытым или переведенным в тот же Томск. Но газеты сообщают за положительное, что университет учреждается в Омске. По предложению генерал-губернатора Западной Сибири, последовавшему в декабре 1875 года, об уступке в гор. Томске места под университет, граждане этого города с глубокою признательностью и готовностью в 19 день января единогласным решением думы сделали уступку 35000 квадратных сажен лучшего места под университет, и в тот же день гражданин города Томска Цибульский пожертвовал 100000 рублей на устройство предполагаемого в гор. Томске университета. Если бы даже отведенное место по каким-либо причинам было признано неудобным, то граждане Томска ввиду того громадного значения, какое имеет университет для Сибири, не затруднятся отвести другое место, которое будет избрано, лишь бы только учреждаемый университет по своему месторождению удовлетворял удобствам жителей всей Сибири; причем можно надеяться, что в таком случае местное купечество не затруднится на пожертвования, и пример Цибульского найдет многих подражателей. Известие о предполагаемом открытии в городе Томске университета было встречено сочувственно всеми жителями Восточной Сибири, как это было видно из личных заявлений и отзывов в газетах. Зная убеждение всех сибиряков, что г. Томск есть центральный город Сибири, граждане города Томска не сомневались, что университет будет учрежден здесь, и потому не принимали никаких ходатайств и им до сих пор неизвестны причины перемены первоначального взгляда правительства, если

таковая действительно состоялась, как видно из газет. Если принять за основание учреждение университета в Омске большую возможность надзора за учащимися высшего центрального управления, находящегося в том городе, то граждане города Томска полагают, что было бы удобнее перевести высшую учебную администрацию в город Томск, чем рисковать университету остаться без студентов».

Точно так же характеристичен и другой документ, адресованный министру народного просвещения от имени жертвователя на сибирский университет Захара Михайловича Цибульского:

«Ни в одной части России общество не почувствовало так глубоко недостаток высшего образования, как в отдаленной от умственных центров Сибири. Поэтому известие о намерении правительства учредить в Томске университет было встречено сибиряками с невыразимым восторгом. Наши начинания, касались ли они науки и воспитания, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вследствие недостатка знания, мы желаем исследовать Сибирь для себя, а между тем к нам приезжают норденшельды, бремены, представители чужих интересов. Мы жертвуем деньги на приюты, городские и сельские школы, но заведения эти не приносят всей ожидаемой от них пользы по неимению хороших преподавателей. Нам должно заботиться о городском благоустройстве, ассенизации наших жилищ и улиц, но где взять исполнителей? Неисчерпаемые естественные богатства Сибири лежат нетронутыми, ожидая умелых рук для их разработки. Приделанные и другие подобные задачи не вымышленные, а действительные и насущные, разрешаются в благоприятном смысле, когда в Сибири будет расцветка высшего образования. Вот почему весть об университете была встречена единодушным сочувствием, которому в особенности содействовало удачное избрание Томска университетским городом... Не буду повторять доводы за Томск, — говорил жертвователь, — изложенные в представленном ходатайстве Томской городской думы. Взгляды Томской думы разделяют другие города Сибири, из которых некоторые присоединились к ходатайству за Томск. Услышав о намерении избрать Омск университетским городом, Енисейская дума по постановлению 15 июня 1877 года ходатайствовала чрез местного губернатора и посылала телеграмму вашему сиятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сделала

Верхнеудинская дума по постановлению своему 12 июля. Красноярский городской голова в письме от 5 июля за № 1169 выражал томскому голове, что его общество сочувствует устройству университета в Томске, но что, к сожалению, время для ходатайства о том, по мнению этого общества, упущено. Барнаульский городской староста писал в июле, что тамошнее общество, безусловно, разделяет воззрение Томской думы, но оно не может официально высказаться, потому что там не введено городское положение. Это ясно доказывает, что сочувствие к Томску не вытекает из эгоистической заботы одних лишь его граждан о выгодах своего города; такое узкое воззрение не заслуживало бы поощрения. Пусть откроют в Сибири две подписки на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посыльные приношения деньгами, учреждением стипендий и т. п. потекут широкой рекой. Ошибаться в выборе пункта для университета значило бы дискредитировать здесь самую идею высшего образования, отделить ожидаемые для Сибири от университета благи результаты, может быть, на целое столетие».

Таким образом, в Томске сосредоточивались сочувствующие ему заявления со всех городов Сибири. Иркутская дума сделала в полном собрании открытое заявление и представила министру народного просвещения следующий адрес: «Учреждение университета в Сибири будет, без сомнения, признано третьей эпохой в исторической жизни этой страны... Университет с начала нынешнего столетия был заветным желанием Сибири, и город Иркутск может с уверенностью сказать, что и нем и зародилась, и долгое время зрела мысль об университете. Но когда эта мысль вполне созрела и стала близка к осуществлению, когда возник практический вопрос: где быть университету, город Иркутск, движимый чувством справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступил свое право Томску. Никто в Восточной Сибири не возражал против преимуществ географического положения Томска. Не то произошло, когда прошла весть, что местом основания сибирского университета предполагается Омск. Если вам придется посылать своих детей за три тысячи верст, то не лучше ли по-прежнему отправлять их в Казань или в столицы, где более и образовательных средств, и самая жизнь удобнее и поучительнее. Таково общее мнение Восточной Сибири. Иркутская городская дума вследствие сношения Томской думы

уполномочила меня почтительнейше заявить вашему сиятельству, что основанием университета в Омске только вполнине будет исполнено желание Сибири, жаждущей высшего образования, что университет в Омске далеко не будет иметь того значения, какое имел бы, находясь в центре и на великом пути от Атлантического к Тихому океану, и что, наконец, если Иркутск охотно уступил Томску великое право иметь в своих стенах рассадник высшего образования, то уступить это право отдаленному и малозвестному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя поручение Иркутской городской думы, имею честь заявить вашему сиятельству о желании моих сограждан, чтобы дело о даровании университета Сибири завершено было в духе общих желаний сибиряков, которые питают надежду, что в деле такой важности голос их будет выслушан и их соображения приняты во внимание при указании места, где быть сибирскому университету. Заступающий место иркутского городского головы Николай Лаурентьев».

Значительная часть городов Сибири и общество сгруппировались, таким образом, около Томска, города Восточной Сибири, все высказались за него; из городов Западной Сибири только Тобольск и Тюмень заявили некоторый партикуляризм. Тобольск по традиции решился сам заявить себя в кандидаты, а Тюмень высказалась за Омск, как ближайший к ней город. Комиссия, учрежденная для рассмотрения вопроса о выборе города для университета, взвесила все аргументы, высказанные за тот и другой город, оценила их вполне беспристрастно и отдала предпочтение центральному пункту Сибири — Томску.

Вслед за результатами суждений комиссии и окончательным решением вопроса государственным советом в пользу Томска* местные симпатии общества к сибирскому университету выразились новыми пожертвованиями. Томское общество внесло 25000 рублей на клиники и 5000 рублей на покупку книг для библиотеки. На приглашение генерал-губернатора Западной Сибири А.М. Сибиряков пожертвовал 100000 рублей на устройство кабинетов, он же внес на покупку библиотеки 10000 рублей. Из других жертвователей Трапезников внес 10000 рублей, Пермский — 1000 рублей, Бог-

* 1 мая 1878 года вопрос о сибирском университете окончательно решен в государственном совете в пользу Томска, и состоялось затем высочайшее повеление.

Данович ассигновал сумму на стипендию; наконец несколько лиц заявили желание пожертвовать библиотеки, вместе с тем начали стекаться приношения для музеев. Вопрос, таким образом, снова приобрел прежние симпатии и сочувствие сибирского общества. Нельзя было упрекнуть в этом случае сибирское общество в равнодушии. Весть об утверждении университета в Томске принята сибирским обществом с живою радостью и восторгом. «Да будет эта радостная весть для Сибири действительной радостью», — писала одна местная газета. При всяком благоприятном известии об университете телеграфные депешки в Томске печатались золотым шрифтом, выставлялись в лавках и расходились по рукам. Частные пожертвования производились без всякого вынуждения, добровольно и с сознанием важности дела.

Финансовая сторона университетского вопроса между тем находится, как известно из опубликованных данных, в следующем положении:

девиловский капитал составляет ныне	150000 руб. с проц.*
пожертвование коммерция советника Цибульского	100000 руб.
пожертвование А. М. Сибирикава	100000 руб.
им же пожертвовано на библиотеку	10000 руб.
томским обществом на устройство классов	25000 руб.
пожертвовано томскими жителями на покупку книг для университета	5000 руб.
Трапезниковым пожертвовано	10000 руб.
Пермикиным	1000 руб.
красноярским почетным гражданином Кузнецовым	500 руб.

Пожертвования эти, не считая стипендий, как Богдановича и томского общества, а также жертвуемых библиотек, простираются одними деньгами более 400000 рублей.

Как бы и отнюдь, однако, на выраженные опасения и высказываемые затруднения жертвователей на университет З.М. Цибульский внес в 1879 году вновь 40000 рублей для осуществления скорейшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капитал**. Правда, некоторые находят, что

* Девиловский капитал, как известно, в 1803 году состоял из 50000 р. ассигновками, с процентами он должен был составлять гораздо более 150000 р. сер., но по какой-то случайности он, как говорят, несколько лет выкапывался без всякого приращения.

** Из речи профессора Флоринского при закладке университета в 1880 году видно, что к этому времени частные пожертвования достигали 354000 р., на учебные пособия 100000 р., на стипендии 31000 р., всего 485000 р., и, кроме того, скопилось 35000 томов пожертвованных и купленных книг.

предполагаемая сумма по смете 500000 рублей на постройку слишком ограничена даже для Сибири, принимаемая во внимание постройка клиник, кабинетов, музеев и т.д., но на это отвечают: «Пусть будут заложены первые камни на университет, в крайнем случае в Сибири найдутся средства окончить дело, этому ручательство — уже существующие пожертвования. Пусть университет наш не будет отличаться пышностью, — говорят местные патриоты, — пусть это учреждение будет на первое время скромным и небогатым, как дом пионера-колониста. Высшее учебное заведение должно блистать не внешностью, пусть оно блистает ярким лучом знания и истины».

Действительно, слишком много пропущено времени, чтобы не желать самого скорого осуществления этого учреждения. Открыть его предполагено было по внесенному проекту в 1880 году. Как видим, университетский вопрос в Сибири пережил много перипетий, чересчур долго ждал своей очереди, и как бы ни было неразвито и незрело сибирское население, едва ли на нем одном лежит за это ответственность. Причина, почему университетский вопрос в Сибири, выступая не раз, не мог получить надлежащего направления и разрешения, заключалась не в том, что вопрос этот является преждевременным и недостаточно выясненным, но в том, что на него не было обращено достаточно внимания, и что стремление сибиряков и ожидание ими реформ не всегда совпадало с ходом и настроением общественной жизни в европейской России. Это объясняется отдаленностью сибирских провинций, где жизнь несколько отстает, а требования ее опаздывают. Положение окраин между тем несколько не улучшилось, и нужды просвещения дают себя по-прежнему чувствовать.

Вот что говорит по этому поводу один из официальных отчетов Сибири за 1878 год: «Народное образование в Западной Сибири далеко не находится на надлежащем уровне. Стремление к образованию проявляется во всех слоях общества, но желающие учиться поставлены в весьма неблагоприятные условия по недостаточному числу учебных заведений. Большинство населения, особенно женщины, до сих пор еще остаются безграмотными. В развитии общественной жизни явно сказывается недостаточность местных средств высшего образования. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу в Сибирь образованных лиц, предоставляя им разные льготы, но эти усилия не достигают цели. Если в Сибирь и попадают

вообще достойные лица, то они скоро до такой степени начинают тяготиться суровыми, непривычными для них условиями быта и отдаленностью от центра империи, что при первом удобном случае покидают Сибирь. Даже уроженцы ее, более способные из учеников местных учебных заведений, уезжая для своего образования в европейскую Россию, свыкаются там с лучшей обстановкою жизни и редко возвращаются на родину. Вследствие этого население остается без врачей, сельские и городские училища нуждаются в учителях, судебные места — в лицах, имеющих юридическое образование.

Но, кроме практических целей, еще важнее является наряду с высшим образованием поднятие вообще уровня общества и создание образованного класса, которое сознательно отнесется к своей жизни, выдвинет передовые задачи развития и, может быть, изменит самую будущность края, создав зародыши цивилизации в Азии.

В университете, таким образом, лежит все будущее страны и нашей роли на Востоке. Это весьма плохо понимали люди, не принимавшие во внимание положение края и не знавшие историю сибирского просвещения. К сожалению, университетский вопрос в Сибири имел своих антагонистов и противников.

Некоторые находили, что университет для Сибири преждевременен, потому что она еще мало населена, что ей недостает гимназий, другие же относились к вопросу совершенно равнодушно, так как были в Сибири людьми временными, заслужили и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать о его нуждах. Во всех этих мнениях сквозила та грустная черта нашего характера, которая делает нас непростительно нежестокими в разрешении наших народных и внутренних вопросов. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать наших окраин и в провинциях, связанных тесными узами с остальною Россиею, не хотели признать прав на человеческое развитие и образование, доступное каждому человеческому обществу. Кроме консервативных и реакционных аргументов, слышались нередко мнения о раноземности университета для Сибири и из другого, более либерального лагеря. Так, одним из серьезных и заслуживающих внимания выставляется тот довод, что при малочисленности слушателей университет для Сибири будет слишком дорогой роскошью, что средства, предполагаемые на него, лучше употребить на стипендии в других универ-

ситетах или на народное образование, в котором масса населения более нуждается. Опыт России доказывает, говорили по этому поводу, что одно высшее образование не составляет полного развития страны, что университетская наука часто дает одностороннее развитие, и университеты поспытали «бирничей»; в Сибири университет также будет достоянием богатых классов, а не народа. Сами учреждения приносят пользу только при подготовке народа, доказательством чего привели неудачи земского сельского самоуправления за недостатком паролного развития и воспитания. Преувеличенные надежды сибиряков на университет поэтому люди такого сорта стремились охладить. Напротив, как молодой колонии и юному обществу, начинающему свое развитие, ей предлагали сделать *опыт развития* на иных началах. Ей предлагали все средства и силы направить на первоначальные школы, предпочли их всем реформам: земской, судебной и самому университету, подобно Американским Штатам, ей советовали широко раскинуть сеть первоначального народного воспитания, а потом на этом фундаменте устраивать дальнейшую судьбу свою и строить другие учреждения.

Как ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли переменить сложившегося убеждения и не всегда выдерживали критику. Местные жители, правда, возлагали чересчур большие надежды на университет и выставляли его пионером реформ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упустили из виду и другие реформы. Напротив, они смотрели на университет, как на могучий рычаг, который дает средства создать и другие учреждения. Сравнение отдаленной Сибири с Америкой и рекомендация следовать ей в деле подготовительного народного воспитания как ни были лестны для местного патристического чувства, но они слишком расходились с грустной действительностью и положением края, чтобы быть принятыми.

Кто мог явиться творцом народной школы в широком смысле, и какие для того существовали средства в Сибири? Заботы о сельской школе здесь должны были выпасть на долю тех же засадателей и земской полиции. Насколько бы подобные школы удовлетворяли своему назначению — это вопрос. Большинство сельских школ в Сибири существует номинально, крайне искусственно и не достигает цели при крайне неудовлетворительном составе преподавателей. Творцом настоящей народной школы могло явиться только зем-

ство, которого в Сибири еще нет. Поэтому совет сосредоточить все внимание на народной школе, обойдя все реформы, без средств и учреждений, которые должны бы были руководить ею, являлся весьма мало практичным. В ответ — не обольщаться реформами земской, судебной и другими так же, как ролью русских университетов, сибиряки с полной справедливостью могли ответить своим противникам: «Вам хорошо говорить о недостатках этих учреждений и относиться к ним критически, когда вы их достигли и ваши идеалы и требования расширились, позвольте же нам самим достигнуть тех же учреждений, которым вы обязаны своим более широким мирозерцанием». Говоря о Народной школе, не нужно забывать, что земство, гласные суды — такая же школа в народном воспитании и что первал без последних точно так же будет весьма мало действительна.

Недостаток средне-учебных заведений и гимназий хорошо ощущался сибиряками, но само увеличение гимназий, а стало быть, и контингента лиц для будущего университета, зависело не от них, оно было немалым без учреждения высшего учебного заведения, так как создание гимназий не подвигалось за недостатком в существующих гимназиях преподавателей. Таким образом, устранение университета и недостаток гимназий ставили Сибирь в безвыходный *circle vicieux* прежнего существования. Вот почему сибирское общество и местные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми им возражениями, а самые идеальные обещания заставляли их только горячее желать вместо злобичных журавлей получить реальную синицу в руки. Желание и стремление местного общества стояли на более действительной почве местных нужд и формулировались в определенные тезисы.

Трудно, конечно, сказать что-либо против первоначального народного образования Сибири, на важность которого указывают многие опекуны, но оно не устраняет вопроса среднего образования и вопроса университетского. Напротив, именно при развитии последних оно должно будет сосредоточить особое внимание общества ввиду особенностей сибирской жизни. Просвещение массы и рабочего населения совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованных центров и вблизи больших городов просвещение проникает в сельскую массу всеми путями. В стране, изолированной и отдаленной, как Сибирь, где нет больших просветительных

центров, не имеется этих условий. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населению в Сибири, правда, замечается в крестьянине и простолюдине несравненно большая развитость и сметливость, но оно малограмотно*. Культурные привычки хотя и быстро принимаются, но редко проникают. Нравы населения грубы. Поэтому знание здесь более чем необходимо, ибо борьба с природой выступает здесь сильнее: благодаря удаленности жизни в лесах и промыслам одичание совершается быстро. Местное население притом находится в соприкосновении с инородческими племенами, которые, невольно влияя, понижают расу и заставляют еще ниже отступать невежественного человека. Кроме того, она живет под влиянием деморализующего ссыльного элемента. Вследствие того здесь происходит усиленное развращение и разгулливость природы, ничем не уравновешиваемое и не смягчаемое. Распространение же народного образования должно иметь, по всем вероятностям, значение гуманизирующее.

Мы имеем основание говорить о нуждах народного образования в Сибири, особенно теперь, когда идет дело о создании университета; причем необходимо позаботиться, чтобы само знание не стало достоянием одного класса общества; чтобы сам университет не сделался орудием, которым воспользуются одни люди, ставящие своей задачей эксплуатировать труд, иначе — чтобы он не послужил для одних промышленных целей монополистов и богатого торгового класса. Без сомнения, плохой бы был выигрыш, если бы из грубых кабалителей образовались в стране только более утонченные. При односторонности развития местного общества этого можно опасаться. Вот почему необходимо желать, чтобы распространение народного обучения и образования дало ту же возможность знаний и для трудящегося населения. Оно явится полезным дополнением и помощью самому университету.

Если в европейской России можно еще мечтать — и только мечтать — об одном культурном классе из землевладельцев, то в Сибири по историческим условиям, по составу населения, по условиям земледельческого хозяйства даже и мечтать об этом невозможно. Здесь образование должно соста-

* В европейской России, в прибалтийских губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168, в губерниях без земства — 1 на 471, в Сибири же — 1 на 664 человека.

вить силу и средства народной жизни, непосредственно разделяемое всем населением.

Только при известном развитии население найдет средства помочь себе.

Не забывая девиза, что от просвещения и привития знания на Востоке зависят наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора нам обратить внимание на наш Восток, пора сделать что-нибудь и для него. Обширный сибирский край с его разнообразными нуждами требует разрешения в нем многих существенных вопросов, касающихся не только его одного исключительно, но и целого русского общества. Край богатый и разнообразный, пролежавший века без пользы, требует, наконец, разработки. Неизбежное соединение железною дорогою Дальнего Востока с центром России, т.е. Азии с Европой, должно вызвать в крае предприимчивость; необходимо, чтобы на помощь ей пришли наука и знания, иначе предприимчивость будет направлена не туда, куда следует, и задохнется под давлением невежества. В жизни края выступает целый ряд вопросов: колонизационный, торговый и промышленный, вопрос о прекращении ссылки, об уничтожении кабалы инородца и эмансипации азиатского раба наряду с освобождением других дает здесь другой жизни и света!». Не пора ли в самом деле дать свет этому краю?..

Будущность страны и условия ее преуспеяния

XI.

Наступающий этап сознательное отношение к своей истории. — Сибирь, как колония России. — Характер земледельческих колоний по определению Готшеда. — Успехи развития колоний у различных народов. — Английская и испанская колонизация. — Великая наглядность являясь свой характер и институты. — Общие черты колоний. — Что недостает русским колониям. — Необходимые условия процветания. — Будущность края.

Обозрев современное положение Востока и Сибири с ее современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будет подвести итог ее прошлому существованию и выразить взгляд на будущее. Сделать это тем своевременнее, что край оканчивает 300-летие и вступает в новый фазис исторической жизни. Наступает время сознательно отнестись к его жизни, определить момент, переживаемый им, создать ему роль в будущем и рассмотреть те условия, которые могут благоприятствовать его развитию.

Русский народ своим расселением на севере и Востоке достаточно доказал свои колонизационные способности. Что России суждена по положению колонизаторская роль и что она сама похожа скорее на огромную колонию между Западом и Востоком, это угадывают европейские писатели, занимающиеся ее судьбой. Такой взгляд проведен Леруа Болье в последнем его сочинении о России*. Тем более характеристика колонии приложима к Сибири. Действительно, сравнение Сибири с Америкой весьма часто встречается и, так сказать, само напрашивается. «Вместо края, пригодного только для севы, Сибирь, и особенно Западная, — говорит одна статья по поводу трехсотлетия Сибири, — представляется обильным запасом земель для переселения того избытка русского населения, который, естественно, будет образовываться при существующей си-

* L'Empire des Tsars et les Russes, par Leroy Boulleux, p. 40, 41, 42.

стеме земледельческой культуры. Здесь наши «Соединенные Штаты» и ни одно государство не поставлено так выгодно, как Россия, в отношении возможности посылать своих эмигрантов не за моря, а селить у себя рядом»^{*}. Другая статья по тому же поводу делает то же сближение. «Мы обращаемся к сравнению Сибири с другой страной, которая имеет много общего с ней в своем физическом устройстве и в первоначальной истории. Мы говорим о североамериканских Соединенных Штатах, которые отличаются от Сибири только своими южными провинциями и широким развитием береговой линии. Но причины быстрого развития Соединенных Штатов лежат не на юге, и притом близкое соседство с двумя океанами для американской республики важно только в торговом отношении; для Сибири есть другие выгодные условия, которые, может быть, даже перевешивают преимущества Америки: близость и соседство разных азиатских государств, которые напередо еще могут быть обширными рынками для нашей внешней торговли, обмен произведений собственноручно с европейской Россией и т.д. Рассматривая карту Америки, несколько добуеешься на ее равнины, горные цепи и могучие речные системы, которые имеют так много общего с равнинами, горами и реками Сибири; затем резко континентальный климат, орошение, обширные пространства, богатство царства растительного и животного, сокровища, скрытые в недрах гор, и здесь мы видим много общего с Сибирью, конечно, не выходя из пределов аналогии, которая, как всякая аналогия, не может быть приведена до мельчайших подробностей»^{**}.

Сибирь представляет колонию земледельческую, и в этом скрываются настоящие ее преимущества. «Земледельческие колонии, — говорит знаменитый колоний Рошёр, — отличаются от военных и торговых колоний тем, что они развиваются в местах пустынных, редко населенных эвразийскими или пастушескими народами; им свойственно произрастание злаков и обилие лесов, поэтому земледельческие колонии до прибытия колонистов представляют лесистую страну, и колонисты начинают свою жизнь с трудной, опасной для здоровья обработки новизн. Колонисты должны быть здесь оседлы со всем своим имуществом и семейством и оставаться на всю жизнь колонией, потому что только дети могут покинуть то, что посеяли отцы. Таким путем из коло-

* «Новое Время», 26 октября 1881 г., № 2034. Сибирский вестник.

** «Русские Ведомости», 25 ноября 1881 г., № 288, 300-летний юбилей завоевания Сибири.

нии нередко вырастает новая — самостоятельная отрасль метрополии. Эти колонии происходят от излишка накопления рук в метрополии и потому к созданию их способны густонаселенные страны. Обыкновенно вследствие трудности отдаленных путешествий большими массами и неудобства перевозки сельскохозяйственных продуктов такие поселения основываются вблизи метрополии, примеры тому — Северная Америка и Англия, Южная Америка и Испания, Сибирь и Россия, северные малоазиатские греки и Эфиопы¹⁴, южные малоазиатские греческие колонии и дорийцы¹⁵. Климат подобных колоний должен быть не слишком отличен от климата метрополии. Ротшер приводит в пример климат плато в Мехико, одинаковый с климатом Кастилии. Еще лучше, если колонии прилегают непосредственно к метрополии, как долина Миссисипи к Аппалаческим штатам. Внутренний характер таких сельскохозяйственных колоний, по словам Ротшера, демократический. Кто пят за шагом завоевывает в поте лица свой двор, кто каждую минуту должен быть готов защищаться от набега диких людей или хищных животных, тот не имеет ни малейшего желания отправлять барщину. При избытке земли, которую можно брать даром, редко создается поземельная зависимость; что касается личности, то культиватор в действительной стране воспитывает замечательную самостоятельность и независимость характера. Принимая во внимание, что богатые люди считают тяжелым принимать участие в земледелии колоний, пролетарии же — дорогим, сельскохозяйственные населяются преимущественно людьми среднего состояния, людьми равного достатка. Снабженные просвещением сельскохозяйственные колонии достигают весьма быстро процветания и известного совершенствования. В древности такую колонию представляла Сицилия, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здесь процветали земледелие и скотоводство, победителями на конских ристалищах были сицилиане, здесь даже расцвела буколическая поэзия¹⁶ Феокрита. В новейшее время тип сельскохозяйственных колоний представляют Северная Америка, Сибирь и Новая Голландия». Проводя подобную аналогию, не должно забывать, однако, что это сравнение только внешнее, так сказать, в общих типических признаках всех заселенных стран.

В частности же жизнь и история колоний до бесконечности различествует. Каждая нация создавала свой тип колоний и вела свою колониальную политику. Так, с давнего времени отличают греческие сельскохозяйственные колонии (клерузии) от римских

военных колоний (аплойки). Английские колонии отличаются от испанских. Сравнения жизни и условий существования этих колоний у различных народов ввиду изучения колониального вопроса весьма поучительны. В истории европейской колонизации мы видим несколько периодов, точно так же, как и различные побуждения, которые руководили действиями в основаниях колоний. Прежде чем выработалась определенная колониальная система и политика, различные народы пользовались колониальными методами, называя их военными пунктами, торговыми факториями, местами ссылки, наконец, делали колониями горнозаводскими или плантаторскими. Колонии торговые и плантаторские были первыми формами поселений. Наши кидашы на редкие произведения новой страны и стремились вывезти ее богатства; так, испанцы и англичане кинулись на золото и мехи Америки, на табак, сахар в Вест-Индии, слоновую кость и пряности в Индии, алмазы в Бразилии и т. д. Скоро потребовалось для разработки этих богатств привезти рабочие руки. Так образовались плантаторские невольничьи колонии. Характеристики их сделана также Рошером. В XVII столетии спекуляция на колониальные богатства явилась страстью. Испания, Португалия, Голландия, Франция и Англия одинаково соперничали в этом. Старая колониальная политика свелась к обширным спекулятивным компаниям в метрополии, игравшим на богатство колоний и к системе кредита вывоза и насаждения рабства в колониях. Способы эти соответствовали времени грубости и невежества наций и основывались единственно на самой жадной эксплуатации. Увлечение богатствами и хищнический способ в колониях был, однако, не вечен. Несостоятельность и невыгода поверхностного извлечения сокровищ была признана, она повела к опустошению и расхищению. Сами колонисты сознали все невыгоды погони за золотом. «Честные и достойные сограждане, — говорил один из первых ширгинских поселенцев, знаменитый Смит, — да не путает вас простое слово «рыба», рыба вам даст такое же хорошее золото, «как рудники Гвианы и Потози». Действительно, новая Англия через несколько лет дала доходу уже 100000 фунтов в год.

Помбаль скорбел о тех богатствах, добывание которых влекло за собой разорение Бразилии. Основанием сельскохозяйственных колоний, покровительством торговых обществ, созданием казенного судоходства он надеялся добыть сокровища, драгоценные тек, которые доставались работами в золотых рудниках.

Таким образом, в рудных и горных колониях являлась реакция и стремление вывести их на лучшую дорогу земледельческой и промышленной деятельности, одновременно началась борьба против рабства в колониях. Вместе с тем колонии из первичных форм плантаторских, горнозаводских превращаются понемногу в колонии земледельческие. Судьба колоний земледельческих также была незавидна в Первое время. Англия и другие нации создали колониям торговую зависимость. «Когда поселения были уже заведены и получили такое значение, что обратили на себя внимание метрополии, — говорит Адам Смит, — то первые заботы последней постоянно имели своим предметом захватить в свои руки монополию их торговли, стеснить их рынок и расширить на их счет свой собственный, и, стало быть, они не только не содействовали и не ускоряли движения колоний к ближнему, но индурвали и замедляли его» (Смит, о богатстве народов).

Такова была система протекционизма и меркантилизма, господствовавшая в XVIII в. во всех колониях. В это время Англия стремится быть единственным фабрикантом для своих колоний, создать из них рынок для сбыта своих произведений и искусственно запретить все отрасли промышленности в колониях — вот что было ее целью. Колонии обречались, обыкновенно, производить одно сырье. И барыши падали на долю фабрикантов метрополии. За эту систему грубой эксплуатации как Англия, так и Испания заплатили горькими уроками, когда колонии созрели.

Иное отношение к колониям является в XIX веке. После отпадения Америки Англия провозглашает принцип «свободы торговли». Укрепив за собою рынки, подняв свою мануфактуру и набрав «колонию покупателей», она обеспечивает свои рынки, ей незачем запрещать промышленность колоний, когда ее убийственная конкуренция господствует. Она смело становится на этот путь. Оставляя за собою экономическое господство, в то же время она предоставляет колониям полную политическую свободу, девизом ее новой колониальной политики является «покровительство гражданскому развитию колоний»*. Этот оборот обнаружил блестящие результаты. Английские колонии представляют ныне сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

* Новая колониальная политика выражена в речи Джона Росселя 8 февраля 1850 г. в Палате Общин.

Не то представляли испанские колонии, где опека, влияние феодальных начал, дух каст, монополии, католическое духовенство и гражданские стеснения и невежество насолетия сделали владения эти гораздо менее полезными. Как и английской, так и в испанской системе колонизации отразились свойства и характер наций, их создававших. Англосаксонская раса принесла свой дух независимости, личной свободы и представление о лучших учреждениях. «В успехах североамериканских колоний обнаружилось главным образом превосходство английских политических учреждений», — говорит Адам Смит. Английские колонии поселились отборными элементами реформаторов в лице пуритан, вслед за колонистами перенесли понятия и просвещение Англии. Все, кто мечтал осуществить лучшие формы жизни, стремился в Америку. Англии в первое время предоставляет уступаться колонистам, как они хотят, и не вмешивается в их дела. Американские общины устроятся самобытно и оригинально. Опека является чуждой английской политике. Англия для поднятия сил колонии даже более расширила их права, чем в самой метрополии. Совсем наоборот происходит в испанских, португальских и французских колониях, где господствовали старые воззрения, где стеснения жизни явились сильнее, низшие представители администрации пользовались неограниченной властью, в таких колониях произвол был шире и управление хуже за отдаленностью. Строгая регламентация жизни, опека развились до крайней степени, метрополия стремилась руководить экономической жизнью колонии, назначая ей быть то звероловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилия), то земледельческой низшей формы, обрекая ее на выделку только сырья и препятствуя развитию промышленности. Иногда целые отрасли занятий запрещаются, как, например, земледелие или заводская промышленность, на привозную и отпускную торговлю налагаются произвольные пошлины. «Стеснение всякой промышленности, небрежность в продолжении дорог и судоходства по великоколепнейшим волным пространствам, наконец, обречение колоний на невежество было как бы систематической политикой Испании обессилить колонии и тем удержать их в зависимости», — говорит Гервинус. Но такая ложная система повела к обратным результатам. Колонии действительно представляли ничтожные и невежественные владения, они были истощены, но Испания все равно потеряла их и не сохранила с ними связи. Мало того,

испанские владения в Америке, предоставленные себе в силу предшествовавшей истории, являлись полуваршарскими.

Различаясь в системе политики, колонии различались и в учреждениях. Каждая из наций стремилась наследить в своих колониях свои национальные учреждения. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизм, протекционную систему своей мануфактуры, Англия пробует утвердить в колониях поземельное владение и крупную собственность. Попытки эти начались в Северной Америке, переносились в Австралию и в Индию. Плодороднейшие земли Америки раздавались при Карле II немощно. Те же привилегии и раздача земель продолжались при Стюартах. В Австралии средством к созданию крупного землевладения являлась система Уэксфильда распродажи земель и привоза работников в колонию, как необходимых рук для обработки. В Индии Англия стремится разрушить древнюю общину и создать особый класс из землевладельцев и англичан. Система землевладения, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторские колонии Англии и южных штатов Америки, что породило впоследствии все бедствия рабства и междоусобной войны. Напротив, в северных штатах колонисты впоследствии должны были выпустить розданные земли и создать государственную систему более равномерного распределения земель*. Американские Соединенные Штаты склонились к мелкой поземельной собственности. Когда новая Голландия сделалась собственной законодательницей и в колониях были созданы избирательные палаты, она издала законы, ограничивающие расхищение земель и установившие более благоприятные для переселенцев условия (Land — act., 1862). Но раз совершенная расдача и продажа земли сильно затормозили земледельческое хозяйство в колониях.

Как Англия проводила свою экономическую систему протекционизма, а потом фритредерства, как создавала крупный класс землевладельцев и затем привила свои учреждения**, так Испания внесла в колонии свои нравы, воззрения и институты. Прежде всего она привела испанскую опеку в управление и свои завоевательные взгляды, создала рознь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майоратов в колониях, внесла господство духовенства в лице иезуитов, приобретающих огромное влияние, и образовала полутеократичес-

* Histoire des Etats-Unis par Vassier. L. II. Истор. Америка, История Землевладения, Вассиерачаева.

** См. очерки Английской колонизации Ядринцева. «Дело» 1872 г. кн., 8 и 9.

кое прадание. Последствием этого в испанских колониях вошли суеверие, деспотизм, невежество и рабство туземца. Жизнь колоний и окружающие условия только догемному ослабляли и угнетали эти традиции метрополии.

Кроме свойств племени и наследственных черт метрополии, в колониях разворачивается, однако, под влиянием новых условий самобытная жизнь, эти новые факторы в действительной стране совершенно преобразуют общество, изменяют его характер и придают ему небывалые подвижность и энергию, которые не доступны старым обществам. Уже Адам Смит замечает, что обширные земли и плодородие их создают широкое поприще для приложения труда каждому переселяющемуся. Действенная природа производит ободряющее впечатление и воспитывает отвагу, поиски за богатствами, предприимчивость, отсутствие сословной розни и возможность всем одинаково трудиться, воспитывают равноправность и придают демократический характер новому обществу, отсутствие предрассудков и традиций, склонность к новизне, восприимчивость и необдуманно практический ум — вот отличительные черты колоний. При благоприятных условиях подобные общества весьма быстро развиваются, усваивая же просвещение, так быстро прогрессируют в духовном отношении, что в короткий период жизни не только сравниваются, но и перекашивают старые общества.

Успехи развития сельскохозяйственных колоний замечены еще в древности.

Известно положение древних греческих колоний, как Сиракузы и Агригент в Сицилии, Тарент и Лакры в Италии, Ефес и Милет в Малой Азии, которые не уступали в духовных качествах блестящей метрополии своей — Греции. Несмотря на то, что существование их началось позже, мы встречаем в них науку и искусство, философию, поэзию и красноречие в те же эпохи и на той же степени развития, как где бы то ни было в их метрополии. Школы Филоса и Пифагора были основаны не в Греции, а в колониях*. Еще более блестящие примеры представляет рост новейших колоний. Развитие американских штатов в три столетия и успехи Австралии, сформировавшейся в одно столетие, слишком известны, чтобы повторять о них.

* См. «Причины близости новейших колоний», т. VII. О колониях, «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.

Из всех европейских колоний самые быстрые успехи были сделаны американскими колониями. Успехи эти заключались не столько в присвоении старого, сколько в создании новых форм жизни, имевших огромное значение в истории мира и оказавших влияние на судьбу Европейского континента. Своим процветанием эти колонии обязаны гражданской свободе, дарованной Англией. В числе других условий, способствующих развитию, видную роль играет просвещение и степень распределения образования среди колонистов. Англосаксонская раса и в этом случае имела все преимущества перед полуварварской Испанией. Она выселила в Америку, начиная с пуритан, лучших и просвещенных граждан в лице Пэна² и других. Это была великая мать великих мужей — «*patra virorum patris*». При таких условиях колонии могли быстро прогрессировать; благодаря новой почве они достигают замечательного благосостояния, и развитие их идет быстрее старых обществ. Вот откуда приговор А. Смита, что колонии просвещенного общества, утвердившиеся в малолюдной и богатой стране, туземные жители которой уступают место новым поселенцам, скорее всякого другого человеческого общества движутся к богатству и благосостоянию.

По мере гражданского развития зарождается и высшая духовная потребность колонистов. «В первый период колонизации мысли колонистов исключительно направлены к приобретению богатств, — говорит Леруа Болье. — Наклонность к накопительству и бережливости является главным стимулом, стремление к материальному благополучию есть почти единственная цель. В жизни колониста нет места умозрительным идеям; частная жизнь переполнена событиями и трудом до того, что для жизни общественной не остается ничего. В эту эпоху замечается поразительное равенство между колонистами; нравы их бывают грубы, отсутствие высшего образования порождает невежество». Но с ростом колонии являюся все потребности гражданского общества, в которых трудно отказывать. «Плюм знает человеческую природу тот, — пишет Болье, — кто воображает, что с нес достаточию одних материальных благ и пассивного счастья. Это может быть и справедливо в периоде детства или истощения, последовавшего за каким-нибудь кризисом, но это временное состояние не обратится в нормальное и постоянное. Настает момент, когда человек, сознав в себе силу и свободу распоряжаться собою, пожелает лучше ввериться своей звезде и на свой риск отдатья всем случайностям темного будущего чем вло

плестись по торному пути под руководством другого, к спокойному и верному благополучию. К чести человеческой природы, есть чувства более могучие, более неодолимые и плетившие, чем склонность к спокойному, доставшемуся без труда наслаждению. Есть другие удовольствия, кроме стремления к наживе, и хотя в первый период существования колоний жажда прибыли, по-видимому, преобладает над всеми другими интересами, но наступает время, когда после устранения величайших препятствий и образования достатка, а иногда богатства являются другие побуждения, овладевающие душой и сердцем колониста» (Колонизация новейших народов. Леруа Боле, с. 514–515).

Надо заметить, что жизнь колоний бьет сильнее; зарождающееся общество кипит избытком сил, это молодой организм, в котором слагается гражданская жизнь, и поэтому здесь требуется более простора. Организм детей для своего развития требует более деятельности для упражнения сил, чем организм взрослого. От напряжения этой деятельности зависят рост и накопление богатств, выгодное прежде всего для метрополии.

Современная колонизация, таким образом, дает важные уроки и разрешает вопрос как относительно выгоды колонизации, так и условий процветания колоний. Когда-то являлся вопрос о том: 1) получает ли государство выгоду, лишаясь значительной части своего населения путем эмиграции, и 2) «стоит ли хлопотать об основании поселений, которые при достижении гражданской зрелости в силу исторического закона могут выделиться в отдельные государства?». Опыт показал всю неосновательность подобных возражений. Метрополия, выселяя излишек населения, избегает экономических кризисов и дает возможность выселяющимся лучше устроиться; население в собственные колонии предпочтительнее всякой чужеземной эмиграции; убыль выселяющихся быстро пополняется приростом населения, создание же колоний в новых местах, в смысле расселения племен и народов, приносит новые выгоды для всего человеческого рода. Успехи развития благосостояния и процветания колоний выгоднее для метрополии, чем их бессилие и жалкое существование. Мы видим, в конце концов, что успехи этого развития зависят: 1) от внесения труда, прилива колонизации и обогащения колонии силами; 2) от свободы пользования землей и низкой цены на нее; 3) свободы экономического и промышленного развития, устраняющего монополии; 4) от переносимого капитала старой стра-

ны в страну новую; 5) от просвещения колонистов и 6) от прав гражданских, даруемых им по мере их зрелости.

Обращаясь к русским колониям на Востоке, мы видим, что они ничуть не менее обладают благоприятными природными задатками для развития. Тот же простор, те же привольные места и еще шире, чем у других народов, богатая природа, девственная почва, предприимчивость и смелый ум русского колониста — все благоприятствует новой жизни и, однако, едва ли мы можем сказать, что наши колонии достигли полного развития и совершенства.

Несмотря на то, что русский народ своим расселением на севере и Востоке ясно доказал свои колонизационные способности, что перед нами находится обширнейшие владения в мире, молодой край, полный задатков жизни, способный к развитию, край, которому предостиг, может быть, великое будущее, мы не можем скрыть от себя, что мы далеко еще не воспользовались всеми благоприятными условиями своего положения, или, лучше сказать, колонизаторской позиции. На многих страницах современной жизни и истории этого края звучит горькая нота и рисует мрачная картина его настоящего положения. Вот что говорит одна статья по поводу 300-летия, и ее слова звучат особой укоризной. «Америка в течение одного столетия достигла таких успехов и развития, о которых мы не смеем и помыслить еще; даже краснокожие индейцы престали сканировать своих белых образцов, и между ними уже есть люди, с высоты кафедры проповедующие научные истины; невольные рабы-негры также цивилизовались, и немного времени им нужно будет, чтобы сделаться культурным народом. Австралия, и та в текущем веке далеко шагнула вперед, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вероятно, ничего не знают даже по слухам. Тавтине, еще недавно отрицавшие необходимость лютости, заселяют уже в парламенте и решают весьма прилично и благоразумно свои дела; даже смертную казнь отвергли, как не отвечающую понятию о человеческом достоинстве. А Сибирь?..» При всей отсталости этой страны мы мало заботимся об обновлении ее колонизацией. Колонизационный вопрос у нас только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселять ли нам наши окраины? У нас много людей переселенцев и государственных горюхи против заселения окраин⁶. Вопрос о колонизации Сибири,

⁶ В 1862 г. во время прений в политико-экономическом комитете по вопросу о колонизации Мейендорф высказывает мнение, что метрополит вовсе не сле-

разрешаемый в настоящую минуту, может иметь роковое влияние. От него будут зависеть рост, сила и прочность наших владений. Должно помнить, что колонизация есть союз народов, а не разъединение их. Тропа, проторенная русским народом, и из года в год тянущиеся переселения в обетованные места, на свободные земли, указывают сами собой разрешение этой задачи.

Нельзя не признать, что в этих пространствах свободных земель созданы самим народом гарантии, которые надолго обеспечивают судьбу славянского населения от случайностей будущей истории. Русские колонии отличаются от западных: английских, испанских и голландских той счастливой случайностью, что в них более, чем где-либо, сохраняется за колонистом и переселителем право *дарового пользования землей*. Это великое божье право. Другой стороной, отличающей наши колонии, служит общинный быт нашего крестьянства, зарождающийся и в новых странах. Эта типическая общественная форма может получить богатое развитие при общем довольстве в новой стране на богатых землях. Как англосаксонская раса отразила лучшие черты своей природы и характера в своих колониях, так славянская раса должна выразить те же лучшие черты в своих.

Чего недостает нашим колониям, это еще полного гражданского развития, и мы еще недостаточно обратили на это внимания. Без этого гражданского развития они могут остаться вместо цветущих и богатых владений, приносящих огромные выгоды своей метрополи, жалкими областями, отстающим от цивилизации, глухими и забытыми, какими остались до сих пор. Весьма странно видеть, как после временных восторгов и патристической гордости приобретением и величиной завоеванных владений мы как будто забываем о них и нисколько не заботимся о их внутренней жизни. Страна будущего, «наша Мексика и Перу», наше «золотое дно» завтра является забракованным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и краем, не имеющим политического значения.

дуге заботиться о колониях являл на будущей жизни. Прения эти помещены в отчет «Век» 1862 г. Генерал-губернатор Горчаков высказывал опасения относительно сношения Сибири с Америкой и был против приобретения Амура, доказывая, что, войдя в сношения через Амур, сибиряки порвут всекие степи с Россией, и американцы научат их неуважению (Русс. архив, 1878 г. III, 262). Таково же было мнение статс-секретари Буткова о прокламе Муравьева-Амурского (воспоминания Венюкова «Русская старина», XXIV, с. 211). Подобные же опасения высказываются по поводу проекта заселить Амур чужими. Все эти мнения только мешали и задерживали заселение Сибири. Через несколько лет после восторгов приобретений на Амуре в силу Айгунского трактата пришлось обратиться снова к вопросу о колонизации Амура.

Поэтому преемник Миллера, друг Сперанского историк Словцов прогласил над историей ее следующий горький приговор: «Из черт, живописующих быт сибирский, видно, что Сибирь, как страна, заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область». («Ист. Сибири», Словцов, гл. V, стр. 265).

Вопрос в том: надолго ли она такая останется?.. Не наступает ли время дать этой области развитие, создать в ней внутреннюю жизнь и гражданственность. Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жизни созданы в ней ныне зачатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих. Задерживать гражданские потребности этого общества мы будем не в силах, хотя бы и хотели.

Необходимыми условиями дальнейшего существования этой страны, как *sine qua non*²⁸, ее развития и жизни являются: 1) колонизация и заселение, 2) право на безвозмездное пользование землей каждого прибывающего, 3) свобода земледельческого труда и поощрение развития местной промышленности, 4) облегчение и создание внутренних путей для обмена жизни на огромных расстояниях Востока, 5) предоставление полных прав гражданства жителям этих областей наравне с гражданами метрополии, 6) просвещение и простор духовной жизни.

Мы окончим несколькими мыслями, высказанными нами по поводу 300-летия Сибири.

Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, мы видим период завоеваний, покорений, усмирения, бунтов, далее период колонизации, заселения, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа. Между тем вложить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающаяся на очереди.

В настоящую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя милли-

онами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил, приваждение и образовательные потребности и этих стремлениях начинают занимать известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории.

В последнее время выдвигается несколько весьма видных местных потребностей и нужд этого общества, которые не могут остаться без ответа в государственной жизни России. Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные европейской России. Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования.

Дарование самоуправления, возвращение правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимым, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала много притеснений, несправедливости и неустойств. Эти бедствия начались с козловского управления; произвол господствовал в Сибири более чем где-либо; край подвергался всевозможным злоупотреблениям, и жизнь его остается далеко не устроенной до последнего времени.

Между тем ныне выступают многочисленные общественные вопросы и нужды, требующие настоятельного удовлетворения. К таким принадлежат: отмена уголовной ссылки, меншошней безопасности и развитию гражданской жизни, организация переселений, устройство быта инородцев, принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих и многие другие. Наконец, в крае является потребность умственной жизни, стремление к гласности, желание разрабатывать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола. Выражение всех этих нужд проявляется в последнее время довольно определенно и ясно не только в печати, но в ряде заявлений представителей общества, выраженных ко дню трехсотлетия. Такие заявления сделаны Енисейской, Иркутской и Томской думами, причем положено ходатайствовать о введении реформ. Как выражение этих общественных желаний мы приведем предложение гласного Енисейской думы Скорникова, принятое думой:

«В нынешнем году, как известно, минует 300 лет Сибири; период, кажется, слишком долгий для того, чтобы развиться, ок-

репут. и встать на ноги; но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отрадного и ничего прочного. Есть только слабые кое-где зачатки, но все это бледно, чахоточно; видно, что чего-то для развития недостает. Мертвенность эта может удовлетворять только человека, долго жившего исключительно личными интересами, которому чужды всякие интересы своей родины; но для человека, который хоть сколько-нибудь заглядывает в будущее, для человека интеллигентного, для человека, так или иначе заботящегося о благе своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергию к деятельности, вселить опасное чувство равнодушия к жизни своей родины и таким путем убить в ней всякую жизнеспособность и способность к развитию. Не пора ли очнуться нам? Не пора ли заявить свои кровные нужды теперь, на рубеже трехсотлетия Сибири, на ее трехсотлетней тризне? В чем состоят ваши нужды, нужно ли говорить об этом; нужно ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ее представителями — печатью? Мне кажется, говорить об этом всегда излишне, а тем более теперь, когда правительство выступило на путь преобразований и улучшений, когда лица, стоящие во главе управления, призывают общество к совместной с ними деятельности и, наконец, когда с высот престола раздались радостные слова государя, что, вступая на него, он посвятит себя прежде всего делу внутреннего развития, будет служить России, ее благоденствию, надеясь заслужить любовь. Наше трехсотлетнее существование дает нам право говорить о своих пользах и нуждах, и теперь, мне кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишком велики и обширны, велики потому, что мы дома почти 300 лет были пасынками России, были обделены всем, за исключением лишь известного законодательного акта 16 июня 1870 г., распространявшегося и на сибирскую окраину. Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдали от гнилых неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требования и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать нас, потому что, приобретая коренные изменения и улучшения в нашей жизни, мы приобретем залог для нашего лучшего будущего, вступим в общечеловеческие права, сделаем жизнь человека похожей на жизнь человека в полном смысле слова.

*Наши первые и настоятельные нужды — это введение зем-
ства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личнос-*

ти и имущественной неприкосновенности, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь.

Приобретая их, мы приобретем нужную и великую силу для борьбы с невежеством, с бедностью нашей жизни, произволом суда и администрации, обезопасим свою личность и имущество от вторжения разных хищников Сибири. Вот об этих-то нуждах наших наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Нам предстоит об них ходатайствовать пред государем на рубеже нашего 300-летия, чтобы с новыми помощниками вступить на новый путь общественной самостоятельности для служения благу нашего края*.

В этих заявлениях сказываются те ожидания, которые волнуют общество, а также сказывается вся важность переживаемого исторического момента.

Нет никакого сомнения, что развитие страны достигло в настоящее время известной гражданской зрелости, и момент трехсотлетнего юбилея совпадает с моментом ожидаемого полноправия. Необходимость сибирских реформ до такой степени ясно сознается ныне правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были удовлетворены. Русский народ, совершивший немало заслуг на окраинах, приобретший целую страну, доставивший в эти три столетия огромные богатства государственной казне, конечно, не будет лишен общих гражданских прав. Его способности к самостоятельной жизни, его таланты к самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились в новой стране при самых трудных обстоятельствах. Сибирское население, жившее вне опеки крепостного права, давно приобрело навык к самоуправлению, а борьба с обстоятельствами сделала его развитым, бойким и предприимчивым. В правоспособности свободного сибирского населения едва ли могут встретиться сомнения: к этому самосознанию и самостоятельности уже призывал сибирское общество Сперанский 50 лет тому назад.

* 26 октября 1881 г. по случаю празднования первой победы Ермака появилось немало обзоров и статей, рисующих современное положение этого края. Всея русской печатью были высказаны в это время одинаково пожелания гражданского преуспеяния края, введения гражданских реформ, земства, нового суда и проч. Сибиряки того же 26 октября единодушно и горячо выразили надежды на осуществление своей родиной и дарование ей общих прав. Осуществятся ли эти желания и что ждет Сибирь к 300-летию юбилея присоединения в 1883 г., покажет будущее.

Таким образом, после предшествовавшей работы для этого края ожидается еще большее развитие внутренних сил. Если до сих пор народная жизнь и народные стремления в обширной колонии России, слагаясь инстинктивно и почти бессознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основание предполагать, что те же силы, призванные к более сознательной жизни, способны будут тем более доказать свою жизнеспособность при условиях внутреннего самоусовершенствования.

Пробуждение общественной самодеятельности, развитие образования на Востоке и осуществление подготовляющегося университета может создать иную, лучшую роль сибирской окраине, а европейские условия существования придадут этому безжизненному краю свет и тепло цивилизации.

Должно принять во внимание, что, несмотря на трехсотлетие, сибирское общество все-таки исторически молодое общество, а судьба молодых обществ и колоний весьма часто представляет завидное существование сравнительно со старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первые изжили многое, потерпели много разочарований и огорчений, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны к сохранению старины и к косности, обладают часто предрассудками старчества, принуждены бороться с неодолимыми препятствиями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторые свободны от многих из этих неудобств. Они кипят избытком сил производительности, обладают многими дарами природы, стоят у начала истории; дорога их торная, может быть, не сулящая многих превратностей; они не имеют предрассудков старого мира и, так сказать, на обломках старых цивилизаций свободны создать новую, лучшую жизнь, обвитую свежими розами.

Нередко великие идеи и плоды человеческого прогресса доступны колониям, и они прогрессируют быстрее метрополий. На Западе нередко из них разворачиваются новые государственные организмы, создающие новые цивилизации. Мы далеки, чтобы мечтать о подобном будущем и обливаться судьбы европейских колоний с нашей, далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, как она стоит неизмеримо их ниже, здесь нет даже отдаленного сходства. Америка и Австралия, на которые часто указывают, в гораздо кратчайший период оказали величайшие успехи в смысле развития гражданской и культурной промыш-

депной жизни. Но тем не менее и здесь есть известная разница в прожитых периодах, в условиях нового существования и в заплатах жизни, и здесь не может не чувствоваться жизнь молодого, восприимчивого организма. Культурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может явиться пылкое и богаче, общественный склад — самобытнее и оригинальнее, в новом положении страны могут явиться и новые задачи.

Географическое положение в Азии, связывающее европейский мир с азиатским, указывает этому краю некоторую своеобразную политическую роль и значение в будущем. Конечно, азиатские народности не всегда останутся в периоде косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здесь предвидится великая общечеловеческая работа. Для того чтобы выполнить ее, необходимы все средства цивилизации, и прежде всего собственное развитие.

Нельзя не предсказать, таким образом, для этого края всетаки известного значения и участия его в мировой истории. Стоя у начала исторического процесса, у колыбели нарождающегося существования, естественно остановиться мыслью на его будущем и сознать задачи, налагаемые современностью.

В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время призвать наши окраины к новой жизни, побудить их общественные силы к самостоятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой, развивающейся на ее руках стране: великая обязанность налагается на нее Провидением перед лицом всего человечества и будущей истории.

Какова бы ни была история этого края, у него нельзя отнять известной будущности. С верою в его жизнь, в его призвание соединяются ныне лучшие ему пожелания. Они окрыляют вдохновением людей, ему преданных, и придадут энергию труду в новой стране. Нет сомнения, что русским колониям на Востоке при условиях просвещения и цивилизации не менее, чем другим народам, суждено будет пожать плоды общечеловеческого счастья.

**Статистические сведения
о современном состоянии Сибири**

Пространство и население азиатской России в 1879 г.

	Кв. верст	Кв. миль	Жителей	
			об. пола	на 1 кв. в.
Тобольская губерния	1297853 [*]	26749,8	1206430	0,92
Томская губерния	759068	15688,6	1032579	1,36
Акмолинская область	479200	9903,9	454205	0,94
Семипалатинская область	428528	8856,7	525979	1,22
Енисейская губерния	2259562	46699,8	428517	0,19
Иркутская губерния	703650	14542,8	383578	0,54
Якутская губерния	3452656	71358,2	242001	0,07
Забайкальская область	547966	11325,2	488000	0,89
Амурская область	544984	1163,4	34859	0,06
Приморская область	1661373	34336,7	73217	0,04
	12134840	247625,1	4869365	0,4

* Пространство Сибири определяется в 226924,2 кв. миль, или 10979687 кв. верст, включая две области — Акмолинскую и Семипалатинскую, 245701 кв. миль, или 11835415 кв. верст. По исчислению Венюкова 268855 кв. миль, но сюда присоединены земли Пермской и Оренбургской губерний за Уралом и земли оренбургских, сибирских киргизов и закукутских, без них приращение равно 246158 кв. миль.

Нельзя не заметить, что все вычисления довольно весьма приблизительно.

Тобольская губерния по Кеппену	28023 кв. м	
Тобольская губерния по Готскому атласу 1864 г.	27000 кв. м	
Тобольская губерния по исчислению Венюкова	25663 кв. м	
Тобольская губерния по календарю Суворина	25021 кв. м,	или 1210677 кв. м
Тобольская губерния по Стрельбицкому	—	или 1297853 кв. м
Тобольская губерния по губернскому покаянию	—	или 1295758 кв. м
Томская губерния по Кеппену	15714 кв. м	—
Томская губерния по атласу Гота	15733 кв. м	—
Томская губерния по Венюкову	15586 кв. м	—
Томская губерния по Швейцору	15713 кв. м	—
Томская губерния по календарю Суворина	15476 кв. м,	или 748319 кв. м
Томская губерния по Петр. стат. комитету	15688 кв. м,	или 759068 кв. м.
Томская губерния по военно-стат. сборнику	—	или 725000 кв. м
Томская губерния по свед. И. Завалишита	—	или 732027 кв. м

Сведения
о количестве земель и крестьянских наделах
в Западной Сибири

Земли государственные	Вобщее земель по меж- ным сведениям км ²	Удоб- ных земель	В пользо- вании крестья- н	Наделы по классам			
				Удобных земель по одну душу крестьян- ского населения	1 многоземельные более 18 десятин	1 многоземельные менее 18 десятин	безземельные
Округа:							
Тобольский	11119067	487714	284884	15,5	3	6	23
Томский	1775208	609973	379925 ^{1/2}	20,7	6	11	5
Туринский	7967708	475068	199948	21,3	6	6	12
Ялуторовский	2057916	1193168	784855	16,4	5	23	—
Туркестанский*	7339791	1039952	645231	25,6	8	—	109
Троицкий (бывший Омский)	6183332	2916139	985793	51,5	10	—	7
Ишимский	3769792	2283299	1488159	26,7	16	2	10
Курганский	2147917	1511943	1043760	17,4	7	22	—
Березовский	9266069	—	—	—	—	—	—
Сургутский		—	—	—	—	—	—
Итого	134976791	10517356	5733508 ^{1/2}	24,8	61	70	166
Томская губерния:							
Томский	25721190	552283	703589	22,6	5	—	5
Марьяинский		1341111	391107	59,4	5	—	—
Канский	7303160	1349870	1460914	28,6	7	—	4
Итого	33024650	3243264	2555610	34,5	17	—	9

* Сведения эти разработаны нами по местным известным данным ввиду полного отсутствия государственной статистики в Сибири.

Земли Кабинета Его Величества	Земель в пользовании крестьян	Сколько приходится на крестьян- скую душу	Пропорция земли на хозяйство
Алтайский Горный округ занимает часть Томского	7264787	но 44 д. 1529 саж.	в 21 вол., с 77 поселениями в 47 сел. по 100—150 дес.
Барнаульский Бийский Кузнецкий			в 14 сел. и 200 дес. в 10 сел. по 300 дес. в 2 сел. по 500 дес. в 4 сел. по 1000 дес.
Инерольский район Алтайского округа			в 34 волостях. с 106 сел. в 18 сел. по 2—7 дес. в 88 сел. по 7—14 дес. в 33 сел. не измерены.
По всей Западной Сибири земель государственных	2533999 кв. в.*		
Земель кабинета	328000 кв. в.		
Казачьих земель	48058 кв. в., или 4995233 д.	по дес. по сел. по 76,6 дес.	

* Из числа этих земель пожаловано и продано до 250 000 десятин в частную собственность и 769545 десятин в числе оброчных статей.

Движение переселений в

Из каких губерний переселенцы	в 1846 г.	в 1847 г.	в 1848 г.	в 1849 г.	в 1850 г.	в 1851 г.	в 1852 г.	в 1853 г.	в 1854 г.	в 1855 г.	в 1856 г.	в 1857 г.	в 1858 г.	в 1859 г.
	Вологодской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воронежской	—	—	973	551	—	—	3224	10	—	54	65	—	—	543
Витебской	—	—	—	46	—	—	—	1700	139	—	—	—	199	185
Владимирской	—	—	—	—	—	—	91	—	—	—	—	—	—	—
Велюков	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Курской	—	29	318	419	—	—	1512	1809	297	28	19	—	114	453
Калужской	—	—	—	—	4	—	1596	2636	—	15	—	—	—	—
Орловской	63	46	135	164	284	143	528	1193	36	—	9	—	457	300
Оренбургской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московский	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Томской	140	—	—	—	—	842	149	163	—	—	—	80	—	330
Псковской	6732	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	199
Первомай	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полтавской	—	—	—	—	—	128	398	—	—	—	—	—	—	—
Рязанской	116	8	—	—	—	63	37	—	—	—	4	—	—	138
Смоленской	115	—	337	—	—	—	2679	4668	3	—	—	320	—	—
Саратовской	—	—	—	—	—	—	230	124	419	—	3	17	—	—
Симбирской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—
Тульскою	—	—	—	—	—	—	417	—	—	—	12	—	—	—
Тамбовской	—	—	—	141	17	—	64	16	—	4	—	—	—	—
Уфимской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черниговской	11	—	—	—	—	—	116	253	—	—	—	—	—	—
А всего	7117	75	1831	1343	305	1176	11046	12572	894	130	114	467	970	2446

Тобольскую губернию с 1846 по 1878 г.

в 1860 г.	в 1861 г.	в 1862 г.	в 1863 г.	в 1864 г.	в 1865 г.	в 1866 г.	в 1867 г.	в 1868 г.	в 1869 г.	в 1870 г.	в 1871 г.	в 1872 г.	в 1873 г.	в 1874 г.	в 1875 г.	в 1876 г.	в 1877 г.	в 1878 г.	А всего
158	150	30										763	197						968
																			5419
																			2343
																			91
																			42
																			5337
																			4251
																			3662
																			218
																			22
																			2312
																			7031
																			146
																			526
																			539
																			8252
																			843
																			24
																			429
																			247
																			619
																			380
232	157	117	206	—	149	496	—	42	2	552	—	763	197	—	—	8	—	—	43753

В какие округа переселенцы переселились

С какого времени	Ялуторовский	Курганский	Ишимский	Тарский	Тюкалинский	А всего
С 1846 г.	5	7141	140	31	—	7317
С 1847 г.	—	75	—	—	—	75
С 1848 г.	8	1339	4	82	398	1831
С 1849 г.	464	80	599	57	203	1343
С 1850 г.	305	—	—	—	—	305
С 1851 г.	128	—	—	1019	29	1176
С 1852 г.	2004	64	3997	662	4319	11046
С 1853 г.	3567	4935	1739	1925	406	12572
С 1854 г.	—	3	741	38	112	894
С 1855 г.	7	—	4	82	37	130
С 1856 г.	—	—	21	25	68	114
С 1857 г.	—	58	—	342	67	467
С 1858 г.	—	—	—	313	637	970
С 1859 г.	—	157	36	1999	254	2446
С 1860 г.	6	—	13	213	—	232
С 1861 г.	—	—	—	157	—	157
С 1862 г.	—	—	3	114	—	117
С 1863 г.	—	1	367	138	—	506
С 1864 г.	—	—	—	—	—	—
С 1865 г.	—	5	—	—	—	5
С 1866 г.	—	371	67	—	48	486
С 1867 г.	—	—	—	—	—	—
С 1868 г.	—	—	—	—	42	42
С 1869 г.	—	—	—	—	—	—
С 1870 г.	—	—	—	2	552	554
С 1871 г.	—	—	—	—	—	—
С 1872 г.	—	—	—	—	763	763
С 1873 г.	197	—	—	—	—	197
С 1874 г.	—	—	—	—	—	—
С 1875 г.	—	—	—	—	—	—
С 1876 г.	—	—	—	—	8	8
С 1877 г.	—	—	—	—	—	—
С 1878 г.	—	—	—	—	—	—
Итого	6691	14229	7671	7199	7963	43733

Ведомость
о перечислении крестьян в Томскую губернию
с 1870 по 1879 г.
по сведениям Томской казенной палаты

Из каких губерний переселенцы	в 1870 г.	в 1871 г.	в 1872 г.	в 1873 г.	в 1874 г.	в 1875 г.	в 1876 г.	в 1877 г.	в 1878 г.	в 1879 г.	Всего
Вятской	349	374	299	210	310	120	184	358	236	289	2729
Тамбовской	206	241	440	185	184	94	131	202	191	303	2177
Тобольской	30	147	79	303	256	125	254	303	230	377	2104
Воронежской	86	171	441	225	129	27	138	171	235	232	1855
Пермской	31	250	157	140	96	76	157	122	272	338	1639
Самарской	43	123	118	218	311	31	51	60	64	35	1054
Оренбургской	—	39	98	—	127	72	54	52	102	30	574
Пензенской	55	47	108	12	10	28	34	26	24	45	389
Курской	13	—	109	—	54	92	25	23	19	52	387
Владимирской	250	12	8	13	5	36	26	13	5	15	383
Тульской	4	2	254	—	2	9	8	16	37	24	356
Рязанской	3	28	13	4	67	42	43	64	49	38	351
Вологодской	119	9	36	46	14	9	55	18	21	9	336
Самбирской	105	—	10	—	2	13	34	10	31	32	237
Орловской	18	—	2	—	17	38	3	11	2	34	125
Нижегородской	5	17	13	—	3	21	26	9	4	10	108
Уфимской	—	37	—	2	—	40	8	5	—	4	96
Енисейской	7	32	4	2	14	3	—	—	10	12	84
Костромской	—	4	—	—	—	45	1	2	6	6	64
Казанской	25	17	11	3	—	2	6	7	1	3	75

Из каких губерний	В казне округа Томской губернии на китайские заводские земли				Всего
	Караульские	Белый	Купеческий	Томский	
Всего в 12 лет переселившихся					
Пермской	393	566	96	76	1131
Самарской	315	591	—	—	906
Вятской	450	203	207	63	953
Владимирской	20	23	—	—	43
Оренбургской	281	151	—	—	432
Вологодской	28	112	1	—	141
Тульской	40	27	—	—	67
Воронежской	244	972	1	—	1217
Нижегородской	5	6	—	—	11
Пензенской	30	29	—	—	59
Курской	162	53	—	—	215
Уфимской	—	—	1	—	1
Тамбовской	364	936	72	4	1376
Астраханской	—	11	—	—	11
Костромской	—	2	1	—	3
Тверской	—	9	—	—	9
Архангельской	15	3	—	—	18
Могилевской	—	10	—	—	10
Московской	—	4	—	—	4
Орловской	15	104	—	—	119
Сибирской	—	1	—	—	1
Саратовской	1	4	—	—	5
Харьковской	28	33	—	—	61
Иркутской	1	—	—	—	1
Тобольской	484	586	37	4	1111
Енисейской	36	24	11	2	74
	2912	4460	427	150	7979

Статистические сведения о ссылке

	Препровождается ссылных ссылаемых	Распределение по категориям за 10 лет					
		Каторжных					
		На поселение	18582				
		На жительство	23383				
		Административных	2551				
			78686				
			123202				
		Распределение ссыльных с 1870 по 1877 гг.					
			В Западную Сибирь	В Восточную Сибирь			
В 1867 г.	12395	Каторжных	1195	11925			
В 1868 г.	8970	На поселение	1488	21711			
В 1869 г.	16861	На водворение	292	12444			
В 1870 г.	12451	На жительство	1543	336			
В 1871 г.	14034	Административных	57249	6195			
В 1872 г.	13124		61767	52609			
В 1873 г.	17048						
В 1874 г.	18786						
В 1875 г.	19054						
В 1876 г.	19063						
В 1877 г.	17424						
В 1878 г.	17760						
В 1879 г.	18274						
		Распределение ссылных по полам по сведениям 1876 г.	Семейства, добровольно следовавшие за ссыльными				
			взрослых		детей		
		муж.	женщ.	муж.	женщ.	муж.	женщ.
Каторжных		1993	157	4	248	210	219
На поселение		3252	139	2	398	358	344
По суду на жительство		185	11	—	18	26	30
На водворение		1335	59	—	4	5	4
Административных		5687	231	7	1367	1514	1266
		12442	597	13	2035	2113	1863
Всего или		14568	4495				
		83%	17%				

Болезни и смертность в партиях во сведениям 1878 года

	Заболело	Умерло
В Тюменской пересыльной тюрьме на 17191 сосыльных	767 муж. 276 женщ. 479 детей	80 21 220
В Томской пересыльной тюрьме на 9425 сосыльных	1791	321
На баржах до Тюмени в 1878 г. на 10440	624	27
В Ачинске	1074	56
В Красноярске	1205	96
В Канске	982	27

Число сосыльных в Западной Сибири			Число прописанных сосыльных в городах Западной Сибири		
Округа	Сосыльных	1 сосыл. на число душ мест. селыск население		Сосыльных	Мешин старожил.
Тобольский	2309	13 1/2			
Тюменский	2014	14 3/4	В Тобольске	539	2545
Туринский	2965	7 1/2	В Ишиме	632	345
Ялуторовский	4866	15	В Ялуторовске	688	249
Курганский	6145	14	В Таре	955	1436
Тарский	8737	4 1/2	В Кургане	789	696
Тюкалинский	15931	3 1/2	В Тюкалинске	189	397
Ишимский	16167	5 1/2	В Туринске	416	749
	59134		В Мариинске	1501	1497
В Томской губ.			В Канске	1149	693
Томский	13642	1 1/2	В Нарыме	387	917
Канский	7343	4 1/2	В Томске	1059	4470
Марианский	7843	2 1/2			
	28828				

	Число сосыльных		Недолок на сосыльных		Число сосыльных
			руб.	к.	
В Тобольской губернии по сведениям 1876 г.		В Тобольской губ.	641930	13	
Было прописано	46756	В Томской губ.	191496	—	
Налицо было	34293	В богазальных обекх губерний	—	—	181
В неизвестной отлучке	16129	На помещении сельских обществ	—	—	1347
В Томской губернии в 1878 г.		Содержалось в тюрьмах за новые преступления с 1870 по 1876 гт.			
Прописано	28128	В Тобольской			
Налицо	19332	В Томской			9828
В неизвестной отлучке	9796				6728

Статистические сведения об инородцах Западной Сибири*

Тобольская губерния	Тюркского племени		Финского племени		самоедов	Всего инородческого населения	Процент инородцев на число русских
	бухарцев	татар	волжков	остяков			
Тобольский	3774	11010	2158	1270	—	18212	16,92
Тюменский	2844	6255	—	—	—	9099	9,34
Тарский	1975	6755	—	—	—	8730	7,06
Ялуторовский	134	5133	—	—	—	5267	3,05
Туринский	—	—	3913	—	—	3913	6,72
Березовский	—	—	—	15160	7916	23076	445,90
Сургутский	—	—	—	5923	—	5923	354,67
	8727	29153	6071	22353	6916	74220	13,12

Томская губерния	Тюркского		Финского		Алтайцы монголь-ского племени			Всего инородцев	Процент инородцев на число русских
	татары	бухарцы	самоеды	остяки	телуаты и племена их смешавшие с русскими	черномыс татары	калмыки		
Томский	5891	152	2916	4211	1285	—	—	14155	7,94
Барнаульский	—	—	—	—	1236	—	—	1236	0,56
Марьяинский	1870	—	—	—	—	—	—	1870	2,42
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17803	—	20788	16,48
Бийский	—	—	—	—	225	5791	17018	22034	12,84
Канский	2225	—	—	—	—	—	—	2225	1,83
Всего	9986	152	2916	4211	5731	23594	17018	63608	7,0

Области	К и р г и з ы				Всего	Процент инородцев на число русских
	у л и к а з о в	к а б и т о к	м у ж . п .	ж е н . п .		
Семипалатинская	560	106411	254528	218228	472656	428,04
Акмолдинская	349	66106	171185	154629	325814	854,92

* Настоящие сведения составляют результат наших самостоятельных исследований о современном числе и положении инородцев

Земледеле

	Тобольский губ.						Томской губ.		Акмолинской обл.		Семипалатинской обл.		Всего в Западной Сибири				
	посеяно		снято		посеяно		снято		посеяно		снято		посеяно		снято		
	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	
В 1879 г.																	
	Четвертей																
Озимой пшеницы	3382	4954	5488	24818	—	—	38903	—	—	—	—	—	—	8870	29772		
Озимой ржи	257496	1042971	162886	720628	9836	9836	50461	1146	4353	1146	4353	—	—	431364	1816855		
Яровой пшеницы	284661	1037953	255138	1227934	21269	21269	29197	6360	53544	12678	53544	—	—	573746	2369892		
Ояса	695297	2192140	320383	1404956	14065	14065	3476	1212	36988	6360	36988	—	—	1026105	3663481		
Ячменя	58875	181035	52436	234663	971	971	75	5	8362	1212	8362	—	—	113494	427536		
Гречихи	10706	24017	4919	31315	20	20	20529	3386	16450	3386	16450	—	—	15650	55415		
Картофеля	154415	616428	66603	335013	4309	4309	1788	1060	9507	1060	9507	—	—	228713	988420		
Прочих яровых хлебов	75704	321107	126282	536839	870	870	—	—	—	—	—	—	—	203916	869231		
Итого	1540536	5420605	994135	4516156	51340	51340	144629	25847	129211	25847	129211	—	—	2611858	10210602		
																	Средняя урожай — 3,95

Скотоводство

	В Тобольской губ.		В Томской губ.		В Ахматинской обл.				В Семипалатинской обл.				Всего в Западной Сибири				
	У овец населения	на 100 душ об. п.	У овец населения	на 100 душ об. п.	У овец населения	на 100 душ об. п.	У кирзиков	на 100 душ об. п.	У овец населения	на 100 душ об. п.	У кирзиков	на 100 душ об. п.	У овец населения	на 100 душ об. п.	У кирзиков	на 100 душ об. п.	
																	У овец населения
В 1879 г.																	
Лошадей	622899	52,9	800000	77,4	48051	41	703261	208	45843	88	589119	124	1516793	36,5	1292310	159	
Рогатого скота	564293	48	650000	63	53610	46	194395	57	34662	66	240182	60	1332565	55	434707	54	
Верблюдов	—	—	—	—	148	0,1	59907	28	238	0,4	74318	5,6	386	0,01	192275	21	
Овца простые	85965	72	790000	93	66616	59	1258200	372	35268	68	2666115	549	1799879	72	5864415	476	
Овец тонгорных	1190	0,1	—	—	3315	2,8	77	8,02	—	—	—	—	4535	0,19	77	0,009	
Скучий	220609	19	200000	19	3712	3,2	—	—	359	0,7	—	—	434790	18	—	—	
Коз	43281	3,7	23000	2,2	2384	2	93891	28	—	—	—	—	20670	2,0	93801	11,5	
Оленье (в Березовском и Сургутском окр.)	93579	312	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92575	312	—	—	
Итого	2491361	199	2625000	234	179636	155	2549961	694	186401	224	3500264	740	5123197	115	5855745	741	

10928942

Маслобонных	159	57194	266	84	18868	202	1	900	2	1	150	1	240	77112	471
Мыловаренных	19	132800	50	30	37597	107	3	6651	3	7	4073	9	59	181121	169
Медельданных	—	—	—	—	—	—	1	248000	183	1	1404	23	2	249464	206
Объемных	6	1773	10	—	—	—	10	111940	49	—	—	—	16	113713	59
Два-трехлитров	—	—	—	—	—	—	2	200000	211	—	—	—	2	200000	211
вырост	—	—	—	1	30156	56	—	—	—	—	—	—	1	30456	56
Табачных	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пиво- и	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
медоваренных	5	22020	22	17	204785	117	3	17897	15	—	—	—	25	244702	154
Пилократных	26	8400	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26	8400	37
Свечных восковых	—	—	—	8	90982	45	1	20200	4	—	—	—	9	111182	49
Свечных соевых	19	73590	51	15	45450	58	4	11320	8	—	—	—	38	130160	117
Салотопенных	92	918394	279	17	41500	58	43	871426	183	5	16275	14	157	1848595	534
Содовых	—	—	—	1	54000	39	—	—	—	—	—	—	1	54000	39
Сливочных	3	3740	11	3	13469	35	—	—	—	—	—	—	6	17209	46
Стеклянных	14	56600	196	2	37530	238	—	—	—	—	—	—	16	94120	434
Суконных	1	193446	329	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	193446	329
Складчатых	3	792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	792	3
Судостроительных	2	свед. нет	496	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	496
Чугунчатых	3	138750	381	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	138750	381
Эквивалентных	—	—	—	14	11689	128	—	—	—	—	—	—	14	11689	128
Итого	1093	5928164	5066427	2184196	3372129	1991344	1259	98	367334	412	1747	10501038	10109		

Просвещение

К 1880 г.

	Тобольская губерния					Томская губерния				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	в губернс. городе	в окружн. городах	в округах	мужчин	женщин	в губернс. городе	в окружн. городах	в округах	мужчин	женщин
Мужские гимназии	1	—	—	239	—	1	—	—	230	—
Военная гимназия	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские гимназии	—	—	—	—	—	1	—	—	—	369
Духовные семинарии	1	—	—	149	—	1	—	—	80	—
Учительские семинарии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Военная прогимназия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские прогимназии	—	6	—	—	518	—	2	—	—	1
Реальные училища	—	1	—	42	—	1	—	—	203	—
Духовные окружные училища	1	1	—	259	—	1	1	—	238	—
Горное окружное училище	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
Женское училище 2 разряда	—	1	—	—	16	—	—	—	—	—
Уездные училища	1	7	—	439	—	1	2	—	224	—
Войсковые окружные училища	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мариинская женская школа	1	—	—	—	253	—	—	—	—	—
Городские приходские училища	2	15	—	894	48	9	10	—	1022	554
Горные сельские училища	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—
Сельские училища	—	—	199	3632	792	—	—	137	2609	42
Войск. слобод. и пос. школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Миссионерские школы	—	—	2	53	20	—	—	—	—	—
Ветеринарные и фельдшерские школы	1	—	—	23	—	1	—	—	20	—
Повивальные школы	1	—	—	—	39	1	—	—	—	20
Ремесленные школы	1	—	—	23	—	—	—	—	—	—
Приюты и благотворительные школы	2	1	—	136	160	—	—	—	—	—
Магометанские школы	—	1	26	435	125	2	—	—	80	3
Интерракты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Картинские школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Еврейские школы	—	—	—	—	—	1	—	—	17	6
Народные школы	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
Итого	12	33	227	6344	1971	21	16	141	5465	1146

Акмолинская область					Семиречинская область					Всего в Западной Сибири				
Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
в областном городе	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин	в областном городе	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин	в губернских городах	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин
—	—	—	160	—	—	—	—	—	—	2	—	—	629	—
—	—	—	352	—	—	—	—	—	—	1	—	—	332	—
—	—	—	—	349	—	—	—	—	—	—	—	—	—	718
—	—	—	88	—	—	—	—	—	—	2	—	—	229	—
—	—	—	214	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88	—
94	—	—	—	293	—	—	—	—	—	—	—	—	224	—
—	—	—	—	—	—	—	—	99	—	1	10	—	—	1056
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	245	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	527	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
—	1	—	145	—	1	—	—	—	—	3	10	—	901	16
—	—	1	48	—	—	1	—	27	—	—	1	1	75	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	253
2	9	—	581	97	1	7	—	337	131	14	41	—	2834	830
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	336	6241	1213
—	—	80	1494	445	1	3	47	1028	167	1	5	127	2522	612
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	53	20
—	3	—	114	—	—	—	—	—	—	2	3	—	157	—
—	1	—	30	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	89
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	126	160
1	7	2	213	80	7	5	—	642	97	10	13	28	1370	300
2	6	2	92	76	—	1	—	20	—	2	7	2	112	76
—	1	—	9	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—
—	—	—	—	—	1	—	—	10	—	2	—	—	27	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
130	35	15	3500	1730	12	19	47	2156	489	50	103	507	17469	5349

Комментарии

- ¹ Лелебур Карл Фридрих (1785–1851) — немецкий ботаник, путешественник. Собрал богатейшие флористические коллекции по России. Автор четырехтомного научного труда «Флора России».
- ² Х.Г. Эренберг и Г.Розе — немецкие естествоиспытатели, профессора Берлинского университета, совершившие вместе с А. Гумбольдтом (по его приглашению) в 1829 году научную экспедицию на Урал и Алтай. Эренберг был биологом, известен как исследователь природы Палестины, Абиссинии и Нубии, в Розе — землемом, минералогом.
- ³ Имеются в виду угорские и самодийские народы: ханты, манси, ненцы, селькупы и проч. Согласно современной этнолингвистической классификации их нельзя отнести к «финским племенам». Ядринцев употребляет данный термин в соответствии с научными традициями XIX века как аналог современного понятия «народы уральской языковой семьи», в которую, кроме угорских и самодийских, входят финноязычные. Последние выделялись из финно-угорской группы от уральской языковой семьи в начале IV тыс. до н.э. и проживают к западу от Урала.
- ⁴ Татищев Василий Никитич (1686–1750) — известный русский историк, государственный деятель. Автор ряда сочинений философского, исторического и географического содержания, в том числе и пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен...», вышедшей в 1768–1784 гг. и в 1848 г. Считал «умпросвещение» основой исторического прогресса.
- ⁵ То есть смешанный антропологический тип, сочетающий европеоидные и монголоидные черты. Чисто сибирский устаревший термин, возникший от прежнего названия бурят — «буряки (буряцкие) татары».
- ⁶ Северосибирские остяки — устаревшее, фактически ошибочное название кетов, принятое в литературе XIX–XX веков. С обскими остяками (ханты) кеты связаны в материальной культуре, но не родственны им. Язык кетов весьма своеобразен и занимает особое место среди языков сибирских народов. Он не входит ни в одну из известных языковых семей.
- ⁷ Здесь и далее Ядринцев употребляет небольшие или неточные варианты названия Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО).
- ⁸ Полигамия — «многобрачие» (др.-вост. яз.). В данном случае речь идет о многоженстве.
- ⁹ В приводимой ниже таблице за 100% берется численность русского населения округов. Отсюда в Березовском округе, где коренное население преобладало над русским более, чем в 4 раза, их соотношение выражено 445,90%. Если же за 100% взять все население округа, то численность абортивов составила 81,69%.
- ¹⁰ Рыбников Павел Николаевич (1831–1885) — этнограф, один из пионеров изучения русского фольклора. Главный труд — «Песни, собран-

ные П. Н. Рыбниковым» в четырех частях — издавались дважды: в 1851—1867 гг. и в 1909—1910 гг.

- ¹¹ Комплот — заговор, от франц. *complot*.
- ¹² «Этнологическая борьба» — неудачное выражение, так как этнология — наука об этносах. Здесь имеется в виду процесс формирования новых этнографических групп русских сибиряков, в ходе которого взаимодействовали («боротись») различные этнические и субэтнические компоненты.
- ¹³ Конвикторы — победители, от лат. *victricis* — победы и приставка *con-* — с.
- ¹⁴ Болезнь elephantiasis — элифантиазис (от древнегреческого «элефант» — слон), слоновость, или слоновья болезнь. Хроническое заболевание, выражающееся в гипертрофии отдельных частей тела, чаще всего — ног и лица.
- ¹⁵ Герой древнегреческих мифов Тантал, сын Зевса, в наказание за ряд тяжелых преступлений был отправлен олимпийскими богами в подземное царство и обречен на вечные муки. Он стоял по горло в воде, но не мог напиться, так как вода отступала; над ним вносили ветви с плодами, поднимавшиеся, как только Тантал протягивал к ним руку, и т.д. Отсюда выражение «Танталовы муки».
- ¹⁶ Имеются в виду предки современных казаков, которых в начале XX века называли киргизами или киргиз-кайсаками.
- ¹⁷ Страна, «где люди ходят под землею... див да пощь с огни», упоминается в древнерусском рукописном сочинении (XV век) «О человеках несласных в восточной стране». Из контекста следует, что речь в данном случае шла об Алтае, откуда берут начало Обь и Иртыш, и о добытках руды в подземных копях.
- ¹⁸ «Блокгаузы скваттеров», т.е. укрепленные дома и поселки русских воиновых крестьян, зимовья и остроги приволжских и приграничных районов Сибири и на землях враждебно настроенных аборигенов. Неоднократно использовались автором подобными англичанами объясняется его увлечением историей колонизации Америки и попытками найти аналоги в сибирской истории.
- ¹⁹ Terra incognita — неизвестная, неизведанная земля (лат.). В тексте выражение дано в инициальном напеве.
- ²⁰ Assignment system — система распределения (англ.)
- ²¹ Норденшведд Нильс Адольф Эрнст (1832—1901) — шведский полярный исследователь. В 1878—1879 годах совершил первый морской переход из Атлантического океана в Тихий по морям Северного Ледовитого океана. Занимал у Колычневской губы в Чукотском море. Автор ряда работ по исторической картографии. Его именем названы залив и мыс Новой Земли и архипелаг в Карском море.
- ²² Ушкуйники — члены военных отрядов Великого Новгорода, промышленные разбойники на реках Русского Севера, Прикамья и Северного Урала и сопровождавшие экспедиции новгородских купцов. Название произошло от ушкуя — плоскодонной лодки с парусами и веслами. Ушкуйничество прекратилось задолго до присоединения Сибири к Русскому государству, сразу после присоединения новгородских земель к Московскому княжеству (1478 г.).
- ²³ Восточный океан — древнее название Тихого океана.
- ²⁴ Автор «Золотого дна» (полное название — «Древняя пословица Сибири — золотое дно») — Федор Иванович Сойманов, человек незурядного таланта, с драматической судьбой. Любимец Петра Великого, военный моряк, генерал-кригс-комвессар, главный интендант флота, талантливый картограф, он знал Сибирь не понаслышке. В царствование Анны Иоанновны был лишен должностей, имущества и даже имени и сослан на вечную каторгу в Охотск. Прощенный и освобожденный от ссылки Елизаветой Петровной, Сойманов остал-

- ся в Сибирь, посвятил себя изучению ее окраины и подготовке моряков и геодезистов в открытых им навигационных выкладах. С 1757-го по 1763 годы служил губернатором Сибири.
- ²² Алексей Михайлович Корнилов (1760—1835) совершил путешествие по Оби летом 1807 года, будучи тобольским губернатором. Его путевые заметки и размышления о прущем процветании Сибирского края легли в основу книги «Замечания о Сибири сенатора Корнилова», вышедшей в свет лишь в 1828 году.
- ²³ Лух — от франц. *Lagio* — отклонение курса денежных знаков в сторону превышения от их номинальной стоимости.
- ²⁴ Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист, автор «Опыта о законе населения» (1798). Согласно его теории, обнищание населения обусловлено тем, что оно растет в геометрической прогрессии, а средства существования, материальные блага — в арифметической. Считал, что угроза перенаселения какой-либо территории и планеты в целом может быть ликвидирована мерами по сокращению деторождения, войнами, эпидемиями и природными катаклизмами.
- ²⁵ Петр I в 1708 году учредил должность губернатора. До этого существовала военная система управления, при которой города с уездами закладывались в ведение воевод, подчинявшихся Сибирскому приказу. Губернатор был проводником государственной политики, в его руках сосредотачивалась административная, полицейская и военная власть. Первым сибирским губернатором был князь Гагарин (1709—1714).
- ²⁶ Де Геннин Георг Вильгельм, от же Геннин Виллем Иванович (1676—1750) — российский горный инженер, генерал-лейтенант, артиллерист. Знаток горного дела и металлургии. Автор ряда сочинений, в том числе и «Описания уральских и сибирских горных заводов».
- ²⁷ Камерир (от франц. *camerier*) — казначей.
- ²⁸ Вицекорольство — от «вице-рой» — вице-король (от франц. *roi* — король). Оригинальный термин заимствован Ядринцевым из сочинения джакриста В.И. Штейнгеля «Сибирские сатрапы», который назвал генерал-губернатора Сибири И.О. Селифонтова вице-роем за его королевские замашки, стремление к безраздельной власти и проч. Ниже автор неоднократно цитирует Штейнгеля, называя его летописцем.
- ²⁹ Правож — устаревший термин, означавший высканчив с должника денег путем пыток.
- ³⁰ Пестель Иван Борисович (1765—1843) — был сибирским генерал-губернатором с 1806 по 1819 гг.
- ³¹ Цибик — ящик чья весом от 40 до 80 фунтов, т.е. от 1 до 2 пудов (от 16,380 до 32,720 кг).
- ³² Анкер (*ankerd*) — уплощенный бочонок для транспортировки импортных вин. Объем — до трех ведер, т.е. не более 37 литров.
- ³³ Здесь Ядринцев источник: воеводами назначались, как правило, служилые дворяне.
- ³⁴ Стикс — река, окружающая царство мертвых в греческой мифологии. Через нее переправляются в нижний мир души мертвых. Сравнитель Стикс с Кюном, правам приютом Енисей и естественной западной границей Иркутской губернии, Стеранский, вероятно, хотел подчеркнуть, насколько убийственным для Лоскутова был арест и выдворение за пределы его маленького «царства» — Нижнеулинского уезда.
- ³⁵ Смит Адам (1723—1790) — английский экономист, первым провозгласивший труд как источник стоимости товара. Считал разделение труда основой повышения производительности. Утверждал, что в классовом обществе стремление каждого индивида к выгоде ведет в конечном счете к общей пользе. Был убежденным сторонником свободной конкуренции.

- ⁷⁹ Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — граф, с 1847-го по 1861 год был генерал-губернатором Восточной Сибири. Титул графа получил за службу в Сибири. Автор проекта административной реформы, в которой предлагал усилить местную высшую власть (губернаторов и генерал-губернаторов), ослабив давление со стороны правительства. Странишил комплексной идеей о развитии края.
- ⁸⁰ Деловой перевод с французского — «попытайтесь делать, пожалуйста лучше». Любом, выдвинутой французским экономистом Ж.К. Гурне в 50-х годах XVIII века. Фактически был призывом к невмешательству государства в дела свободных предпринимателей.
- ⁸¹ «Сибирское учреждение» — административный проект М.М. Сперанского, утвержденный 22 июня 1822 года. Явился основой реформы административного устройства Сибири. Этим проектом были учреждены генерал-губернаторств Западной и Восточной Сибири, определены границы губерний и округов (уездов). Изменилась и структура власти: 1). Появились коллегияльные совещательные органы при генерал-губернаторах (губернские советы), призванные ограничивать единоличную власть и контролировать деятельность всех губернских учреждений; 2). В округах вводилось общее окружное управление (в ряде случаев оно было представлено только исправником) и частные (окружный совет, земский суд, окружной суд, купечество, стряпчий) во главе с окружным начальником.
- ⁸² Вертоград — сад (*verger*).
- ⁸³ Похотота — ови же клитутка, специальное приспособление из дощечки, с помощью которого морные сторожа отпугивали доумышлеников во время обхода участка.
- ⁸⁴ Ретирвак — оплошке моста, уборные, от французского *retirade*.
- ⁸⁵ Хрия — в риторике: рассуждение на заданную тему.
- ⁸⁶ Название приведено неточно. Первый в Сибири литературно-художественный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» издавался в Томске с сентября 1789-го по декабрь 1791 года основателем литератором П.П. Суворовым. Само название — замысловатое и претенциозное — отражало стремление называть разудило культурную жизнь края. Иппокрена (Гиннокрена) — аркадский мифологический образ, означавший источник бессмертия, возникший от удара копья крылатого Пегаса (восточный перевод — «лошадный источник»). Искупавшись в Иппокрене, мурь водили морозца и пели чудесные песни. Журнал не был звездным, но пользовался определенной популярностью. Наряду с художественными шутками сибирских интеллигентов он знакомил читателей с просветительскими идеями XVIII века, научными открытиями Ньютона, Ломоносова и проч.
- ⁸⁷ Кантонисты (от французского *canotat* — воспитанец) — воспитанники военных школ, набирались из солдатских детей. В 1856 году институт кантонистов был ликвидирован.
- ⁸⁸ Валдислав Чокан Чингисович (1835—1865) — казачий просветитель, историк, этнограф. Автор ряда научных работ («Очерки Джунгарии», «Следы шаманизма у киргизов» и др.), вошедших в его «Сочинения», изданные в 1904 г. в «Записках РГО» (в 1961—1972 гг. переизданы в 5 томах в Ашхабате). В 1855—1860 гг. служил асылатом генерал-губернатора Западной Сибири Г.Ж. Гасфорта. Предпринял ряд путешествий по Средней Азии, в ходе которых выполнял поручения генерал-губернатора и собирал фольклор, материалы по истории, экономике, географии и этнографии. Подготовил проект управления казахами Большой орды (Старшего жуза), обитавшими в Семиречье и на реках Или, Талас и Чу.
- ⁸⁹ Яринтиял грешит против истины: в 1878 году при Западно-Сибирском отделе императорского Русского географического общества был от-

крыт Омский музей (среди создателей был и сам Николай Михайлович), а год спустя И.Я. Слюдов основал музей в Томске.

- ⁴⁰ Капиевич Петр Михайлович (1772–1840) занимал пост генерал-губернатора Западной Сибири в 1822–1828 гг. Бойшой офицер, генерал от артиллерии, участник Отечественной войны 1812 года. Вышел в отставку в чине генерал-майора, имея высокие награды (ордена Св.Георгия 2-й и 3-й степеней, золотая шпага). Энергичный, властный и требовательный правитель, противник империалистической реформы Сперанского.

⁴¹ Речь идет о гимназических школах в Иркутске и Нерчинске, открытые в 50-х годах XVIII века Ф.И.Соймоновым. В них готовили морские и геодезистов для освоения восточных окраин Сибири.

- ⁴² Деспот-Зеленович Александр Иванович (1829–1895) служил в Сибири в 1851–1867 гг., сначала чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве, затем казачьим пограничным комиссаром, а в 1863 году был назначен тобольским губернатором. На губернаторском посту активно боролся со взяточничеством и казнокрадством, являл интересы населения. Предлагал генерал-губернатору А.О. Дюгамелю максимально притягивать к общественной жизни политемных, т.е. в административных учреждениях Сибири остро ощущалась нехватка грамотных чиновников. С 1822 года заведовал сибирскими делами в Совете Министров. В 1871–1874 годах возглавлял работу Межведомственной комиссии по подготовке административной реформы в Сибири.

- ⁴³ Казначей Николай Геннадьевич (1824–1885) с 1873-го по 1881 годы был генерал-губернатором Западной Сибири. Везимерно содействовал развитию науки, образования и культуры края. При его участии был основан в 1880 году Сибирский университет в Томске, открыты мужская (1876) и женская (1878) гимназии в Омске. Он явился одним из учредителей и покровителей Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества (1877). В 1881 году был избран членом Государственного Совета.

⁴⁴ Эолия, или Эолия, — историческая область на северо-западном побережье Малой Азии, куда в начале XI века до н.э. переселилось одно из четырех основных древнегреческих племен — эолийцы. Название происходит от имени родоначальника племени — Эола.

⁴⁵ Дорийцы — одно из четырех основных древнегреческих племен, расселившихся в середине XII века до н.э. на Пелопоннесе, а затем участвовавшие в колонизации юго-восточного побережья Малой Азии, а также Крита, Родоса и других островов Средиземного моря.

⁴⁶ Буклическая (от *bucolus* — пастух) поэзия — древнегреческий аналог пасторального жанра. Представители этого жанра воссоздали безмятежный быт деревенских жителей, идеализировали сельскую жизнь в противовес дисгармоничной, суетливой городской. Создатель жанра Деокрит жил при дворе Птолемея II (3 в. до н.э.).

⁴⁷ Пэл Томс (1717–1809) — американский просветитель, дублирист, общественный деятель. Активный борец за независимость американского народа от Англии. Убежденный республиканец, противник расовой дискриминации и рабства, призывал к национализации земли и уничтожению имущественного неравенства.

⁴⁸ *Sine qua non* — «без чего нет» (лат.), т.е. непременно.

Оглавление

<i>С. Пархимович. Из племени областников</i>	6
От автора	11
Русская народность на Востоке	13
Областной тип русской народности на Востоке	61
Инородцы и инородческий вопрос Сибири	96
Условие разрешения инородческого вопроса	115
Колонизация Сибири и современные переселения	134
Ссылка в Сибирь и положение ссыльных	171
История эксплуатации богатств на Востоке.....	228
Экономическое положение Сибири	268
Управление Сибирью и реформа Сперанского	300
Потребность знания на Востоке и образование в Сибири	368
Будущность страны и условия ее преуспеяния	435
Статистические сведения о современном состоянии Сибири	454
<i>С. Пархимович. Комментарии</i>	474